

А. Бугаев

Очерки истории гражданской войны на Дону

Очерки истории
гражданской войны на Дону

А. Бугаев

==

февраль – апрель 1918 г.

А. Бугаев

**Очерки истории
гражданской войны на Дону**

(февраль – апрель 1918 г.)

**Ростов-на-Дону
2012**

УДК 94(47)
ББК 63.3
Б90

Б 90   **Бугаев А.**
Очерки истории гражданской войны на Дону (февраль – апрель 1918 г.). – Ростов н/Д, 2012. – 400 с.

ISBN 978-5-87259-608-0

Второй том «Очерков...» целиком посвящён походам добровольческих формирований – 1-му Кубанскому (Ледяному) генерала Корнилова и походу Бригады полковника Дроздовского.

О том, какие испытания выпали на долю участников походов, о бесконечных боях, о надежде сменявшейся разочарованием, о решимости отчаяния, порождающей новые надежды... о том, что сами добровольцы назвали впоследствии «Анабазисом», рассказывает эта книга.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-87259-608-0

© А. Бугаев, 2012

*Сергею Леонидовичу Маркову и всем,
погибшим на «внутреннем фронте»,
посвящается*

Закружило, запело, завьюжило.
По-над степью пурги пелена.
Позади городов полукружия
Не поделит с зимою весна.
Заболит, закружится головушка
После выпитой стопки одной.
Ой, вы тётки, сестрёнки, золовушки,
Ожидайте бродягу домой.

Всё позёмка, метель, да ненастие,
Всё тревога, тоска, да печаль,
С вами лёгкое хрупкое счастье
Разделить мне не жаль, нет, не жаль.
Вы расставьте, наполните круженьки.
За окном мокрый снег, мокрый снег.
Ой, соседки, товарки, подруженьки,
Обниму, расцелую вас всех.

Непогода погодою сменится,
За годами промчатся года.
Перемелется, стерпится, склеится.
Лишь бы нас вы встречали всегда.
Озорные, хмельные, ранимые.
И разлуку готовы простить.
Дорогие, невесты, любимые.
Будем ждать, будем верить и жить.

Ветер в поле снежинки с усердием
Подхватил, закружил хоровод.
Целиною сестра милосердия
Рядом с серой пехотой идёт
В довоенном своём полушалочке...
До станицы уже только чуть.
Ой, сударыни, дамы, гражданочки.
Поживём, добредём как-нибудь...

Содержание

От автора.....	5
Вступление	7
6. 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии	8
6.1. От Ростова к Ольгинской. Переформирование Армии	8
6.2. Хомутовская. Движение Армии к Егорлыкской.....	26
6.3. Лежанка.....	39
6.4. На Кубани.....	54
6.4.1. Февраль. Размежевание	54
6.4.2. Октябрь. Собрание сил.....	71
6.4.3. Добровольческие формирования. Капитан Покровский.....	87
6.4.4. Энем. Афипская.....	93
6.4.5. Равновесие. Бардиж. Полковник Покровский.....	107
6.4.6. Звезда Сорокина. Выселки. Оставление Екатеринодара	122
6.5. Выселки.....	135
6.6. Кореновская.....	145
6.7. Усть-Лабинская.....	161
6.8. За Кубанью	169
6.9. Бой у Филипповского. Аулы	179
6.10. Кубанский отряд. Ледяной поход. Новодмитриевская	189
6.11. Соединение. Афипская.....	204
6.12. Екатеринодар.....	224
6.12.1. Елизаветинская	224
6.12.2. Перед штурмом.....	234
6.12.3. Атака	240
6.12.4. Штурм.....	246
6.12.5. Рейд генерала Казановича	254
6.12.6. Гибель Корнилова	261
6.12.7. Отступление. Атака бригады Эрдели.....	272
6.13. Андреевская. Колония Гначбау.....	285
6.14. Медведовская. Подвиг генерала Маркова. Прорыв	294
6.15. Дядьковская. Успенская. Лежанка.....	303
6.16. Набег. Завершение похода	319
7. Поход «дроздовцев».....	330
7.1. Формирование отряда. Начало похода	330
7.2. От Дубоссар к Бериславу. Владимировка. Воссиятское	346
7.3. От Каховки к Таганрогу. Акимовка	361
7.4. Ростов.....	380
7.5. Новочеркасск. Земля обетованная	386
Эпилог	395
Список карт.....	396
Список использованной литературы	397

ОТ АВТОРА

Когда меня спрашивают, зачем всё это и для кого, из всех аргументов я выбираю лишь один. Если кому-то надо было выхолостить историю нашей гражданской войны практически до стерильности, превратить её в обезличенное, лишённое событий и внутренних противоречий белое пятно. Если на это ушли немалые средства и несчитанные трудозатраты. Если и памяти почти не осталось... Значит, есть смысл и в том, чтобы хоть наметить контуры её восстановления. И робким пунктиром окрашивать безжизненное, столь слабо насыщенное информацией пространство.

И тогда из безликой массы выступают вдруг личности. С их индивидуальными особенностями, характерами, чувствами... мечтами. Но при всей непохожести все объединены единым устремлением. И лишь поняв этих людей, приблизившись к ним, побыв с ними рядом, можно представить, отчего принимали они те или иные решения. И поступали только лишь так, и никак иначе...

Мы представляем историю таковой и в соответствии с тем, что заложено в нас самих. И если история безразлична человеку, он, сам того не зная, многого недосчитался в своей жизни. Но история терпелива, и если мы не принимаем её уроков, готова повторять их вновь и вновь.

История осязаема, ведь всё, что происходит сейчас, корнями своими уходит в то, *что произошло раньше*.

История доступна и открыта. Камень, брошенный в спокойный тихий пруд, мгновенно скрывается из глаз и уже тихо покоится на неглубоком дне, но по кругам, пошедшим по воде, можно *точно* указать место падения.

И для того чтобы представить, как было *на самом деле*, вовсе не обязательно *всё* видеть самому (да это и невозможно), вовсе не обязательно проникнуть в сердце засекреченных архивов... Достаточно объективно оценить последствия произошедшего, представить, как *должно* было быть, чтобы последствия стали именно такими, и как быть *не могло*...

История честна, если мы не позволяем себе откровенной лжи. История лишь тогда чему-то нас учит, когда, воспринимая её, мы ответственны и чистоплотны. Сердце моё с юнкерами и офицерами 1-й батареи. Но это вовсе не означает, что я в угоду этому позволю себе быть сознательно необъективным. Не значит также, что не могу испытывать симпатии к персоналиям, находившимся по другую сторону баррикад, к Антонову-Овсеенко, к Вишняковой, в чём-то к Голобову и даже Саблину...

И если одной из сторон посвящено большее количество страниц, это не предвзятость, а всего лишь отсутствие заслуживающих доверия источников и весьма ограниченные рамки и задачи данного издания.

История продолжается. Она не может предстать в виде закостелой, раз и навсегда оформившейся догмы. История готова принять и проверить на прочность как вновь обнаруженные факты, так и новые уточнения и даже воззрения.

История... это так интересно.

ВСТУПЛЕНИЕ

Будто видится. В утренней морозной дымке из темнеющей вдали рощицы выходит колонна конницы. Взвод за взводом. Эскадрон за эскадроном. По ухваткам, по обыденной удали заметно, что идёт плотной массой строевая часть. Всадники словно сроднились с сёдлами. Лошади привычны и послушны. Ни одна не споткнётся, не вывалится из строя. Впереди – поседевшие в сабельных стычках, в летах уже, вахмистры. Рубаки из рубак, которым и чёрт не брат, и сама смерть давно уже не страшна.

Ни погон на плечах, ни кокард на папах. Лишь под шинелями у многих – неснятые кресты. Идут уверенно и споро в полной тишине. Лишь всхрапнёт, чуть поводя удила, конь да ошмётки талого снега летят из-под копыт. Да воронья разлетается прочь, нехотя уступая дорогу.

А в нескольких переходах движется от станицы к станице растянувшаяся колонна добровольцев. В голове и в арьергарде боевые части. Между ними – «главные силы» – обоз. Мерно шагают офицерские роты. Вдохновлённые юностью юнкера не отстают ни на шаг. Помогая усталым коренным, вытягивают из грязи свои орудия артиллеристы.

Только снег. Только промозглое утро да ветер в лицо. Только редкие башлыки среди папах и офицерских фуражек.

И гранёные штыки, мерно покачивающиеся над колонной.

И не знает никто, куда заведут их неприметные степные дороги. И что сулит каждому скорый рассвет. Лишь телеги поскрипывают упрямо: «На Кубань... на Кубань».

На Кубань...

6. 1-Й КУБАНСКИЙ (ЛЕДЯНОЙ) ПОХОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

6.1. От Ростова к Ольгинской. Переформирование Армии

В ночь с 9(22) на 10(23) февраля¹ Добровольческая армия покидала Ростов. Основные силы с Корниловым во главе выступили в 23 часа от Лазаретного городка. Прикрывавшие отступление Студенческий и 1-й Офицерский батальоны отходили через город от Таганрогского проспекта по Большой Садовой улице. Ввиду пассивности противника они вскоре догнали Армию и стали в хвост растянувшейся в ночной степи колонны.

Впереди продвигались обозы и беженцы, за ними, а частично и попеременно с ними – строевые части. Едва вышли из Нахичевани в степь, дорога ухудшилась. Всё чаще её преграждали снежные заносы. Тут и там оставались на обочинах брошенные беженцами повозки, брички и даже автомобили².

---

¹ В 1918 г. декретом СНК в России был введён Григорианский календарь, согласно которому вслед за 31 января наступало сразу 14 февраля. Здесь и далее, начиная с 1 февраля 1918 г., указаны даты, как по старому, так и по новому (в скобках) стилю.

² Вот что пишет «командующий войсками Ростовского района» (от войска Донского) генерал А.П. Богаевский (родной брат М.П. Богаевского), присоединившийся к уходящим добровольцам вместе со своим штабом: «Под вечер 9 февраля, уничтожив все канцелярские дела и погрузив кое-какие вещи на два штабных автомобиля, мы двинулись по Садовой улице к Нахичевани. Третий автомобиль оказался за час до выступления испорченным его шофером, скрывшимся в городе. Был тихий зимний вечер. Накануне выпал снег. Пустынны и мрачны были ростовские неосвещённые улицы. Вдали, на Темернике и в районе вокзала, слышны были редкие ружейные выстрелы.

Наскоро попрощавшись по пути с семьёй, приютившейся на окраине Ростова, почти без надежды когда-нибудь увидеть её, я снова сел в автомобиль и догнал колонну добровольцев у выхода из города по пути на станицу Аксайскую.

Здесь случилась первая неудача: мой автомобиль, попав в глубокий снег (дорога за городом ещё не была накатана), остановился и, несмотря на отчаянные усилия шофера, дальше не пошёл. Пришлось его бросить, испортив двигатель. Нагрузившись небольшим багажом и карабинами, мы пошли пешком. Я догнал Корнилова, шедшего во главе колонны, и пошёл с ним рядом...»

Многие, оторванные дневным боем от штаба, понятия не имели, куда направляются. И лишь теперь все сомнения и слухи рассеялись. Армия шла к станице Аксайской.

От переезда через ветку Ростов – Новочеркасск³ голова колонны резко повернула и дальше продвигалась по железнодорожному полотну. Выйти на него артиллерийские упряжки 1-й Юнкерской батареи оказались не в состоянии. Валившиеся с ног юнкера помогли усталым лошадям, но ничего сделать не могли. Лишь содействие добровольных помощников из Студенческого батальона позволило батарее продолжить движение. Пушки громыхали по шпалам, разгоняя сон. На мостках копыта коренных проваливались в щели. Приходилось укладывать перед каждым орудием доски, что отнимало последние силы и замедляло движение. Когда же батарея, застряв, останавливалась, добровольцы из шедших в арьергарде Студенческого и 1-го Офицерского батальонов без команды выдвигались и помогали юнкерам-артиллеристам на руках вытягивать орудия⁴. В них была жизнь и надежда Армии. Но куда в большей степени во фронтовом офицерском братстве.

Ближе к рассвету голова колонны достигла Аксайской. Беженцы сразу разбрелись по станице, но Армия вынуждена была остановиться. Один из высланных заранее квартирьеров вернулся и доложил, что казаки «держат нейтралитет» и требуют, чтобы добровольцы в Аксайскую не входили. Начинать поход с боестолкновения с казаками было очевидно невозможно. На переговоры выехали на санях Деникин с Романовским. После *полтора часовых* увещаний станичный атаман и казачий сход согласились предоставить Армии ночлег, но с тем условием, что с утра добровольцы покинут Аксайскую и в любом слу-

---

³ Для предотвращения возможного продвижения к Аксайской советских бронепоездов от переезда в сторону Ростова была выслана команда подрывников, которая разобрала пути и взорвала несколько небольших мостков. Меры эти оказались излишними, Армию никто не преследовал. Сиверс вошёл в Ростов лишь утром 11(24) февраля.

⁴ Батарея добралась до Аксайской лишь к 6 утра. Ожидая своей очереди на переправе, личный состав получил на отдых два часа.

чае не станут вести бой в станице или в непосредственной от неё близости⁵.

Части втянулись в улицы, люди расходились по домам и мгновенно засыпали. Из состава 1-го Офицерского батальона был выслан в охранение взвод, ставший на холме западнее станицы. А от Ростова всё подходили и подходили разрозненные группы отставших. Подлетали пролётки, офицеры спешили присоединиться к своим. Нашлись и такие, кто только теперь, в самый отчаянный момент, решил вопреки всему примкнуть к добровольцам.

Ещё затемно на левый берег перешли конный дивизион полковника Гершельмана и партизанский отряд сотника Грекова. Они прикрыли будущую переправу с востока и с юго-запада, со стороны Батайска. За ними проследовали в Ольгинскую квартирьеры.

Заранее выдвинутая к Аксайской Техническая рота работала на переправе всю ночь. Был подготовлен спуск к берегу и устроен бревенчатый настил до самой кромки льда⁶. Всё время рота оставалась на переправе для обеспечения порядка и предоставления технической помощи. Впрочем, особых задержек и неувязок не было. Тем более что с самого утра на переправу прибыл генерал Марков⁷, также поспособствовавший, чтобы всё прошло быстро и гладко.

Едва рассвело, переправа началась. Части и обозы следова-

---

⁵ По словам Деникина решающую роль в переговорах сыграл казак-ординарец, который отозвал в сторону одного из станичников и сказал ему: «Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдёт Корнилов. Он шутить не любит: вас повесит, а станицу спалит».

Думается, дело было всё же в другом. Все понимали, Армия Аксайскую не минует в любом случае. О сопротивлении нечего было и думать. Даже и не в лучшем состоянии добровольцы в несколько минут смели бы станичных самооборонцев.

⁶ Мост напротив Аксайской был наплавным. Зимой едва река замерзала, его демонтировали. Ввиду этого Армия переправлялась на левый берег Дона по льду.

⁷ С рассветом к переправе напротив Аксайской вышла «группа Маркова». Это был 2-й Офицерский батальон, в ночь на 10(23) февраля отступивший от станицы Заречная по левому берегу Дона. Батальон, не задерживаясь, проследовал в Ольгинскую, а генерал Марков остался на переправе.

ли в порядке заранее определённой очереди. Первым пешим перешёл через Дон генерал Алексеев. Корнилов с конвоем также переправился с головными подразделениями. Став на пригорке, на той стороне, он пропускал перед собой проходившие части, здороваясь с ними.

Прошли Юнкерский и Студенческий батальоны. Юнкера и учащаяся молодёжь, выспавшиеся и подкрепившиеся скудным завтраком из чая с белым хлебом, были полны свойственного юности оптимизма, бодрости и задора... Прошли обозы и лазарет с ранеными.

Лёд между тем начинал уже кое-где потрескивать под ногами. Подгонять никого не приходилось. К 8 часам подошла очередь 1-й Юнкерской батареи 4-х орудийного состава. Вначале перевели лошадей с упряжками. Переправлять орудия целиком не решились. Их разбирали и перетаскивали по частям. Снятый ствол и снаряды перевозили на не без проблем «занятых» у казаков санях⁸. Облегчённый лафет юнкера перекатывали по льду на руках.

Таким способом довольно быстро переправили на левый берег три первых орудия. К этому времени спуск к реке раскатали совершенно. К тому же переправившиеся первыми успели проломить некрепкий ледок у обоих берегов. Постепенно ширина чистой воды между берегом и кромкой льда всё увеличивалась. Приходилось делать несколько шагов по колено в воде и лишь потом взбираться на лёд. Тут вдруг выяснилось, что последнее орудие разобрать не удастся. Несмотря на все усилия, гайку соединительного болта открутить не могли. Чтобы не бросать орудие, командир батареи подполковник Миончинский приказал переправлять его целиком, на руках. Тут же на берегу нашли длинную чугунную трубу, завели её под сошник поперёк лафета и, взявшись за концы, потянули орудие к переправе и далее на другой берег. Тянули пушку человек 15 вымотавшихся уже юнкеров. Шли шагом. На середине реки лёд треснул.

⁸ Отношение казаков к уходящим добровольцам было, если и не откровенно враждебным, то весьма недоброжелательным. И сани, и даже брёвна для укрепления раскатанного спуска предоставлялись после долгих споров и отговорок.

Орудие остановилось, проломило одним колесом лёд и начало проваливаться под воду. Лишь самообладание Миончинского, успевшего подать команду «Бегом!», спасло положение. Юнкера, собрав последние силы, вытащили орудие из полыньи и устремились к берегу. Лёд трещал под ногами и колёсами, но не успевал проломиться. Вытянув пушку на берег, все, совершенно обессиленные, легли на лафет и на песок и долго не могли подняться. Зато орудие, одно из немногих, остававшихся ещё в Армии, было спасено и позже спасло не одну жизнь. Отдыхавшись, юнкера приступили к сборке остальных трёх орудий. В это время над переправой пролетел советский аэроплан. Лётчик сбросил три бомбы, которые особого ущерб не нанесли.

Вслед за этим переправились и остальные пехотные и артиллерийские части. 1-й Офицерский батальон снял свои заставы, которые с высокого правого берега могли наблюдать движение растянувшейся добровольческой колонны вплоть до Ольгинской. Последними перешли на левый берег партизанские отряды и Батальон имени генерала Корнилова, прикрывавшие Аксайскую с запада. В 11 часов, предварительно взорвав железнодорожные пути у станции, покинула переправу Техническая рота. Добровольческая армия менее чем за три часа переправилась через Дон и ближе к полудню целиком сосредоточилась в станице Ольгинской.

Жители станицы, которая оставалась до сих пор вне зоны боёв, приняли добровольцев приветливо. Люди, став на квартиры, плотно поели и наконец-то получили возможность выспаться и отдохнуть. Большевики не преследовали Армию. К тому же теперь сделать это было непросто. Ольгинская располагалась на заснеженной равнине, любое продвижение от Батаяска или Нахичевани было бы немедленно обнаружено.

11(24) февраля Армия приводила себя в порядок. Добровольцы чистили оружие, пытались ремонтировать ветхое обмундирование. Обсуждали одно: куда проследуют дальше. Высказывались различные соображения в защиту тех или иных маршрутов. Однако точно ничего не знал никто. В том числе и командование.

Большевики не тревожили добровольцев. Лишь артиллерийская батарея дала из Нахичевани несколько выстрелов, не принёсших особого вреда. Да небольшая конная советская часть, переправившаяся вслед за добровольцами через Дон, атаковала отряд сотника Грекова, но была отбита. В бою один партизан был зарублен и трое ранены.

В этот день Корнилов отдал приказ о реорганизации Армии. В Ольгинскую пришло до 25 отрядов, частей и подразделений. Разной численности, от нескольких сот штыков до нескольких десятков, разной степени боеготовности. Наладить надёжное управление в этих условиях было весьма затруднительно. Сведение остатков офицерских рот и разношерстных отрядов в несколько более-менее однородных частей давно уже стало насущной необходимостью и произведено было при первом удобном случае.

С 8 часов утра 12(25) февраля на станичной площади выстраивались все подразделения Добровольческой армии. Сразу же начальники стали перемещать людей из одних колонн в другие. Перестроение заняло довольно много времени и закончилось лишь к 11 часам. Наконец всякое движение прекратилось. Подали команду: «Смирно!» На площадь выехал Корнилов. Чуть сзади его – казак с трёхцветным российским флагом. За ними группа всадников, генералы и немалое количество штатских. Корнилов здоровался с личным составом, добровольцы бодро отвечали. Выехав на середину площади, Корнилов спешился. К нему тут же подошли старшие начальники. Получив распоряжения, вскоре возвратились к своим колоннам.

К ставшим вместе трём Офицерским батальонам и Батайскому отряду подошёл генерал Марков с двумя сопровождающими.

– Не много же вас здесь! – обратился он к строю. – По правде говоря, из трёхсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убеждён, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идём – я всё равно скажу, что идём мы к чёрту на рога, *за синей птицей*. Теперь скажу только, что

приказом Верховного Главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трёх батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона, хорошо известных нам по боям под Батайском. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь. Здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешёл на батальон!

Тут же командир 1-го батальона полковник Борисов громко заявил из строя:

– Я считаю для себя невозможным с должности командира полка возвращаться на роту.

– Полковник! Вы мне не нужны! – не раздумывая, ответил Марков. И обратился к подполковнику Плохинскому. – Назар Борисович, примите роту!⁹

– Штаб мой будет состоять из меня, – продолжал Марков, как ни в чём не бывало, – моего помощника, полковника Тимановского и доктора Родичева¹⁰, он же и казначей... А если кто пожелает устроиться в штаб, так пусть обратится ко мне, а уж я с ним побеседую...

⁹ Вот что пишет об этом инциденте Деникин: «У Маркова также были некоторые трения, но он с первых же дней взял в руки свой полк». Даже если конфликт определялся более значимыми причинами, чем нежелание Борисова занять не соответствующую званию должность, симпатии подавляющего большинства офицеров оставались на стороне Маркова. И удивляться не приходится. Генерал успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Он был решителен, смел. В бою и в походе находился рядом с добровольцами. Говорил, что думал, с неизменной прямоотой. А главное, все в Армии знали, с Марковым не пропадёшь. К тому же, правота его была очевидной. Полковников хватало, полки же были наперечёт.

¹⁰ Полковник Н.С. Тимановский, сослуживец Маркова по 13-му стрелковому полку, одно время командовал Георгиевским батальоном при ставке Верховного Главнокомандующего. На Великой войне был несколько раз ранен, но возвращался в строй. Было полковнику 29 лет. Доктор Г.Д. Родичев также являлся старым приятелем Маркова. Доверительность их отношений характеризует уже то, что Марков называл Тимановского «Степаньчем», а Родичева «Гаврилычем». Несмотря на непритязательный вид, Родичев в короткий срок сумел сформировать полковой походный лазарет и поставить дело должным образом. Кроме того, на него были возложены обязанности казначея и делопроизводителя. Вся казна, отчётность и канцелярия полка помещались у Родичева в полевой сумке и за голенищами сапог.

Н.С. Тимановский

По рядам пробежал одобрителный гул. Марков, явно желающий вселить в своих офицеров дополнительный заряд бодрости, добавил напоследок то ли в шутку, то ли всерьёз:

– Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели. Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек...

У многих не было не только погон. Экипировка, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Централизованное снабжение наладить так и не удалось. Поэтому и в бой и в поход каждый пошёл, в чём был. И если винтовки с трёхгранными штыками были у всех за плечами¹¹, то даже в офицерских и юнкерских ротах среди армейских шинелей тут и там выделялись в строю френчи и пальто гражданского покроя¹². Да и шинели в большинстве были изрядно поношенные. Заменить или даже отремонтировать толком обмундирование в условиях непрерывных боёв было невозможно...

В результате реорганизации Добровольческая армия получила следующий состав:

– пехотные части и подразделения:

Сводно-офицерский полк (командир генерал С.Л. Марков, начальник штаба полковник Н.С. Тимановский) 4-х ротного состава:

- 1-я рота (командир подполковник Н.Б. Плохинский – 200 штыков при 4-х пулемётах), сформирована из 1-го Офицерского батальона;
- 2-я рота (командир полковник Лаврентьев – 200 штыков при 2-х пулемётах), сформирована из 2-го Офицерского батальона, пополненная частью юнкеров Киевской Школы прапорщиков, Ростовской роты и различных команд;

¹¹ Студенческий батальон был вооружён однозарядными винтовками «Гра» и лишь перед выступлением в поход получил «трёхлинейки».

¹² «Одежда была крайне разнообразна, – пишет А.П. Богаевский. – У огромного большинства сильно потрёпана...»

- 3-я рота (командир полковник А.П. Кутепов – около 200 штыков при 3-х пулемётах), сформирована из 3-го Офицерского батальона;
- 4-я рота (командир ротмистр К.И. Дударев¹³ – около 110 штыков при 4-х пулемётах), сформирована из Батайского отряда.

Также в составе полка команды связи и подрывников, всего 28 человек.

При штабе – 5 конных ординарцев.

При полку боевой и хозяйственный обоз, а также походный госпиталь с несколькими сёстрами милосердия и санитарями из пожилых офицеров.

Всего в полку на момент формирования около 800 добровольцев.

С первого же дня в расположении штаба стало развеяться полковое знамя: белый Андреевский крест на чёрном фоне.

Корниловский ударный полк (командир подполковник¹⁴ М.О. Неженцев, помощник командира полка капитан Н.В. Скоблин, адъютант полка поручик князь Н.И. Ухтомский¹⁵) 3-х батальонного состава:

- 1-й (Офицерский) батальон (командир полковник Е.Г. Булюбаш¹⁶) – сформирован из влитых в состав полка партизанского имени генерала Корнилова батальона и Георгиевской роты в составе 4-х рот:
- 1-я Офицерская рота (командир капитан Миляшкевич);
- 2-я Офицерская рота (командир штабс-капитан князь Л.М. Чичуа¹⁷);

---

¹³ За болезнью командира Батайского отряда полковника Ширияева.

¹⁴ Произведён в подполковники Корниловым в Ростове.

¹⁵ А.П. Богаевский утверждает, что Ухтомский – была настоящая фамилия небезызвестного капитана Капелько. Но речь, по-видимому, идёт всё же о разных людях.

¹⁶ Бывший начальник Павловского военного училища.

¹⁷ О князе Чичуа, стоявшем у истоков создания Корниловского полка, тепло отзываясь в своих воспоминаниях Р. Гуль.

- 3-я Офицерская рота (командир капитан М.М. Минервин¹⁸);
- 4-я Офицерская рота (командир капитан Пиотровский);
- 2-й батальон (командир полковник Мухин) 3-х ротного состава:
  - 5-я рота (командир штабс-капитан Томашевский);
  - 6-я рота (командир штабс-капитан Петров¹⁹);
  - 7-я рота (командир поручик Салбиев);
- 3-й батальон (командир полковник В.И. Индейкин) 2-х ротного состава:
  - 9-я рота (командир капитан Лызлов)²⁰;
  - 10-я рота (командир штабс-капитан Мымыкин).

Кроме того, в составе полка:

- пулемётная рота (команда) – командир есаул Н.В. Милеев²¹, помощник командира капитан Рябинский;
- команда связи под началом капитана Морозова;
- хозяйственная часть (начальник капитан Гавриленко).

Общая численность Корниловского полка на момент выхода из Ростова не превышала 500 штыков, после реорганизации достигла 1100-1200 штыков (из них 400 офицеров) при 12 станковых пулемётах (до 20 пулемётов было передано в другие части).

---

¹⁸ Непосредственный участник событий М.Н. Левитов говорит о том, что 3-й офицерской ротой «корниловцев» командовал штабс-капитан Р.Ф. Пух. Можно предположить, что Пух заменил Минервина позднее, не исключено, в связи с его переходом на 2-ю роту.

¹⁹ М.Н. Левитов утверждает, что командиром 6-й роты был Н.Н. Ровенский, а штабс-капитан Петров принял роту после его гибели в Усть-Лабинской.

²⁰ В описании состава полка, как у Критского, так и у Левитова за 7-й ротой 2-го батальона следует 9-я рота 3-го батальона. Каких-либо объяснений по поводу «отсутствия» 8-й роты не приводится. Можно предположить, что рота была расформирована ввиду малочисленности, а личный состав влит в другие подразделения полка.

²¹ Заменил погибшего в конце января в боях под Таганрогом назначенно на эту должность Неженцевым ещё при формировании полка подпоручика Андреева.

Партизанский полк под началом генерала А.П. Богаевского был сформирован из трёх партизанских отрядов, значившихся по имени своих командиров²². Отряды влились в полк тремя сотнями:

1-я сотня полковника Т.П. Краснянского (до 120 штыков в двух взводах);

2-я сотня есаула Р.Е. Лазарева;

3-я сотня – «чернецовская» под командованием капитана В. Курочкина из оставшихся партизан-чернецовцев.

Всего до 600 штыков.

При полку был отличавшийся завидной организацией перевозочный обоз, включённый в его состав вместе с остатками чернецовского отряда, в составе которого он и был сформирован. Наличие «собственного» медперсонала позволяло Партизанскому полку, как и Сводно-Офицерскому, перевозить своих раненых в полковом обозе и производить их излечение на марше в возможно короткие сроки.

Особый Юнкерский батальон (командир генерал-майор А.А. Боровский) 3-х ротного состава:

– 1-я рота (юнкерская) сформирована из Юнкерского батальона²³ и части юнкеров Киевской школы прапорщиков;

²² Отряд сотника Грекова при реорганизации Армии был сохранён, как самостоятельная боевая единица. Однако когда вскоре Греков покинул расположение Добровольческой армии, отряд его был расформирован, а люди распределены по частям.

²³ Командир Юнкерского батальона штабс-капитан В.Д. Парфёнов при сведении бывшего его батальона в роту во вновь созданном Особом Юнкерском батальоне оставаться не пожелал. «Его не удерживали», – весьма сдержанно пишет В.Е. Павлов. Надо понимать, что Добровольческая армия вовсе не была средоточием лишь добродетели и взаимного расположения. Как и в любом сложном военном организме отношения в ней чаще складывались, но иногда и нет.

И трения между людьми и даже обособленными группами вовсе не были редкостью. Другое дело, что конфликты не загонялись вглубь, а тут же, так или иначе, разрешались как начальством, так и самими их участниками.

Вот что пишет по этому поводу Деникин: «Сведение частей вызвало много обиженных самолюбий смещённых начальников и на этой почве некоторое неудовольствие в частях. Приглашает меня к себе Алексеев и взволнованно говорит:

– 2-я и 3-я роты – из учащейся молодёжи Студенческого батальона.

Всего во вновь созданном батальоне насчитывалось до 400 штыков.

После того, как была проведена реорганизация Армии, Командующим был устроен особый смотр Юнкерского батальона, во время которого он произвёл юнкеров батальона в прапорщики²⁴. Кадетам Корнилов присвоил особое звание – «*походных юнкеров*²⁵». Всем произведённым были выданы приготовленные ещё в Ростове погоны со звёздочкой поверх просвета. Кадеты на своих погонах по нижнему ранту нашли ленточки национальных цветов.

Молодёжь, как ей и пристало, испытывала в связи с производством эмоциональный подъём и смотрела в будущее с оптимизмом.

Чехословацкий инженерный батальон²⁶ с Галицко-русским взводом²⁷ – командир капитан Неметчик, технический руководитель инженер Кроль (до 250 штыков, в том числе, 40 человек в составе вошедшего в состав батальона Галицко-русского взвода под командой прапорщика Б.Н. Яцева).

Техническая рота – командир полковник Н.И. Кандырин (до 120 штыков).

– Я не ручаюсь, что сегодня не произойдет бой между юнкерами и студентами. Юнкера считают их «социалистами». Как можно было сливать такие несхожие по характеру части.

– Ничего, Михаил Васильевич. Все обойдется. Волнуется больше П. (Парфёнов), чем батальон...»

И действительно, неизбежные непрекращающиеся бои помирили вскоре «левых» реалистов с «правыми» юнкерами. В цепи, в штыковой атаке локтевая связь и надёжное плечо товарища оказывались неизмеримо значимее политических разногласий...

²⁴ Приказ Корнилова о производстве в офицеры относился ко всем юнкерам Добровольческой армии.

²⁵ Другое название – «полевые юнкера».

²⁶ Был сформирован в Ростове полковником Яном Немечком из военнопленных чехов и словаков.

²⁷ Создан Г.С. Мальцем из обучающихся в Ростове гимназистов и студентов, выходцев из Галиции.

– кавалерийские подразделения:

Конный дивизион полковника П.В. Глазенапа из донских партизан (первоначально до 15 сабель).

Конный дивизион полковника В.С. Гершельмана из регулярных кавалеристов (до 180 сабель).

Конный отряд подполковника Корнилова²⁸ из конных донских партизан-«чернецовцев».

Всего 220-250 сабель.

– армейская артиллерия:

1-й отдельный лёгкий артиллерийский дивизион полковника С.М. Икишева был вновь сформирован в составе четырёх 2-х орудийных батарей²⁹:

1-я Офицерская батарея под командованием подполковника Д.Т. Миончинского (старшие офицеры капитан Глотов и штабс-капитан Князев; командир первого орудия штабс-капитан А.А. Шперлинг, второго – поручик Казанли).

Также в составе батареи:

- пеший взвод под командованием поручика Н. Боголюбского (до 30 человек);
- пулемётная команда подпоручика Гагемана;
- команда разведчиков подпоручика Давыдова;
- команда телефонистов портупей-юнкера Александрина.

Хозяйством, которым успела обзавестись батарея, заведовал капитан Межинский.

Всего в батарее было до 100 юнкеров³⁰, преимущественно старших возрастов.

Бывшая Юнкерская батарея, которую не жаловал враг, но, по

---

²⁸ Однофамилец командующего.

²⁹ Всего на дивизион приходилось не более 600-700 снарядов, вывезенных Миончинским из Ростова.

³⁰ 11(24) февраля в течение дня в Ольгинскую из Новочеркасска прибывали раненые и отставшие от батареи юнкера и офицеры, разузнавшие о местонахождении Армии и батареи и не желавшие с ней расставаться.

непонятным причинам, не особо жаловало и начальство, заслуживает того, чтобы уделить её судьбе *чуть больше* внимания.

Батарея переправилась через Дон в полном составе и привела в Ольгинскую все четыре своих, самими юнкерами добытых орудия. Однако 11(24) февраля Миончинский объявил о приказе Корнилова передать два орудия с упряжками во 2-ю Офицерскую батарею, оставившую свою материальную часть³¹ при отступлении из Ростова. Логика в действиях Командующего, без сомнения, была. При катастрофической нехватке снарядов концентрировать артиллерийские стволы в мощный кулак было невозможно. Требовалось иное – подвижная, манёвренная артиллерийская поддержка немногочисленной пехоты. И хотя юнкера встретили приказ без особого энтузиазма и даже сочинили несколько куплетов «Журавля», относящихся к передаче орудий и ко 2-й батарее в целом³², он был выполнен беспрекословно и незамедлительно. Прислуга двух переданных орудий была переведена в пеший взвод.

Однако если юнкера были лишь огорчены, то их командир – возмущён. Передача орудий явилась последней каплей. И до этого, пользуясь старшинством, офицерские батареи пытались, и безуспешно, использовать юнкеров при формировании различных команд и даже для производства хозяйственных работ. Среди офицеров ходили откровенные разговоры о том, что в то время как в 1-й батарее фейерверками служат юнкера, в остальных батареях в качестве ездовых вынуждены выступать офицеры. Нетрудно было также догадаться, что в связи с передачей орудий последует распоряжение распределить «освободившихся» юнкеров по офицерским батареям.

Миончинский, который был не просто достойным командиром, но и связал себя с судьбой вверенного ему подразделения, обратился к Алексееву. Доложив генералу о своих опасениях, Миончинский напомнил ему, что 1-я Юнкерская батарея, спа-

---

³¹ В воспоминаниях марковцев-артиллеристов утверждается, что 2-я батарея оставила в Ростове своих лошадей и орудия по приказу командира дивизиона полковника Икишева.

³² Этими куплетами 1-я батарея неизменно встречала 2-ю, когда их пути пересекались на марше.

янная традициями артиллерийских военных училищ и боевым братством, успела заявить о себе в непрерывных боях и принесла немалую пользу, уже хотя бы тем, что «снабдила орудиями почти все артиллерийские части Армии и доблестью своей заслужила быть ограждённой от попыток её распыления, производимых старшим артиллерийским начальством».

Алексеев, стоявший у истоков формирования батареи, отнёсся к докладу с пониманием. В присутствии генерала Маркова и того же Миончинского он обратился к Корнилову с просьбой о производстве в офицеры юнкеров³³ батареи и сообщил ему, что дал своё слово в том, что юнкера-артиллеристы не будут переведены из батареи в другие подразделения без их личного согласия.

В результате приказом №32 от 12(25) февраля 1918 г. «за боевые отличия в делах против большевиков» в прапорщики производились *все* юнкера Добровольческой армии³⁴.

Орудия 1-я батарея передала, но людей и состав сохранить сумела. В 4-ю Офицерскую батарею уже в станице Кагальницкой были переведены с их согласия четыре юнкера.

2-я Офицерская батарея под командованием подполковника Е.В. Шмидта.

3-я Офицерская батарея под командованием подполковника Л.М. Ерогина.

4-я Офицерская батарея под командованием полковника

---

³³ Большинство юнкеров были старшего курса со сроком производства в декабре 1917 г. Тяжёлые бои под Ростовом и Новочеркасском стоили, без сомнения, выпускного экзамена.

³⁴ То, что производство юнкеров в офицеры принципиально решено было Корниловым заранее, не оставляет сомнений. Однако вовсе нельзя исключать, что «мероприятие» первоначально не планировалось одновременным, а должно было использоваться в качестве поощрения отличившихся в будущих боях. Думается именно доклад Миончинского, возможно, и других офицеров, побудил Корнилова признать, что оставшиеся в строю юнкера и так уже отличились насколько это вообще возможно и по звёздочке на погоны заслужили.

А.Н. Третьякова³⁵ (старший офицер подполковник Машин, командир первого орудия подьесаул Н.И. Золотарёв, второго – капитан Рудницкий).

В Ольгинской батарее имела на вооружении два орудия образца 1902 г., два зарядных ящика, телефонный аппарат, перевозимый на двуколке, походную кухню и две повозки под имущество батареи.

Хозяйством заведовал подполковник Михайлов. Фуражиром был подпоручик Иванис³⁶.

Всего в батарее 53 офицера и добровольца (в том числе, три сестры милосердия).

Охранная рота штаба под командой полковника Е.М. Дейло.

Конвой главнокомандующего – до взвода «текинцев» под командой полковника Григорьева.

Армейский походный лазарет (начальник – доктор Трейман).

Обоз под началом генерал-лейтенанта Генерального штаба Е.Ф. Эльснера³⁷. Численность людей в обозе была, разумеется, переменной. С боями и притоком раненых он постепенно разрастался и всё больше сковывал Армию³⁸.

³⁵ В Старой армии был командиром дивизиона Лейб-гвардии стрелковой артиллерийской бригады.

³⁶ Будущий Кубанский атаман.

³⁷ «Эльснер был выдающимся начальником снабжения Юго-западного фронта, – писал о генерале Деникин, – а здесь нужен был просто хороший, крепкий интендант, умеющий найти и купить. Эльснер был добросовестен, медлителен и трудолюбив... и слишком добр, тогда как требовалась исключительная энергия, порыв и безжалостность. Наконец Эльснер был честен, тогда как подлое время требовало, очевидно, и подлых приёмов...»

³⁸ «Обоз почему-то назывался у нас «главными силами», – пишет Н.Н. Львов, – тогда как он являлся главною обузой для Армии. Нужно было охранять его, ждать лишнее время на переездах у железных дорог и при переправах через реки, заботиться о его прикрытии, когда войска уходили вперёд. Обоз являлся серьёзным тормозом для боевых операций.

...Кроме раненых с обозом ехали и шли пешком: охранная рота, служавшие разведывательного отделения, люди, связанные тем или иным путём с «Алексеевской организацией». Везли казну на подводах, серебряную монету и кредитные билеты из ростовского государственного банка. Ехали и жёны

В воспоминаниях некоторых очевидцев приводится точное количество бойцов в Армии – 3683 человека³⁹ (из них свыше 3000 штыков в строевых пехотных частях). Однако следует учитывать, что состав ежедневно, если не ежечасно, изменялся. Из Новочеркасска и даже Аксайской и Нахичевани прибывали группами и поодиночке легкораненные и отставшие. Иные покидали Армию...⁴⁰

Стеснявшая боевые части огромная масса беженцев, отступивших с добровольцами из Ростова, с многочисленными телегами и пролётками, до крайности затрудняла последующее движение и сводила любой манёвр на нет. Корнилов отдал приказ всем гражданским оставить Армию⁴¹.

В Ольгинской добровольцы отдохнули и привели себя в порядок. Всех теперь интересовало одно: что дальше? Остаться продолжительное время в непосредственной близости от мощных советских группировок, многократно превышающих силы Армии, было невозможно. Вопрос поэтому стоял лишь о том,

---

офицеров, и сёстры милосердия. Были и люди, неизвестно почему затесавшиеся в поход...»

«А за войсковою частью прёт обоз – бойцов несчастье», – распевали на марше куплет «Журавля» юнкера 1-й батареи.

Однако обоз берегли в бою и ставили в середину колонны на пути следования. Каждый понимал, в любой момент он может получить ранение, и вынужден будет перебраться на обозную подводку.

³⁹ Всего в походе участвовало 2325 офицеров, 1067 добровольцев, а также, 165 женщин и 150 гражданских лиц. («Вестник первопоходника» №29). Тех, кому исполнилось к этому времени 40 лет, было не более 600 человек, в основном, старших офицеров. Остальные – моложе этого возраста. Юнкеров, кадет, студентов и реалистов было до 500 человек.

⁴⁰ С небольшим отрядом «особого назначения» был направлен в Заволжье и далее в Сибирь полковник Лебедев, который должен был связаться с местным антибольшевистским движением (впоследствии стал начальником штаба у Колчака). По личным соображениям оставили Армию генерал Склавдовский и «быховец» капитан Роженко. Оба они были схвачены в станице Великокняжеской и казнены.

⁴¹ С Армией остались некоторые политические и культурные деятели старого времени, в частности, Н.Н. Львов, братья А. и Б. Суворины, Л.В. Половцев, Л.Н. Новосильцев, ген. Кисляков, Н.П. Щетинина, два профессора Донского политехнического института и др. Желавших присоединиться членов Ростовского «Совета» от похода отговорили.

куда идти⁴². И было очевидно, от выбора дальнейшего маршру-

⁴² Упоминание некоторыми авторитетными источниками, в частности, Деникиным и Павловым, в качестве возможной цели похода «Мервского оазиса» заставляет подробнее остановиться на следующем анекдотическом эпизоде.

Командиром 3-го взвода 1-й роты Офицерского полка был капитан Згривец, фигура в Армии весьма колоритная. Попав в действующую армию из низших слоёв, он из рядовых дослужился до подпрапорщика, после чего окончил офицерскую школу. Згривец среди новоиспечённых офицеров своего взвода, да и всей 1-й роты, оставался в сущности тем, кем был и на Великой войне – унтер-офицером, и выполнял те же функции. Не получив должного образования, что не могло не бросаться в глаза, капитан вместе с тем был храбрым, неглупым и чрезвычайно исполнительным офицером и командиром и пользовался непререкаемым авторитетом у подчинённых и уважением начальников. Не случайно пожилой грузный Плохинский при необходимости передавал командование ротой именно Згривцу.

Несмотря на бесконечные взыскания Згривца любили, но по молодости не упускали случая беззлобно над ним подшутить.

12(25) февраля 1-е отделение 3-го взвода располагалось в казачьей хате станицы Ольгинской. При нём находился и взводный. Вечер коротали, обсуждая интересующий всех вопрос, куда пойдёт теперь Армия. Капитан в беседу не вступал, но слушал внимательно. Высказывались различные соображения, но вдруг, прозвучало одно, предложенное прапорщиком Рейнгардтом специально для привлечения внимания Згривца и превзошедшее нелепостью все остальные. Рейнгардт уверенно заявил, что упомянутые Марковым «синие птицы» обитают лишь в Мервском оазисе, а, следовательно, туда Армия и направится. Взводный весь обратился в слух, но молчал, не без основания опасаясь попасться на удочку. Тут в хату вошёл поручик Залёткин, бывший на связи в штабе и только что сменившийся.

– Жора, правда ли, что мы идём в Мервский оазис? – спросили у него. – Ты ничего не слышал?

Поручик, мгновенно сориентировавшись, подтвердил:

– Завтра выступаем в Мервский оазис!

– А где ж этот самый... оазис? – не выдержал, наконец, Згривец.

– В Туркестане, – ответили ему совершенно искренне.

«Нижняя губа кап. Згривца сама собой вытягивается в дудочку, – пишет Рейнгардт, – рот раскрывается и глаза округляются. Единственная фраза, произнесённая им, состоит из одного слова, выражающего всю бурю чувств и переживаний, которые овладели им при столь потрясающем известии:

– Вот!

Дикий, безумный, неудержимый смех охватил всех нас...»

Взводный выпрямился, надел фуражку и шинель и вышел из хаты, бросив от дверей:

– Ну, сейчас чтоб чистить винтовки! Чтоб вас далеко не носило бы...

Через час он вернулся, проверил «трёхлинейки» и сообщил, что отделение назначено в полевую заставу. Обескураженное отделение выдвинулось

та зависит и судьба Армии, и жизни людей, вставших в её ряды.

6.2. Хомутовская. Движение Армии к Егорлыкской

Генерал Корнилов склонялся поначалу к тому, чтобы двигаться на юго-восток в район зимовников, подальше от железных дорог и крупных населённых пунктов. Там, по его мнению, Армия могла бы отсидеться в относительной безопасности. В развитие этого плана им были даны соответствующие предварительные распоряжения.

Видя это, днём 12(25) февраля генерал Алексеев написал Корнилову следующую записку⁴³: «События в Новочеркасске развиваются с чрезвычайной быстротой. Сегодня к 12 часам положение рисуется в таком виде:

атаман слагает свои полномочия; вся власть переходит к военно-революционному комитету; круг вызвал в Новочеркасск

на окраину. Уже ночью к добровольцам подъехали три всадника, Марков, его адъютант капитан Образцов и доктор Родичев. Начальник заставы штабс-капитан Крыжановский подошёл к командиру полка с рапортом.

– А, это, стало быть, вы? – прервал его Марков. – Ну, что вы там начудили?

Выслушав историю о Мервском оазисе, Марков не выдержал и расхохотался, но тут же заметил подошедшего к заставе Згривца.

– Весёлые у вас люди, капитан, – заметил он.

– А чего им... только и делают, что ржут. Вот теперь пусть помёрзнут, что бы их в Туркестане не попало...

«Теперь, – пишет Рейнгардт, – смеются и ген. Марков, и д-р Родичев, и Митя Образцов. А мы... мы ржём. Згривец насупился. Желая поддержать и утешить его, ген. Марков, указывая на кисть его раненой руки, спрашивает:

– Ну, как, капитан – работает?

– Работает, ваше-ство! – оживился Згривец.

Но он врёт: кисть его руки остаётся неподвижной и три месяца спустя будет лежать она, такая же неподвижная, на его тоже уже неподвижной груди, закрывая собою маленькое отверстие от пули, пронизавшей его сердце».

Эта история, не имеющая на первый взгляд какой-либо значимости, даёт, если вдуматься, куда большее, нежели многотомные фундаментальные издания, представление о Добровольческой армии и о людях, ушедших от Ростова в неизвестность.

⁴³ То, что Алексеев, не поставленный даже в известность о направлении дальнейшего движения Армии, предпочёл не поговорить с Корниловым, а обратиться к нему письменно, свидетельствует о многом. Неприязнь между двумя вождями Армии сохранялась. Она то затухала, то вспыхивала вновь, но никогда не исчезала совсем. Лишь смерть Корнилова покончила с ней навсегда.

революционные казачьи части, которым и вверяет охрану порядка в городе; круг начал переговоры о перемирии: станица Константиновская и весь север области в руках военно-революционного комитета; все войсковые части (главным образом, партизаны), не пожелавшие подчиниться решению круга, во главе с походным атаманом и штабом, сегодня выступают в Старочеркасскую для присоединения к Добровольческой армии.

Создавшаяся обстановка требует немедленных решений не только чисто военных, но в тесной связи с решением вопросов общего характера.

Из разговоров с генералом Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеской. Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распустившейся рекой Доном, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск, причём все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России.

Так как подобное решение выходит из плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операции, необходимо теперь же разрешить вопрос о дальнейшем существовании нашей организации и направлении ее деятельности – прошу Вас сегодня же созвать совещание из лиц, стоящих во главе организации с их ближайшими помощниками».

Корнилов, чувствовавший себя отчасти виноватым перед Алексеевым, а скорее, и сам колебавшийся в выборе единственно верного решения, вечером того же дня созвал Военный совет, на котором объявил, что склоняется всё же к выдвиганию

в район зимовников. Однако выступавшие вслед за ним генералы один за другим высказывали противоположное мнение. Суть их возражений сводилась к следующему. Возможно, Армию и удалось бы расположить и даже прокормить до весны. Существовала вероятность, что после разлива Дона большевики оставили бы её на какое-то время в покое. Но в зимовниках добровольцы неизбежно оказывались отрезанными от остального мира. Ни о каком притоке новых сил в этом случае не могло быть и речи. И главное, бесцельное, бесполезное стояние в степи, в стороне от крупных населённых пунктов самым негативным образом сказалось бы на моральном состоянии бойцов. Бездеятельность разложила и решающим образом ослабила бы Армию вернее и скорее противника. Предлагалось не отказываться от старого плана выдвижения на соединение с частями Кубанской рады. Менялось лишь направление, не на Тихорецкую по железной дороге, а походным порядком непосредственно к Екатеринодару. Там предполагалось создать новую базу, пополнить численный состав и поднять техническую оснащённость Армии до уровня, позволившего в дальнейшем перейти к наступательной тактике.

Лишь Лукомский и А.П. Богаевский⁴⁴ поддержали Командующего, и доводы их представлялись также весьма убедительными. Если в зимовниках добровольцы были обречены на бездействие, то при следовании на Кубань Армия неизбежно втягивалась в тяжёлые бои с серьёзным противником. Большая часть узловых станций и дорог уже находились в руках советских войск, что обеспечивало им свободу манёвра и позволяло в короткое время сосредоточить значительные силы в месте, где добровольцы вынуждены были бы пересекать железнодорожные пути. Также, Лукомский ставил под большое сомнение желание Кубанского казачества подняться и воевать бок о бок

---

⁴⁴ По понятным причинам Богаевский не мог отстаивать свою позицию столь же настойчиво, как Лукомский. Он лишь её обозначил. Более того, решение идти на Кубань он воспринял с пониманием. «Сам я лично думал тогда, – вспоминал генерал, – что доберёмся как-нибудь до Кавказа, и если нас не поддержат кубанцы и горцы, то придётся рассеяться и ждать лучших дней в кавказских дебрях или за границей».

с добровольцами. Пример донцов свидетельствовал об обратном...

Деникин пишет, что в результате было принято решение идти походом на Кубань. Но, думается, вопрос всё ещё оставался открытым. Следует также отметить, что Деникин в конце совещания заявил о необходимости выставить севернее занимаемой станицы охранение. Однако считалось само собой разумеющимся, что противник преследовать Армию в стороне от железных дорог не станет. В результате *настоящего* охранения не было ни в Ольгинской⁴⁵, ни позднее в Хомутовской.

Во второй половине дня 13(26) февраля в Ольгинскую в сопровождении своего начальника штаба полковника В.И. Сидорина и офицеров конвоя прибыл Походный атаман Донского войска генерал П.Х. Попов. Корнилов вновь созвал совещание высших начальников, на котором предложил атаману объединить усилия, действовать против большевиков согласованно и совместно выступить к Екатеринодару. Попов сообщил, что возглавил отряд общей численностью до 1500 штыков и сабель при 5 орудиях и 39 пулемётах, но от похода на Кубань категорически отказался. Объясняя своё решение, Походный атаман пояснил, что его отряд, собранный из казачьих дружин и подразделений, устойчивостью Добровольческой армии не обладает. И если придётся выступить за пределы Области, казаки могут просто разойтись по домам⁴⁶. Вместе с тем, Попов гарантировал, что в зимовниках добровольцы не только смогут прокормиться, но также пополнят конский состав и создадут полноценную кавалерийскую часть. К весне же, по его словам, казачество должно было подняться против большевиков, и тогда можно было бы приступить к решительным действиям.

Алексеев и другие генералы возражали. Горячо выступил в

---

⁴⁵ После того, как донские партизаны ушли от переправы и влились в состав Армии.

⁴⁶ Нельзя сбрасывать со счетов и личностный фактор. Атаман отдавал себе ясный отчёт, что если присоединится к Добровольческой армии, рано или поздно ему придётся войти в подчинение Корнилову. Нетрудно догадаться о том, что подобная перспектива мало его привлекала.

поддержку Походного атамана Лукомский⁴⁷. К тому же склонялся и Корнилов, чьё слово было последним и решающим.

В итоге договорились о том, что донцы выдвинутся в Сальский округ, а Добровольческая армия станет южнее. Чтобы не перемешаться на марше, следовать предполагалось параллельными маршрутами, поддерживая друг с другом постоянную связь. Однако и это решение не было окончательным. Корнилов продолжал колебаться и направил в Задонье для разведки района зимовников, а также, и для ремонта конского состава дивизион полковника Гершельмана⁴⁸. В тот же день генералы Лукомский и Ронжин, переодетые в штатское, в бричке отправились в Екатеринодар для установления связи с Кубанским правительством⁴⁹.

---

⁴⁷ «...При нашей армии или, правильнее сказать, при нашем небольшом отряде, – говорил генерал, – более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные главным образом в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут свои повозки и сани... При наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить через железную дорогу... Большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, и тут, и там преградят нам путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Будет трудно спасти раненых, которых будет конечно много. Начинаящаяся распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение; заменить выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно. Наконец, мы совершенно не осведомлены о том, что происходит на Кубани; возможно, что наш расчёт на восстание кубанских казаков ошибочен и нас там встретят, как врагов... Лучше поступить так, как предлагает сделать Походный атаман войска Донского, то есть пока перейти в район зимовников и в этом районе, прикрываясь с севера Доном и находясь в удалении от железной дороги, переформировать нашу армию, исправить и пополнить обоз, переменить конский состав и несколько отдохнуть... Большевики месяца два... не будут страшны: они не посмеют оторваться от железной дороги. Если же рискнут на какую-либо операцию, то будут разбиты. Месяца же через два, с новыми силами, мы, в зависимости от обстановки, которая к этому времени выяснится, примем то или иное решение...»

⁴⁸ «С уходом Гершельмана, – писал в своих воспоминаниях Я. Александров, – вся наличная конница представлялась в виде конного «отряда» Глазенапа в составе тринадцати персон разного возраста, чина и даже пола».

⁴⁹ Через несколько дней оба они были задержаны в селе Гуляй-Борисовка, содержались под арестом и чудом избежали расстрела. Лукомский проследовал в Царицын, затем, в Киев и Одессу. Вновь присоединиться к Добровольческой армии ему удалось лишь в июле 1918 г.

14(27) февраля на рассвете добровольцы выступили из Ольгинской. В непосредственной близости от станицы был назначен сборный пункт, где части занимали определённое для движения место. В авангарде шёл Офицерский полк генерала Маркова, 1-я батарея и Техническая рота. За ними следовали обоз и остальные части, отданные под команду генерала Боровского. Замыкал колонну Партизанский полк Богаевского⁵⁰. Пройдя по непролазной грязи, в которую превратился из-за оттепели грунтовый тракт, до двадцати километров, Армия к вечеру сосредоточилась в Хомутовской. Благодаря расторопности высланных заранее квартирьеров части без промедления стали на отдых и ночлег. Охранения вновь не было, если не считать нескольких одиночных постов, выставленных в крайних хатах на северо-западной окраине станицы.

В ночь на 15(27) полковник Глазенап получил из штаба приказ Корнилова с указанием «коннице пройти в Ольгинскую и узнать, есть ли там большевики⁵¹». Ещё до рассвета конный отряд вышел из Хомутовской. Впереди следовало охранение из четырёх кавалеристов – авангард. На небольшом удалении – остальные, не более десятка. Пройдя до двух километров, авангард наткнулся на разворачивающихся в цепь красногвардейцев, был ими обстрелян, свернул в степь и в дальнейших событиях не участвовал. Глазенап принял решение в бой не вступать, обойти противника и выяснить, занята ли Ольгинская. Дойдя по целине до станицы, добровольцы обнаружили, что в ней расположилась кавалерийская часть противника, о чём впоследствии и было доложено Корнилову.

Тем временем несколько эскадронов 4-й кавдивизии с одним орудием со стороны станицы Злодейской подошли к южной окраине Хомутовской. С этого направления не было вы-

⁵⁰ В этом же порядке Армия совершала пешие переходы на протяжении всего похода. Лишь иногда по договорённости между генералами Офицерский и Партизанский полки менялись местами, попеременно составляя то голову колонны, то её арьергард.

⁵¹ Незадолго до этого была получена записка А.П. Богаевского, в которой генерал просил Глазенапа направить в Ольгинскую дозор и доставить забытое в станице пальто. Вероятно, Глазенап запросил в штабе подтверждение и вскоре получил соответствующий «официальный» приказ.

ставлено даже и постов, и обнаружены советские конники были, лишь когда пули начали уже стучать по крышам. В это самое время Армия готовилась выступить из станицы. Конница противника вышла как раз к переезду, где вытягивался в колонну обоз. Орудие стало бить прямой наводкой по повозкам, одну из которых тут же опрокинуло близким разрывом. Мгновенно распространилась паника. Возницы рысью рванулись вперёд и, пока всё не закончилось, успели проскочить по направлению к Кагальницкой до трёх километров.

Общим стихийным движением была захвачена и 1-я Офицерская батарея. Упряжки с двумя её орудиями оказались в середине обоза и поневоле неслись вместе со всеми. Остановились, лишь, когда вышли из-под обстрела. Тут к батарее подскочил вестовой с приказанием остававшегося на месте подполковника Миончинского немедленно вернуться в станицу. Батарея развернулась и тем же аллюром проследовала обратно.

Паника уже улеглась, да строевые части она и не затронула. Корнилов и Алексеев успели навести порядок. Партизанская цепь рассыпалась между домами, на фланге всюду стучал пулемёт «корниловцев». Пехота Сводно-Офицерского полка и Юнкерского батальона уже выходила из Хомутовской навстречу.

Тем не менее, на буграх перед станицей конница скапливалась, как будто для атаки. Двух десятков снарядов, выпущенных орудиями 1-й Офицерской батареи, оказалось достаточно, чтобы сбить с холмов развернувшуюся было конную лаву, и заставить противника отойти. Преследование было невозможно, так как на землю опустился густой туман. К тому же в станице своей конницы у Корнилова почти не было.

В Офицерском полку один доброволец был зарублен, другой тяжело ранен сабельным ударом в щёку. В обозе несколько человек также получили ранения, в том числе, и одна из сестёр

П.В. Глазенап

милосердия. В 1-й батарее никто из личного состава не пострадал, но были ранены и стали непригодны к дальнейшей службе четыре тягловых лошади.

Неожиданное нападение на некоторое время задержало выступление Армии, но вскоре она, выстроившись в колонну, в том же порядке покинула Хомутовскую. За станицей, стоя с конвоем на пригорке, Корнилов в первый раз пропускал колонну перед собой. Воодушевлённые добровольцы приветствовали Командующего. Об упадке боевого духа не было и речи, напротив, все были полны решимости продолжать борьбу и налётом ни в малой степени не обескуражены. Распространилось также мнение, что большевики вдали от железных дорог крупными силами угрожать Армии не смогут.

Тем не менее, на этот раз были приняты меры для того, чтобы прикрыться от противника. Добровольцы двинулись на Кагальницкую, дивизион же Глазенапа был оставлен в Хомутовской для охраны вывозимого имущества и как заслон от возможной активности противника. Задержавшись здесь на сутки, 16 февраля (1 марта) Глазенап вышел из станицы, которую вскоре заняли большевики. В дальнейшем дивизион следовал на некотором удалении от колонны, составляя её охранение и арьергард.

В тот же день на днёвке в Кагальницкой полковнику Глазенапу были подчинены присоединившиеся к Армии сотня подъесаула Бокова и сотня имени Бакланова⁵², а также конники из состава Корниловского полка. В результате под его командой насчитывалось уже до трёхсот сабель, и дивизион превратился в настоящую кавалерийскую часть. Когда 17 февраля (2 марта) Армия выходила из Кагальницкой, Глазенап задержался на два часа и на полпути к Мечетинской устроил засаду⁵³. Спешенные добровольцы заняли пологие склоны широкой балки. Вперёд

---

⁵² Сотня в 50 сабель под командованием есаула Г.П. Власова вышла из Новочеркаска утром 12(25) февраля, проследовала самостоятельно, вне состава отряда П.Х. Попова на станицу Богаевскую и лишь позже вышла в расположение Добровольческой армии.

⁵³ И. Какурин утверждает, что засада была устроена между Мечетинской и Егорлыкской 19 февраля (4 марта).

была выслана жиденьякая лава. Едва подошли эскадроны 4-й кавдивизии, считанные конники Глазенапа, не принимая боя, стали отходить. Большевики преследовали их и в конном строю углубились в лощину. Здесь они были встречены ружейным и пулемётным огнём в упор. Потеряв несколько десятков человек, советские кавалеристы поспешили отступить и от дальнейшего преследования отказались.

Армия, никем более не тревожимая, проследовала далее. В связи с принятым решением идти на отдых в зимовники, а больше, из-за распутицы, превратившей в болото дороги, переходы были короткими и небыстрыми, но вовсе не лёгкими⁵⁴. За шесть дней, от Ольгинской до Егорлыкской, добровольцы прошли не более 90 километров. 15(28) февраля, благополучно перейдя железную дорогу Батайск – Торговая, заняли Кагальницкую, где задержались на двое суток. 17 февраля (2 марта) были в Мечетинской и, наконец, 19 февраля (4 марта) – в Егорлыкской, где также была назначена Корниловым днёвка.

Во всех станицах устраивали сход. Перед казаками выступали обычно Алексеев, Корнилов и Баткин. Постаревший, благообразный Алексеев вызывал у казаков особое уважение, многие в толпе плакали. Корнилов, никогда не бывший хорошим оратором, и здесь многословностью не отличался. Говорил ко-

---

⁵⁴ «...снег растаял, вся дорога представляла собою какое-то сплошное болото, которое с остервенением месили люди и лошади... Целый день месили грязь, – вспоминали артиллеристы 1-й батареи. – Измученные лошади отказывались везти, и орудия то и дело останавливались. Кому не приходилось совершать такие тяжёлые переходы, тот не знает, сколько напряжения, труда и колоссальных усилий понимается под фразой: «дорога была тяжёлая, батарея шла едва две версты в час». Измученные люди, стоя по колено в грязи, с отчаянной решимостью, написанной на забрызганных грязью лицах, как мухи облепляли пушку. «Раз, два, три», – слышался надрывающийся голос командира, звучащий то страшной злобой, то умаляющей просьбой, то безысходным отчаянием. Пушка сдвигалась с места. Пройдя сажень 50, опять останавливалась. И так всю дорогу.

Ночью пришли в Мечетинскую...»

Не намного легче приходилось и пехоте. Вот что пишет А.М. Критский: «Под лучами солнца чернозём растопился. Липкая грязь то всасывала в себя сапоги так, что они оставались в ней, и приходилось, уже стоя босиком, их вытаскивать обеими руками, то эта клейкая жижа вливалась за голенища, и тогда сапоги хлюпали, как насос...»

ротко, резко и зло. Матрос Баткин⁵⁵, привыкший к иной аудитории, не знавший ни быта, ни жизни казачества, общего языка со станичниками найти так и не мог.

Говорили, в общем-то, об одном и том же. О том, что добровольцы бьются, в том числе и за казачьи интересы. Доказывали, что с большевиками казачеству не по пути. Призывали подняться на борьбу и идти вместе с ними. Казаки слушали, многие сочувственно, но присоединяться к Армии не спешили. Не приходится говорить не только о массовом пополнении за счёт казачества Задонья⁵⁶, но даже и об отдельных казаках, вставших в ряды Добровольческой армии. И хотя, несомненно, находились и такие, никто из очевидцев об этом не упоминает. Думается, присоединившихся было немного, считанные люди...

Всё это объяснимо и решилось ещё в январе, когда Донские полки снялись с границ Области, отказавшись от защиты Атаманской власти. В представлении казаков выдвленная из Ростова крохотная Добровольческая армия была обречена. Так стоило ли присоединяться к побеждённым?

Удивляет другое. Ни малейшего беспокойства станичников за будущее очевидцы не отмечали. Напротив, поражала уверенность, что произошла всего лишь перемена центральной власти и на повседневной жизни это никак не скажется⁵⁷. Когда

---

⁵⁵ Эсер Фёдор Баткин, увлечённый патриотическим порывом, в марте 1917 г. поступил добровольцем на Черноморский флот (матрос 2-й статьи). Был избран в комитет и, направляемый и финансируемый Ставкой, занялся агитационной деятельностью. Выступал на солдатских и рабочих митингах, отстаивая позицию «оборончества». Советскую власть не принял. В январе прибыл в Ростов, где агитировал в пользу Добровольческой армии, с которой и покинул город.

⁵⁶ По свидетельству А.П. Богаевского, в Ольгинской члены станичного правления обещали выставить от станицы в поддержку Армии до 150 пеших и конных казаков. Однако в условленное время на место сбора не прибыл ни один.

⁵⁷ «Мы шли походом от станицы к станице вдоль Маныча, делая переходы по 25-30 вёрст, – пишет Н.Н. Львов. – В станицах казаки не относились к нам враждебно, но они, как тогда говорили, «держали нейтралитет». За всё мы платили – за стол, за ночлег, за сено и овёс для лошадей. Было строго запрещено что-либо брать даром... В станицах всего было в изобилии. Ни в чём мы не терпели лишения.

...есаул Родионов старался растолковать хозяевам, за что мы боремся.

добровольцы предостерегали, что казачество неизбежно будет ущемлено в правах и, прежде всего, потеряет Войсковые земли, многие лишь улыбались в ответ, отвечая, что «край богатый, хватит на всех, хоть на большевиков, *хоть на немцев*».

И всё же у служилого сословия Дона не мог не вызвать сочувствия беззаветный порыв и упорство офицерских рот, и отношение скорее было доброжелательным⁵⁸, тем более что Корнилов распорядился не допускать реквизиций и за всё расплачиваться сполна.

В Мечетинской Корнилов получил «новые сведения» о районе зимовников, резко отрицательного характера⁵⁹. Тут же он вызвал к себе командиров-донцов, в основном из Партизанского полка⁶⁰. Думается, окончательное решение даже и после этого Командующим принято ещё не было. Он сообщил офицерам о неудовлетворительном, в отношении перспектив размещения Армии, состоянии района зимовников. И в директивной форме, как всегда сухо и категорично, указал новые цели и маршрут похода, на Кубань за пределы Области. Особой радости это у присутствующих не вызвало, но вопросов, тем более, возражений не последовало. Выбор свой подавляющее большинство

Хозяин-казак как будто соглашается, подумает и вдруг скажет: «Нам ничего дурного не сделают. Они с буржуями воюют, а нас казаков не тронут».

...Никому не было охоты оставить жену, хозяйство и идти в поход.

«Наше дело сторона, – говорил мне на одной из стоянок бойкий малый лавочник. – Поглядим, чья возьмёт».

...Под вечер к нам на постоялый двор зашли два казачьих офицера. Они только что вырвались из Гуляй-Борисова, где их окружили мужики с вилами и дреколём. Едва им удалось отбиться и ускакать. Один из них получил удар дубиной в спину.

Когда на другое утро мы выезжали из ворот постоялого двора, казачьи офицеры вышли на балкончик провожать нас. Они и не подумали пойти с нами...»

⁵⁸ В Мечетинской в станичном правлении в 1-ю батарею была передана амуниция, оставленная одной из казачьих батарей. Здесь же помогли купить четырёх ездовых лошадей взамен раненых под Хомутовской.

⁵⁹ Вероятно, речь идёт о докладе капитана Капелько, разведывательная группа которого была выслана для рекогносцировки района зимовников ещё до оставления Ростова.

⁶⁰ И. Какурин определяет число донцов в Армии на момент выхода из Ольгинской в 1200-1300 человек.

сделало, едва записавшись в Армию – идти с Корниловым до конца.

Всё движение добровольцев от Ольгинской к Егорлыкской производилось таким образом и в том направлении, которое оставляло командованию возможность как выхода с юга к зимовникам, так и поворота на Кубань. Егорлыкская была последней донской станицей. Именно здесь Корнилов окончательно определился с дальнейшим: на Кубань. И не только потому, что в безлюдных заснеженных, продуваемых ветром степях разместить и прокормить Армию было невозможно.

Тракт пересекал границу Области и пролегал через Лежанку⁶¹, богатое крестьянское село Ставропольской губернии⁶². Известно было, что в Лежанке и окрестных хуторах расположились подразделения 39-й пехотной дивизии, но в Егорлыкской выяснилось, что дивизия решительно стала на сторону большевиков и к добровольцам относится враждебно. Становилось очевидным, отсидеть в зимовниках не удастся. Чтобы войти в боевое соприкосновение с Добровольческой армией, советским войскам вовсе не требовалось переправляться через Дон. Значительные их силы уже находились в непосредственной близости и в любой момент могли атаковать.

К тому же это были не наспех собранные отряды, не красногвардейцы, а боевые части, достойно отвоевавшие на Турецком фронте и, в частности, участвовавшие во взятии Эрзерума. Кто-то из старших начальников даже предлагал Корнилову не ввязываться в бой с таким серьёзным противником⁶³ и обойти Лежанку. Но это было невозможно. Оставлять в своём тылу крупный советский отряд Армия не могла. Не пойдя Корнилов на Лежанку, весьма вероятно, большевики сами последовали за ним. Встреча в создавшихся условиях представлялась неизбежной. Оттянуть её было возможно, но в этом случае столкновение могло произойти куда в более неблагоприятных условиях, когда с фронта дорогу загородили бы части, вы-

⁶¹ Другое название селения – Егорлыкское Среднее. Ныне Средний Егорлык Ростовской области.

⁶² Ставрополье изначально заселялось исключительно крестьянами.

⁶³ Об этом свидетельствует Я. Александров.

сланные из Тихорецкой, а тылу угрожало ополчение Лежанки.

Возможностей было две. Либо первыми атаковать пока ещё разбросанные на большой площади, изолированные друг от друга силы противника. Либо, избегая, где возможно, боестолкновения, отдать инициативу в надежде на то, что советские отряды и в дальнейшем будут действовать пассивно и каждый сам по себе. Выстраивать стратегию, полагаясь на неорганизованность противника, означало целиком и полностью положиться на волю случая и не зависящих от Командующего обстоятельств. Поэтому в создавшейся ситуации альтернативы для Корнилова не существовало.

К тому же, прежде чем двинуться в поход к Екатеринодару, где большевики без сомнения располагали многократно превосходящими силами и благодаря развитой сети железных дорог имели неограниченную свободу манёвра, необходимо было вновь убедиться в высокой боеспособности добровольцев, проверить Армию в полевом бою. Если бы не удалось взять Лежанку и разбить преградившего дорогу противника, о походе на Кубань нечего было и думать.

Из Лежанки прибыла делегация от сельского схода. Выяснилось, что в селе объявлена мобилизация, фронтовики из молодёжи вооружаются и роют окопы. Делегаты просили Корнилова не входить в село. Корнилов ответил, что это невозможно, но пообещал, что если Армии не будет оказано сопротивления, она после отдыха и ночлега покинет Лежанку и никто при этом не пострадает⁶⁴.

На рассвете 21 февраля (6 марта) Добровольческая армия начала выдвигаться из Егорлыкской на Лежанку. В голове колонны шёл Офицерский полк с 1-й батареей и Техническая рота. Тут же рядом продвигался шагом успевший присоединиться к

---

⁶⁴ Как часто бывает в подобных случаях, среди добровольцев распространились слухи о том, что достигнута договорённость – Армию пропустят без боя. Однако, судя по тому, что «марковцы» развернулись в боевой порядок ещё на подходе к Лежанке, никаких иллюзий относительно возможности мирного исхода ни у Корнилова, ни у начальников не оставалось. Возможно, делегаты заверили, что попытаются уговорить фронтовую молодёжь пропустить Армию. Но не более того.

Армии дивизион Гершельмана. Генерал Марков проскакал с ординарцами мимо своих частей, здороваясь на ходу, и скрылся вдали. Колонна шла. Сделали один привал, уже на подходе к селу – второй.

По колонне передали команду:

– Ротные командиры к командиру полка!

Чуть в стороне, с левой стороны от дороги сгрудились возле Маркова и Тимановского ротные, туда же подъехали верхами Миончинский и Гершельман. Получив указания, вернулись к своим подразделениям.

Полк стал на дороге. Вперёд выдвигались заставы. От шедшей в авангарде 4-й роты отделились два взвода и пошли вперёд, влево от дороги. В незначительном отдалении за ними – вся рота. Один взвод 1-й роты двинулся прямо по дороге, другой взял правее. Конница Гершельмана ушла на рысях влево и скрылась за холмами. Едва заставы удалились на расстояние до километра, полк в походном порядке продолжил движение.

Лежанка располагалась на равнине, за высоким гребнем и рекой Средней Егорлык. Видна была лишь приближающаяся верхушка церковной колокольни. И речка, и село скрывались за холмом. Вдруг, высоко над колонной расплылось в небе белое облачко. За ним другое, третье... Это были разрывы шрапнели. Советская батарея в Лежанке открыла огонь...

6.3. Лежанка

Трудно определить даже и приблизительное число бойцов, оборонявших «Лежанский план». Можно лишь предположить, что противостояли Добровольческой армии от 800 до 1000 солдат. Часть сил 39-й пехотной дивизии осела в селе ещё при выдвижении соединения на Кубань. Другая часть, неполного состава батальон 154-го Дербентского полка⁶⁵ и две батареи 39-й артиллерийской бригады, очевидно, были направлены из

---

⁶⁵ 123-й дивизии 5-го Кавказского армейского корпуса. По свидетельству Н.Н. Львова в бою за Лежанку принимали участие офицеры 491-го Варнавинского полка. Вероятно, это всё же ошибка, обусловленная активным участием «варнавинцев» в последующих боях.

Тихорецкой с задачей стать заслоном и преградить добровольцам путь в восточном направлении. На митингах фронтовикам из местных жителей, коих было великое множество, предлагали присоединиться, чтобы остановить и уничтожить кадетов, которых, предполагалось, идёт из Ростова *немного*. Хотя село считалось зажиточным⁶⁶, недостатка в желающих не оказалось. Солдаты, лишь недавно вернувшиеся домой с фронта, в большинстве сочувствовали большевикам. Поддержал начинания прибывших и только что организовавшийся местный ревком, решения поселкового схода проигнорировавший. Проживало в Лежанке более четырёх тысяч человек. Почти каждое хозяйство, каждый двор проводили на войну одного, а то и двух пехотинцев. Село по праву называлось солдатским. И думается, число в 400-500 местных фронтовиков, присоединившихся к «дербентцам», не выглядит завышенным. Всем выдали по винтовке и несколько обойм на человека.

Вдоль северо-западной окраины, у моста и посреди спускающихся к реке огородов вырыли в одну линию окопы, оборудовали пулемётные гнёзда. Орудия стояли на открытых позициях у церкви и за селом, с южной его стороны. О каких-либо попытках возвратившихся от Корнилова делегатов уговорить фронтовиков пропустить добровольцев и предотвратить бое столкновение очевидцы не упоминают. Военные приготовления были в разгаре, свернуть их было уже невозможно. Да и договариваться не с кем. Единого командования в Лежанке, судя по всему, просто не существовало.

Едва на гребне показались добровольческие цепи, орудия открыли огонь. О корректировке никто не озаботился, шрапнель разрывалась высоко над головами и вреда не причиняла.

Перед селом скрытая от противника холмами Добровольческая армия развернулась в боевой порядок. Офицерский полк генерала Маркова⁶⁷ должен был штурмовать село в лоб и во-

⁶⁶ Н.Н. Львов утверждает, что сельское «сообщество» владело огромными земельными угодьями, до 100 тысяч десятин. При этом лишь меньшая часть использовалась как пахотные земли.

⁶⁷ Маркову также была подчинена и Техническая рота, которая наступала на левом фланге и чуть позади Офицерского полка.

рваться в него, перейдя на другой берег по деревянному, основательно выстроенному мосту. Правый фланг «марковцев» составил Чехословацкий батальон.

За ним разворачивался Юнкерский батальон. И, наконец, ещё правее скрытно, по балкам выдвигался для охвата западной окраины села Корниловский ударный. Туда же ускакал и Корнилов с конвоем. За его спиной, как и всегда, гордо развевалось на ветру трёхцветное знамя.

На левый фланг, обогнув сворачивающийся в вагенбург⁶⁸ обоз, выдвигался Партизанский полк.

Замысел операции не отличался особой изощрённостью. «План боя был очень прост, – вспоминал А.П. Богаевский, – да и трудно было предпринять сложный манёвр в наших несложных условиях: он вполне соответствовал обстановке и заключался в решительном ударе с фронта, с обходом фланга.

Верховному главнокомандующему, ещё так недавно управлявшему 10-миллионной армией, пришлось под Лежанкой решать одну из боевых задач, какие мне приходилось давать в окрестностях Красного Села юнкерам Николаевского кавалерийского училища, где я 10 лет был преподавателем тактики.

...Бой под Лежанкой был для Добровольческой армии первым боевым экзаменом. И она блестяще его выдержала. Почти все остальные многочисленные бои похода имели такой же характер и план. *Но уже в этом бою ярко сказался недостаток у нас конницы: ни хорошей разведки, ни энергичного преследования не было. И в других боях мы постоянно это чувствовали».*

Тем временем цепи Офицерского полка стали спускаться с гребня на равнину. До речки перед самым селом надо было пройти километра три. Незначительный кавалерийский разъезд противника, погарцевав перед ними, поспешил проскочить через мост на ту сторону. И тут же солдаты из Лежанки открыли беспорядочный ружейно-пулемётный огонь. Однако расстояние было ещё слишком велико, и особого беспокойства атакующие какое-то время не испытывали.

Добровольцы шли, не ложась. Ускорившись, одним рывком

---

⁶⁸ Оборонительное расположение обоза на месте стоянки.

приблизились к реке. Средний Егорлык оказался неширокой равнинной речкой, с обоих берегов густо заросшей камышом. Выйдя к воде, цепи Офицерского полка упёрлись в неё и залегли под непрерывающимся обстрелом. Два орудия 1-й батареи поддерживали атаку, заняв позиции у самого гребня холма. Весь огонь артиллеристы сосредоточили на батарее противника, и она вынуждена была сняться и укрыться за домами.

На левом фланге начал, наконец, выдвигаться уступом влево Партизанский полк. На рысях проскакала поддерживающая его 4-я батарея.

Генерал Марков принял решение силами двух рот⁶⁹ произвести демонстративную атаку моста, а остальным приказал форсировать реку справа и слева от него. Сделать это было не так просто. Речка с заболоченными берегами, не менее 20 метров шириной, почти полностью вскрылась ото льда. Стрельба из окопов не прекращалась ни на минуту. К тому же, сбита была большевистская батарея, лишь поменяла позицию и, став на новой, в свою очередь сосредоточила свой огонь на 1-й батарее.

Миончинский приказал взяться на передки и подобраться поближе. Два орудия встали на открытую позицию в зоне действия ружейного огня, передки ушли за ближайший бугор. Ставшим слева орудием командовал сам подполковник Миончинский. В любом манёвре, любом действии он принимал непосредственное участие. Стоя на снарядном ящике, определял и указывал цели. Подавал команду, тут же соскакивал и хватался за правило, ворочая вместе с номерами орудие. Случалось, отталкивал наводчика и занимал его место. Раздавался выстрел, и командир батареи уже вновь стоял на ящике, наблюдая разрыв. Командный голос Миончинского во все моменты боя перекрывал и грохот разрывов, и свист пуль над головой. Казалось, своим примером и неиссякаемой энергией он старается вдохновить подчинённых, бывших юнкеров, лишь несколько дней назад ставших офицерами...

Правым орудием командовал штабс-капитан Шперлинг,

---

⁶⁹ Мост оказался не столь широк, как казалось с гребня. Поэтому атаковала его лишь одна рота.

ставший за наводчика и ни на минуту от прицела не отходивший. Команды подавал он негромко, вполголоса, но выполнялись они беспрекословно, деловито и точно. Так же точно стреляло и оружие. После выстрела над щитком поднималась белая папаха штабс-капитана, Шперлинг высматривал разрывы. Вновь подавалась команда, суетились номера, следовал новый выстрел...

1-я батарея серией разрывов накрыла окопы у моста. Огонь защитников Лежанки чуть ослаб, и добровольцы не преминули этим воспользоваться. Марков с Тимановским уже были у реки и поднимали 2-ю роту в атаку на мост. 4-я рота – слева, 1-я и 3-я – справа должны были поддержать атаку и форсировать реку при помощи *любых подручных средств*. Взвод поручика Кромм был остановлен за мостом и, отвлекая пулемётчиков противника на себя, открыл ответный огонь, в том числе и из ротных пулемётов.

В это время 3-й взвод 1-й роты под командованием капитана Згривца, зайдя в камыши, не остановился и продолжил движение. Цепь добровольцев вдруг оказалась на свободной воде. До камышей противоположного берега было не больше 20 шагов, глубина – по пояс. Взвод рванулся вперёд, однако илистое дно чрезвычайно затрудняло движение. С каждым шагом ноги проваливались в грязевую жижу по колено. Некоторые пытались плыть, но в промокших, отяжелевших шинелях сделать это было не так-то просто. Заметили угрозу и на противоположном берегу. Солдаты из окопов на огородах переносили огонь на застрывший посреди реки 3-й взвод.

Тут Миончинский, внимательно наблюдавший за полем боя, накрыл окопы очередью шрапнели, что позволило добровольцам форсировать, наконец, реку и вновь скрыться в камышах. Выйдя из них на берег, взвод, не раздумывая, устремился в штыковую атаку. Солдаты не выдержали и, оставив окопы, толпой побежали к станице. Штабс-капитан Згривец разделил взвод надвое. Два его отделения преследовали противника, два других взяли влево и стали заходить в тыл защитникам моста.

Вся выстроенная система обороны, будто карточный домик,

рухнула в несколько минут. Причём, в самом центре, где позиции казались вполне пригодными для успешного сдерживания наступающих. Солдат охватила паника. Как и бывает часто в подобных случаях, за первыми побежавшими последовали и все остальные⁷⁰. Никто не мешал уже Офицерскому полку перебраться через реку. Две роты прошли по мосту, слева от него 4-я рота перешла реку вброд и также опрокинула оставшихся на позициях защитников Лежанки. Правее форсировала реку 3-я рота, частью вброд, частью на обнаруженных в камышах лодках. Сопротивление никто уже не оказывал. Лишь одинокий пулемётчик-солдат, не побежавший из окопов, подпустил добровольцев поближе и всё отстреливался, пока не был заколот на своём пулемёте⁷¹. Добровольцы достигли уже окраины села. Марков шёл с головным взводом. Вдруг генерал заметил вышедших навстречу офицеров 1-й роты и в недоумении остановился.

– А вы откуда взялись? – только и вымолвил он, не скрывая удивления.

Тут же он перенацелил роты. 1-й было приказано преследовать большевиков по центральной улице, 3-я рота обходила село справа, 2-я и 4-я – слева. Офицеры начали собирать не успевших отступить от моста пленных.

– Пленными не заниматься, – зло выкрикнул Марков. – Ни минуты задержки. Вперёд!

---

⁷⁰ Предпринимались, впрочем, попытки прекратить панику и остановить бегущих. Толпу солдат, отступающих от огородов, пытались организовать двое верховых в погонах. Не ожидая встретить противника на левом берегу, приняв за красногвардейцев перемазанных в иле добровольцев Згривца, они подскакали к взводу вплотную. Один из них, прапорщик, крикнул: «Товарищи! Собирайтесь на Соборную гору! Кадеты штурмуют мост».

Добровольцы произвели залп в упор. Оба офицера (именно их Н.Н. Львов называет «варнавинцами», но по всей вероятности были они офицерами 154-го Дербентского полка) были застрелены на месте.

Когда в апреле Армия вновь проходила через Лежанку, на кладбище среди свежерытых могил, выделялась одна, с надписью на доске: «Барон, прапорщик Борис Николаевич Лисовский. Убит бандой Каледина 21 февр. 1918 г.»

Так что, и офицеры тоже бывали разными. Находились и такие, кто, провоевав бок о бок с солдатами, связали с ними свою судьбу. И пошли до конца...

⁷¹ В памяти народной сохранилось имя героя-пулемётчика – Роман Никифорович Бабин. Дом его стоял на самой площади.

Тем временем 1-й офицерский батальон Корниловского полка развернулся в цепь и наступал в общем направлении на гать⁷². Переправляться вброд никому не хотелось. Роты, выходя к реке, поневоле скучились у переправы. На другом берегу возвышались кирпичные печи со складскими строениями, которые, несомненно, могли бы поспособствовать обороне. Однако прорыв Офицерского полка через мост поколебал стойкость защитников Лежанки. Большая их часть, бросив окопы, устремилась через село к близлежащим рощам, в которых и рассеялась. «Корниловцев» встретили лишь редкие винтовочные выстрелы, брошенные пулемёты молчали.

Первой переправилась 3-я офицерская рота, за ней – весь полк и Юнкерский батальон. Сразу же были заняты кирпичные печи и вся западная окраина села. Немногочисленные солдаты бежали к церкви. 50-60 человек сдавшихся по приказу Неженцева были расстреляны на месте. Корниловский полк без сопротивления занял западную и южную окраины села.

В центре два отделения взвода капитана Згривца из последних сил преследовали бегущих солдат. Те даже не отстреливались. Добровольцы стреляли на бегу им в спину, отставших прикалывали штыками. Выскочили на площадь. У церкви стояли четыре горных орудия. Поручик Успенский подал команду атаковать. Прислуга тут же разбежалась, трое в погонах сдались⁷³. На площадь подтянулась вся 1-я рота. Продолжать преследование не оставалось уже сил. Бой закончился⁷⁴.

На левом фланге длинная цепь Партизанского полка всё ещё наступала прямо по вспаханному полю. Стрельба стихла. Противника перед фронтом уже не было. Богаевский подал команду, сотни неспешно свернулись в походную колонну.

⁷² Земляная дамба.

⁷³ Стоявшая у ветряных мельниц на южной окраине села ещё одна батарея успела сняться и уйти, оставив 3-й роте Офицерского полка лишь зарядный ящик.

⁷⁴ Переправившийся вслед за Офицерским полком Чехословацкий батальон, несмотря на приказ оставаться в селе, с разбега выскочил на окраины и преследовал большевиков далеко в степь. Ушла в преследование и немногочисленная добровольческая конница, однако, солдаты успели уже рассеяться. Пришлые же, в большинстве, поспешили отойти на Белую Глину, едва лишь Офицерский полк ворвался на мост.

Роты Офицерского полка вошли с двух сторон в Лежанку. 4-я рота привела с собой многочисленных пленных. Появился проверяющий своих людей Марков.

– На кой чёрт вы их взяли?! – закричал он. И не дожидаясь ответа, поскакал дальше.

Во 2-й роте также всё было благополучно. Марков проследовал на площадь. Тут за его спиной раздались выстрелы. Беглый огонь не прекращался несколько минут. Потом всё стихло.

– Узнать в чём дело, – приказал генерал ординарцу.

Тот вскоре вернулся и доложил:

– Стрельба по вашему приказанию, Ваше превосходительство⁷⁵.

На площади к Маркову подвели пленных офицеров артиллеристов.

– Ты не капитан! – в гневе крикнул он командиру батареи. – Расстрелять!

Но подъехал Корнилов и отменил приказ:

---

⁷⁵ Вот что пишет по поводу массового расстрела пленных в Лежанке, да в последующем, и в других сёлах и станицах М.Н. Левитов: «Озверели и мы в те проклятые времена гражданской войны и поэтому, действительно, в половине 1-го Кубанского похода, от Ростова до Екатеринодара, в плен не брали. Это на деле выражалось в том только, что мы проходили, не пристреливая, мимо тех, кто просто лежал, быть может, симулируя, но в бегущих от нас велась стрельба. За этот же отрезок времени наши раненые, попадавшие к большевикам, все бывали перебиты, а труп генерала Корнилова после издевательств сожгли и выстрелили из пушки... Таковыми были тогда нравы гражданской войны». Случались, конечно, исключения, но в подавляющем большинстве обе стороны пленных действительно не брали. И дело не только в том, что после оставления Ростова ожесточение достигло максимума. В бою не на жизнь, а на смерть сошлись два полярных мира, сосуществование которых в пределах досягаемости, было очевидно невозможным. Справедливости ради следует отметить, что для Добровольческой армии, находившейся в постоянном оперативном окружении, по отношению к пленным возможностей было только две. Либо отпустить на все четыре стороны, в полной уверенности, что тут же они вновь будут вооружены противником и пойдут в новый бой. Либо расстреливать. Конвоировать и таскать пленных за собой Армия не могла. О том, чтобы влить захваченных солдат и красногвардейцев в свои ряды, не было пока и речи. Армия по сравнению с противником была столь мала, организм её столь однороден, что вкрапление любого чужеродного элемента ставило под угрозу само её существование. Время ещё не пришло...

– Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда. Предать суду...⁷⁶

Армия между тем вошла в Лежанку. Втянулся в село Партизанский полк. Подошла, наконец, и Техническая рота, действиями которой Марков оказался недоволен. Рота, продвигаясь за Офицерским полком, наступала перебежками, то и дело залегая, хотя её никто и не обстреливал. В результате переправилась через мост, когда всё давно уже было кончено. Тут же полковник Н.И. Кандырин был снят с должности, а роту принял полковник Н.Д. Банин. Этим давалось понять, что в бою нет техников или железнодорожников. Все – пехотинцы, и дорог каждый штык.

Добровольцы разбрелись по селу, занимая хаты для ночлега. Улицы будто вымерли. Лишь военнопленные австрийцы, задействованные в селе на хозяйственных работах, без опаски бродили возле хат, полагая, что внутренняя русская междоусобица их не затронет⁷⁷. Тут и там какое-то время раздавались ещё одиночные выстрелы. Вылавливали отставших и не сумевших спрятаться солдат. Расстреливали без особого разбирательства за найденную рядом винтовку, за патроны в карманах брюк, за защитную гимнастёрку. Многих это возмутило⁷⁸. Стрельба, наконец, прекратилась.

Хозяева в большинстве разбежались, оставшиеся попрятались по хатам и всячески старались угодить постояльцам. Впрочем, и здесь неукоснительно выполнялся приказ Корнилова: за всё платить и мирных жителей не обижать. Другое дело, что определяли, кто мирный, а кто нет, на месте и руководствовались при этом исключительно субъективными факторами.

---

⁷⁶ В своё оправдание офицеры-артиллеристы заявили, что вообще ничего не знали о существовании Добровольческой армии, а батарею не могли покинуть по той причине, что их семьи оставались под наблюдением. Полевой суд по одним данным счёл вину недоказанной, по другим – осудил, но тут же и помиловал. Так или иначе, все три офицера, штабс-капитан Шпилиотов, командир батареи и два подпоручика вошли в состав Армии и были зачислены в 4-ю батарею.

⁷⁷ По свидетельству Р. Гуля ночью их закололи чехословаки.

⁷⁸ Н.Н. Львова неприятно удивило участие в расстрелах баронессы Бодэ, молодой красивой девушки, дочери генерала, погибшей впоследствии в безнадежной конной атаке в Садах под Екатеринодаром.

Тут и там у плетней лежали неубранные трупы. Выделенные команды подбирали оружие. При ничтожном расходе собственных боеприпасов добровольцам удалось захватить значительное количество вооружения – пулемётов, винтовок, патронов и даже четыре орудия 5-й горной батареи⁷⁹. Кроме того, были захвачены значительные запасы сахара, военные и интендантские склады, что для лишённой централизованного снабжения Армии также было совсем не лишним.

Разгром был полный. Армия потеряла четырёх человек убитыми⁸⁰ и до двадцати ранеными. Потери защитников Лежанки только лишь убитыми исчислялись сотнями⁸¹.

«Этот первый в походе правильный бой, окончившийся полной нашей победой, – пишет А.П. Богаевский, – имел для Добровольческой армии огромное нравственное значение. Явилась твёрдая вера в Корнилова и других начальников, уверенность в своих силах и в том, что лучший способ разбить большевиков – решительное наступление, не останавливаясь перед естественными преградами, сильнейшим огнём и превосходными силами противника. Была сделана взаимная боевая оценка врагов – и в нашу пользу...

Добровольцы увидели перед собой многочисленного, хорошо вооружённого противника, занимавшего сильную позицию, но скоро убедились в отсутствии у него стойкости войск и толкового управления боем...»

⁷⁹ Выяснилось вскоре, что орудия без замков. По рассказам местных жителей, замки были сняты убежавшими номерами и брошены «в какой-то колодец». Обшарили колодцы, была обещана награда в 1000 руб. за находку, но замков так и не нашли. Лишь запаслись запасами амуниции из склада, да поймали и привели в 1-ю батарею несколько оставленных артиллерийских лошадей.

⁸⁰ Все из взвода поручика Кромм, прикрывавшего переправу Офицерского полка.

⁸¹ Р. Гуль записал песню, сложенную в Лежанке после боя с Добровольческой армией. Вот о чём в ней пелось:

«...А пехота дострелялась,
Что патронов уже нет,
Хоть она и утерjala
240 человек...»

Я. Александров говорит о 600 убитых солдатах. Учитывая тот факт, что было расстреляно немалое число пленных, следует признать – если эти данные, и завышены, то ненамного.

Но вместе с появившейся уверенностью в способности Армии решать на поле боя, казалось бы, невыполнимые задачи, неизбежно возникала иллюзия, что и другие бои закончатся успешно вне зависимости от численности, вооружения и организации противника.

Любопытно, что бой в Лежанке повлёк за собой и иные, чисто организационные мероприятия. И добровольцы, и солдаты⁸² были в большинстве своём однотипно вооружены и экипированы. И даже и на незначительном расстоянии выглядели совершенно одинаково. По счастливой случайности, а скорее, из-за скоротечности боя, обстрела своих подразделений не случилось. Тем не менее, Корнилов приказал незамедлительно нашить на фуражки и папахи отличительные знаки – полосы белой материи. То же самое сделали вскоре и большевики. Только материя была красного цвета.

Эти нашитые полосы, вероятно, и послужили первопричиной скорого повсеместного распространения терминов «красные» и «белые».

Весь следующий день добровольцы отдыхали в Лежанке и приводили себя в порядок. Поскольку решение о дальнейшем движении Армии Корниловым было принято окончательно, к Походному атаману генералу П.Х. Попову был послан конный разъезд в 15 сабель из офицеров 6-го Донского казачьего полка под командованием подполковника С.Н. Ряснянского с предложением присоединиться к уходящей с Дона Добровольческой армии⁸³.

С.Н. Ряснянский

⁸² Рабочих и матросов в Лежанке не было.

⁸³ Сам Ряснянский трактует предписание Командующего несколько иначе. По его словам Корнилов сообщил ему, что «некоторые из донских партизанских отрядов хотят отделиться от генерала Попова» и приказал проследовать к месту расположения Донского отряда и привести означенные отряды в Армию.

23 февраля (8 марта) Ряснянский выехал из Лежанки и в тот же день вернулся в незанятую большевиками Егорлыкскую. В дальнейшем он следовал на восток, останавливаясь на днёвки в зимовниках. В одном из них, зимовнике Янова, Ряснянский и наткнулся на штаб Попова. Понимая всю деликатность своей миссии, он без обиняков рассказал атаману о цели своего прибытия и попросил разрешения переговорить всё же с командирами отрядов на предмет присоединения к добровольцам.

– Сомневаюсь, чтобы наши партизаны согласились ехать к генералу Корнилову, – ответил атаман. – Сейчас у нас боевое настроение. Мы взяли Великокняжескую и поднимаем калмыков.

Тем не менее, на следующее утро Попов в сопровождении Ряснянского проследовал в Великокняжескую, где были собраны командиры донских отрядов. Ряснянский повторил предложение Корнилова присоединиться к Добровольческой армии, уходящей на Кубань, и вновь оно было отклонено.

«Ген. Попов считал, – пишет Ряснянский, – что уходить сейчас из Донских степей нет смысла, можно начать работу против большевиков отсюда. Идти к ген. Корнилову было далеко, рискованно, он был на «чужой» земле, а здесь «своя», донская.

В результате *разговоров* было решено, что отряд ген. Попова остаётся в Великокняжеской и отсюда начнёт борьбу с красными, а в Добровольческую армию никто не пойдёт».

Более того, в Донской отряд перешёл и весь конвой подполковника. При нём оставался лишь младший брат, корнет. Поэтому в конце совещания Ряснянский сообщил, что следующим утром отправляется в обратный путь, и попросил выделить ему сопровождение. Попов охотно выполнил его просьбу.

Днём 26 февраля (11 марта) Ряснянский в сопровождении разъезда из десятка молодых казаков под командой подъесаула донской артиллерии Нефёдова оставил расположение Донского отряда. В 15 километрах к югу от Великокняжеской Ряснянскому указали зимовник, в котором были расстреляны оставившие Армию генерал Складовский и полковник Роженко. Тела их были извлечены из колодца и преданы земле.

В дальнейшем отряд обогнул с севера Лежанку и проследо-

вал через станции Новороговскую и Незамаевскую к линии железной дороги. Полотно пересекли севернее Новолеушковской, занятой уже советской конницей. Преодолев за двое суток свыше 200 километров, Ряснянский вышел, наконец, к Иркилевской, где и соединился со своими. На подходе к станции отряд подполковника был обстрелян охранением, но обошлось без жертв.

Через час он уже докладывал Корнилову о результатах своей поездки.

– Ну, что делать... – коротко ответил Командующий, отпуская Ряснянского.

Пути добровольцев и донцов разошлись, о взаимодействии, даже о связи, теперь не могло быть и речи. Каждый отряд пошёл своей дорогой и впредь действовал на свой страх и риск, что, без сомнения, ослабило как одних, так и других. Существует мнение, что Корнилову не следовало уходить с Дона, как впрочем и полярное ему, заключающееся в том, что, напротив, Попову с отрядом необходимо было не только идти вместе с добровольцами на Кубань, но и подчиниться Корнилову, стать под его команду... У каждой из этих точек зрения есть свои сторонники и противники, каждая опирается на заслуживающую внимания аргументацию...

Вот что пишет по этому поводу Н.Н. Головнин: «...единственно правильным стратегическим решением было уйти в степи подальше от железных дорог и там переждать перемену настроения казаков.

...прав был Донской походный атаман Попов; приняв такое решение, он сохранил кадры для будущего восстания. Малочисленность Добровольческой армии требовала не менее бережливого к ней отношения, и поэтому стратегия «прямого» и «скорейшего» воздействия на события должна была уступить место более осторожной и глубоко продуманной стратегии. Принятое решение немедленного наступления на Кубань являлось типичным выявлением стратегии «прямого действия». По игре судьбы за подобное решение стоял стратегически мудрый и опытный генерал Алексеев, за «стратегию непрямого действия» в данном случае стоял генерал Корнилов. Но важно не то, что Алексеев

мог сделать ошибку, а Корнилов, несмотря на свой крайне импульсивный характер, мог принять осторожное решение. Важно то, что, вопреки тому, что решения генерала Корнилова имели для Армии несравненно большее моральное значение, чем решения Алексеева, в жизни всё-таки проводится решение ген. Алексеева. Невольно возникает вопрос: почему же много мудрых решений генерала Алексеева отбрасывались и не исполнялись, а его редкая стратегическая ошибка проводится в жизнь и при этом, в этом редком случае, Корнилов уступает, будучи правым?

Здесь приходится иметь дело с влиянием среды, которая окружала Корнилова и которая требовала упрощённых и кратчайших стратегических действий. Стратегическое мышление было ослеплено переживаемыми чувствами⁸⁴.

А вот мнение М.Н. Левитова: «...расхождение сил генерала Корнилова и генерала Попова переживалось очень тяжело и часто потом вспоминалось недобрым словом. Коллективное или личное решение генерала Корнилова идти на Кубань считалось у нас⁸⁵ самым целесообразным. Для руководства мысли об этом вспомним оценку каждого боя вообще Генералиссимусом князем Кутузовым: «Бой важен не сам по себе, а своими последствиями».

...что мог сделать генерал Попов со своих зимовников и без базы? Действительность показала, что морально он, быть может, на какую-то часть Дона повлиял, но активности не проявил, потому что просто не мог её проявить. И выступил только тогда, когда «товарищи» допекли казаков. Теперь коснёмся того, чего они тогда нас лишили и как мы это тогда себе представляли:

1) Самым существенным тогда для нас было – это простое увеличение на одну половину нашей Добровольческой армии;

2) При наличии двух Верховных Главнокомандующих генерал Попов, безусловно, им бы подчинился, что до него уже сделали выдающиеся генералы и офицеры Дона, а с этим создавалось бы единство командования;

⁸⁴ В этом Н.Н. Головин не прав. Речь шла не о стратегическом мышлении, а о том, быть или не быть Добровольческой армии, и в этих условиях личные амбиции, тем более «переживаемые чувства», не могли иметь большого значения при принятии решений.

⁸⁵ У офицеров Корниловского полка.

3) Две трети отряда генерала Попова составляла конница, которой Добровольческая армия почти не имела, а это получилось бы: 1500 донских плюс 300 наших, а всего 1800 шашек. Если к этому прибавить 5 донских орудий и 40 пулемётов, то всякий ефрейтор поймёт, что мы тогда не просто бы отбрасывали противника, а уничтожали бы его. Кубанская армия не ушла бы из Екатеринодара до нашего прихода, и была бы полная уверенность, что и Новороссийск был бы наш, – это окно к союзникам, которые для создания заслона против немцев дали бы нам много. *Вот что мы тогда потеряли с уходом степняков генерала Попова*».

По прошествии стольких лет трудно судить о том, что могло бы быть, но чего не было. Можно лишь попробовать сделать осторожное предположение. Пожалуй, М.Н. Левитов во многом прав, и для *общего* дела было всё же лучше, если генерал П.Х. Попов присоединился бы к Добровольческой армии и пошёл с Корниловым на Кубань. Причины и ход Общедонского восстания весьма в малой степени зависели от нахождения на востоке Донской области отряда Попова, тем более от гипотетического присутствия добровольцев. *И не Донской отряд составил кадры «будущего восстания»*. Для этого он был слишком мал. Весьма вероятно, восстание совершилось бы и победило *и без Степного похода*.

Но пойдя Попов с Корниловым, его *конный* отряд вполне мог стать той каплей, которая позволила бы добровольцам наносить противнику куда более чувствительные поражения и штурмовать Екатеринодар при принципиально ином соотношении сил. А уж взятие и удержание столицы Кубани в конце марта (в середине апреля) 1918 г., бесспорно, влекло за собой самые непредсказуемые перспективы и последствия⁸⁶.

Но выбор был сделан, и события развивались именно так, как и развивались. И никак иначе...

Утром 23 февраля (8 марта) Армия покидала Лежанку. На

---

⁸⁶ Впрочем, сразу же появляется столько новых неучтённых факторов (например, когда и на каких условиях был бы подписан в этом случае Брестский мир; или, что предприняли бы немцы, выйди они к обширному району, занимаемому Добровольческой армией) столько «если» и «но», что дальнейшие рассуждения теряют смысл. Тем более, не стоит забывать, что той информацией, которой исследователи обладают сейчас, ни Корнилов, ни Попов не могли располагать в принципе.

сборном пункте за селом части ожидали своей очереди и занимали определённые места в разворачивающейся колонне. На этот раз Партизанский полк шёл впереди, а в арьергарде – Офицерский с 1-й батареей⁸⁷. Светило солнце. Было тепло и сухо. Проходя по твёрдой, укатанной грунтовке, о недавней непролазной грязи даже не вспоминали.

Вскоре полные оптимизма и возродившихся надежд добровольцы пересекли границу Кубанской области...

6.4. На Кубани

6.4.1. Февраль. Размежевание

Для того чтобы понять, с каким противником предстояло столкнуться Добровольческой армии и что её ждало на Кубани, необходимо хотя бы вкратце остановиться на ситуации, сложившейся в области к концу февраля (началу марта) 1918 г.

Кубань с пугающей точностью повторила путь, проделанный ранее Доном. События развивались, будто скопированные с одних и тех же матриц.

Едва Екатеринодара достигли слухи о победе Февральской революции в Петрограде, из числа членов Городской Думы и различных либеральных организаций организовался Екатеринодарский Городской Революционный Совет, который путём кооптации выделил из себя Областной Исполнительный Комитет, руководимый исполнительным бюро в составе пяти человек⁸⁸. Вновь назначенный «начальник городской полиции» Симановский прибыл к Наказному атаману Кубанского войска

---

⁸⁷ На рассвете дивизион Глазенапа был направлен Корниловым в сторону села Белая Глина для демонстрации последующего движения Армии якобы в восточном направлении и отвлечения внимания противника от реального маршрута на юго-запад.

⁸⁸ Под председательством директора войсковой реальной школы, члена партии кадетов кубанского казака В.В. Скидана. По примеру Екатеринодара в городах, сёлах и станицах Области ускоренно формировались Советы и Комитеты с функциями местной власти.

3 марта собрание выборных от предприятий объявило себя Советом рабочих депутатов. 5 марта исполком Совета избрал президиум под председательством эсера меньшевика Д.Ф. Сверчкова.

генерал-лейтенанту М.П. Бабичу и заявил, что Атаман арестован и не вправе более отдавать какие-либо распоряжения. В обстановке всеобщей эйфории до реального ареста дело не дошло. Бабич, которому шёл 73-й год, не стал цепляться за власть и с согласия Комитета⁸⁹ отправился с семьёй в Кисловодск⁹⁰.

Наказной атаман по традиции замещал одновременно две должности. С его уходом обязанности Атамана Кубанского войска стал исполнять Начальник Войскового штаба, а функции Областного начальника принял на себя Старший советник Областного правления. Несмотря на недовольство революционной демократии, оба они постарались сделать всё возможное, чтобы сохранить в неприкосновенности соответственно Управление Войскового штаба со штатом штабных офицеров и Областное правление с коллективом опытных чиновников.

Временное Правительство направило на Кубань сразу двух представителей-комиссаров, «от казаков» есаула в отставке, уроженца станицы Брюховецкой К.Л. Бардижа и «от иногородних»⁹¹ и Черноморской губернии» екатеринодарского адвоката Н.Н. Николаева. Оба были депутатами Государственной Думы, оба кадеты. Но если Николаев не смог себя проявить на новом поприще⁹², то Бардиж память о себе оставил.

⁸⁹ Своё разрешение дал и «наместник Кавказа» Великий князь Николай Николаевич, также оставшийся не у дел.

⁹⁰ В начале августа 1918 г. в числе других высокопоставленных чиновников бывшей власти он был арестован и препровождён в Пятигорск. По свидетельству жены Атамана Софьи Иосифовны в ночь на 8(21) августа Бабич был вывезен за город и зарублен конвоем. По другим данным последний Наказной атаман Кубанского войска был казнён в Пятигорске вместе с остальными заложниками 5(18) октября 1918 г.

⁹¹ Под иногородними в описываемый период подразумевалось всё неказачье население Кубани, за исключением горцев: «коренные» и «некоренные» крестьяне, жители городов, пролетариат, а также служащие и даже часть дворянства. В 1912 г. на войсковых землях проживало казаков – 1252827 человек, иногородних (в основном, крестьян) – 1022039. Жителей городов насчитывалось 236776 человек. Коренных крестьян – 248072. Д.Е. Скобцов определяет общую численность жителей Кубани в 3122905 человек на 1914 г.

В Черноморской губернии в 1914 г. проживало 152700 человек. Из них 74200 – в городах.

⁹² Именно Николаев посоветовал Бабичу выехать не в Одессу, как тот первоначально планировал, а в Кисловодск. После конфликтов с городскими ра-

Не в последнюю очередь именно по его инициативе был созван и 9 апреля 1917 г. приступил в Екатеринодаре⁹³ к работе Обще-Областной съезд населения Кубани. Съехалось до 1000 выборных делегатов. После принятия резолюции о войне «до почётного мира», приступили к разрешению основного вопроса. Об организации власти в Области. Причём к Совету, Комитету, управе, тем более, к комиссарам Временного правительства отношение было самое негативное.

Нацеленность Центра на передачу власти Учредительному Собранию ни для кого не была секретом. Но до этого необходимо было «освободиться от многообразия властей» и утвердить исполнительную власть, избранную выборными от населения Области.

В Комиссию по самоуправлению Н.С. Долгополовым был внесён проект временного положения «Об Областном самоуправлении на Кубани». Проект не отличался оригинальностью. В соответствии с ним исполнительным органом оставался исполнительный Комитет, законодательным – Областной Совет. Однако членов и того, и другого властных органов предлагалось избирать на съезде по территориальному принципу. В Комитет – по одному человеку как от казаков, так и от иногородних, от каждого отдела Области. В Совет – в зависимости от численности и состава населения того или иного отдела. Общее количество депутатов Совета определялось в 90 человек. Горцы своих представителей выбирали от своей, горской фракции.

Прописана в проекте была и работа «выборной, народной власти» в контакте с властью Общероссийской, осуществляемой через Комиссара Временного правительства.

При всей стройности и здравомыслии проекта в нём заложены были и существенные недостатки. Предусматривалась бочими организациями Николаев был вынужден уйти в отставку, и позже на его место был назначен социал-демократ Н.С. Долгополов, врач по образованию, бывший депутат 2-й Государственной Думы от Воронежской губернии.

Николаев же сосредоточил свою деятельность в пределах Черноморской губернии (окончательно выделилась из состава Кубанской области в 1896 г.), 24 мая Новороссийским городским Советом был от должности отстранён, а 11 июля заявил о добровольном сложении с себя полномочий.

⁹³ В здании кинематографа на улице Красной.

выборность не по деловым качествам, а по территориальной и сословной принадлежности. В процессе обсуждения Комиссия к тому же внесла ряд поправок, согласно которым в Комитете, помимо выборных на Съезде, должны были заседать представители «революционных организаций» и в первую очередь Совета. С другой стороны, казаки добились права послать в Комитет ещё по одному своему представителю от каждого отдела, дополнительно семь человек. В итоге орган исполнительной власти распухал численно настолько, что изначально становился неработоспособным.

К тому же в основном тексте ни слова не было сказано ни о Кубанском войске, ни Войсковом правительстве. Лишь в примечаниях оговаривалось право казачьей части Комитета и Совета *именовать* себя соответственно Войсковым правительством и Войсковым советом⁹⁴.

В итоге Комиссия проект с внесёнными поправками приняла и провела его через пленум Съезда. В отношении организации местной власти, самоуправления отделов Комиссия сделать ничего не успела⁹⁵.

Работа остальных комиссий дальше благостных пожеланий и «революционной» риторики не продвинулась. Следует упомянуть, что иногородняя часть Земельной Комиссии приняла резолюцию, в которой говорилось о том, что «кубанские иногородние отнюдь не посягают на земли казаков». Надо полагать, на данном этапе в изобильном, богатом крае всех пока ещё всё более-менее устраивало...

Любопытно, что на выборах от Екатеринодарского отдела были забаллотированы как казак Скидан, так и иногородний Долгополов. Первый был председателем пленума Съезда, второй представил проект о самоуправлении, и обоим ставилось

---

⁹⁴ Там же вскользь говорилось «о праве казаков на заведывание своим войсковым имуществом и... о ведении казаками своими делами». Однако ничего не было прописано о механизмах, реализацию этих прав обеспечивающих.

⁹⁵ Деникин утверждал, что Съезд санкционировал функционирование возникших тут и там станичных Советов. Думается, это не совсем так. Съезд за неимением времени и согласованного к ним отношения, просто закрыл на станичные и поселковые Советы и Комитеты глаза.

вину, что они «загнали казаков в примечание». Впрочем, оба были проведены в Комитет по Кавказскому отделу.

Утвердив результаты выборов и огласив резолюции, Обще-Областной съезд завершил свою работу. Однако неразрешённые противоречия, заложенные в его решениях, сказались буквально на следующий день. В том же здании для избрания дополнительных своих представителей собралась казачья часть съезда. Выполнив задуманное, казаки этим не ограничились. Они объявили себя Кубанской Войсковой Радой, избрали её президиум⁹⁶, создали те же комиссии, что были и на съезде, добавив к ним Комиссию по казачьему самоуправлению⁹⁷. По сути, сформировали своё, казачье Правительство. Предполагалось, что пересмотр достигнутых договорённостей может произойти уже осенью 1917 г., во время созыва следующего Обще-Областного съезда.

Рада работала несколько дней, занимаясь в основном организационными вопросами. Так, были избраны семь членов Войскового контроля, по одному от каждого отдела. Группе «ура-казаков»⁹⁸ удалось провести решение усилить казачье

⁹⁶ Во главе всё с тем же В.В. Скиданом.

⁹⁷ В связи с очевидным нарушением достигнутой на Съезде договорённости между казачеством и иногородними, вскоре во главе с Д.Е. Скобцовым была сформирована Комиссия по общему самоуправлению, задачей которой и являлось путём поправок сделать Временное положение об управлении Кубанской области более приемлемым для казаков, и в то же время, не противоречащим по возможности духу и решениям Съезда.

⁹⁸ Политические взгляды этой небольшой, но весьма активной группы казаков, возглавляемых И.Л. Макаренко, в конечном итоге сводились к тому, что лишь Войско является хозяином Кубани, и, следовательно, Рада правомочна решать любые вопросы, связанные с внутренней жизнью Области, в том числе, касающиеся и неказачьего населения. Д.Е. Скобцов упоминает о следующем курьёзном эпизоде. Когда на одном из заседаний его Комиссия представляла для утверждения Раде поправки к положению «Об Областном самоуправлении», в зал заседаний ворвались «ура-казаки», и какой-то подхорунжий, даже не разобравшись толком, что происходит, выскочил к кафедре и сразу же разрыдался: «Погыбло казацтво...». С трудом свели его под руки в зал и успокоили. Но поправки, никоим образом не ущемляющие главенствующее положение казачества в Области, а лишь допускающие участие во властных структурах представителей и от неказачьего населения, которые до этого принимались одна за другой единогласно и почти без обсуждения, отложены были на осень.

представительство в Комитете ещё семью кандидатами в его члены, которые в случае необходимости в любой момент могли бы заменить любого из семи представителей Войскового правительства в «обще-областном» органе исполнительной власти. Завершение работы Рады, в отличие от Съезда, было куда более торжественным. Для депутатов-казаков был устроен концерт с участием Войскового хора.

Всё это не могло не вызвать подозрений и пока ещё глухого недовольства у неказачьей части населения Области.

События между тем развивались своим чередом. Исполнительный комитет, раздираемый противоречиями, всё никак не мог завершить период своего организационного становления. Однородное Войсковое правительство сразу же приступило к работе. Его Председателем был избран бывший Атаман Лабинского отдела А.П. Филимонов⁹⁹, которому без особого труда удалось подчинить себе аппараты прежнего Областного правления и Войскового штаба. Войсковое правительство определило местом своего пребывания Атаманский дворец¹⁰⁰.

Ожидаемого обострения отношений между Исполнительным комитетом, в значительной степени представленным иногородними и городской неказачьей интеллигенцией, и Войсковым правительством¹⁰¹ не случилось, так как оба учреждения поглощены были своими внутренними бюрократическими проблемами¹⁰².

---

⁹⁹ Следует отметить любопытный эпизод его биографии. Филимонов закончил в своё время Военно-юридическую академию и на процессе над М.А. Спиридоновой исполнял обязанности её назначенного государством защитника.

¹⁰⁰ Любопытно, что Правительство занимало лишь половину Дворца. Во второй расположился комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж. Позже в здании Атаманского дворца расположился и оформившийся, наконец, Исполнительный комитет.

¹⁰¹ Войсковое правительство также обзавелось всевозможными комиссиями, смыслом существования которых становились бесконечные прения. Штаты его всё увеличивались, реального же выхода было немного.

¹⁰² Следует отметить, что с самого начала стали проявляться первые симптомы последующей ориентации определённой части Кубанских властей к суверенитету Области. Так, получив приглашение от Союза казачьих Войск послать на общероссийский казачий съезд своих представителей, Рада деле-

На середину июня был назначен созыв Обще-Областного Совета, однако Комитет не сумел его подготовить. Основной задачей считалось введение земства на Кубани. Избранный председателем Комитета вместо подавшего в отставку В.В. Скидана, адвокат С.Г. Турутин выезжал в Петербург и вернулся с общими директивными наработками становления земства в Российских губерниях. Однако ни он, ни кто-либо другой даже и не представляли, как вводить земские институты в местных, весьма специфических условиях. Дальше обсуждения дело не пошло.

В итоге, когда 24 июня 1917 г. открылась всё же первая сессия Кубанского Областного Совета, ни Областной Комитет, ни, тем более, Войсковое правительство какого-либо проекта о переходе к краевому земскому управлению не представили. Впрочем, при всей важности этого вопроса, он во многом являлся лишь предлогом для развернувшейся с первых же часов схватки за влияние в Совете между Войсковым правительством и Областным Комитетом¹⁰³, казаками и иногородними.

Острая борьба развернулась при выборах Председателя президиума Совета. От казаков баллотировался уроженец станицы Динской Н.С. Рябовол¹⁰⁴, иногородние выдвигали присяжного поверенного Либермана. С незначительным перевесом победил Рябовол, что намечающийся раскол лишь углубило.

На этом, казалось бы, повестка сессии была исчерпана. Внятного, завершённого проекта о земском самоуправлении, глав-

---

гатов в Петроград отправила, но не предоставила им полномочий принимать от своего имени те или иные решения. На Съезде кубанцы присутствовали лишь в качестве наблюдателей.

¹⁰³ При этом необходимо учитывать, что в Комитете сформировалась группа во главе с И.Л. Макаренко, который земство принимал лишь при условии верховенства казачества в политической жизни Области. «Ура-казаки» оставались в меньшинстве, но были весьма активны. В то же время в Войсковом правительстве нашлось немало сторонников введения земства, и не на словах, а на деле. Тот же В.В. Скидан и особенно кубанский казак М.А. Траценко, избранный на съезд по Лабинскому отделу от иногородних, убеждали делегатов в том, что ради сохранения гражданского мира через земство следует допустить к местному самоуправлению все слои населения вне зависимости от сословной принадлежности и на равных основаниях.

¹⁰⁴ Н.С. Рябовол, так же, как и К.Л. Бардиж, выходцы из казаков, были в то же время директорами Черноморско-Кубанской железной дороги.

ного заявленного вопроса, который должен был разрешить Совет, представлено так и не было. Делегатам следовало либо разъезжаться, либо создавать соответствующую комиссию и самим выработать согласованный проект.

Но с избранием Н.С. Рябовола Председателем всё, для многих совершенно неожиданно, изменилось кардинально. Выяснилось вдруг, что за спиной И.Л. Макаренко сформировалась группа¹⁰⁵ куда более радикально настроенных казаков, которые начинали задумываться об ориентации на Украину. И Рябовол был как раз одним из них. До времени группа не заявляла о своём существовании, теперь же посчитала, что пришла пора действовать.

На утреннем отдельном заседании казачьей части Совета было внесено предложение, сводившееся к тому, чтобы вопрос о земстве с повестки дня снять. Начались бурные прения, которые ни к чему определённого не привели. Резолюция принята не была, но настроения казаков явно качнулись вправо.

Утаить всё это было невозможно. И днём на общем заседании Совета выступающие от иногородних прямо говорили о саботаже казаками введения земства на Кубани. Эти утверждения были настолько недалеки от истины, что ни «ура-казаки», ни «спилка» не решились заявить о своей позиции.

Для опровержения «злых наветов» на Войсковое пра-

---

¹⁰⁵ Группа Бескровного, так называемая кубано-украинская «спилка». Многие в группе были знакомы с Петлюрой, некоторые – его личные друзья. По понятным соображениям введение земства по образцу центральных российских губерний «спилку» не устраивало никоим образом. Приблизительно в это же время, в начале июля, в Киеве был издан II Универсал, объявивший об автономии Украины.

«Кузьма Акимович Безкровный, – писал А.П. Филимонов, – или попросту Кузьма Шептун, прозванный так за склонность ко всякого рода конспирации и за манеру отводить своего собеседника в сторону и тихо говорить с ним на ухо, был известен, как убеждённый украинофил, популяризатор украинской мовы и украинской литературы и как лицо, имеющее связь с Петлюрой и с другими украинцами. Безкровный... всё более и более уклонялся влево, кончил вступлением в группу кубанских сепаратистов и подписал в октябре 1921 года в Праге вместе с 16 другими кубанцами резолюцию об отделении Кубани от России. Безкровный по свойствам своего характера и своего темперамента не способен был ни на какое ответственное выступление, а старался прикрыться чьей-нибудь другой, более горячей и решительной головой».

вительство слово взял его Председатель А.П. Филимонов. Он заявил, что Правительство «ночей не спало, но трудилось на общую пользу и, в частности, прилежно занималось вопросом о введении земства на Кубани». Эффектным движением он вытащил из-за отворота черкески небольшой листок и зачитал написанное. Это были тезисы проекта положения «О земском управлении в казачьих областях», причём весьма демократичные. Но разработанные отнюдь не Войсковым правительством.

Осведомлённый об этом сторонник земства В.В. Скидан, желая любым путём предотвратить скандал, выступил в том смысле, что теперь сторонам следует отбросить взаимное недоверие и совместными усилиями вывести дело становления земского самоуправления на практические рельсы.

Устыдившиеся своей подозрительности иногородние готовы были пойти на уступки. Право настроенные казаки из групп Макаренко и Бескровного никак не могли переварить ловкого хода Филимонова, одним движением пристегнувшего их к решениям, против которых они столь активно внутри Правительства и выступали.

Что касается «рядовых» делегатов как с той, так и с другой стороны, то они в массе своей, судя по всему, редко вдавались в юридические тонкости, весьма подвержены были эффекту момента и в данном случае настроены были весьма благодушно.

Однако не случилось. Тут же выступил один из членов Войскового правительства Д.С. Иваненко и сказал буквально следующее:

– Тезисы, прочитанные Филимоновым, я лишь на днях привёз из Петрограда, и они ещё не были рассмотрены Правительством!

Тут же со стороны иногородних последовали ожидаемые обвинения в подтасовке и оскорбительные высказывания в адрес Филимонова лично. Казаки, посчитав, что в лице Председателя Правительства оскорблено было и всё Кубанское казачество, покинули зал заседаний¹⁰⁶. На другой день на утреннем засе-

¹⁰⁶ По свидетельству Д.Е. Скобцова соратник Рябовола С.Ф. Манжула прокричал: «Браты казаки! Здесь оскорбляют нашего Председателя. Нам нечего тут делать...» Что и послужило сигналом к исходу.

дании казачьей части Совета умеренные сделали всё возможное, чтобы избежать окончательного разрыва, но безуспешно. Была создана комиссия «по примирению». Стороны дискутировали, обменивались делегациями, но в итоге, к согласию не пришли¹⁰⁷. Одним из требований казаков было *пожизненное* исключение из состава Совета депутата от иногородних, допустившего нелицеприятные высказывания в адрес Филимонова. Принять его неказачья часть Совета отказалась.

Вечером 3 июля в зал заседаний, где находились одни лишь казаки, стали собираться офицеры Войскового штаба и частей гарнизона и чины Областного правления. В ночь на 4 июля в торжественной обстановке о разрыве с неказачьей частью съезда было объявлено официально¹⁰⁸. Тут же разъяснялось, что функции Областного Совета переходят к Войсковому Совету, а органом исполнительной власти становилось Войсковое правительство. С казаками остались и горцы, что позволило впоследствии утверждать, что казачья власть *всё же* представляет большинство населения Области. 9 июля комиссар от Керенского К.Л. Бардиж заявил, что «ввиду событий в Петрограде и развала Кубанского Областного Совета, полнота власти в Кубанской области передаётся Войсковому правительству», а позднее сумел добиться «признания целесообразности» происшедшего и от теряющего почву под ногами Временного правительства.

Разрыв обусловлен был, конечно же, не только и не столько неудачным выступлением Филимонова, а куда более весомыми факторами. Десятилетиями накапливающиеся противоречия между казачьим и иногородним населением, прежде всего, в аграрном вопросе¹⁰⁹, достигли своего апогея, и Временным

¹⁰⁷ Не лишено оснований утверждение Д.Е. Скобцова о том, что окончательный разрыв был спровоцирован руководством казачьей части Совета и лично его вновь избранным Председателем.

¹⁰⁸ Группа «умеренных» покинула зал заседаний, но это ничего уже изменить не могло.

¹⁰⁹ Всё иногороднее население официально подразделялось на три категории:

1. Коренные (22.1% в 1914 г.) – имеющие свои земельные наделы, но в среднем в три раза меньшей площади на душу населения, чем у казаков.

правительством не разрешались ни в малейшей степени. Создание и успешное функционирование власти, объединяющей все слои и прослойки общества, подразумевало компромисс. Любая договорённость на практике оборачивалась лишь тем, что Войско должно было поделиться своими привилегиями с иногородними. А этого Войсковое правительство, обладавшее, как представлялось, внушительной военной силой, желало, конечно, меньше всего.

Каких-либо потрясений непосредственно после разрыва не произошло. Стороны сохранили статус-кво. *Казачье* правительство, взяв формально в свои руки всю полноту власти, воздерживалось от каких-либо нововведений. Было даже официально объявлено, что основной задачей Войскового Совета и Правительства по-прежнему остаётся «введение земского самоуправления на Кубани». На этом политическая активность в Области на время себя исчерпала. Войсковое правительство благодушно занималось привычным делом, устраивало бесконечные совещания и обсуждение третьестепенных вопросов¹¹⁰.

---

2. Оседлые (46.1%) – жители городов, а также, крестьяне, имеющие в собственности жилые и хозяйственные постройки, но выстроенные на казачьих землях, выплачивающие за аренду земли немалые суммы в денежном эквиваленте (так называемая, «посаженная плата»).

3. Не имеющие статуса оседлости (31.8%) – в большинстве, собственно-стью никакой не владеющие, постоянные или временные наёмные работники.

Очевидно, что большинство иногородних, в той или иной степени, своим положением тяготились и рассчитывало на перемены.

¹¹⁰ Представление о «работе» Войскового правительства может дать следующий эпизод. Сразу после разрыва А.П. Филимонов вместе с начальником Войскового штаба выехали на отдых на климатическую станцию в Теберду. Исполнять обязанности Председателя Правительства остался И.Л. Макаренко (как товарищ Председателя). В это время Верховное командование проводило передислокацию войск, и по территории Кубани следовали в заданном направлении эшелоны 2-го Хоперского полка. Макаренко от имени Войскового правительства отдал приказ задержать дальнейшее следование эшелонов. Командир полка потребовал указать причину задержки и сообщил о случившемся в Петербург. Прибывшему с докладом начальнику Войскового штаба Макаренко посоветовал «подождать». В результате затеянная не ко времени амбициозная несуразность переросла постепенно в «вопрос», обсуждавшийся на заседании Правительства. Лишь после того, как Войсковой штаб запросил Верховное командование о дальнейших действиях, и оттуда пришёл резкий недвусмысленный ответ, Макаренко пошёл на попятную и приказ отменил.

Неказачья часть Областного Комитета¹¹¹, сильно поредевшая из-за «дезертирства» большинства её членов, время от времени напоминала о своём существовании, оглашая очередное заявление о бойкоте того или иного решения «узурпаторов», отстранивших её от власти.

Что касается горцев, то их лидеры ориентировались на существующую власть. Ещё в августе был создан Кубанский областной горский совет во главе с Султан Шахим-Гиреем, в целом лояльный Войсковому правительству.

Налаженная жизнь между тем катилась своим чередом. Область благополучно и без заметных потрясений пережила и июльские события, и муниципальные выборы, и Московское Государственное совещание¹¹², и даже выступление Корнилова. Но в сентябре развал центральной власти стал если и не свершившимся фактом, то уж в повестку дня поставлен был определённо. И сейчас же раскол, о котором многие начали уже забывать, напомнил о себе чередой негативных последствий.

Инициатива Каледина по созданию Юго-Восточного Союза казачьих войск на Кубани встречена была далеко не так однозначно, как предполагалось. Иногородние видели в ней очередной виток «казачьего заговора». В то же время и казачья «спилка» отнеслась к проекту с заметной прохладцей. Союз ставил крест на объединении с оформлявшейся на глазах «незалежной» Украиной, и поэтому не представлялся для этих людей оптимальным вариантом.

¹¹¹ В дальнейшем термины «Областной Совет», «Областной Комитет» следует относить к лишённым власти, но продолжающим функционировать «неказачьим» составляющим бывших представительных учреждений Кубани. К середине октября при перевыборах большинство мест в Совете получили большевики, и председателем Исполкома был избран член РСДРП(б) И.И. Янковский.

¹¹² От Кубани в Столицу выезжали К.Л. Бардиж, Н.С. Рябовол и И.Л. Макаренко. Там они во всём поддержали Донского атамана А.М. Каледина. Возвратившись, кубанские делегаты сделали доклад о Московском совещании на собрании созданного Войскового Совета. Выступая перед Советом, Рябовол сказал следующее:

– Только при федеративном строе России казаки могут рассчитывать на автономию и на самостоятельное распоряжение своими землями и прочими угодьями.

От каких-либо резолюций собрание воздержалось, но слово «федерация» было произнесено с самой высокой трибуны, и это запомнилось.

Созванная во второй половине сентября в Екатеринодаре общеказачья конференция представителей Донского, Кубанского и Терского войск выступила в защиту Корнилова¹¹³ и Каледина, упрекнула Временное правительство в том, что оно провозгласило Россию Республикой, а не *республикой федеративной*, 25 сентября продекларировала создание Юго-Восточного Союза, но принять Устав Союза поручила следующей казачьей конференции, которую предполагалось созвать уже во Владикавказе¹¹⁴.

Положение начинало постепенно ухудшаться. Авторитет правительственных органов падал с каждым днём. Расквартированные на крупных железнодорожных станциях запасные пехотные части никому, кроме избранных комитетов, не подчинявшиеся, на фронт отправляться не желали и негативного отношения к Войсковой власти не скрывали. И начали поступать первые сообщения о захвате земли крестьянами.

Влияние большевиков между тем возрастало. Ещё в июне Екатеринодарская организация насчитывала всего несколько человек¹¹⁵, и после июльских демонстраций их положение явно не улучшилось. 14 июля военная секция Областного Совета приняла резолюцию с требованием закрыть большевистскую газету «Прикубанская правда» и арестовывать «всех, ведущих агитацию против войны и против Временного правительства¹¹⁶». Какое-то время «ленинцы» находились в Екатеринода-

---

¹¹³ В резолюции в частности говорилось: «...всё вселяет впечатление, что и дело о мятеже ген. Корнилова может оказаться также результатом планомерного предательства и провокации борющихся за власть ответственных и безответственных лиц и организаций...

...конференция настаивает на самой широкой гласности расследования дела ген. Корнилова с включением в Комиссию представителей казачьих Войск... иначе казачество сделает свои самостоятельные выводы по этому делу...»

¹¹⁴ Договор о создании Юго-Восточного Союза был подписан 20 октября.

¹¹⁵ Среди них Елена Полюян, Ф.Я. Волик, М.Ф. Власов, И.Н. Янковский, Родионов, Руденко, Зенкевич.

¹¹⁶ 16 июля типография газеты была разгромлена, несколько человек арестованы. 22 июля депутаты-иногородние Областного Совета потребовали от Войскового правительства прекратить преследование большевиков. Однако, 27 июля редакция «Прикубанской правды» была разгромлена вновь, секретарь и ряд работников арестованы.

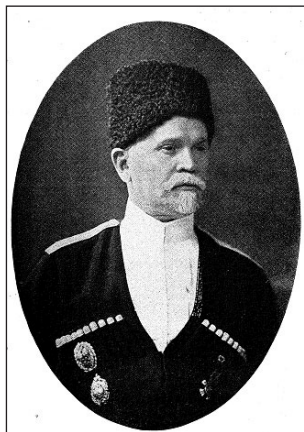
ре на полулегальном положении. На открывшемся 4 августа в Пятигорске объединённом Северо-Кавказском съезде Российской социал-демократической партии делегатов-меньшевиков присутствовало 14 человек, интернационалист – один и большевиков девять, что для последних являлось несомненным тактическим успехом¹¹⁷. Выборы же в Городскую Думу, напротив, закончились для них серьёзной неудачей. 6 августа «ленинцы» получили 17 мест, в то время как «социалистический» блок, эсеры и меньшевики – 61 место.

Но уже не количество мест в представительных органах определяло степень влияния той или иной политической партии. Неудача Корниловского выступления, окончательное разочарование во Временном правительстве большинства населения и зримо уже ухудшавшаяся день ото дня ситуация неизбежно выталкивали целеустремлённых, деятельных большевиков на лидирующие позиции¹¹⁸.

Сразу же вслед за Корниловским выступлением в Екатеринодаре начальник городской милиции Выдра санкционировал разгром комитета РСДРП(б). В ответ на это Областной Совет ходатайствовал перед Краевым Советом в Тифлисе (Северо-Кавказским) о направлении воинской части «для защиты от казачьей контрреволюции». В результате в городе обосновался отдельный артиллерийский дивизион под началом большевика Колпы. На гарнизонном собрании Филимонов пытался уговорить артиллеристов добровольно разоружиться, но те наотрез отказались. Временное правительство об этом инциденте даже не поставило в известность. К этому времени К.Л. Бардиж по

¹¹⁷ На предложение меньшевиков объединить усилия и действовать совместно большевики ответили категорическим отказом, и 6 августа их делегация покинула Съезд.

¹¹⁸ В конце сентября в результате перевыборов в исполком неказачьей части Областного Совета большевики получили уже 20 мест, в то время как меньшевики и эсеры вместе – 15. Возглавил исполком большевик Ян Полуян (по возвращении из ссылки был назначен на должность начальника 4-го отделения милиции Екатеринодара, с которой снят Исполнительным Комитетом в конце мая). Екатеринодарский комитет РСДРП(б) сумел провести делегатом на II съезд Советов также своего кандидата А.А. Лиманского. В городском Совете Армавира большевики в октябре завоевали до половины мест, и на съезд Советов направлен был также «ленинец» Э.М. Балода.

А.П. Филимонов

сути уже состоял при Войсковом правительстве в роли не комиссара, а скорее, советника. Наблюдал, но в дела уже не вмешивался.

Наступала пора подобрать обрушавшуюся власть, и делать это надо было незамедлительно. Тем более что своего стремления ровно к тому же не скрывали уже и большевики. 24 сентября в Екатеринодаре начала работу Войсковая Рада. И основным в повестке был вопрос «о самоуправлении и управлении¹¹⁹». Ставшая традиционной неудовлетворительная подготовка

не помешала делегатам принять в итоге значимые решения.

Рада восстановила должность выборного Войскового атамана, однако ограничила его влияние. Атаман избирался Большой Войсковой Радой и являлся высшим представительным лицом от Войска и высшим военным начальником. В то же время его приказы в обязательном порядке визировались председателем Правительства¹²⁰, которого в свою очередь избирала Законодательная Рада (малая). Она же утверждала членов Правительства, но из кандидатов, представленных Председателем. Приказ о назначении Правительства подписывали Атаман совместно с Председателем.

¹¹⁹ Вот что говорил на одном из заседаний член Союза казачьих Войск Новосильцев: «При создавшемся положении создать государственную власть в России невозможно. Власть должна быть создана в провинции, в областях, а уж отсюда она направится к центру и там образуется. Необходимо провести в жизнь, быть может, суровые и жестокие меры, но только это может спасти страну от гибели...» Эта идея «оздоровления России с окраин» в казачьих областях пользовалась определённой популярностью.

¹²⁰ Позже Председателем Краевого правительства был избран Л.Л. Быч, бывший городской голова Баку, Главно-уполномоченный по делам продовольствия Кавказского фронта, плехановец. Любопытно, что членом Правительства по внутренним делам стал бывший комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж. Членом Правительства по военным делам по настоянию казаков-фронтовиков был избран полковник генерального штаба Н.М. Успенский. Однако долгое время он не мог прибыть в Екатеринодар с фронта из Персии.

Идея не допустить чрезмерной концентрации власти в одних руках возможно и была здоровой, но в обстановке надвигающегося хаоса могла привести лишь к бездеятельности исполнительной власти.

Далее Рада рассмотрела вопрос о том, кого следует считать «полноправными», то есть наделёнными избирательными правами, гражданами. «Черноморцы¹²¹» настаивали считать таковыми только лишь казаков. «Линейцы» – всех, проживавших в Области до начала войны. В итоге приняли компромиссное решение: считать полноправными гражданами казаков, жителей городов и коренных крестьян, что симпатий к казакам у основной массы крестьянства не прибавило и дало лишний повод большевикам для агитации против Правительства.

5 октября проект федеративного управления на Кубани был Радой принят в виде оформленных законодательно «Временных положений». Кубанская область стала теперь именоваться Кубанским краем, Войсковое правительство и Войсковая Рада – соответственно Краевыми.

Для выбора Атамана были предложены две кандидатуры – К.Л. Бардижа и А.П. Филимонова. 11 октября вновь избранным Атаманом Кубани стал Филимонов. Было устроено торжественное совещание, на котором Атаман выступил с краткой вступительной речью. На соборной площади после молебна ему была вручена Атаманская булава. По древней запорожской традиции старейший член Рады Ф.А. Щербина посыпал ему голову дорожной пылью¹²². Все сгруппировались вокруг вновь избранного спустя многие десятки лет Атамана и сфотографировались в знак казачьего единства. Скобцов свидетельствует: людей охватили самые мрачные предчувствия.

Но дело было, конечно, уже не в них.

---

¹²¹ Такое название закрепилось за объединённой группой «ура-казаков» и украинско-кубанской «спилки», в большинстве из богатых станиц Черноморья (нынешнее Кубанское Приазовье). Умеренных называли «линейцами». Они представляли не столь зажиточные станицы, расположенные вдоль старой и новой Линий (по правым берегам Кубани и Лабы).

¹²² Нужно было грязью, но дождь не шёл несколько дней, и грязи не нашли...

15 октября в Армавире съезд Советов Северного Кавказа, на котором тон задавали большевики, 16 голосами против 10 принял резолюцию, в которой требовал расторжения Юго-Восточного союза и объединения Кубанской, Терской, Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний с областным центром Советов Северного Кавказа во Владикавказе. Советы, даже и те, в которых большевики оставались ещё в меньшинстве, требовали передачи им всей полноты власти.

Однако сами Октябрьские события к немедленному перевороту на Кубани не привели. Дон прикрывал вновь образованный *Край* с севера, местные большевистские организации ни организационно, ни психологически к открытой вооружённой конфронтации оказались не готовы. Вся последующая череда партийных конференций, работа большевиков на всевозможных разного уровня съездах неказачьего населения, в том числе и Краевых, сводилась к одному – передаче власти Советам *мирным путём*¹²³. Лишь много позже, когда расклад сил изме-

¹²³ Та же тактика была применена большевиками и в Черноморской губернии, где их позиции выглядели куда предпочтительнее. Уже в силу того, что больше половины населения проживало в городах, крупных промышленных центрах с портами. Здесь, в отличие от Кубани, исключая Туапсе, основной движущей силой при первоначальном установлении Советской власти были рабочие, а не солдаты.

В Новороссийске, где Совет традиционно был эсеро-меньшевистским (на начало марта из 108 избранных его членов большевиков было лишь трое), большевистская организация во главе с А.А. Яковлевым (к большевикам примыкала и группа левых эсеров во главе с Серадзе) оказалась немногочисленна и слаба. Какой-либо планомерной работы не велось. Однако и портовые рабочие, и солдаты гарнизона настроены были весьма решительно. Пока большевики вели между собой дискуссию, брать ли власть в свои руки (противники решительных действий напоминали о том, что представительные органы – целиком эсеро-меньшевистские, а гарнизон подготовлен и готов противодействовать выступлению), Городская Дума 14 ноября сформировала из эсеров, меньшевиков и кадет «Революционный комитет» под председательством городского головы Вильнера. Пользуясь полной неопределённостью, бывший комиссар Временного правительства Н.С. Долгополов распорядился перевести все ценности из Новороссийска в Екатеринодар, однако они были Советом задержаны, а самому Долгополову пришлось скрываться.

23 ноября в городе открылся Губернский съезд Советов. Почти сразу произошёл раскол, в результате которого меньшевики и эсеры покинули Съезд. В результате Съезд продекларировал передачу власти в руки Совета. В Ис-

нился и в распоряжение большевиков оказались многие тысячи хлынувших с фронта солдат, они изменили тактику.

6.4.2. Октябрь. Собрание сил

28 октября А.М. Каледин объявил о непризнании Доном Совета Народных Комиссаров и принятии на себя всей полноты государственной власти в Донской области. На Кубани Рада 26 октября также объявила себя верховной властью «впредь до восстановления власти Временного правительства и порядка в России». Но от публичных высказываний в адрес СНК как Правительство, так и Атаман воздерживались. Между тем легализация власти была необходима. Не столько уже в силу тактических соображений, а по причине, ставшей вдруг реальной, перспективы вооруженного столкновения. И, прежде всего, в самом Екатеринодаре.

На Сенном базаре не без участия солдат артдивизиона был убит казачий офицер. А.П. Филимонов¹²⁴ использовал это как повод к началу решительных действий. В ночь на 1 ноября по приказу Атамана юнкерами Казачьего военного училища и 80-ю казаками Атаманского конвоя без единого выстрела был разоружён и вскоре расформирован артиллерийский дивизи-

---

полнительный комитет были избраны большевики: А.А. Рубин (заведующий комиссариатом финансов), Михайловский, П. Лосев, А.А. Яковлев (административный комиссариат), А.Е. Худанин, Рено, Усакин, левые эсеры Языков, Серадзе (комиссариат по военно-морским делам) и внепартийный социалист Кириченко.

В дальнейшем вновь избранные комиссары в сопровождении красногвардейцев приезжали к представителям «старой» власти и без особых возражений принимали у них дела. Власть в Новороссийске перешла к Совдепу «под расписку».

В Туапсе же, напротив, Совет был «завоёван» уже к 20 октября, а исполком во главе с «ленинцем» Самарским почти целиком состоял из большевиков. Более того, в руках большевиков оказался и гарнизон. Был образован ВРК, и в ночь на 2 ноября власть в городе без единого выстрела перешла к Совету.

Бескровным получился переворот и в Сочи, где в конце ноября был организован Ревком, взявший власть в свои руки 5 января 1918 г.

¹²⁴ Участвовал в разоружении и К.Л. Бардиж. Пока ещё в качестве комиссара несуществующего уже Временного правительства.

он¹²⁵. Одновременно с этим были арестованы члены Исполкома Совета большевики Елена Полуян и Марочкин. В Крае было введено военное положение. Патрули юнкеров заняли почту и телеграф.

В тот же день 1 ноября в Екатеринодаре открылся Областной съезд иногородних¹²⁶, на который Краевая Рада возлагала особые надежды. Председатель Правительства Л.Л. Быч, убедившись, что дальнейший разрыв с неказачьим населением Края может привести к непоправимым последствиям, предпринял определённые действия по сближению с неказачьим населением. Им был введён в состав Правительства «неказак» Ф.С. Леонтович, бывший городской голова Новороссийска¹²⁷. Но главное, для ведения согласительных переговоров с иногородними была создана комиссия во главе всё с тем же Бардижем. После традиционных взаимных обвинений была сформирована уже общая Комиссия под председательством Д.Е. Скобцова, которая выработала следующие предварительные условия для соглашения:

1. Население Кубани впредь до издания Учредительным Собранием вновь выработанных основных законов создаёт органы местного самоуправления, как краевые, так в отношении организующегося Юго-Востока России, *самостоятельно*.

2. Создаются *бессловные* органы местного самоуправления на демократических началах. Ценз оседлости для приобретения избирательного права – один год.

3. До вступления в силу постоянного положения о самоуправлении станичная администрация обновляется за счёт привлечения в её состав представителей от иногороднего населения, пропорционально его численности, но не более половины от общего состава.

---

¹²⁵ Солдаты были распущены по домам. Почти все офицеры, в большинстве – молодёжь последнего года выпуска Киевского Николаевского артиллерийского училища, перешли к казакам. Вскоре из них с добавлением юнкеров казачьих артиллерийских и кавалерийских училищ была сформирована Отдельная Офицерская батарея под командой капитана В. Ожаровского.

¹²⁶ Работал с 1 по 13 ноября.

¹²⁷ На предмет вхождения в Краевое правительство велись переговоры и с Н.С. Долгополовым, но закончились в итоге его отказом.

Положения Комиссии Законодательной Радой утверждены не были. Многие считали ценз оседлости сроком в один год недостаточным. И в этом была своя логика. Из-за льготной системы призыва на Кубани за годы войны скопилось огромное число полулегальных дезертиров, ничем иным с Краем не связанных. Большинство членов Рады настаивали на трёх годах оседлости, что в свою очередь не устраивало иногородних. Казаки в Комиссии попросили отложить решение этого вопроса до созыва Краевой Рады, что и было принято.

Съезд неказачьего населения оказался куда более умеренным, чем можно было ожидать. Резолюции, принятые Съездом в большинстве были эсеро-меньшевистские, либо нейтральные по отношению к Краевой Раде, либо откровенно антибольшевистские. Фракция большевиков, возглавляемая Я.В. Полуяном, пыталась направить работу Съезда в выгодное для себя русло, но своим радикализмом достигла лишь обратного¹²⁸. Лидеры иногородних, напуганные октябрьскими событиями, из двух зол выбирали меньшее. Меньшим представлялась всё же Рада, при которой они, по крайней мере, могли чувствовать себя в безопасности.

Надёжной военной силы, кроме разоружённого артдивизиона, в Екатеринодаре большевики не имели. Но рабочие большинства городских предприятий определённо были за них. На многих городских предприятиях были организованы забастовки, продолжавшиеся несколько дней. 2 ноября большевики в знак протеста против действий властей вывели на улицы несколько тысяч человек, в том числе и солдат гарнизона. У Самурских казарм стихийный митинг был разогнан юнкерами и казаками. При этом по свидетельству Н.Л. Янчевского, пять солдат и трое рабочих были ранены, а четыре человека убиты. Съездом была создана комиссия для выяснения обстоятельств

---

¹²⁸ Отношение к большевикам на Съезде иногда было откровенно враждебным. 2 ноября вышедшему к трибуне большевику М. Карякину долгое время не давали говорить. Я.В. Полуяну, предлагавшему «протестовать против разоружения артиллеристов», председатель собрания прапорщик Прокофьев крикнул:

– Товарищ Полуян, посмотрите на свои руки... Они у вас в крови!..

разоружения артдивизиона и расстрела демонстрантов, но она даже не вынесла протестную резолюцию¹²⁹.

6 ноября большевики, объединившись с левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами и анархистами, совершенно неожиданно для всех, в том числе и для левой части Съезда 267 голосами против 68 провели резолюцию о Краевой власти, в которой в частности говорилось:

«Созданная, таким образом, власть должна в первую очередь провести следующие меры:

- 1) немедленная передача земли в ведение земельных комитетов;
- 2) осуществление народного контроля над производством и распределением;
- 3) отмена смертной казни;
- 4) немедленно приступить к мирным переговорам;
- 5) Созыв Учредительного Собрания в назначенный срок».

Принятие такой резолюции ставило крест на достижение компромисса с казаками.

От имени Комиссии по установлению связи с Войсковой Радой слово взял М.П. Покровский:

– Вы создали соглашательскую комиссию, которой поручили договориться с Радой, чтобы краевое управление и самоуправление были созданы на демократических началах. Мы думали, что мы, невзирая на междоусобицу, достигнем намеченной цели и заведём на Кубани демократическое управление и самоуправление. Теперь же вы приняли большевистскую резолюцию, последовали за девизом: кто палку взял, тот и победит. Вы хотите захвата власти. Мы не разделяем таких стремлений, а потому слагаем свои полномочия.

Эти слова отрезвили многих. На следующий день Съезду

---

¹²⁹ Было лишь вынесено постановление, предлагающее «в спешном порядке выяснить вопрос о правильности полномочий Елены Полуян и Марочкина, как делегатов съезда и по выяснении этого вопроса принять экстренные меры к охране их личной неприкосновенности».

Вскоре и Марочкин, и Е.В. Полуян были, конечно, освобождены. Но материальная часть дивизиона перешла в распоряжение Кубанского войска, а сам он прекратил своё существование.

была представлена уже резолюция правых, которая открыто и недвусмысленно в надвигающейся катастрофе обвиняла большевиков: «...насильственный переворот, произведённый большевизмом, привёл страну к распаду и стал источником кровавых междоусобий... благодаря перевороту не может состояться в назначенное время созыв Учредительного Собрания, без утверждения которого не могут быть приняты ни земельные реформы, ни другие важнейшие законы...»

В результате переголосования резолюция была принята. В знак протеста большевики покинули Съезд. Стало очевидным, что мирным путём на Кубани, в отличие от Черноморской и Ставропольских губерний, взять власть им не удастся. Приходилось менять тактику. Екатеринодарский комитет РСДРП(б) перешёл на нелегальное положение. 5 ноября Председатель Екатеринодарского Совета И.И. Янковский сообщил о событиях в городе Петроградскому Совету рабочих и крестьянских депутатов и просил «о поддержке в борьбе с контрреволюцией». Впрочем, все понимали, что рассчитывать приходилось лишь на собственные силы.

Был сформирован подпольный ревком, ставивший своей задачей вооружённое восстание. Для связи и с целью организации отрядов будущей Красной гвардии из возвращавшихся с фронта солдат Я.В. Полуян выехал в Новороссийск, Волик и Дриц – в Ставрополь, П.И. Вишнякова¹³⁰ – в Ростов. В агитационной работе среди солдат приняли участие и некоторые чины расформированного артдивизиона. С помощью железнодорожников удалось передать несколько десятков винтовок в рабочий район Екатеринодара – Дубинку.

Заключённое с немцами перемирие увеличило поток ухо-

---

¹³⁰ Прасковья Ивановна Вишнякова, член социал-демократической партии с 1903 г., являлась профессиональной революционеркой и работала, по всей видимости, по идейным побуждениям. В 1909 году Военным судом была приговорена к двум годам каторги. В апреле 1917 г. вернулась в Екатеринодар, где заочно была избрана в Областной комитет РСДРП(б). Работала в Совете и в Центральном Бюро профсоюзов. Именно она возглавляла комиссию по переговорам с Войсковым правительством о разоружении артдивизиона. После начавшихся арестов вынуждена была переехать в Новороссийск, где вместе с Еленой Полуян вела агитацию среди прибывающих из Трапезунда солдат.

М.А. Караулов

дивших с фронта солдат многократно. Начали сниматься и части, как казачьи, так и солдатские. В этот момент от Совета¹³¹ поступило приглашение 39-й пехотной дивизии Кавказского фронта прибыть на Кубань, чтобы поддержать иногородних против казаков. В середине ноября, ещё до формального перемирия с турками, в стоявшей под Карсом дивизии большевистский комитет созвал митинг, на котором было принято решение – выдвигаться. Командующий фронтом генерал Пржевальский отдал приказ о демобилизации 39-й пехотной. Однако дивизия не подчинилась, четыре полнокровных солдатских полка с артиллерией погрузились в эшелоны и двинулись на Северный Кавказ¹³².

¹³¹ Вопрос о том, кто конкретно спровоцировал появление 39-й пехотной дивизии на Кубани остаётся открытым. Скобцов говорит о «какой-то части иногородних». Но вот что можно прочесть в изданном в 1942 г. 2-м томе «Истории гражданской войны в СССР»: «Меньшевики и эсеры также решили оказать действительную помощь кубанским контрреволюционерам и с помощью тифлисского комиссара Временного правительства вызвали 39-ю дивизию, которая расположилась на подступах к Екатеринодару...» Согласно другим источникам, обратились к командованию Кавказской армии в Тифлисе с просьбой прислать войска меньшевики из Городской думы. Но, в любом случае, не для оказания «действительной помощи» казачьему правительству, а исключительно, чтобы подкрепить свои позиции вооружённой силой.

¹³² С 10 по 25 декабря в Тифлисе проводил работу 2-й Краевой съезд Кавказской армии. В обращении к солдатам говорилось: «Съезд признал за вами право на оружие при оставлении армии для защиты родины от контрреволюционной буржуазии с её приспешниками Калединым – Донским атаманом, Дутовым – Оренбургским и Филимоновым – Кубанским. Для руководства продвижения товарищей солдат и для борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе, на Кубани и в Закавказье, избран съездом Краевой совет и военно-революционный комитет...»

Вы, товарищи, должны все принять участие... в установлении советской власти. Провести домой оружие вы можете, двигаясь лишь сильными отрядами всех родов оружия, с избранным командным составом... Кто не может (проездить оружие), сдавайте его советам, комитетам в Новороссийске, Туапсе, Сочи, Крымской и т. д., где есть представители советской власти...»

14 ноября Филимонов телеграфировал Каледину: «Получена телеграмма Пржевальского о самовольном движении в Ставропольскую губернию 39-й дивизии, идущей воевать с казаками. Первый эшелон прошёл Тифлис 12-го. Необходимо её задержать, если возможно, разоружить. Прошу дать полк и броневики».

На что Каледин 16 ноября отвечал: «Могу, в крайнем случае, выслать броневик. Полка дать не могу, ввиду всей обстановки». Филимонов вновь просил Донского атамана о помощи «для ликвидации 39-й дивизии». Каледин ничем помочь не мог. Вскоре он не смог наскрести и полка даже для Ростова¹³³. Что касается 39-й пехотной дивизии, то её эшелоны медленно, короткими рывками продвигались к Ставрополю, застревая тут и там на забитых намертво полустанках. Все пути были заняты покинувшими окончательно развалившийся Кавказский фронт частями. Солдаты пробивались домой, парализуя движение, оседали на станциях, рассасывались по близлежащим городам и селениям... Дорога стала. Лишь во второй половине декабря головные части дивизии достигли границ Кубани¹³⁴.

---

¹³³ Позже уже Каледин обратился к Филимонову с просьбой для создания «хотя бы видимости общеказачьего фронта» направить в Новочеркасск пластунский батальон. Но и у Кубанского атамана не было даже и надёжного батальона.

¹³⁴ С прохождением эшелонов 39-й дивизии по Ростово-Владикавказской железной дороге многие связывают гибель Атамана Терского казачьего войска генерал-майора М.А. Караулова, журналиста, историка и краеведа. Это не так. 13 декабря при следовании из Пятигорска во Владикавказ пассажирский поезд, в составе которого находился и вагон Караулова, остановился на ст. Прохладная. Большевистские газеты писали о Караулове, одном из создателей Юго-Восточного Союза, как об убеждённом реакционере. Группа солдат 108-го Уфимского полка, возвращавшихся с кавказского фронта, узнав, что в вагоне №4 находится Караулов, окружила вагон и потребовала, чтобы Атаман покинул его. Один из солдат, рядовой, призывающий товарищей опомниться, был застрелен на подножке. Остальные повторили требование, которое Атаман выполнять отказался. Завязалась перестрелка, в результате которой Караулов и сопровождающие были убиты (лишь депутат Войскового Круга Султанов был тяжело ранен и выжил). Солдаты вытащили тело Атамана из вагона и размозжили голову прикладами. На выстрелы прискакала терская казачья сотня. Трёх солдат, на которых пало подозрение, расстреляли на месте. Ещё один, некто Зотов, признанный организатором нападения, был задержан по прошествии нескольких дней в Новочеркасске. Он так громко рассказывал попутчикам, как «они застрелили в Прохладной генерала», что один из пассажиров вызвал патруль. После проведённого дознания Зотов был казнён.

Выяснилось, что ещё с лета Войсковое правительство разрабатывало планы постановки казачьих заслонов на возможном пути следования уходящих с фронта войск. Однако применить его на практике было невозможно¹³⁵. Возвращавшиеся кубанские казачьи полки, распропагандированные большевиками, а ещё больше, войной, сражаться ни с кем и ни за что не желали, выполнять чьи-либо приказы отказывались. Части в полном составе прибывали в Екатеринодар, производили окончательный расчёт за недополученное содержание, сдавали в большинстве случаев, тяжёлое вооружение, и с личным оружием расходились по станицам. Позже они без сомнений и в охотку сдавали и винтовки и шашки местной Красной гвардии¹³⁶.

Атаман А.М. Караулов и убитые вместе с ним, его брат В.М. Караулов и хорунжий Алексей Белоусов были похоронены в ограде Михаило-Архангельского собора.

¹³⁵ И не только потому, что казаки не желали конфронтации. Поразительно, но уже и в условиях надвигающейся катастрофы, многие озабочены были отнюдь не её последствиями, а исключительно своими амбициями. Вот, что пишет по этому поводу Филимонов: «В конце января 1918 года мною был разослан телеграфный циркуляр всем атаманам станиц, прилегающих к Черноморско-Кубанской железной дороге, чтобы они организовали охрану железнодорожных станций, осмотр всех прибывающих и отъезжающих в целях ареста подозрительных лиц и отображения оружия и передаче его правительственным войскам. Точность исполнения возлагалась на личную ответственность станичных атаманов и сопровождалась угрозой предания военному суду за ненадёжность.

К. Л. Бардиж, начавший формирование гайдамаков, говорил мне, что циркуляр произвел отличное действие, и все станции исправно охраняются казаками. Я приказал отдать такое же распоряжение и по линиям Владикавказской железной дороги. Через несколько дней ко мне пришёл Быч, имея очень расстроенный вид, и в официальном тоне обратился ко мне с заявлением:

Конституция всю ответственность за управление краем возлагает на правительство, и атаман сепаратных распоряжений отдавать не может. Между тем вы единолично отдаёте приказы в тоне старого режима, которые на местах производят отрицательное впечатление и могут вызвать вшышку неудовольствия среди казаков».

Комментарии излишни.

¹³⁶ Вот что писал по этому поводу Е.И. Ковтюх: «По прибытии казаков на Кубань в свои отделы и станицы началась стихийная расправа с ненавистными офицерами. Казаки судили офицеров своим судом и расправлялись с ними тут же на месте или собирали офицеров в особые группы, сажали в товарные вагоны и под усиленным конвоем, состоявшим из рядовых казаков, отправляли в Новороссийск, где привязывали им к шеям камни и топили в Чёрном море.

– На фронте мы делились с солдатами последним сухарём, – оправдывались многие. – Как же теперь мы будем с ними воевать?

Этот посыл был весьма популярен среди казаков-фронтовиков. Подавляющее большинство готово было принять любой мир при любом государственном устройстве. Октябрьский

Однако наиболее сознательная часть трудящегося казачества и крестьянства Кубани, не довольствуясь расправами с офицерами, стала готовиться к борьбе с кулачеством, помещиками и буржуазией».

Понятно, что риторика обусловлена, прежде всего, временем написания этих строк и установившейся конъюнктурой. Понятно, что если и были случаи «расправ» казаков над своими офицерами, то единичные. Нетрудно заметить, что в основе «сюжета» лежат три реальных события:

– захват 5 января офицеров-артиллеристов в Тимашевской (Эшелон с добровольцами следовал в Екатеринодар для получения артиллерийских орудий. На станции они были окружены отрядом местной Красной гвардии, сдать оружие отказались категорически и заявили, что на огонь ответят огнём. Оказавшийся в Тимашевской полковник Кубанского войска Фесько взял на себя роль посредника. Войдя в вагон с артиллеристами, он рекомендовал им сдать винтовки, так как в противном случае «были неизбежны невинные жертвы среди пассажиров-казаков, что могло взбудоражить ближайшую станцию, и тогда бы гибель офицеров была неминуема». В то же время, сдай добровольцы оружие, им, по словам Фесько, был гарантирован беспрепятственный проезд в Екатеринодар, за что полковник ручался. Едва добровольцы сдали винтовки, они были тут же арестованы и под конвоем препровождены в Новороссийск. По счастливой случайности их отправили в тюрьму, а не расстреляли сразу же. Части из них уже летом удалось присоединиться к Добровольческой армии. Остальные погибли или пропали без вести. Фесько же как ни в чём ни бывало проследовал в Екатеринодар и подтвердил слухи о происшедшем личном докладом. Председатель Правительства Быч требовал наказать полковника. Однако вскоре Фесько вошёл в группу его сторонников, и до зыскания дело не дошло);

– выдача матросам части командного состава солдатами Варнавинского полка;

– конфликт в Пашковской.

В первом случае этапированы в Новороссийск были следующие из Ростова в Екатеринодар за орудиями добровольцы. Во втором – казнены офицеры-варнавинцы, но никак не казачьи офицеры. Что касается Пашковской, то и там при активном участии помощника председателя Правительства по внутренним делам А.И. Калабухова, всех казачьих офицеров удалось целыми и невредимыми вывести из станицы.

И, тем не менее, наглядно демонстрируют, что массового выступления кубанских казаков на защиту своего Правительства ожидать не приходилось. А также не оставляют сомнения в том, что разгоравшаяся гражданская война не могла не быть бессмысленно жестокой по определению.

переворот представлялся очередной сменой власти и не более того. Тем более что большевики обещанное сразу и выполняли. Не на словах, а на деле кончали с войной. Думалось, всё так или иначе успокоится и образуется, а земли хватит на всех. Никому и в голову не приходило, что государство, каким бы оно ни было, допустит уничтожение Кубанского войска, столетиями защищавшего его рубежи.

И в результате Атаман и Войсковое правительство поставлены были перед неожиданным фактом, реальной военной силой они не располагали. Кубанский гвардейский дивизион, запасный пластунский батальон, Атаманский конвой, караульная команда, юнкера казачьего училища, черкесская сотня Туземной дивизии, в лучшем случае, несколько сот человек¹³⁷. О Кубанских конных полках и фронтовых пластунских батальонах можно было забыть. Они растворились в станицах¹³⁸.

25 ноября в Новороссийске под руководством М. Карякина и А.Е. Худанина приступила к работе Кубано-Черноморская конференция РСДРП(б), в которой приняли участие представители от большевистских групп и организаций практически всех городов и крупных станиц Кубани и Черноморья. Задача решалась одна: разработать план борьбы с Краевым правительством. Решение было принято соответствующее и вполне предсказуемое: подготовка и организация *военного* разгрома «контрреволюционных сил».

Неудивительно, что казачья верхушка стремилась теперь поскорее сблизится с представителями иногородних. 28 ноября чрезвычайная сессия Законодательной Рады постановила «для борьбы с анархией» созвать 9 декабря Краевую Раду и 12 декабря для совместной работы с Радой Областной Совет (иногородних).

¹³⁷ В Екатеринодаре была также расквартирована 233-я пехотная солдатская дружина, на которую Атаман вряд ли мог положиться.

¹³⁸ Положительным моментом было уже то, что и большевики не могли рассчитывать на казачьи строевые части. Определённые ожидания связаны были с возвращавшейся из Финляндии 5-й Кубанской дивизии, казалось, распропагандированной и готовой к решительным действиям. Однако, вернувшись на Кубань, казаки тут же разошлись по домам. Несмотря на все усилия комиссара СНК кубанского офицера Мирошниченко по прошествии нескольких дней дивизия перестала существовать.

9 декабря собралась Краевая Рада и одновременно с ней приступила к работе Вторая сессия Съезда неказачьего населения¹³⁹. Какое-то время Рада вынуждена была беспокоиться не принятием решений, а внутренними организационными вопросами. К восьми «фракциям», от каждого отдела и горской, добавилась девятая – фронтовиков¹⁴⁰. Настроены вернувшиеся с фронта казаки были весьма критически как по отношению к Краевому правительству, так и к Раде. Вся предшествующая деятельность Краевых казачьих властей, в том числе и законодательная, ставилась ими под сомнение. Любые инициативы встречались в штыки. Компромисс не находился, да его и не искали.

Дело дошло до того, что Атаман, члены Правительства и Войсковой контролёр заявили Раде о сложении своих полномочий.

– Только берите власть из наших рук вы, кубанцы, – говорил один из членов Правительства, – а не бросайте её на ветер большевистской демагогии...

Насколько всё это было рассчитанным театральным жестом с предсказуемым финалом, судить трудно. После перерыва фронтовики поднялись на эстраду, а Роговец с разрешения председателя собрания произнёс пылкую речь. В которой пояснил, что фронтовики «не так поняли», клялся, что и им дороги казачество, Кубань и Россия. Прервав речь, Роговец вдруг повернулся к фронтовикам и запел:

*– Ты, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь!
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь...*

---

¹³⁹ Оба представительных форума не сумели избежать раскола. В Зимнем театре заседала Рада с частью иногородних, ориентирующихся на старый, эсеровский Исполнительный комитет. В здании театра «Мон-Плезир» – большая часть иногородних с примкнувшими к ним десятью лево настроенными казаками. Решала всё, конечно, Рада.

¹⁴⁰ Это была группа уполномоченных на один из фронтовых съездов от Кубанских казачьих частей, принятая в свой состав Радой, «как представительница молодого фронтового казачества». Лидером фронтовиков был полковник Роговец.

Эта песня¹⁴¹, ставшая впоследствии гимном кубанских казаков, тогда ещё мало кому известная, произвела на зал шокирующее впечатление. Очевидцы утверждают, что старики плакали. Так или иначе, но конфликт «отцов» и «детей» на этом можно было считать исчерпанным. В дальнейшем и те, и другие вели себя по отношению друг к другу более чем предупредительно. Не в последнюю очередь и по этой причине Раде удалось воплотить в жизнь соглашение с иногородними о создании властных органов на паритетных началах. Но в то же время и недвусмысленно заявить, наконец, о своём отношении к большевикам¹⁴².

Паритет на Кубани обусловлен был теми же причинами, что и на Дону и оформлен был подобным образом. С 13 по 21 декабря на совместных заседаниях с представителями иногородних было утверждено следующее:

---

¹⁴¹ На стихи полкового священника 1-го Кавказского полка К. Образцева, написанные им в 1915 г. на Кавказском фронте. К осени 1915 г. «песня», первоначально названная автором «Плач Кубанских казаков», вместе с другими его стихотворениями была издана небольшим тиражом брошюрой в 6-8 страниц, и вскоре её уже распевали на бивуаках казаки 1-го Кавказского. В 1916 г. полк втянулся в череду длительных тяжёлых боёв. Было не до песен. Лишь много позже произведение Образцева получило широкое распространение и стало гимном кубанских казаков. Сам же отец Константин этого уже не увидел. Поведший антисоветскую агитацию, после развала фронта он был расстрелян солдатами в Тифлисе.

¹⁴² Вот что говорилось в её постановлении:

«1. Объявить во всеобщее сведение, что большевистская власть, установленная в Петрограде путём преступного насилия над Временным правительством, не признаётся Кубанской Краевой Радой, стоящей на страже завоеванной революции.

2. Что всякие распоряжения, приказы и декреты, издаваемые так называемым Советом Народных Комиссаров и его ставленниками, а равно и договоры, заключённые этим Советом, лишены обязательной для кого бы то ни было силы и заявления...

5. *Вменить в обязанность Войсковому атаману и Кубанскому Краевому правительству организовать в единении с правительством Юго-Восточного Союза военную защиту территории Кубанского Края и всех союзных областей от возможных нападений со стороны большевистских войск и вооружённых банд.*

Совершенно иную позицию заняла отколовшаяся часть Съезда иногородних. В своей резолюции от 14 декабря они признавали власть СНК и требовали немедленной передачи всей власти на Кубани Советам рабочих, казачьих, солдатских и крестьянских депутатов, избираемых прямым, всеобщим, равным, тайным голосованием.

1. Представительство в Законодательной Раде: 46 казаков, 46 иногородних, 8 горцев.
2. Представительство в Краевом правительстве: 5 казаков, 5 «неказаков», 1 горец.
3. Войсковой атаман и Председатель Правительства избираются исключительно из казаков.
4. Ценз оседлости для получения гражданских прав устанавливается сроком в 2 года.
5. На местах власть организуется следующим образом: там, где иногородних меньшинство, выборы производятся пропорционально; где же в меньшинстве казаки – в равных долях от обеих групп населения. Станичный атаман выбирается из казаков.
6. Вводятся земельные комитеты и с 14 января 1918 г. отменяется «посаженная» плата.

Всё это были вполне разумные шаги и здравые решения, но безнадежно запоздалые, и по этой причине в практическом применении малозначимые. Что могло повлечь за собой оздоровление ситуации в июле, в конце декабря положение вещей никоим образом не изменило. Главным образом потому, что как Войсковое правительство не обладало уже влиянием на возвращавшиеся с фронта Кубанские казачьи части, так и представители иногородних никоим образом не могли воздействовать на выбравших их некогда в представительные органы крестьян. Тем более, на пришлый солдатский элемент, ничьей власти, в том числе, зачастую, и собственных комитетов, не признававший.

Результаты июльского разрыва обернулись в итоге тем, чем и должны были обернуться. Казачье правительство, сделавшее ставку на одностороннее директивное решение всех проблем в свою пользу, получило в ответ ровно то же. Законодательное творчество и представительство во власти отошли далеко в сторону от жизненных реалий. Что касается Паритета, то он, как и на Дону, не прибавив правительству ни единого солдатского штыка, вряд ли хоть в малой степени поспособствовал

сплочению вокруг «паритетной» Рады казачьих шашек¹⁴³. И всё теперь решалось отнюдь не в представительных органах, а исключительно военной силой.

Раньше остальных поняли это большевики. Не являлось большим секретом и то, на кого в первую очередь они могли бы рассчитывать в неизбежной вооружённой борьбе. Кавказский фронт перестал существовать. Воинские части, захватив эшелоны, устремились на родину. Постепенно оформились два ос-

---

¹⁴³ 20 декабря Краевая Рада сформулировала свою политическую программу, затрагивающую основные вопросы общегосударственного устройства и гражданских прав населения. В частности декларировалось следующее:

– страна виделась как Российская Демократическая Федеративная Республика, единое государство «из крепко спаянных между собой федерирующих областей». Кубань – один из «равноправных её штатов»;

– воинская повинность должна была быть всеобщей, равной и обязательной для всего мужского населения России. Набор предполагалось производить по национальному и территориальному принципу. При этом подчёркивалось, что «казаки отбывают службу в казачьих частях с казачьим составом офицеров и должны отбывать службу на собственной территории». Оговаривалось также, что на казачьи формирования не могут быть возложены функции «полицейской службы». На защиту рубежей страны казачьи части могли выступить «лишь при исключительных обстоятельствах, грозящих существованию или спокойствию государства... совместно с другими войсками Российской Армии, но не иначе как с разрешения своего Войскового правительства»;

– все земли Российской Республики предполагалось бесплатно передать «трудовому населению». Но в то же время, «исходя из федеративного принципа и древне-казачьей обыкновенности... все земли Кубанского войска... как историческое достояние Кубанского войска, составляют неотъемлемую собственность Кубанского войска, и оно распоряжается ими самостоятельно и независимо... Земли крестьянские, наделные земли крестьянских товариществ и мелких собственников в пределах Кубанской области должны остаться за их владельцами в размере земельной нормы, имеющей быть установленной для Кубанской области...»

В этих декларациях – суть Паритета. И одновременно, неизбежная его обречённость. Привлечь таким способом крестьян было невозможно. Программные установки большевиков были куда привлекательнее: раздать всю землю в равных долях всем, кто её обрабатывает. Что касается столь значимой для Рады идеи федерализма, то неказачью часть населения Кубани она не затрагивала никоим образом. В то же время, казаки прекрасно понимали, если крестьянам что-то даётся, то лишь то, что предварительно отбирается у Войска. И осознание этого факта выступлению на защиту Краевого Паритетного правительства также не вдохновляло.

новых направления отхода. Одно – на Тифлис и далее на Баку и Северный Кавказ. Другое – в Трапезунд, откуда транспортные корабли развозили тысячи солдат по черноморским портам.

В Екатеринодаре 17 декабря большевики, договорившись с левыми эсерами и анархистами, «постановили начать вооружённую борьбу с Краевым правительством» и создали подпольный объединённый ревком во главе с «военным комиссаром» анархистом Тимофеевым.

На следующий день 18 декабря отколовшаяся часть Съезда иногородних, находившаяся под большевистским влиянием, избрала Кубанский Областной Совет Народных Депутатов под председательством всё того же И.И. Янковского. Совет постановил распоряжения Краевой Рады считать незаконными и созвать 20 января 1918 г. Первый Съезд Советов Кубанской области. В конце декабря Совет, посчитав, что Краевое правительство не допустит созыва Съезда Советов в Екатеринодаре, обратился за военной помощью «к расположенной в Тихорецкой 39-й дивизии и к новороссийским рабочим».

К этому времени головные эшелоны 39-й пехотной дивизии достигли границ Кубани и начали продвигаться по двум железнодорожным веткам в глубь Края. Вскоре её полки¹⁴⁴ заняли крупные железнодорожные узлы и расположились вокруг них, в частности, в Ставрополе, Кавказской, Гулькевичах, Армавире, Тихорецкой¹⁴⁵ и в районе Белой Глины, Песчанокопской и Тор-

---

¹⁴⁴ Н.Л. Янчевский говорит о трёх полках, «составляющих ядро Юго-Восточной армии», 153-м 154-м и 155-м. Видимо, имеется в виду, что большая часть 156-го Елисаветпольского полка стояла в пределах Ставрополя. По свидетельству И.Л. Хижняка позднее 153-й Бакинский и 154-й Дербентский полки, большинство солдат которых отказались от демобилизации, сохранили свои наименования и номера уже и в составе советских войск Северного Кавказа. 155-й и 156-й были вскоре расформированы, так как большая часть пехотинцев разъехалась по домам. Лишь часть солдат влилась в местные отряды Красной гвардии, которым было передано и всё вооружение.

¹⁴⁵ Узловая станция Тихорецкая имела для Краевого правительства первостепенное значение. Потеря ее, по сути, отрезала Кубань от Дона. Была предпринятая удачная поначалу попытка укрепиться на станции. Черноморский конный полк, остававшийся ещё верным Правительству, под командованием полковника Бабиева выдвинулся к Тихорецкой и без единого выстрела взял её под свой контроль. Был занят вокзал, выставлены патрули.

говой. Штаб дивизии находился под охраной двух батальонов в Тихорецкой.

В начале января из Новороссийска в Трапезунд была направлена советская делегация во главе с А.А. Яковлевым. Там они развернули агитационную работу, в которой весьма преуспели. 491-й Варнавинский полк, 41-й мортирный дивизион¹⁴⁶, батарея 21-го Кавказского горного артиллерийского дивизиона и часть солдат Ивангородского полка вскоре прибыли в Новороссийск и стали ядром формируемых советских войск. К середине января в Трапезунде был создан так называемый «Комитет по организации добровольческих отрядов для борьбы с контрреволюцией». Ему было предоставлено право внеочередной перевозки, что позволило спешно переправлять

Следовавшие на Ростов солдатские эшелоны Бабиевым задерживались и пропускались далее только после сдачи оружия. Местная, только лишь оформлявшаяся Красная гвардия, не могла противостоять строевой казачьей части и оставалась пассивна. Однако вскоре из соседней станицы Архангельской к станции в полном вооружении подошли сотни 22-го казачьего пластунского батальона и потребовали, чтобы «черноморцы» оставили Тихорецкую. Бабиев отправил в Екатеринодар делегацию на Войсковую Раду. Рада незамедлительно издала ряд приказов, нацеливающих кубанские части на защиту Края. Вводилась смертная казнь, создавался верховный суд для рассмотрения дел о неповиновении распоряжений Краевого правительства и отказа от его защиты. Однако все эти меры ничего уже изменить не могли. Неповиновение стало массовым. Черноморский полк, не желая вступать в вооружённый конфликт со своей же кубанской воинской частью, вынужден был в итоге уйти со станции, на которую в скором времени прибыли эшелоны 39-й пехотной дивизии.

7 января 1918 г. Антонов-Овсеенко телеграфировал в Смольный: «...На юге три корпуса Кавказской армии... отправили против Каледина частями 39 дивизию из Владикавказа. Занята Тихорецкая...»

¹⁴⁶ Вместе с солдатами пошло и некоторое число офицеров. Вот слова командира мортирного дивизиона штабс-капитана Марина, ставшего впоследствии начальником штаба советских войск: «Я по убеждениям только кадет. У вас, у большевиков, ничего не выйдет. Но раз мортирный дивизион пошёл, а я люблю своих солдат, – я буду с ними и буду честен».

491-й Варнавинский пехотный полк начал прибывать морем в Новороссийск с 18 января 1918 г. и размещался в выделенных Советом казармах. Было устроено собрание, на котором большевики призывали полк остаться в распоряжение Совета. Солдаты разделились на две практически равных части. Одна настаивала на немедленной демобилизации и проезде на родину. Другая признала советскую власть и выразила готовность встать на её защиту. К этим подразделениям Варнавинского полка присоединились также 41-й артиллерийский дивизион и батарея 21-го Кавказского горного дивизиона.

в Новороссийск те подразделения, которые выражали готовность воевать «против Каледина и Рады».

6.4.3. Добровольческие формирования. Капитан Покровский

Всё это заставило Краевое правительство также озаботиться организацией боеспособных военных формирований. Ещё 29 ноября командующим всеми кубанскими войсками был назначен бывший начальник 5-й Кубанской дивизии генерального штаба генерал-майор К.К. Чёрный. Одновременно был сформирован Полевой штаб¹⁴⁷, функцией которого была оперативная работа. Войсковой штаб оставил за собой мобилизационные мероприятия. Тогда же полковнику С.Г. Улагаю было предложено сформировать казачий партизанский отряд, чего сделать не удалось. Вся работа сводилась на нет, ввиду отсутствия войск, как таковых. 9 января Чёрный подал в отставку. На его место заступил генерал Букретов, который уже через неделю заявил, что «ничего не выйдет», так как казаки службу нести отказываются¹⁴⁸. 17 янва-

---

¹⁴⁷ Начальником Полевого штаба назначен был генерального штаба полковник В.Г. Науменко.

¹⁴⁸ «Выбор остановился на генерале Букретове, – пишет Филимонов, – не казаку по происхождению, подолгу служившем с нашими пластунами, георгиевском кавалере. Первые шаги и первое впечатление, произведённое новым командующим армией, были очень выгодны для него. Бычу казалось, что мы, наконец, нашли то, что нам нужно. Действительно, посетив однажды ночью, в момент большой тревоги (оказавшейся преувеличенной), походный штаб армии, мы лично наблюдали Букретова за работой и были очень удовлетворены его спокойствием, находчивостью и самоуверенностью. Но ровно через неделю Букретов явился ко мне во дворец бледный, расстроенный и заявил, что он болен и нести службу далее не может. Не было и тени бодрости и молодцеватости! Внезапность такой перемены меня очень озадачила. Я сказал Букретову, что не верю в его болезнь, что прикажу его освидетельствовать и предать суду.

– Ничего из этого не выйдет. Казаки, с которыми я служил в Закавказье и на которых я главным образом рассчитывал, отказываются мне повиноваться, – безнадежно опустив голову, ответил Букретов. – Близкие мне люди советуют бросить всё это, явно безнадежное дело. Делайте со мной, что хотите, но я не в состоянии служить.

Указание на то, что для военного человека трудность положения не есть повод к отказу от службы, чем тяжелее положение, тем крепче нужно стоять на своем посту, нисколько не тронуло Букретова».

ря его заменил генерального штаба генерал-лейтенант Гулыга, приход которого также мало что изменил¹⁴⁹.

В Правительстве постепенно оформилось понимание того, что даже и при благоприятном стечении обстоятельств одними лишь казачьими частями уже не обойтись. К началу декабря Рада разрешила отдельным офицерам формировать отряды добровольцев. С Кавказского фронта прибыл, наконец, «военный министр» Н.М. Успенский, принявший в этом деятельное участие. В экстренном порядке он провёл в Правительстве «Положение о службе в кубанских добровольческих отрядах», которое регламентировало порядок набора и прохождения службы в новых условиях, а также и определило вполне достойный размер денежного содержания. В результате, в первых числах января было сформировано несколько отрядов, именующихся по фамилии своих начальников: отряд войскового старшины П.А. Галаева (на 6 декабря 125 штыков, к началу января до 350 бойцов, 2 орудия, 6 пулемётов), полковника Демяника¹⁵⁰, позже – полковника Н.П. Лесивицкого. 1 января приказом начальника артиллерии Кубанского войска была сформирована и так называемая «2-я Кубанская казачья пластунская батарея» под командой только что прибывшего с фронта есаула Ю.Ф. Корсуна¹⁵¹ (первоначально 2 орудия и 10 человек прислуги, к середине января – ещё два взвода по два орудия в каждом).

Как и на Дону в отряды записывались по большей части фронтовые офицеры, как армейские, так и казачьи, и местная учащаяся молодёжь. Рядовые казаки и офицеры, успевшие осесть в городе и завести своё дело, в добровольцы не стремились. Понятно было, что в этих условиях формируемые отряды подчинялись Краевому правительству лишь номинально. Всё, в конечном счете, решали командиры. Отсюда и определённая

---

¹⁴⁹ «Доблестнейший генерал, – писал о нём Д.Е. Скобцов, – но привыкший действовать на широком фронте и к тому же имел пластунскую слабость к крепким напиткам».

¹⁵⁰ Бывший командир 154-го Дербентского полка.

¹⁵¹ На фронте был офицером 3-й Кубанской конной батареи.

натянута в отношениях между чиновниками Краевого правительства и «пришлыми» добровольцами¹⁵².

В.Л. Покровский

в качестве «кубанского добровольца» начал формировать отряд на свой страх и риск и сумел сплотить вокруг себя небольшую группу молодёжи.

Ситуация между тем обострялась. Если в Екатеринодаре Краевое Правительство ещё могло чувствовать себя в относительной безопасности¹⁵³, то отделы один за другим отпадали от

К этому же времени относится и начало деятельности на Кубани капитана В.Л. Покровского. Бывший военный лётчик обратился с просьбой разрешить сформировать особый отряд «Защиты Учредительного Собрания». Председатель Л.Л. Быч ему отказал, а на заседании Правительства так прокомментировал своё решение:

– Пусть едет к себе в Нижегородскую губернию формировать такие отряды...

Покровский, надо отдать ему должное, вовсе не был этим обескуражен. Он

¹⁵² Весьма настороженно относились к формированию отрядов из добровольцев как иногородние в паритетном правительстве, так и те, кто подумывал о выделении Края в самостоятельное государственное образование. В. Леонтович упоминает о следующем эпизоде. К Начальнику Войскового штаба Белоусову было направлено из отряда Покровского отношение о получении оружия для выдвигавшихся на фронт пополнений. Он вместо того, чтобы поспособствовать скорейшему вооружению добровольцев, Белоусов заявил, что «бумага составлена не по форме», о чём на отношении и написал и отправил его обратно в отряд. После ряда повторных обращений в различные инстанции разрешение было, наконец, получено. Но когда приёмщики прибыли на склад, караул от пластунского батальона выдать им вооружение отрез отказался. Пока не была сформирована специальная команда, сменившая в итоге казачий караул, оружие для пополнения так и не было получено. Имели место, конечно, и примеры прямо противоположные, когда коренные кубанцы совершенно бескорыстно помогали добровольцам всем, чем только могли.

¹⁵³ Д.Е. Скобцов утверждает, что только лишь выдача на Новый год спирта практически всем желающим предотвратила выступление в городе больше-

центра¹⁵⁴. Стоило частям 39-й пехотной дивизии обосноваться на севере Кубани, в близлежащих станицах образовывались ревкомы¹⁵⁵ из иногородних и казаков-фронтовиков, которые виков. Видимо, куда важнее то, что солдаты 233-й пехотной дружины в равной степени не горели желанием сражаться как за Краевое правительство, так и за Советы. Рабочие отряды, руководимые большевиками Л. Ивницким и Т. Сухининым, имели на скрытых складах до трёх тысяч винтовок, два пулемёта и даже два орудия. П.И. Вишнякова каким-то образом сумела привезти из Царицына два ящика гранат. Выступить без поддержки строевых солдатских частей большевики всё же не рисковали.

¹⁵⁴ «Состояние почти всех пунктов городского типа требовало для поддержания порядка особой воинской силы, но её-то как раз и не было... Между екатеринодарским правительственным центром и отдельными населёнными пунктами образовывались как бы провалы с неведомо как организованной общественно-политической жизнью, – пишет Д.Е. Скобцов. – В лучшем случае можно было допустить для этих провалов наличие нейтральности к Краевой власти, чаще это было начало образования враждебного очага».

¹⁵⁵ В этом отношении характерен пример Гулькевичей. В ноябре в село прибыл приобретший впоследствии широкую известность «солдат-портной» Никитенко. Село, сплошь иногороднее, выстроено было на казачьих землях, что и предопределило прорвавшееся недовольство. Никитенко оказался человеком решительным, смелым, неплохим, к тому же оратором, что для митинговой стихии являлось немаловажным фактором. Председателем организованного на сходе ревкома избрали именно его. Получив в свои руки власть, Никитенко развил бурную и целенаправленную деятельность. Связался с частями 39-й дивизии, стоявшей на станции Кавказской и получил от солдат оружие для организованного им отряда из крестьянской молодёжи. После этого, уже ничего не опасаясь, конфисковал земли и имущество местной «буржуазии», помещиков и арендаторов-тавричан, в том числе и сельскую мельницу. Помол Никитенко распределял лично. В первую очередь снабжались продовольствием подразделения 39-й дивизии, во вторую – его отряд. Что оставалось, распределялось среди населения. Люди жили одним днём, о будущем мало кто задумывался. Поэтому популярность Никитенко росла с каждым днём. Тем более что к тому же он оказался умелым организатором и решительным командиром. В боях под Армавиrom его отряд принял активное участие. Любопытно, что сам Никитенко Советскую власть признавал с большими оговорками. Он представлял её, как совокупность местных советов и ревкомов, контролирующих ту или иную территорию и практически независимых от центра. При каждом удобном случае он подчёркивал, это мы – жители Гулькевичей и прилегающих сёл и хуторов, а это – они, все остальные. В бою на окраине Армавира его отряд потерял одного человека, в то время как рабочие-красногвардейцы – десять. Тем не менее, Никитенко сразу собрал своих людей на площади возле тела убитого и, грозя плёткой в сторону центра города, стал выкрикивать: «Подлецы! Сволочи! Моих людей не жалуете! Я вам вспомню...» Отряд Никитенко вскоре разросся до нескольких сот хорошо вооружённых, преданных своему командиру бойцов.

в короткие сроки формировали местную Красную гвардию. По большей части, незначительную, не выходящую за рамки «своего» населённого пункта. Но местами становившуюся ядром крупных военных отрядов, принявших непосредственное участие в дальнейших событиях. Всё это в равной степени может быть отнесено и к Новороссийску. Продвижение солдатских эшелонов и установление власти Советов в крупных населённых пунктах способствовало отпадению от Екатеринодара близлежащих казачьих станиц. Что в свою очередь, обеспечивало дальнейшее распространение большевиков по направлению к краевому центру.

6 января в Армавире был создан Военно-революционный комитет, который объявил в городе Советскую власть. На следующий день подразделениями 39-й дивизии и рабочими отрядами были заняты все городские учреждения. Однако вскоре в станице Лабинской в штаб-квартире Лабинского полка состоялось офицерское собрание, на котором было принято решение собрать казачий отряд и выступить на Армавир. Собралось несколько сот вооружённых казаков, по пути следования к отряду присоединялись и новые бойцы. Положение для армавирского ВРК усугублялось ещё и тем, что и со стороны Кавказской выдвигался к городу казачий отряд. Пользуясь внезапностью нападения, «лабинцы» сумели ворваться на окраины Армавира, подошли к железнодорожной насыпи и виадук. Однако когда 15 января в бой вступили части 39-й дивизии, дальнейшее их продвижение было остановлено. Начались переговоры, поднятию боевого духа казаков не способствовавшие. По возобновлении боевых действий 16 января казачий отряд рассеялся¹⁵⁶.

9 января в результате вооруженного восстания рабочих и оказавших им содействие казаков 3-го запасного батальона произошёл большевистский переворот и в Майкопе.

Наступало время решительных людей и решительных дей-

---

¹⁵⁶ 18 января в городе был созван так называемый «Съезд 65-ти населённых пунктов Лабинского отдела», который признал власть Советов в центре и на Кубани, поддержал решение ВЦИК о разгоне Учредительного Собрания и обязал Армавирский ВРК «усилить организацию Красной гвардии и борьбу с контрреволюцией».

ствий. В первых числах января капитан Покровский во главе своего отряда в 60 человек совершил удачные налёты на близлежащие станицы. В результате его популярность возросла настолько, что Правительство официально признало за отрядом право на существование. Атаман выделил на его содержание 100 тысяч рублей¹⁵⁷. Приток добровольцев в отряд резко увеличился, и всё больше становилось в нём офицеров. На 2 января в отряде насчитывалось 200 добровольцев. К середине января – уже 350 штыков при 4-х орудиях и 4-х пулемётах¹⁵⁸.

В ночь с 6 на 7 Покровский по собственной инициативе произвёл на окраине города ряд арестов, как он в последствии пояснил, «главарей готовящегося выступления¹⁵⁹». 10 и 11 января уже Правительством были арестованы председатель Совета Народных Депутатов И.И. Янковский, товарищи председателя Скворцов, Выгриянов, Фрадкин, большевики А. Карякин, Лиманский и др. Всего до 25 человек¹⁶⁰. При аресте были застрелены большевик Седин и левый эсер Стрелько. 11 января отряд Покровского разоружил 233-ю дружину Государственного ополчения. Оружие было передано Войсковому штабу, солдаты распущены по домам¹⁶¹.

14 января по приказу Атамана была занята станица Ильская, где произведены обыски и аресты.

15 января¹⁶² Покровский совершил новый налёт. На этот раз

---

¹⁵⁷ Такая же сумма была выделена и Галаеву.

¹⁵⁸ Отряд поначалу состоял из двух пеших сотен и пулемётной команды. Первой, офицерской сотней командовал войсковой старшина И. Шайтор, второй, казачьей – есаул В. Пржевальский. Начальник пулемётной команды – поручик Морочный.

¹⁵⁹ С двумя десятками юнкеров Покровский на грузовике подъехал к дому, расположенному по адресу ул. Ростовская, 140, где на конспиративной квартире происходило заседание Екатеринодарского ВРК. Все его участники были арестованы.

¹⁶⁰ 13 января Совет взамен арестованного исполкома выделил из своего состава новый ВРК и предложил ему разоружить «контрреволюционные отряды» и захватить власть.

¹⁶¹ Роспуск сохранявшей нейтралитет дружины лишал большевиков последней надежды на успех вооружённого восстания в городе и развязывал руки Краевым властям для последующих активных действий.

¹⁶² По данным В. Леонтовича – в начале января.

на удалённую от Екатеринодара ст. Тимашевскую. И вновь удачно. Партизаны захватили врасплох военно-революционный комитет, арестовали и увезли с собой его председателя «комиссара» Хачатурова¹⁶³. Кроме того им без единого выстрела удалось разоружить несколько стоявших на путях солдатских эшелонов. Лишь когда отряд уже убывал обратно в Екатеринодар, его обстреляли со станции пластуны.

6.4.4. Энем. Афипская

К середине января на Кубани оформились три советских центра¹⁶⁴, где большевики чувствовали себя настолько уверенно, что могли уже повести наступление на Екатеринодар по главным железнодорожным магистралям от Кавказской – Армавира, Тихорецкой и Екатеринодара.

17 января в станице Крымской «членами местного Совета народных депутатов, членами екатеринодарского Совета народных депутатов и организацией РДРП (большевиков)» был созван Съезд представителей революционных станиц и воинских частей¹⁶⁵. Был избран Кубанский Областной ВРК и его председатель Я.В. Полуян. На Съезде присутствовали представители 39-й дивизии Бутко и Грушко, совместно с которыми был разработан план наступления на Екатеринодар: со стороны Новороссийска и одновременно от Тихорецкой. Предполагалось занять столицу Кубани к 25 января, чтобы обеспечить проведение в городе заранее запланированного на этот день Съезда Советов. В этот же день 17 января в адрес Краевого правительства было направлено требование о немедленном признании Советской власти, разоружении добровольческих отря-

---

¹⁶³ Когда отряд вернулся в Екатеринодар, в его расположение прибыл командующий войсками Кубанского края генерал Букретов и настоял на том, чтобы Хачатурова отпустили. По словам В. Леонтовича Букретов после отставки и эвакуации города Кубанским отрядом, оставался в Екатеринодаре при большевиках вплоть до прихода Добровольческой армии. При этом новой властью не преследовался, и даже завёл молочную ферму.

¹⁶⁴ Новороссийск, Тихорецкая, Кавказская.

¹⁶⁵ К этому времени Советскую власть признали большинство станиц Майкопского, Ейского, Баталпашинского и Таманского отделов.

дов, выдачи их командиров. В противном случае большевики грозили повести наступление на Екатеринодар 20 января.

19 января ЦИК Новороссийского Совета, заслушав сообщение А.П. Рондо¹⁶⁶ о занятии одним из правительственных отрядов станции Энем под Екатеринодаром, принял решение о наступлении.

Казалось бы, большевики в Новороссийске располагали достаточной военной силой. В городе и на побережье к середине января скопились тысячи, если не десятки тысяч солдат, вывезенных из Трапезунда флотом. Однако большинство воевать не желало. Желало добраться поскорее домой. Обе стороны вели усиленную агитацию. Совдеп прямо указывал, что Краевое правительство не допустит свободного передвижения солдатских эшелонов, и потому необходимо вначале разогнать его вооружённой силой, а потом уже сформировать эшелоны и без помех следовать на родину. И надо признать, что эти утверждения имели под собой некоторые основания. Екатеринодар действительно не пропускал на север *не сдавших оружия*.

В свою очередь было составлено и передано в Новороссийск воззвание, в котором солдатам гарантировался свободный проезд через город при условии сдачи частями вооружения на контрольном пункте, выставленном на станции Георгие-Афипской. Демобилизованным, выполнившим это условие, обещано было содействие на всём пути следования в пределах Кубани: оборудование на станциях питательных пунктов, обеспечение медицинской помощи и т.д. Воззвание было передано как в гарнизон, так и отдельным должностным лицам, однако начальник гарнизона капитан Атроблянко, по-видимому, не желавший обострять отношения с Советом, до всеобщего сведения его не довёл¹⁶⁷.

Следует отметить, что в Екатеринодаре к надвигающейся

¹⁶⁶ Председатель Совета, созданного 21 мая 1917 г. на хуторе Городском.

¹⁶⁷ С этим воззванием напрямую связана и трагедия Варнавинского полка. Офицеры-варнавинцы стали убеждать своих солдат сдать оружие и проследовать самостоятельно или группами в центральную Россию. В результате 40 офицеров были схвачены, переданы на корабли Черноморского флота и там утоплены матросами.

угрозе отнеслись со всей серьёзностью. 18 января М.П. Покровский был вызван во дворец Войскового атамана, имел с А.П. Филимоновым продолжительную беседу и подтвердил готовность отряда к боевым действиям. 20 января в помещении Войскового хора состоялось собрание *всех находящихся в Екатеринодаре офицеров*. Ситуация оценивалась выступавшими по-разному, порой диаметрально противоположно. Говоривший первым полковник Демяник заявил, что положение безнадежно, и он не видит другого выхода, как сложить оружие и «не противиться грядущему злу». Совершенно иную точку зрения высказал генерал-квартирмейстер Полевого штаба генерального штаба полковник Н.П. Лесивицкий¹⁶⁸. Он призвал офицеров встать на защиту Края и города и своей вдохновенной речью пробудил совесть у определённой их части. До 800 человек записались по окончании собрания в отряд, что почти удвоило силы, верные Краевому правительству.

Большевикам в Новороссийске удалось, наконец, убедить часть солдат выступить против Екатеринодара. 19 января разведчики из отряда Покровского обнаружили сосредоточение советских отрядов на станциях Тоннельной, Абинской, Линейной, Ильской, Северской, и Георгие-Афипской. 20 января отряд войскового старшины Галаева выступил из Екатеринодара с задачей занять и удерживать до подхода главных сил Чибийский железнодорожный мост, восточнее разъезда Энем, который, как предполагалось, уже занят большевиками¹⁶⁹. Тем же вечером на помощь Галаеву выдвинулся в эшелоне и отряд Покровского, усиленный сотней добровольцев-казаков, «стариков» ст. Пашковской¹⁷⁰. На рассвете 21 января отряд прибыл к мосту и начал выгружаться. У сторожевой будки Покровский с Галаевым договорились о совместных действиях.

¹⁶⁸ После оставления Екатеринодара больной Лесивицкий был захвачен в Горячем Ключе и казнён.

¹⁶⁹ Разъезд и станция Энем были заняты советскими отрядами 20 января.

¹⁷⁰ По свидетельству В. Леонтовича это были «старики» не столько по названию, сколько именно по возрасту, вооружённые к тому же берданками, так как с современным стрелковым оружием «знакомы не были».

22 января советский отряд повёл наступление от Энема¹⁷¹. Во главе его стоял всё тот же А.А. Яковлев, председатель Военно-революционного комитета, бывший юнкер Владимирского военного училища¹⁷². Определить состав и хотя бы приблизительно численность наступающих вряд ли возможно. Вероятно, точного ответа на этот вопрос не смогли бы дать и сами организаторы похода. Судя по активности и наступательной тактике советского отряда, перевес в силах у большевиков всё же был, и значительный. Можно предположить, что ВРК удалось мобилизовать от двух до трёх тысяч бойцов¹⁷³. «Войска» состояли из подразделения матросов Черноморского флота¹⁷⁴, рабочих дружин и сагитированных Советом солдат.

Руководство осуществлялось самим «командующим» Яковлевым и его помощником Перовым. Артиллерией командовал поручик Баранов. План боя был прост: выдвинуться от станции к мосту, форсировать р. Чибий, разгромить противника и расчистить себе дорогу на Екатеринодар. В действительности всё вышло совершенно иначе.

«...первое выступление – бой под Энемом – было горячим и быстрым, – пишет Н.Л. Янчевский, ссылающийся на Бушко-Жука. – Отряды были недостаточно организованы, связь между ними не была обеспечена, не говоря уже о том, что само вы-

¹⁷¹ Командующим «Новороссийским фронтом» был Бушко-Жук, оставшийся в городе.

¹⁷² При всём уважении к энергичному, инициативному Яковлеву, его назначение «командующим» свидетельствует, как о катастрофической нехватке военных кадров у большевиков, так и об отсутствии элементарной организации наступления.

¹⁷³ Вот что пишет по этому поводу Н.Л. Янчевский: «...в распоряжении Военно-Революционного Комитета находились красногвардейские части, численностью не более пятисот человек, при четырёх горных орудиях и нескольких пулемётах...»

А вот слова В. Леонтовича: «Первоначально численность врага определялась в четыре тысячи штыков, при 12 орудиях и весьма большом количестве тяжёлых и лёгких пулемётов. В действительности же состав красной армии был гораздо значительнее и доходил до девяти тысяч человек...»

Очевидно, что при подобных расхождениях истина лежит где-то посередине. Большинство эмигрантских источников говорят о 4000 красногвардейцев и 600 бойцах в отрядах Покровского и Галаева.

¹⁷⁴ Матросов было немного. Весь почти флот стоял в Севастополе.

ступление было преждевременно, так как части 39-й дивизии, которые должны были наступать на Екатеринодар с востока, с выступлением запоздали...¹⁷⁵ Численность белогвардейских войск, действовавших под командой капитана Галаева, была равна приблизительно численности наступавших революционных частей, однако на стороне белых было то преимущество, что они были лучше организованы и вооружены. Во время боя был убит командующий отрядом тов. Яковлев и тов. Перов. К тому же командующий артиллерией поручик Баранов изменил во время боя...»

Бой под Энемом, сыгравший ключевую роль на Новороссийском направлении и оттянувший уход Краевого правительства из Екатеринодара более чем на месяц, заслуживает того, чтобы остановиться на нём подробнее.

На рассвете 22 января к Покровскому прибыли парламентёры, которые попытались убедить его и Галаева не препятствовать продвижению советских войск. Переговоры ни к чему не привели, парламентёров взяли под арест.

По договорённости с Галаевым отряд Покровского оставлял позиции у моста и, следуя через аул Тахтамукаевский, выходил к станции Энем и наносил удар по правому флангу и тылу противника. В свою очередь Галаев, удерживая мост, должен был сковать и стянуть на себя наступавшие советские отряды. В 9 часов утра колонна Покровского уже втянулась в аул, но за околицей путь к Энему отряду преградили две сотни пластунов из станицы Георгие-Афипской, «сорганизованных» накануне большевиками и выставленных для прикрытия фланга. Отряд развернулся в цепи, но воевать с казаками не пришлось. Пластуны заявили, что готовы подчиниться «законной» Крае-

---

¹⁷⁵ Надо полагать, что конкретная дата наступления на Съезде в Крымской вообще не была определена, и не столько части 39-й дивизии запоздали с выступлением, сколько никто их о нём не известил. Непонятно также, какими полномочиями были наделены представители дивизии, договорившиеся, якобы, о совместных действиях. К тому же до 25 января 39-я пехотная организационно не была никому подчинена, директив не имела, в серьёзные дела пока не ввязывалась. Ситуация изменилась лишь с прибытием в Тихорецкую Автономова. Но и тогда дивизия не пошла сразу на Екатеринодар. Первоочередной задачей, определённой Антоновым-Овсеенко, был Батайск.

вой власти, сдали оружие и под конвоем взвода стариков-пашковцев были препровождены в Тахтамукай. После этого отряд в развёрнутом боевом порядке беспрепятственно выдвинулся непосредственно к разъезду и станции.

Большевики между тем повели фронтальное наступление на мост. Часть сил оставалась на станции, остальные двинулись вдоль железнодорожного полотна вперёд. Бой с самого начала принял ожесточённый характер, атаки следовали одна за другой, и Галаеву приходилось нелегко. В какой-то момент матросы ворвались на мост, но были встречены пулемётным огнём в упор¹⁷⁶. Советские отряды стянулись постепенно к полотну и перемешались на узком, окружённом плавнями участке. Управление, если и осуществляемое изначально, было у моста потеряно.

Солдаты, матросы, красногвардейцы скучились вдоль берега Чибия по обе стороны от железнодорожной насыпи, постреливали, но атаковать больше не пытались. Едва ближе к вечеру в тылу раздалась стрельба и крики «Ура!», сказала неустойчивость разношерстных, наскоро собранных отрядов. Паника распространилась мгновенно. Позиции у моста были тут же оставлены, четыре действующих орудия и пулемёты брошены. Все побежали назад, преследуемые перешедшими реку «галаевцами». Увидев, что станция уже занята, большая часть солдат и красногвардейцев обогнула Энем с запада и позже была выведена одним из уцелевших командиров Алексанкиным к Георгие-Афипской, расположенной в шести километрах юго-восточнее Энема. Те, кто решил пробиваться вдоль путей, были переколоты на станции. Остальные рассеялись.

Обходной манёвр отряда Покровского решил исход боя. Его

---

¹⁷⁶ Свой подвиг, стоивший ей жизни, совершила женщина-офицер Зинаида Бархаш. Появление её в отряде Галаева не было делом случая. Она участвовала в последних арьергардных боях в Галиции, защищала в составе Ударного батальона Зимний дворец, пробралась на Кубань и одной из первых записалась в добровольцы. В критический момент боя, прапорщик Бархаш выкатила свой пулемёт на открытую позицию к рельсам и несколькими очередями вдоль полотна сорвала атаку моряков. Ответным огнём была застрелена на месте. Удивительно, но даже имя её точно не установлено. Так К.Н. Николаев именует девушку Татьяной.

цепи были обнаружены, когда по сути, уже ворвались в посёлок. Недолгая стрельба сменилась штыковым боем, в котором офицеры-добровольцы имели безусловное преимущество, особенно в сравнении с необученными красногвардейцами. Разгром был полный. У стационарного помещения командир офицерской сотни войсковой старшина Шайтор опрашивал задержанного молодого человека.

– Кто вы такой?

– Я юнкер Яковлев, командующий...

Тут же он был застрелен войсковым старшиной на месте.

Сопrotивление прекратилось. Бегущие рабочие и солдаты, побросав винтовки, рассеялись по всему полю. Им стреляли из пулемётов в спину. Попытавшихся вытаскивать из вагонов и прикалывали на путях. Пленных не брали, и потому наибольшие потери большевики понесли именно на станции и на подходах к ней. От полного уничтожения отряд погибшего Яковлева спасло лишь отсутствие у противника кавалерии.

Стрельба стихла. Лишь раздавались ещё там и тут одиночные выстрелы. Да окликали друг друга опасавшиеся выстрелить в суматохе в своих бойцы соединившихся на станции отрядов:

– Покровцы!

– Галаевцы!

Большевики одними лишь убитыми потеряли несколько сот человек¹⁷⁷. Победителям достались брошенные орудия, пулемёты, подобраны были сотни трехлинеек. Эшелоны с имуществом и боеприпасами также перешли к добровольцам. Моральные потери были куда значимее. Боевой дух был утрачен совершенно, что самым негативным образом сказалось в ближайшие дни.

В сравнении с достигнутым успехом потери екатеринодарской группы были ничтожны. В отряде Покровского 12 человек были убиты¹⁷⁸ и 21 ранен. Сопоставимыми были потери в отря-

¹⁷⁷ В Леонтович утверждает, что не меньше тысячи. Но склонность его к преувеличению и сам характер скоротечного боя заставляют усомниться в достоверности этого.

¹⁷⁸ Один из погибших начальник пулемётной команды поручик Морочный.

де Галаева. Однако во время атаки от моста к разъезду был убит сам Галаев¹⁷⁹, что также повлекло за собой самые серьёзные последствия.

Если к Покровскому эмигрантские источники относятся *по-разному*, то Галаеву единодушно и безусловно симпатизируют¹⁸⁰ и сходятся в одном. Будь войсковой старшина во главе правительственных отрядов или хотя бы оставайся он в строю, всё могло бы ещё случиться иначе. И надо признать эту мысль имеющей право на существование. В отличие от Покровского, тяготеющего к политическому антуражу, Галаев всё внимание уделял фронту и отряду. К тому же он был окопником, строевиком, знал жизнь именно армейской пехотной части, а не только и не столько партизанской. Имел куда больший опыт командования и понимание необходимости поддержания в любой обстановке дисциплины и надлежащего исполнения караульной службы. Покровский, при всём уважении, от всего этого был далёк. Но, как известно, на войне мелочей не бывает. Именно от них зачастую зависит участь боя...

Разгром под Энемом изменил настроения в Краевом правительстве кардинальным образом. Обречённость сменилась в одночасье радужными надеждами. Во всяком случае, на будущее многие смотрели уже с оптимизмом¹⁸¹. Изменилось и от-

¹⁷⁹ Тела Галаева и Бархаш были захоронены в усыпальнице Екатеринодарского Войскового Собора.

¹⁸⁰ «...Галаев является достойнейшим представителем русского офицерства, – писал Филимонов. – Я до сего времени не могу о нём вспомнить без чувства самого благоговейного преклонения. На фоне уже тогда обнаружившейся распущенности, разврата, шарлатанства и авантюризма Галаев выгодно выделялся благородством своего поведения, мужеством и непреклонной волею бескорыстно служить краю и народу...»

Галаев, несомненно, подготовил капитану Покровскому его победу у станции Георгие-Афипской...

Краткое мое знакомство с Галаевым останется самым светлым воспоминанием от периода общероссийской Смуты».

¹⁸¹ Уже на следующий день 23 января в екатеринодарских газетах была опубликована телеграмма от 17 января, направленная от ВРК Кубани и Черноморья в адрес Краевого правительства, в которой в частности говорилось: «Не вмешивайтесь в дела съезда советов, пусть трудящиеся разрешат вопрос о власти на Кубани, сами отойдите от власти и разоружите дружины. Предоставьте судьбу Кубани съезду. Кубань – банкрот, хозяйство разрушено,

ношение Краевой власти к добровольческим формированиям. Уже к вечеру была налажена связь, прибыл направленный из Екатеринодара санитарный состав, который тут же развернул на разъезде перевязочный пункт, а позже вывез в город всех раненых. Городское самоуправление выделило и доставило на станцию запасы продовольствия.

Главное, группами и поодиночке стали прибывать в Энем новые добровольцы. Уже в ночь пришла и влилась в состав отряда строевая кавалерийская казачья часть – сотня Гвардейского Кубанского дивизиона. В последующие два дня из Екатеринодара подошла сотня юнкеров Кубано-Софиевского военного училища¹⁸² и две конных сотни Черкесского полка. Вскоре в отряде насчитывалось уже до тысячи штыков и 250-300 сабель.

Что касается Новороссийска, то и здесь поражение не осталось незамеченным. Нашлись трезвомыслящие люди, выразившие сомнение в том, что победа над офицерскими добровольческими отрядами силами в массе своей необученной Красной гвардии без соответствующей подготовки и минимальной организации возможна в принципе. «По словам Бушко-Жук, – пишет Янчевский, – на все его возражения, что разбить белые части не пустяковое дело, одни ему отвечали: «Революционеры не отступают», другие: «В три счёта расшибём (Серадзе и Алексанкин)». О неизбежном падении боевого духа и веры в себя у бойцов, бежавших от Энема, никто из них не думал. В итоге победила точка зрения «военного министра» И.А. Серадзе. Сам он с наскоку собранным отрядом, преимущественно из новороссийских рабочих, прибыл на станцию Георгие-Афипскую на помощь Алексанкину и принял командование.

в пролитии крови вина на вас. Область вам не верит, шутками власти не удержите, решайте до ультиматума. Отвечайте. Адрес: Крымская, военно-революционный комитет Кубанского совета народных депутатов». После Энема опубликование подобной телеграммы уже не казалось Правительству свидетельством силы большевиков, но напротив, представлялось демонстрацией уверенности Краевых властей, а в психологическом и чисто военном плане, мобилизующим фактором.

¹⁸² Юнкеров привёл их курсовой офицер капитан Трипольский.

Развернуть новое наступление бывший прапорщик Серадзе не успел¹⁸³.

В ночь на 24 февраля вставший после гибели Галаева во главе объединённого отряда Покровский упредил его возможные инициативы. Перейти к активным действиям его вынуждало численное превосходство противника¹⁸⁴, непрерывно прибывающие к Серадзе подкрепления и понятное желание использовать и развить достигнутый успех. Пробравшиеся в Энем из Афипской старики-казаки сообщили, что «силы Серадзе всё время увеличиваются прибывающими из Новороссийска частями и что большевики в ближайшие дни готовятся перейти в наступление».

Учитывая всё это, Покровский принял решение – атаковать первым. Предполагалось передовому отряду скрытно подойти к железнодорожному мосту через Афипсис¹⁸⁵, сбить заставу большевиков и обеспечить тем самым для главных сил возможность внезапного нападения на станцию и станицу. При этом дивизион Черкесского полка должен был занять ближайший к станице аул Верхний Бжеготай, переправиться вброд через Афипсис и с началом боя ударить во фланг и тыл противника. Сотня Гвардейского дивизиона оставалась в резерве.

В 23.00 23 января Покровский выстроил отряд и коротко обозначил командирам подразделений задачу. Чтобы различить в темноте своих, людям предварительно была роздана марля, из которой каждый сделал себе белую повязку на левом рукаве шинели. В полночь офицерская сотня под командой войскового старшины Шайтора в полной тишине начала выдвигаться к мосту. В сотне метрах позади шла остальная пехота. К

---

¹⁸³ План был прост. Сосредоточить в Георгие-Афипской все наличные силы и используя сохранявшееся численное превосходство раздавить отряд Покровского фронтальной атакой. Объясняя неудачу под Энемом Серадзе писал в Новороссийск: «Белогвардейцев хотя и немного, но они отлично вооружены; у них в изобилии – артиллерия и пулемёты...»

¹⁸⁴ В. Леонитович оценивает численность советских отрядов, сосредоточившихся в Георгие-Афипской в 6000 штыков.

¹⁸⁵ Ныне р. Афипс.

этому времени от черкесских сотен пришло донесение, что аул Бжеготай уже занят и они готовы к атаке.

Надо отдать должное И.А. Серадзе, разумные меры предосторожности он принял и о дисциплине позаботился. Караул не спал. Едва офицерская сотня приблизилась к мосту, последовал окрик часового:

– Стой! Кто идёт?

Тут же грянуло «Ура!», сотня ворвалась на мост, в несколько минут смяла заставу, переколов на месте немногочисленных солдат. Вся колонна в едином порыве проскочила через реку и, разворачиваясь на ходу в цепи, устремила к станции.

Солдаты и красногвардейцы спали в станционных постройках. Едва раздалась стрельба на путях, большая их часть, не пытаясь оказать сопротивления, стала разбегаться в степь. На платформе стоял Серадзе со штабом, пытался отдавать приказы, но его никто не слушал. К «военному министру» подскочил юнкер Муссаев и ударил штыком в грудь. Серадзе выстрелом из револьвера успел раздробить ему челюсть. Оба упали...

Немало красногвардейцев укрылось в залах ожидания 1-го, 2-го и 3-го классов. Кто-то из офицеров, не растерявшись, приказал сдать оружие. После минутного замешательства все положили винтовки и сдались. В помещении дежурных железнодорожных агентов бы захвачен штаб отряда Серадзе, часть не успевших скрыться штабных работников¹⁸⁶, вся канцелярия и переписка.

Тут и там на путях и у станционных построек группы рабочих и солдат пытались организовать сопротивление, но оно тут же было подавлялось. Большая часть отряда отошла на станцию Северскую в шести километрах от Афипской. Остальные

---

¹⁸⁶ В числе захваченных в штабе оказалась и П.И. Вишнякова, принявшая участие в походе на Екатеринодар. Однако каким-то образом женщине удалось бежать. Любопытно, что похожий эпизод уже случился в её биографии. 3 сентября 1907 г. на её квартире был произведён обыск, в ходе которого жандармами были обнаружены материалы, полностью уличающие Прасковью Ивановну в революционной деятельности (в частности, чековые книжки с печатью Кубанского комитета РСДРП). Вишнякова была взята под арест, но, не растерявшись, под надуманным предлогом попросила выпустить её на улицу и тут же скрылась.

погибли в скоротечном штыковом бою либо оказались в плену. Всё военное и интендантское имущество, оставленное на станции, вновь досталось победителям.

Тем не менее, к 7 утра уцелевшим командирам удалось собрать возле себя и вновь организовать отступивших к Северской бойцов. Паника была прекращена, большевики повели наступление на оставленную ночью Георгие-Афипскую. В центре двигался эшелон с установленными на открытых платформах орудиями. Справа и слева от полотна шли густые стрелковые цепи. Развернулся в боевой порядок и отряд Покровского. Какое-то время советская артиллерия безнаказанно и весьма интенсивно обстреливала станцию. Вскоре из Энема подошла полубатарейка капитана Никитина и открыла ответный огонь. Седьмым или восьмым снарядом был подбит паровоз. Прислуга, смущённая близкими разрывами, побросав орудия, подалась от неподвижного эшелона.

В это время высланный под командой сотника Нагайца взвод Гвардейского дивизиона зашёл в тыл советским войскам и подорвал железнодорожное полотно. Большевики, продвинувшиеся было к Афипской, вновь стали отходить на Северскую. Поднявшиеся в контратаку добровольческие цепи преследовали их и захватили брошенный эшелон и орудия. Дальнейшее преследование ввиду усталости людей и крайне малочисленной конницы было прекращено. К 12 часам бой закончился, и безусловная победа вновь осталась за Покровским.

В Георгие-Афипскую прибыли Войсковой атаман, командующий кубанскими войсками генерал И.Е. Гулыга, члены Правительства, включая и его Председателя. Отряд был выстроен у станции. А.П. Филимонов обратился к добровольцам с речью, в которой поздравил их «с исключительной победой» и выразил уверенность, что она явится залогом пробуждения казачества и подвигнет его встать на защиту Края. Поблагодарив бойцов, он направился в станицу, где выступил на сборе казаков.

Вечером на станции было проведено совещание. Покров-

ский доложил о замысле и результатах боя. По свидетельству В. Леонтовича, он настаивал на немедленном наступлении и скорейшем занятии Новороссийска. Однако Филимонов это весьма здравое предложение отклонил. В Войсковом штабе был разработан план боевых действий, согласно которому противнику следовало вначале нанести решающее поражение и обезопасить себя *на каждом из угрожаемых направлений*, и лишь после этого приступить к очищению Края. Поэтому вместо наступления на Новороссийск отряд Покровского перебрался против Тихорецкой.

Это явилось стратегической ошибкой. С военной точки зрения подобные действия не были лишены оснований, но логика гражданской войны требовала иного. Настроения и симпатии *колеблющихся*, в том числе и казачьих, масс определялись в немалой степени наглядным свидетельством перевеса одной из сторон. И в этом смысле занятие губернского центра имело бы основополагающее значение. От этого одного напрямую зависело как число казаков, решившихся выступить на защиту Краевого Правительства, так и количество штыков в красногвардейских отрядах. Займи Покровский Новороссийск, и уже не только всё юго-западное направление не упоминалось бы более в сводках боевых действий, не только приток солдат из Трапезунда был перекрыт раз и навсегда, но, главное, в близлежащих станицах формировались бы в помощь Екатеринодару конные и пластунские казачьи сотни, а не советские батальоны в поддержку большевиков...

Но приказы, как известно, не обсуждаются. Вечером того же дня отряд с прибывшими из Екатеринодара эшелонами был перевезён в Энем, где и заночевал. На станции Афипской оставлен был заслон. Одна сотня казаков из Пашковской под командованием сотника Бохана при двух орудиях знаменовали собой границу территории, на которую распространялась власть Краевого правительства. Для поддержания правопорядка и несения караульной и гарнизонной службы в станице Георгие-Афипской были сформированы две казачьих сотни. Общее командование в районе станции и станицы было возложено

Покровским на командира артиллерийского взвода подполковника Полянского¹⁸⁷.

Для сдерживания возможной активности советских войск этого оказалось более чем достаточно. Вечером 24 января, когда уже получены были сведения о поражении под Афипской, в Новороссийске состоялось расширенное заседание ВРК, на котором присутствовали также представители Красной гвардии и делегаты от Геленджика, Туапсе и Екатеринодара. Вопрос на повестке дня стоял один: что делать дальше? Недавняя эйфория сменилась растерянностью. Признано было, что без надлежащей организации и подготовки красногвардейцы обречены на поражение. От наступательной тактики на новороссийском направлении большевики отказывались. Деморализованные части от Северной были отведены к Тоннельной, где и заняли оборону с задачей прикрыть Новороссийск. Уверенности в удачном исходе при продолжении боевых действий, конечно же, не было. В равной степени это относится и к прибывшим с Кавказского фронта солдатам. Если и раньше большая их часть занимала нейтральную позицию, то теперь, после Энема и Афипской, число желающих влиться в советские отряды сократилось до минимума¹⁸⁸. Впрочем, те из них, кто ранее пошёл воевать за Советы, в большинстве оставались в строю. И напротив, Краевое правительство сочло теперь возможным проводить в зоне боёв мобилизацию казаков, которая поначалу проходила вполне успешно.

---

¹⁸⁷ К.Н. Николаев утверждает, что командовать заслоном, оставлен был войсковой старшина Чекалов. По-видимому, он являлся начальником станичного ополчения.

¹⁸⁸ Уже 23 января, до боя под Афипской, из Новороссийска была отправлена телеграмма следующего содержания: «...Севастополь. Центр. флот. – У Екатеринодара идут бои с контрреволюционными войсками Каледина (так в тексте у Антонова-Овсеенко, это, конечно же, описка). Положение серьёзное, умоляем перебросить несколько тысяч винтовок с патронами в Новороссийск, в виду того, что нет возможности убедить солдат, едущих домой с оружием сдавать таковое. Они помогают Каледину также; эшелоны под угрозой пулемётного огня разоружаются в Екатеринодаре. Во избежание этого, просим немедленно два миноносца или один крейсер с боевыми орудиями, необходима также трёх. дюйм. шрапнель. Новороссийский совет».

6.4.5. Равновесие. Бардиж. Полковник Покровский

Так или иначе, новороссийское направление, представлявшееся поначалу наиболее перспективным, в два дня потеряло для обеих сторон определяющее значение. Бои затихли. Стороны разошлись и *на этом участке фронта* более друг друга почти не беспокоили. Все надежды новороссийский комитет связывал теперь с Тихорецкой и Кавказской, где стояли сохранившие дисциплину и своих офицеров боевые части 39-й дивизии.

25 января прибывший в Тихорецкую А.И. Автономов¹⁸⁹ вступил

---

¹⁸⁹ История его появления в Тихорецкой такова. Ещё в декабре 1917 г. по оставлении Ростова часть комитетчиков перебралась в Царицын. Едва полки 39-й дивизии стали гарнизонами в Ставрополе и на севере Кубани, ростовские большевики решили действовать. В результате, как пишет Антонов-Овсеенко, «...казачья военная секция при Царицынском совдепе, штаб обороны гор. Царицына и Бюро Областного Военно-Революционного Комитета Донской области (создавшиеся в январе в Царицыне) организовали штаб «юго-восточной революционной армии» и избрали хорунжего Автономова её командующим». Понятно, что выбор был обусловлен катастрофической нехваткой «своих» военных кадров, а Автономов был казачьим офицером и к тому же зарекомендовал себя человеком левых взглядов и убеждённым противником Каледина. Но, следует признать, это «назначение» оказалось далеко не худшим.

На первый взгляд Автономов никак не походил на начальника, способного командовать не только соединением, а даже и казачьей сотней или стрелковой ротой. Но тот факт, что штаб 39-й дивизии безоговорочно, сразу по прибытии согласился признать его, в качестве командующего, говорит о многом. И дело тут не в мандате Донского ВРК, и даже не в Антонове-Овсеенко, утвердившего Автономова на должность. Тем более, не в стратегических талантах, которые открывались, или не открывались у всех по-новому и на полях новых боёв. Времена были такие, когда командиров выбирали зачастую прямо на митингах, и документы, направления вес имели далеко не решающий. Вот что пишет по этому поводу И.Л. Хижняк: «В 1918 году мне не раз доводилось встречаться с главкомом Автономовым... При первом знакомстве на нас он не произвёл особого впечатления. Невысокий, шуплый, белокурый Александр Исидорович Автономов мало походил на военного, хотя и был одет в нарядную черкеску. Был он близорук, носил очки. Но когда он выступил на митинге с блестящей страстной речью, наше мнение о нём сразу изменилось... В то время, когда в частях существовала выборность должностей, выдвинуться было легко. Для этого надо было, прежде всего, быть храбрым в бою и красноречивым на митингах...» Думается всё же, храбрости и красноречия было далеко не достаточно. Как легко было выдвинуться, так ещё легче – оказаться и смещённым. И не обладай Автономов, помимо ораторских, и несомненными организаторскими способностями, вряд ли он мог бы оставаться командующим столь долгое время.

А.И. Автономов

в командование советскими войсками, в том числе и расквартированными на станции частями 39-й пехотной дивизии и издал свой первый приказ о вступлении в должность командующего. Тут же им был сформирован штаб, в который, кроме самого Автономова, вошли Коротков (начальник штаба), Равикович (секретарь штаба), Бабкин, Внуков¹⁹⁰, Меньшиков и др.¹⁹¹.

Едва приняв командование, Автономов получил от Антонова-Овсеенко директиву о занятии Батайска и принялся стягивать в Тихорецкую разбросанные тут и там войска. 1(14) февраля он двинул к Батайску прибывший из Ставрополя 112-й полк и часть сил 153-го Бакинского полка. Станция и посёлок в результате многочасового боя были заняты, но добровольцы перед отходом оказали столь ожесточённое сопротивление, что солдаты замитинговали. Выборные представители 112-го полка потребовали провести немедленную демобилизацию. Полк снялся, погрузился в эшелоны и отправился обратно в Ставрополь, где и был вскоре расформирован. 153-й Бакинский оказался деморализованным настолько, что смог лишь обозначить наступление на Ростов с юга. А в решающий момент отказался выдвинуться к Ольгинской, куда и отошла без помех Добровольческая армия¹⁹². В ито-

¹⁹⁰ От штаба 39-й дивизии – Коротков и Внуков. От ростовских большевиков – Равикович.

¹⁹¹ Вскоре к Автономову прибыл и знакомый с ним ещё со времён казачьего фронтового съезда П.С. Гуменный, назначенный вскоре политкомиссаром при штабе одного из направлений.

¹⁹² Следует признать, что преследовать Корнилова не смогли, или не захотели и другие советские части. И выступил 153-й полк в одиночку против всей Добровольческой армии, он, весьма вероятно, был бы разгромлен у Ольгинской, даже, если бы и занял своевременно переправу.

ге, несмотря на энергичные усилия Автономова до середины февраля он при всём желании не мог организовать наступление на Екатеринодар от Тихорецкой¹⁹³.

Что касается Кавказской, то и здесь все усилия большевиков, направленные на немедленное наступление частей на Екатеринодар, не увенчались успехом. 2(15) февраля 1918 г. в Армавире собрался 1-й Областной Съезд Советов¹⁹⁴. Всего собралось более 100 делегатов. Большинство составляли казаки-фронтовики, меньшинство – иногородние. Из Новороссийска прибыл Я.В. Полуян. Съезд подтвердил намерение «бороться с Краевой властью», принял ряд решений, узаконивающих пере-

---

¹⁹³ При этом часть сил, а именно, подразделения 156-го Елисаветпольского полка пришлось двинуть в сторону Великокняжеской, откуда, как представлялось, могла исходить угроза.

¹⁹⁴ Первоначально планировалось провести его в Екатеринодаре 25 января. Однако до установления Советской власти сделать это в столице Кубани было невозможно. Делегатов съезда Атаман Филимонов приказал арестовывать прямо на вокзале. Ещё в декабре 1917 г. группа делегатов предгорных районов (до 20 человек) предложили созвать съезд на ст. Гулькевичи, где стоял в то время штаб 39-й дивизии. После Энема, когда стало понятным, что взятие Екатеринодара откладывается на неопределённое время, их предложение было принято. Отдельные ранее избранные делегаты Съезда Советов стали съезжаться в Гулькевичи, но их было немного. Село считалось оплотом Советской власти, но и тут не обошлось без проблем. Комиссар Никитенко (сам ли себе выписал Никитенко соответствующий мандат, или добился его от Армавирского совдепа, неизвестно, но все, от Янчевского до Скобцова называют его именно «комиссаром»), в чьих руках сосредоточилась к концу января вся местная власть, встречал прибывающих неприветливо. «Председатель местного Военно-Революционного Комитета, – пишет Борисенко, – впоследствии известный бандит Никитенко, мешал занятиям съезда, дезорганизуя их». «Власть приехали создавать, – заявил он делегатам. – За чужую спину будете прятаться?! За власть надо воевать!..» Тем не менее, на многолюдном митинге были избраны на место недостающих новые депутаты, отпечатаны воззвания, и через несколько дней Съезд приступил к работе. Никитенко изменил тактику и попытался решениями Съезда узаконить и упрочить своё положение, по сути, поселкового военного диктатора. «Никитенко, – пишет Янчевский, – пытался использовать съезд для укрепления «своей» власти, поэтому съезд решил переехать в Армавир. Здесь влились в состав съезда делегаты от Армавира». Из всего сказанного неизбежно вытекает вывод. Советские руководители меньше всего были озабочены представительностью Областного Съезда Советов. Главной целью было его именем во что бы то ни стало двинуть войска от Кавказской и Армавира на Екатеринодар.

распределение земли, и избрал Исполнительный комитет¹⁹⁵, и комиссара отдела. Исполком принялся организовывать под командой Балахнина красногвардейские отряды, но дело далеко не продвинулось¹⁹⁶. Солдаты остающихся ещё в отделе подразделений 39-й дивизии в большинстве демобилизовались и уехали на родину. Лишь незначительная их часть готова была вступить в Красную гвардию. Что касается местных командиров, то они вовсе не желали воевать вне своих сёл и станиц. Никитенко прямо заявил, что выступить не может, так как должен оберегать Советскую власть в Гулькевичах. В результате двинуть разношерстные, никому, кроме своих выборных командиров, не подчиняющиеся отряды на Екатеринодар так и не рискнули. Намеченное ещё на 25 января наступление провалилось.

Таким образом, на какое-то время Краевое правительство получило передышку, использовать которую должным образом не сумело.

26 января Покровский с отрядом прибыл в Екатеринодар. Ему была устроена триумфальная встреча. Многочисленная публика заполнила дебаркадеры и зал Владикавказского вокзала. Улица, ведущая в город, также была заполнена людьми. На протяжении всего пути тут и там были вывешены национальные флаги.

Покровского на вокзале встречали Атаман Филимонов с чинами Войскового штаба, председатель Быч, члены Правительства и Рады, Городской голова с членами Думы и многочисленные представители других организаций. Городом и дамским кружком в одном из ресторанов был организован обед для всех чинов отряда. Впечатление было такое, что война если уже и не выиграна, то исход её предопределён. Результаты первых по-

---

¹⁹⁵ В Исполком были избраны, в частности, от большевиков Ян Полуян, Гайчинец, Борисенко и др., от левых эсеров, в том числе, и упомянутый Никитенко. 5(18) февраля Съезд закончил свою работу.

¹⁹⁶ По свидетельству Борисенко «никто не знал толком, чем же надо заняться, какие же работы нужно проводить, как их проводить, на кого опереться в своей работе...» Антонов-Овсеенко утверждает, что «ввиду недостатка в патронах и снарядах, солдаты отказались выступить, и операцию пришлось отложить». Но, думается, главная причина срыва наступления была иная. Солдаты разъехались по домам.

бед с восприятием их властями и сочувствующим им населением оказались несопоставимыми, что неизбежно расхолаживало многих. А между тем всё ещё только начиналось, и главные бои были впереди...

Эшелоны стали на путях. Отряд высадился и выстроился на перроне. Покровский подошёл с рапортом к Войсковому атаману, после чего в краткой приветственной речи Филимонов поблагодарил отряд за проявленную в боях доблесть. «От имени Кубанского казачьего войска, – обратился он к Покровскому, – его Правительства и Рады за исключительные Ваши заслуги перед Областью награждаю вас чином полковника и прошу теперь же представить всех чинов отряда к боевым наградам». Адъютант тут же заменил ему капитанские погоны на полковничьи¹⁹⁷. Покровского подняли на руки и понесли к выходу¹⁹⁸.

Дальнейшее, по свидетельству многочисленных очевидцев, напоминало въезд триумфатора в Рим. Отряд растянулся по Екатеринодарской и Красной улицам. За частями шли повозки, нагруженные военной добычей, за ними – захваченные орудия. На одной из двуколок лежал тяжело раненный И.А. Серадзе¹⁹⁹. Тут же рядом в полушубке следовал на коне свежеиспечённый полковник Покровский...

Согласно выработанному Войсковым штабом плану отряд полковника Н.П. Лесивицкого был двинут по направлению к Кавказской. Лесивицкий занял станицу Усть-Лабинскую и перешёл к обороне. Дальнейшее продвижение было невозможно

¹⁹⁷ «Мне было доложено, – оправдывается Филимонов, – что Покровский давно выслужил право на чин подполковника и только вследствие падения центральной власти он остался капитаном и что поэтому производство его в чин подполковника не явилось бы наградой за блестящее дело под Георгие-Афипской станицей. Поэтому пришлось перескочить через чин».

¹⁹⁸ «...чрезвычайно восторженная встреча благодарным населением города своего спасителя вскружили голову молодому, честолюбивому офицеру, – пишет Филимонов. – Когда я увидел Виктора Леонидовича въезжающим триумфатором во главе войск, в сопровождении трофеев, приветствуемого кликами толпы и осыпаемого цветами, я понял, что мы навсегда теряем лихого партизана, что в голове его зародятся мысли иного порядка и что скромная роль начальника партизанского отряда уже более не удовлетворит его».

¹⁹⁹ 26 января скончался в городской больнице.

ввиду малочисленности отряда и поголовной советизации лежащих впереди станиц.

Главные силы, ядром которых был пополнившийся новыми добровольцами отряд Покровского, должен был занять Тихорецкую. О перспективах восстановления связи с Доном не говорилось. Так далеко никто не заглядывал.

К.Л. Бардиж

К Тимашевской был направлен отряд капитана Раевского, действовавший вскоре совместно с К.Л. Бадрижем, заслуживающим особого упоминания. Ещё в конце декабря им была задумана и осуществлена экспедиция по маршруту Медведовская – Тимашевская – Приморско-Ахтарская. Цель предприятия заключалась в том, чтобы разогнать формирующиеся отряды Красной гвардии и мобилизовать сохранявших нейтралитет казаков на борьбу с большевиками.

Продвигаться предполагалось по железной дороге. Поэтому на путях у Черноморского вокзала в короткие сроки была оборудована бронеплощадка, состоявшая из 8 «объектов»: паровоза, двух оружейных и двух пулемётных платформ, двух крытых и одного классного вагона, в котором находился сам Бардиж и штаб²⁰⁰. На платформах на импровизированные лафеты установили два орудия образца 1902 г. Прислуга была защищена стальными щитами, установленными у орудий и пулемётов. Вдоль бортов открытых платформ и стен крытых вагонов, в которых располагались артиллеристы и часть отряда стрелков, проложили мешки с песком.

²⁰⁰ Паровоз с классным вагоном располагались в середине состава, а от них вправо и влево симметрично расходились по одному крытому вагону, по одной пулемётной и артиллерийской платформе. Все вагоны и паровоз были соединены с классным вагоном Бардижа телефонной связью.

В экспедицию приказом Командующего войсками Кубанского края был выделен один взвод батареи Ю.Ф. Корсуна. Сам есаул командовал артиллерией, капитан Раевский – пулемётчиками и пехотой.

В начале января бронелетучка²⁰¹ была подготовлена, и Бардиж отдал приказ выступать. При подходе к станичным станциям эшелон на всякий случай сбавлял ход. Команда изготавливалась у орудий и пулемётов, а пехота рассыпалась жиденькой цепью вправо и влево от вагонов. Огонь был открыт лишь однажды, в Приморско-Ахтарской. Орудия бронелетучки обстреливали спешно уходивший из станицы отряд местной Красной гвардии²⁰².

На занятых станциях Бардиж собирал казаков на митинг, убеждая их одуматься и выступить на защиту Краевого правительства с оружием в руках. Старики слушали его весьма сочувственно, фронтовая молодёжь доводов Бардижа не воспринимала. Всё предприятие продолжалось несколько дней и ощутимых результатов не принесло. Бронелетучка возвратилась в Екатеринодар. Артиллерийский взвод вернулся в свою батарею.

После этой, не переломившей настроения приморских казаков, экспедиции Бардиж перестал посещать заседания Правительства и вышел из его состава. Своё поведение он объяснил следующими словами: «Без пшена каши не сварить». Имелось в виду, что без *казачьих войск* Кубань не спасти. Бардиж с двумя сыновьями перебрался в станицу Брюховецкую²⁰³, где попытался поднять казаков на борьбу с Советами. При этом всё, связанное с Паритетом, было им отброшено, а на вооружение взята идеология старых украинских «гайдамаков» времён Запорожской Сечи. Что реально под этим подразумевалось, ска-

²⁰¹ Умельцы-энтузиасты, оборудовавшие для экспедиции Бардижа несколько стоявших на путях платформ и вагонов, гордо называли своё детище «1-м бронепоездом».

²⁰² Отряд в 50-60 штыков сформировал прибывший в станицу большевик П.К. Зоненко. Отступая от Приморско-Ахтарской, он погрузил своих людей в лодки и от Ясневской косы морем переправил красногвардейцев в Ейск.

²⁰³ Уроженцем которой он являлся.

зять трудно, так как программных заявлений Бардиж оставить не успел²⁰⁴.

Собрался отряд в несколько сот сабель с симпатизирующими Бардижу казачьими офицерами во главе²⁰⁵. «По станицам рыскал со своим вооружённым отрядом комиссар Временного правительства Кубани²⁰⁶ Бардиж, – пишет И.Л. Хижняк. – Он громил только что зарождающиеся отряды Красной гвардии, агитировал казачьи части, чтобы они переходили на сторону Кубанской рады». Несмотря на обозначившуюся уже оторванность от Екатеринодара, Бардижу удалось совершить ещё несколько удачных набегов.

В какой-то момент он посчитал, что в силах оказать помощь Дону и нанести удар с юга на Батайск. Специально выделенный отряд под командованием полковника Демяника был направлен им в Староминскую, где находились прибывшие с фронта штабы казачьей батареи, конных полков и пластунского батальона. Однако надеждам на то, что удастся поднять казаков, не суждено было сбыться. Более того, едва узнав, что на станцию прибыли «войска Бардижа», представители расквартированных в Староминской кубанских казачьих частей предъявили Демянику ультимативное требование немедленно покинуть станцию, угрожая в противном случае расстрелять отряд из орудий. Переговоры ни к чему не привели. Демяник, вместо

²⁰⁴ Вряд ли Бардиж собирался действовать независимо от Екатеринодара. Ещё более сомнительными выглядят утверждения о «украинизации» движения. Когда стало очевидным, что за Паритет, даже за Войсковое правительство казаки воевать не станут, Бардиж попытался предложить черноморскому казачеству свежую, как ему представлялось, привлекательную идеологию. «Вольно-казачье движение» было для него лишь средством для сколачивания боеспособных отрядов, и дальше специфической риторики бывший представитель Временного правительства не пошёл. Тем более что действовал он с согласия и ведома Краевого правительства и получил от Войскового атамана на организацию отряда 1 млн рублей. Так или иначе, но представляется, что всё «начинание» держалось не столько на разговорах о вольных «гайдамаках», сколько на личном авторитете самого К.Л. Бардижа.

²⁰⁵ В частности, к Бардижу присоединился и бывший командир 154-го Дербентского полка полковник Демяник.

²⁰⁶ Так в тексте. Конечно же, Бардиж был в своё время назначен комиссаром от Временного правительства на Кубани. Впрочем, к этому времени он давно уже не являлся ни комиссаром, ни даже членом Краевого правительства.

того, чтобы, как планировалось, продвинуться дальше, занять Кущёвку и перерезать тем самым железнодорожную ветку Тихорецкая – Ростов, вынужден был отойти в Новоминскую.

В ночь на 11(24) февраля, когда Добровольческая армия, оставив Ростов, уже отошла в Ольгинскую, на станцию Староминскую прибыл сам Бардиж с главными силами. Днём в станице был собран многотысячный митинг, на котором выступили приехавшие вслед за Бардижем члены Правительства и Рады Султан-Шахин-Гирей, П.Л. Макаренко²⁰⁷, Ф.А. Щербина и др. Большинство казаков, тем более иногородние, встретили их с откровенной враждебностью²⁰⁸. Выступление и попытки агитации едва не привели к убийству екатеринодарских делегатов. Казаки-фронтовики перерезали телефонные провода, оборвав связь со станцией и сохранявшей лояльность по отношению к Краевому правительству станицей Уманской²⁰⁹. Шесть своих орудий батарейцы подкатили к станции для стрельбы прямой наводкой по отряду Бардижа. Воевать со своими же казаками было невозможно. Бардиж отступил.

15(28) февраля в географическом центре Черноморья, станице Брюховецкой собрался съезд так называемой «Черноморской Рады», на который съехались уполномоченные представители большинства приазовских станиц. Рада одобрила деятельность Бардижа и постановила призвать фронтovou казачью

---

²⁰⁷ Брат И.Л. Макаренко.

²⁰⁸ Выступавшие на митинге рядовые казаки требовали немедленного удаления со станции отряда Бардижа. При этом откровенно заявляли, «что большевики ничего злого для них не сделали, и что, если надо будет, староминцы сами себя защитят от большевиков, если последние будут притеснять как-либо казаков». Позже расквартированные в Староминской 1-й, 2-й и подошедший 3-й Запорожские кавалерийские полки, 5-й пластунский батальон и шести орудийная батарея были разоружены Ейским красногвардейским батальоном без единого выстрела. В Староминской из 30000 населения казаков было более 22 тысяч. Но против Советов воевать никто не собирался. Казаки готовы были принять любую власть, которая обещала мир.

²⁰⁹ 11-13(24-26) февраля в Уманской проходил съезд делегатов Ейского отдела, который принял решение не отступать от Екатеринодара и противостоять Советам. Когда позже красногвардейский отряд разоружал Уманскую, офицеры и часть казаков оказали вооружённое сопротивление. Большинство же оружие сдали без выстрела.

молодёжь идти в «гайдамаки». Было принято постановление об организации обороны, совместно с Краевым правительством разработан план конкретных действий, предусматривающий частичную мобилизацию казаков, создание ударных отрядов, предназначенных для очищения узловых станций и участков железной дороги Екатеринодар – Тихорецкая – Ростов, Тихорецкая – Кавказская – Армавир, Славянская – Крымская – Новороссийск. Вряд ли к этому времени столь масштабные начинания могли реализоваться, но организовать ещё один «фронт» борьбы с большевиками казалось возможным. Однако в ночь на 17 февраля (2 марта), перед самым завершением работы Рады в Брюховецкую пришли известия о разгроме правительственных войск под Выселками и решительном наступлении большевиков с этого направления на Екатеринодар. Тут же вся подготовка и сама работа Рады были свёрнуты.

Ухудшение обстановки заставляло Бадрижа постепенно смещать зону действий его отряда к югу. И хотя серьёзных успехов он добиться так и не смог, но уже само его существование держало в напряжении Крымскую и Новороссийск и не позволило большевикам организовать новое наступление на Екатеринодар с этого направления.

В конце концов, под станицей Троицкой столкновение с Красной гвардией оказалось для Бардижа неудачным. Отряд его тут же рассеялся. Дело было не в частном поражении. После Выселок, тем более после оставления Екатеринодара даже те из казаков, которые готовы были защищать Краевое правительство, поспешили разойтись по домам. В их представлении Советская власть победила окончательно и бесповоротно, и любые их усилия ничего уже изменить не могли.

При всём том судьба Екатеринодара решилась на Тихорецком направлении, где удача поначалу была на стороне Покровского. Его отряд, сбивая с полустанков советские заслоны, занял без боя станицу Кореновскую. Планировалось продвинуться до Тихорецкой и рассеять советские формирования. Однако для осуществления этой задачи прежде необходимо было занять Выселки. А осуществить это было уже непросто.

Сами Выселки и окружающие хутора являлись зоной проживания иногородних, причём по большей части некоренных, батраков. Неудивительно, что на призыв Ревкома формировать Красную гвардию откликнулись без раздумий тысячи крестьян. 24 января 1918 г. в Выселках состоялся митинг, по сути, сход населения. Открывая его, председатель Выселковского ревкома Д.И. Дорошенко предложил утвердить следующую повестку дня:

1. Текущий момент.
2. Организация революционного полка.

подавляющее большинство предложение поддержало. Возражавших нашлись единицы²¹⁰. Их доводы убедительными не показались даже и казакам, многие из которых к Советской власти относились нейтрально, а зачастую и сочувственно.

Тут же на митинге было объявлено о формировании полка «Имени Чёрного интернационала²¹¹». Запись добровольцев продолжалась и 25 января. К концу дня в составе полка было два батальона общей численностью свыше 800 штыков. Командиром был избран пользующийся авторитетом у односельчан фронтовик К.И. Чернявский. Командовать 1-м батальоном стал А.И. Попов, вторым – строевой офицер Павел Лунёв. Из парка 39-й дивизии были выделены для полка два орудия. Командиром батареи выбрали уроженца станицы Кореновской фронтовика-артиллериста Г.Д. Ткаченко.

Из Кореновской отошли на Выселки и влились в полк несколько небольших красногвардейских отрядов и в их числе

---

²¹⁰ Против выступали немногочисленные зажиточные крестьяне, которым возобновление масштабных боевых действий, а также и узаконенное присутствие 39-й дивизии, ничего хорошего не сулило. Однако преобладали батраки, которым терять было нечего совершенно. А за пай земли, пусть даже и отобранный у соседа, можно было и повоевать. Главное же, очевидное бессилие Краевого правительства склонило большую часть населения на сторону большевиков, чья победа казалась скорой и неизбежной.

²¹¹ Большинство малоимущих крестьян поддерживали анархистов и популярный лозунг «чёрного (каждому в равных долях, независимо от имущества и ценза оседлости) передела земли». В дальнейшем по понятным причинам полк именовался Выселковским стрелковым. Режущее слух первоначальное название было передано одному из батальонов.

конные взводы Григория Мироненко²¹² и Ивана Кочубея²¹³.

Уже в первые дни сформированная часть представляла собой организованную, крепко сколоченную и хорошо вооружённую боевую единицу. При этом приток желающих стать в его ряды не прекращался, и численность росла день ото дня.

На рассвете 2(15) февраля Покровский атаковал Выселки. Впереди шёл бронепоезд, который должен был с ходу ворваться на станцию и помочь пехоте очистить её от противника. Однако по инициативе П. Лунёва пути перед железнодорожным виадуком были завалены шпалами, брёвнами и стальным ломом. Бронепоезд вынужден был остановиться перед завалом и, высадив десант, открыл артиллерийский огонь. Активно маневрировала и конница. Тем не менее, атака не удалась. Красногвардейцы, укрывшиеся в заранее вырытых окопах, на огонь отвечали огнём и в первом своём бою проявили стойкость. Все попытки разобрать завал ни к чему не привели, за откосами насыпи засели стрелки и отступить не собирались. Перестрелка продолжалась до вечера. С наступлением темноты всё стихло.

Тут сказалось всё же отсутствие опыта у свежее испечённых советских командиров. На ночь от завала на путях было отведено к своим окопам охранение, чем немедленно воспользовались «покровцы». Юнкера разобрали завал. Бронепоезд въехал на станцию, туда же вскоре подошла и пехота. Оборона Выселковского полка оказалась прорванной в самом центре. Дальнейшее сопротивление в окопах на окраине теряло всякий смысл, и красногвардейцы вынуждены были их оставить.

Едва Выселки были очищены²¹⁴, бронепоезд и конница продвинулись ещё на 20 километров к Тихорецкой, вплоть до

---

²¹² Г. Мироненко командовал взводом ещё в Старой армии в казачьем полку полковника Бабиева. По прибытии с фронта привёл взвод в станицу Раздольную, уроженцем которой являлся, и после непродолжительного отдыха направился в Кореновскую в распоряжение Ревкома.

²¹³ И. Кочубей, чьё имя гремело впоследствии на Кубани, организовал свой взвод из казаков и кавалеристов-фронтовиков станицы Александровской и близлежащих хуторов и станиц.

²¹⁴ Леонтович утверждает, что Выселки были заняты отрядом Покровского 6(19) февраля. В это же время на кавказском направлении полковник Лесивицкий вытеснил большевиков из Усть-Лабинской.

разъезда Бурсак. Отступившие в расстройстве советские отряды заняли оборону севернее и стали приводить себя в порядок. Дальнейшее продвижение к Тихорецкой Покровский не форсировал, не исключено, в том числе, и по политическим соображениям.

Вскоре в Раду прибыла с фронта группа офицеров с петицией о назначении Командующим войсками Кубани полковника В.Л. Покровского. При этом было высказано предположение, что смена военного руководства будет способствовать поднятию боевого духа. Несмотря на то, что вопросы командования всегда были в исключительном ведении казаков, Атамана и Рады, и петицию вполне можно было рассматривать как открытый шантаж, Правительство отнеслось к этому со всей серьёзностью.

А.П. Филимонов собрал во Дворце всех заинтересованных лиц. На обсуждение были вынесены три кандидатуры: представителя Добровольческой армии генерала Эрдели, полковника Н.П. Лесивицкого и полковника Покровского. Эрдели отвёл свою кандидатуру, мотивируя отказ двусмысленностью своего положения²¹⁵, и высказался в пользу Покровского. То же пожелание было и в письме Лесивицкого, с фронта в Екатеринодар не прибывшего. Оставалась одна кандидатура, но и она требовала обсуждения. Сразу за Покровского высказались Рябовол и Калабухов. С оговорками поддержал Покровского Быч. Возражал против кандидатуры Покровского Скобцов, категорически возражал член Правительства по военным делам полковник Успенский. Вплоть до того, что в случае избрания Покровского Командующим просил освободить его от должности²¹⁶.

Другой кандидатуры, однако, не нашлось. И то, что выби-

---

²¹⁵ А также и тем соображением, что управлять крупными соединениями Командующему не придётся, а операции вдоль внутренних коммуникаций известны любому офицеру. Полковник же Покровский, по его мнению, выгодно отличался тем, что имел опыт именно таких боёв, и имя его было известно в войсках.

²¹⁶ Едва Покровский был избран, Успенский тут же напомнил Филимонову о своём заявлении. Однако по личной просьбе Атамана согласился остаться на должности. Понятно, что после этого инцидента, отношения у полковников оставались натянутыми.

рать, в общем-то, не из кого, понимали все. Атаман Филимонов посчитал, что вопрос решён положительно, кандидатура Покровского утверждена, и пригласил полковника, ожидающего своей участи в соседней комнате, войти в зал. В краткой речи, отчеканивая каждое слово, В.Л. Покровский обещал «спасти Кубань».

Источники во мнении относительно Покровского, мягко говоря, не сходятся и выражают диаметрально противоположное к нему отношение. От восхищения В. Леонтовича до нескрываемого неприятия, даже ненависти кубано-украинской эмиграции и скептической сдержанности Д.Е. Скобцова.

Если вдуматься, стоит отбросить крайности и признать правоту следующих строк Деникина:

«Покровский был молод, малого чина и военного стажа и никому не известен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с «моральными пред-рассудками²¹⁷». Одна из тех характерных фигур, которые в мир-

²¹⁷ Как и в любом человеке, тем более, достигшем определённых высот, в нём положительные качества удивительным образом и вполне гармонично сочетались с весьма сомнительными. В качестве военного лётчика Покровский был, безусловно, на своём месте и успел зарекомендовать себя храбрым, инициативным авиатором. 15 июля 1915 г. он вместе с наблюдателем корнетом Плонским вступил в воздушный бой с австрийским «Альбатросом». Расстреляв патроны, занял позицию сверху и маневрированием вынудил противника произвести посадку на нашей территории. Тут же сел рядом и взял в плен двух австрийских лётчиков, не позволив последним сжечь аппарат. За этот подвиг Покровский был награждён офицерским Георгиевским крестом 4-й степени.

Так что, в смелости ему действительно не откажешь. В то же время, честолюбия Покровскому хватало с избытком. И разговоры о желании его подобрать атаманскую булаву, выпади она вдруг из рук Филимонова, о небрежительном отношении нового Командующего как к своему предшественнику генералу Гулыге, так и к Краевой Раде, которую Покровский называл «Кубанским совдепом», видимо, не лишены основания.

Не прибавляют симпатий к полковнику и следующие слова Д.Е. Скобцова: «Покровский уже тогда приобрёл славу жестокого человека. Он подобрал себе соответствующее штабное окружение.

Участились случаи бессудного убийства арестованных «при попытке бежать». О том, что происходило в помещениях для арестованных, ходили плохие слухи».

Но вместе с тем, в здравомыслии Покровскому отказать невозможно. Когда Корнилов поставил вопрос ребром, Покровский был одним из первых, кто выразил готовность в военном плане безоговорочно ему подчиниться.

ное время засасываются тиной уездного захолустья и армейского быта, а в смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни. Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только представлял из себя фактическую силу, способную бороться и бить большевиков. Успех под Энемом окончательно укрепил его авторитет в глазах правительства. Но для преобладающей массы добровольцев имя его не говорило ничего».

Возможно, назначение Покровского Командующим и повлияло на неудачу под Выселками²¹⁸, но не это явилось основной причиной падения Краевого правительства. В сравнении с нежеланием казаков воевать за свою власть назначение вообще мало что значило. Горсточка пришлых офицеров и юнкеров и примкнувшей к ним местной молодёжи²¹⁹ без казаков не могла противостоять людскому морю, принявшему Советскую власть, при любых обстоятельствах. И в этом смысле вопрос о том, кто станет командовать, Покровский, или, скажем, тот же Бардиж, был куда менее значим, нежели отсутствие готовых сражаться

---

²¹⁸ «Покровский с того момента, как он начал хлопоты о назначении его командующим армией, – писал Филимонов, – в Выселки не ездил; партизаны, очень при нем подтянутые, надели халат и прозевали приближение большевиков...

Если бы на Выселках мог быть Галаев или же если бы Покровский не был так чувствителен к поклонению, которым его окружило екатеринодарское общество, и лично бы руководил, как он мне обещал, действиями отряда на тихорецком направлении, то, конечно, катастрофы 16 февраля, вероятно, не произошло бы.

При всяких нормальных условиях военных действий Покровский, как командующий армией, за дело под Выселками подлежал бы ответственности. Но не такое тогда было время и не до критики промахов Покровского было тогда. Нужно было спасать армию от полного разгрома».

Не стоит также забывать, что ответственность за разгром в Выселках с Покровским в равной степени должны разделить как высшие должностные лица, назначившие его Командующим, так и те, кого он оставил за себя командовать отрядом.

²¹⁹ В отрядах, защищавших Екатеринодар, были, конечно, и казаки-добровольцы. Но в незначительном количестве. Несколько сот, не более. В сравнении с десятками тысяч бойцов, которых могло бы выставить Кубанское войско, это была капля в море.

за свою власть хотя бы нескольких кадровых кубанских казачьих полков.

Генерал Гулыга получил отставку. 14(27) февраля В.Л. Покровский был назначен Командующим военными силами Кубани и тут же перевёл свой штаб в Екатеринодар. В командование отрядом в Выселках вступил полковник Ребдев²²⁰. Смена коней на переправе, как известно, ни к чему хорошему обычно не приводит. Замена командира посреди боевой операции против сильного, уверенного в себе, ни разу ещё не потрепанного противника явилась именно «переправой», закончившейся для екатеринодарского отряда катастрофой.

6.4.6. Звезда Сорокина. Выселки. Оставление Екатеринодара

После Энема и Афипской многие посчитали, что и под Тихорецкой всё так или иначе, раньше или позже, но сведётся к разгрому советских войск. При этом совершенно не учитывалось, что на этом направлении большевики располагали силами, качественно иными. Здесь вновь было *значительное* их численное превосходство²²¹. Но почти не было красногвардейских дружин, где рабочие впервые брали в руки трёхлинейки при их получении. Не было солдатских толп без погубленных предварительно командиров. А были крепко сколоченные отряды из фронтовиков и регулярные боевые части, бравшие в своё время Эрзерум и сохранившие, не растратившие ещё часть офицеров и дисциплину. И был штаб 39-й дивизии в

²²⁰ В. Леонтович подчёркивает, Ребдев был назначен начальником отряда «по предписанию Войскового штаба». Но, даже если это и так, назначение такого рода без ведома, одобрения, а, скорее всего, без личной рекомендации Покровского произведено быть не могло.

²²¹ О численности советских войск, сосредоточенных для боя под Выселками, трудно говорить что-либо определённое. Бойцов в Красную гвардию записалось много, не менее 15 тысяч. Но из-за неизжитых местечковых настроений, далеко не все приняли участие в контратаке на Выселки. Следует учесть, что и в Екатеринодарском отряде после притока новых добровольцев насчитывалось никак не меньше 1500-1800 бойцов. Во всяком случае, соотношение сил и средств в этот раз было даже более благоприятным для отряда, чем под Энемом или Афипской.

Тихорецкой, который разрабатывал и не такие операции²²².

Так или иначе, но Покровский, отказавшийся от немедленного наступления на Тихорецкую, до которой оставалось не более 30-40 километров, допустил серьёзный просчёт. Выселковский полк, оседлавший железную дорогу на дальних подступах к Тихорецкой, продолжал увеличивать свой численный состав. В него вливались как отдельные казаки и крестьяне близлежащих станиц, Алексеевской, Новодонецкой, Александро-Невской, так и боевые группы. Вооружения в арсеналах 39-й дивизии хватало на всех. Вскоре полк насчитывал в своём составе до 4-5 тысяч штыков и сабель. Любопытно, что от него отпочковались как самостоятельные единицы также численно выросшие в разы конные отряды Г.И. Мироненко и И.А. Кочубея.

Едва ли не ключевым субъективным фактором оказалось прибытие отряда Сорокина²²³, о котором следует сказать особо.

²²² Не исключено, что и назначение Покровского Командующим было учтено в Тихорецкой при определении даты и времени атаки на Выселки. Предполагалось, и не без основания, что у многих был повод отметить повышение своего начальника.

²²³ Иван Лукич Сорокин, 1884 г.р., казак станицы Петропавловской, фельдшер по профессии, был в 1914 г. мобилизован и служил в 1-м Лабинском полку на Кавказском фронте. По личной просьбе в 1916 г. был направлен в 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, где и получил офицерский чин. Как свидетельствует И.П. Борисенко, по возвращении в полк прапорщик Сорокин превратил свою квартиру в место сборищ офицерской молодёжи. В картах Сорокину неизменно везло. При этом уже тогда сослуживцы отмечали его властный, вспыльчивый и злопамятный характер. Февраль 17-го года Сорокин встретил в чине сотника. Сразу же записался в эсеры. Среди казаков пользовался уважением, был популярен. В мае 1917 г. на окружном съезде исполкомов в Гасан-Кале одно время был членом президиума. Находясь на отдыхе со своей сотней, расквартированной неподалёку, по сути, обеспечил вооружённую охрану Съезда. Получив приказание командира явиться на соединение с полком в Эрзерум, выполнить его отказался. За что позднее был арестован, но сразу же освобождён казаками. Летом 1917 г. попал с полком на Германский фронт.

Осенью на Съезде казачьих делегатов, собравшемся в Киеве, затем, перебравшемся в Новочеркасск, входил вместе с Автономовым, Голубовым и другими в группу «левых», выступавших против инициатив Атаманской власти. После ареста Голубова и Автономова вынужден был бежать на Кубань.

В феврале 1918 г. в станице Петропавловской организовал отряд в 70-100 казаков, с которым ускоренным маршем проследовал через ст. Кавказскую на Тихорецкую. Там и тут к Сорокину, чьё имя уже тогда было известно на Куба-

Автономов был, безусловно, неглупым человеком, прекрасным оратором и неплохим по тем временам организатором, но для полководца первых месяцев гражданской войны этого было всё же недостаточно. Он никогда не оказывался в пределах боевой линии, но держался в некотором отдалении. Как в прямом смысле, так и в переносном. Не ходил с бойцами в атаки, поднимая в штыки залёгшие солдатские роты. Не скакал впереди всё сметающей на своём пути конной лавы. Не переживал вместе с частями радость побед и горечь поражений. И к тому же у современников складывалось впечатление некоторой его отстранённости от происходящих событий. Казалось, всё, хорошее или плохое, происходило само собой, без какого-либо участия командующего Юго-Восточной армией. Вероятно, многое складывалось не совсем так. Не исключено, что и совсем не так. Но внешне всё слишком уж подобным умозаключениям соответствовало.

К тому же, Антонов-Овсеенко, утвердивший Автономова на должности командующего, требовал от него сосредоточить усилия на Батайском направлении²²⁴, чтобы преградить Корнилову пути возможного отхода из Ростова и покончить с

ни, присоединялись как казаки, так и крестьяне-иногородние. В некоторых сёлах и станицах, где отряд останавливался на ночлег, к нему присоединялись сотни бойцов. Прибыв в Тихорецкую с отрядом численностью до 1200 штыков и сабель, Сорокин поступил в распоряжение Автономова. Тихорецкий ревком выделил ему воинское имущество и вооружение, включая даже несколько орудий, изъятое ранее у следовавших через станцию солдатских эшелонов.

Сорокин оказался волевым, требовательным командиром. Дисциплина в его отряде была железной. Впрочем, сам Сорокин в тылу не отсиживался. При необходимости всегда шёл в первых рядах. Не чужд ему был и талант военачальника. Все победы, одержанные советскими отрядами над войсками Краевого правительства на Тихорецком направлении, современники неизменно связывали с именем Сорокина.

²²⁴ Тем не менее, едва Ростов был занят, Антонов-Овсеенко потребовал сосредоточить все усилия Юго-Восточной армии на Екатеринодаре. 15(28) февраля он телеграфировал Автономову: «Командование над революционными частями, действующими в районе Сосыка-Ейская, мною передано тов. Сиверсу. Вы отправьтесь в Тихорецкую и далее, где нужно, для организации района Великокняжеская – Тихорецкая – Ставрополь, для подготовки наступления на Екатеринодар».

Добровольческой армией раз и навсегда. Руководить наступлением одновременно на двух стратегических направлениях Автономов не мог. И когда в первых числах февраля в Тихорецкую прибыл Сорокин, с которым они были давно знакомы и дружны, на которого можно было положиться²²⁵, Автономов тут же назначил его своим заместителем и, по сути, передал ему всю власть над войсками, нацеленными на Выселки и далее на Екатеринодар²²⁶.

И следует признать, Иван Лукич как командующий направлением оказался на своём месте. Всего того, что не хватало Автономову, у Сорокина было в избытке. Главное, были амбиции, честолюбие и безусловный магнетизм. Сорокин всегда оказывался на виду, нельзя было и представить, чтобы он оказался в стороне от событий. Сорокин умел идти до конца, умел воодушевить, а когда надо, и заставить, бойцов следовать за ним, рискуя под прицельным огнём добровольцев нарваться на верную смерть. Автономов, казалось, даже тяготился властью, упавшей ему в руки. Сорокин своего дальнейшего существования без власти не допускал²²⁷. Он жил ею и купался в лучах её славы...

²²⁵ По утверждению Борисенко Сорокин был женат на сестре Автономова. Впрочем, другие источники этого не подтверждают, говоря лишь, что Иван Лукич на фронте «близко сошёлся» с Екатериной Исидоровной Автономовой и чувства их были сердечными и искренними. О том, что отношения эти должным образом оформлены не были, косвенно свидетельствует и отсутствие информации о расторжении брака Сорокина с «законной» супругой Лидией Дмитриевной, с которой он венчался ещё в 1909 г. Этот эпизод безусловно интимного свойства приводится лишь в силу того, что позволяет лучше представить характер и степень доверительности отношений, сложившихся у Автономова с Сорокиным.

²²⁶ 15(28) февраля штаб Автономова стал в станице Кущёвской, хотя Батайск был занят советскими войсками ещё 1(14) февраля, Ростов – 11(24) февраля. Все, и друзья его, и недруги, в один голос утверждают: продвижением Тихорецко-Выселковской группировки к Екатеринодару фактически руководил именно Сорокин.

²²⁷ В то же время отдельные эпизоды заставляют предположить, что Сорокин был человеком куда более многогранным, чем это принято считать. Полковник Ф. Елисеев, с которым судьба сводила Сорокина трижды, описывает их последнюю встречу, происшедшую на вокзале хутора Романовского в последних числах января 1918 г. Поезд Сорокина, уже признанного «командующего» одного из крупных отрядов, прибыл на станцию. Елисеев вовсе не стремившийся возобновить знакомство, попытался незаметно удалиться, но

И.Л. Сорокин

Благоприятным для большевиков оказалось и совпадение по времени. Именно к этому моменту у них на Тихорецком направлении руки оказались развязанными. Добровольцы оставили Ростов, и продвижения их на Тихорецкую с этого направления можно было не опасаться²²⁸. Время боёв с Добровольческой армией ещё не подошло, Корнилов медленно продвигался по Задонью далеко в стороне.

Приняв командование, Сорокин сосредоточил под Выселками все почти наличные силы. В помощь Выселковскому полку, ставшему ядром группы, были направлены отряд железнодорожных мастерских станции Тихорецкая, два батальона 154-го Дербентского полка и, наконец, 10(23) февраля отряд самого Сорокина.

Сорокин его опознал. «Задержал» для разговора в телеграфной и без обиняков предложил перейти на службу в его штаб. Елисеев сдержанно отказался.

– Да. Я вас понимаю... – после некоторой паузы ответил Сорокин. – И отпускаю...

«Я не растерялся от этого диалога, – вспоминал позже Елисеев, – но вот не помню, как я вышел из телеграфного отделения, конечно, без пожатия руки с его стороны; но когда вышел из здания, я взял вожжи и тронул коней во всю их мощь аллюра рысью по главной Романовской улице, чтобы выскочить из этого гнезда красных. Не может быть сомнения, что Сорокин мог меня арестовать и заставить работать в его красном штабе, в его шикарном поезде пульмановских вагонов, но в данном случае в нём сказались его интеллигентность, возможно, и сознание, что он – сам кубанский офицер – делает насилие над своей же Кубанью, а главное, как я думаю, была благодарность, что я удержал от скандала с ним нашего корнета Чумакова в Кызызмানে в декабре 1915 года (Елисеев, будучи тогда адъютантом 1-го Кавказского полка предотвратил в одной из местных гостиниц весьма неприятную стычку, зачинщиком которой был отнюдь не командир сотни 3-го Линейного полка прапорщик Сорокин).

...Больше я его не видел. Мы были на разных полюсах гражданской войны. К сему нужно добавить, что добрые дела людей – не забываются».

²²⁸ В Батайск и далее к югу выдвигался для охраны коммуникаций отряд Д.П. Жлобы.

Все эти приготовления для командиров Екатеринодарского отряда в Выселках остались незамеченными. Через несколько дней наступила развязка.

Вот как со слов очевидцев описывает произошедшую в ночь на 16 февраля (1 марта) катастрофу и её последствия В. Леонтович²²⁹:

«Лёгкость взгляда на противника, отсутствие распорядительности и бдительности, вино, широко лившееся в штабных вагонах, – всё это было причиной того катастрофического отката от Выселок, который явился следствием ночного нападения большевиков на наш отряд.

Выселки были началом конца. Эта первая крупная неудача окончательно изменила настроение казаков, подорвала дух добровольцев и веру их в свои силы.

По Екатеринодару ползли зловещие слухи: Выселки – пропиты, сданы без боя. Громко назывались имена виновников и порождали злобу и тревогу среди обывателей.

Тыл панически заволновался. С большими трудами налаженное дело снабжения, санитарная часть, общественная помощь, – всё это утратило бодрость работы. Только соображения о личном спасении, куда уходить, как оберечь себя на случай прихода большевиков, доминировали у всех над чувством долга.

...то, что мне пришлось выслушать от прибывших на следующий день в Екатеринодар раненых и командированных из отряда, поистине рисовало картину преступного попустительства со стороны лиц, на обязанности которых лежало принятие мер разведки и непосредственного охранения, диктуемых элементарными требованиями устава и близостью противника, к тому же сильного.

На Тихорецком направлении с нами дрались части 39-й пехотной дивизии. Эти войска в достаточной мере сохранили свою боеспособность, материальную часть, и в их рядах было немало офицеров.

---

²²⁹ Сам он находился при Покровском в Екатеринодаре.

Отряд был застигнут врасплох. Красные зашли в тыл²³⁰, подорвали железнодорожное полотно и стремительным ночным налётом ворвались на станцию и примыкавшую к ней станицу.

Отряд спал... Штаб бездействовал.

Много славных добровольцев легло под Выселками, много было взято в плен²³¹; большевикам досталась богатая добыча...»

Говорить о руководстве ночным боем ввиду внезапности и стремительности нападения не приходится. Отступление проходило также неорганизованно. Ввиду неразберихи, неизбежной паники и подрыва путей за спиной эшелоны с имуществом, вооружением и боеприпасами остались на станции и были потеряны безвозвратно. Также было брошено немало орудий и пулемётов.

В номере от 16 февраля (1 марта) Тихорецкой газеты «Рабочий путь» было опубликовано следующее сообщение:

«Сегодня утром в 9 часов 30 минут нами заняты Выселки. Кадеты разбиты наголову. Мелкие остатки бежали в ст. Кореновскую. Нами взято шесть полевых орудий, большое количество пулемётов, четыре паровоза и три состава вагонов.

Подробности всего взятого ещё не выяснены.

Командующий армией Сорокин»

Тем не менее, многие добровольцы сумели вырваться из окружения и отошли вдоль железнодорожных путей. На утро В.Л. Покровский выехал к бывшему своему отряду. Он привёл в относительный порядок отступившие части и организовал оборону на ближайшем к Выселкам разъезде Козырьки. Полковник Ребдев был смещён с должности, командиром отряда Покровский назначил начальника артиллерии капитана Никитина.

---

²³⁰ По свидетельству П. Сулятицкого обходное движение осуществлялось под командованием сотника С.Д. Одарюка, будущего командира так называемой «Кубанской отдельной армии».

²³¹ Что опять же косвенно свидетельствует, как о дисциплине, не утраченной ещё солдатами 39-й дивизии, так и о наличии офицеров в их рядах. В иных обстоятельствах о многочисленных пленных не могло быть и речи.

Потери, в том числе и людские, оказались значительными. К тому же большая часть мобилизованных в близлежащих станицах казаков, пользуясь случаем и утратив веру в благополучный исход дальнейшей борьбы, поспешила разойтись по домам. Почти прекратился и приток новых добровольцев. Утрата боевого духа и незащищённость растянутых коммуникаций заставили Покровского отвести отряд ближе к Екатеринодару. Что вынудило к отходу и Лесивицкого, которому наступающие от Тихорецкой большевики заходили во фланг и тыл. Оставляя станцию за станцией, он постепенно подавался к городу²³². Вслед за отступающими правительственными отрядами всё ближе подходили к Екатеринодару советские войска.

Почти без боя заняв Кореновскую и Платнировскую, они остановились в станице Пластуновской. Тут Сорокин получил известие, что в тыл его группировке выходит от Новолеушковской Добровольческая армия. Был собран совет командиров частей и отрядов, на котором обсуждали один вопрос.

– Что будем делать? – обратился командующий к собравшимся. – Идти вперёд или, развернувшись, – назад, чтобы одним мощным ударом разгромить «корниловцев», а потом уже двигаться на Екатеринодар?

Единогласно принято было единственно верное решение: занять как можно скорее Екатеринодар, а затем уже выступить навстречу Корнилову²³³. Следует признать, Сорокин не сомневался в успехе. Не сомневались и его командиры. А главное, верили и в себя, и в свои, успевшие почувствовать вкус победы, части, и в его счастливую звезду. И действительно, с первых боёв военное счастье было с Сорокиным неразлучно. Казалось, иначе и быть не может...

Совершенно иное настроение было в Екатеринодаре. 22 февраля (7 марта) в Атаманском дворце, на котором присутствовали сам Атаман, председатель Правительства Л.Л. Быч, пред-

---

²³² Усть-Лабинская была оставлена полковником Лесивицким 22 февраля (7 марта).

²³³ Пойди Сорокин навстречу Корнилову до занятия Екатеринодара, скрыть это было бы невозможно. И ушёл бы в этих условиях из города Кубанский отряд, ещё неизвестно.

седатель Рады Н.С. Рябовол, Командующий В.Л. Покровский, чины Войскового штаба, члены Правительства и Рады²³⁴. Присутствовавшие сошлись во мнении, что удерживать Екатеринодар в созданных условиях невозможно, да и бессмысленно. Поэтому обсуждался лишь маршрут отхода и время выступления. Принято было решение уходить вдоль Главного Кавказского хребта в направлении на Баталпашинск²³⁵. Подразумевалось при этом, что, соединившись в единое целое, отступавшие с разных направлений к Екатеринодару отряды будут достаточно сильны, чтобы пресечь возможное преследование. А рейд позволит мобилизовать казаков, расположенных по ходу движения станиц и в перспективе продолжить борьбу. Дату эвакуации должен был определить лично Командующий в зависимости от положения на фронтах. Войсковой штаб с этого момента переходил на положение полевого штаба при Командующем и немедленно приступал к разработке деталей эвакуации²³⁶.

Видимо, Покровский всё же не терял ещё надежды переломить ситуацию. Однако сделать это без притока подкреплений было невозможно. Энтузиазм, боевой дух Энема были утрачены окончательно и бесповоротно. «Добровольцы, – пишет К.Н. Николаев, – уставшие морально и физически, не имея тёплой одежды, не пополняемые при потерях, не могли противостоять большевикам, к которым прибывали свежие силы во много раз превосходившие наши слабые отряды». 25 февраля (10 марта) Командующий созвал в здании 1-го Реального училища собрание *всех офицеров* Екатеринодарского гарнизона. После короткой речи, в которой он обрисовал критическое положение, сложившееся под городом, Покровский *приказал* собравшимся составить сотни и немедленно выдвигаться на фронт. В результате около половины мобилизованных всё же добре-

²³⁴ Присутствовали также К.Л. Бардиж и представитель Добровольческой армии генерал И.Г. Эрдели.

²³⁵ Ныне Черкесск – столица Карачаево-Черкесской Республики.

²³⁶ Уже за несколько дней до оставления Екатеринодара на ближайший к городу железнодорожный пост «Кубань», расположенный по маршруту будущего отхода, были свезены запасы провианта, артиллерийское и интендантское имущество. Семьи офицеров, больные и гражданские, не желающие оставаться в городе, направлялись в аул Тахтамукай.

ли до позиций и влились в ряды защитников Екатеринодара.

Положение представлялось совершенно безнадежным, но в этот же день в город сумел пробраться офицер-доброволец, посланный Корниловым для установления связи с Краевым правительством. Он сразу же стал убеждать кубанские власти не оставлять город, заверяя, что Добровольческая армия идет к Екатеринодару, «и теперь уже должна быть недалеко». Однако к его словам и к нему самому отнеслись с настороженностью, скорее даже с подозрением. Д.Е. Скобцов объясняет это тем, что «...всё, что происходило за роковой чертой, обозначенной на карте фронтом, бралось под подозрение. Брались под подозрение и люди, приходившие оттуда».

Думается, причины устойчивого недоверия, как к Корниловскому офицеру, так и к Добровольческой армии в целом, имели куда более глубокие корни. Тот же Скобцов упоминает о следующем случае. На одном из заседаний продолжающей работу Рады лидер кубано-украинской «спилки» Бескровный, выступая на частном совещании казачьей фракции, предложил «оставить все надежды на Россию и теперь же направить энергию на искание связей с Украиной, которая по их сведениям, сумела выйти из беды, избрав друзей в лице сильных немцев». Предложение повергло присутствующих в шок, и в итоге Бескровный своё предложение снял.

Но позже выяснилось, что его выступление было не случайным единичным актом, а отголоском вполне конкретных шагов, предпринятых и разработанных на самом верху, по-видимому, даже и без ведома некоторых членов Правительства. Насколько далеко всё это продвинулось, судить трудно. Вероятно, дальше обмена мнениями дело не пошло. Однако, любопытный факт, позднее в руки Скобцова попал директивный циркуляр, направленный Министерством просвещения УНР в адрес Екатеринодарского ремесленного училища, судя по тону которого Кубань уже рассматривалась Киевом, как входящая в состав Украины. Так или иначе, но катастрофическое положение на фронте и скорая эвакуация Екатеринодара, вскоре пресекли эти «начинания» в зародыше.

Сам Филимонов позже писал: «Удержаться в Екатеринодаре до

соединения с Корниловым означало не только спасение Кубани, но и полную ликвидацию неорганизованных и необъединённых ещё тогда банд большевиков. Прибытие в Екатеринодар Корнилова было бы сигналом к присоединению к Кубанской Армии всех казаков, которые до того заняли выжидательную позицию».

Трудно сказать, много ли казаков занимали к этому времени «выжидательную позицию», но что Добровольческой армии действовать было бы куда проще, оставь за собой Краевая Рада столицу Кубани, думается, доказывать не надо. Имея в тылу такую базу, как Екатеринодар, Корнилов тут же выступил громить рассредоточенного по разным направлениям противника по частям. И если уж ему удавалось отбрасывать советские отряды, находясь в оперативном окружении, то в куда более благоприятных условиях шансы на успех у добровольцев были бы, во всяком случае, не меньшими.

Одна, две громких победы, связанные с именем Корнилова, и, как знать, чем бы всё закончилось. Впрочем, убеждён, большинство казаков не поднялось бы и в этом случае. Выступили они куда позже. И не столько потому, что добровольцы вновь появились на Кубани, сколько, испытав на себе все эксцессы только лишь оформлявшейся, весьма специфичной, особенно, на начальном этапе, Советской власти. И в этом смысле, для постепенного отхода казачества от позиции «нейтралитета» куда больше, нежели покойный Корнилов, сделали люди, типа комиссара Никитенко²³⁷.

Но всё это домыслы. События, как мы их знаем, свершаются лишь раз, и ничего уже не переиграешь. Решение оставить Екатеринодар осталось в итоге неизменным.

Вскоре большевики на Тихорецком направлении предприняли новые атаки и глубоким охватом вынудили бывших «покровцев» отойти к разъезду Лорис, расположенному в непосредственной близости от Екатеринодара. Покровский приказал всем отрядам незаметно сняться с позиций и идти в город. К 6

---

²³⁷ А пока что наблюдались примеры прямо противоположные. Так ещё 11(24) февраля, до Выселок, общее собрание станицы Троицкой постановило послать делегатов «к советским войскам» с приглашением занять станицу. И таких обращений было немало.

часам вечера 28 апреля (13 марта) части стали подтягиваться к сборному пункту, площади перед Дворцом Войскового атамана.

В ночь на 1(14) марта войска, пожелавшие эвакуироваться под их прикрытием гражданские, Атаман, Правительство и Рада²³⁸ оставили Екатеринодар. Последним в два часа ночи проследовал через станцию и железнодорожный мост через Кубань бронепоезд. Днём на разъезд Лорис Городская Дума выслала делегатов, которые сообщили Сорокину, что Екатеринодар сдан без боя.

В течение 1(14) марта вышедшая из города колонна, сделав короткий привал в ауле Тахтамукай, сосредоточилась в ауле Шенджий. Здесь отряд, получивший наименование Кубанского, был реорганизован в следующем составе:

- 1-й стрелковый полк под командованием подполковника В.М. Туненберга²³⁹ (1200 штыков, из них офицеров – 700, юнкеров – 400²⁴⁰, казаков – 100; при полку пулемётная команда – 4 пулемёта, 60 человек прислуги);

²³⁸ Членам Рады было предложено прибыть вечером во двор Кубанского войскового реального училища. Большинство иногородних членов Рады на сборный пункт не прибыли. Не прибыл и член Правительства С.Г. Турутин. Зато ушли с отрядом все члены Кубанского комитета защиты Учредительного Собрания, Городской голова с председателем Городской думы и прибывшие незадолго до этого из Петрограда члены Союза казачьих войск. Ушёл и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко.

Всего вышло в поход до 50 членов Рады, что, между прочим, составляло кворум Законодательной (малой) Рады.

²³⁹ Вслед за Покровским штабс-капитан Туненберг был произведён в подполковники.

²⁴⁰ В основном это были юнкера Киевского военного училища. История их появления в Екатеринодаре такова. Уже 27 октября 1917 г. две роты училища в Киеве вели уличные бои с большевиками. Понеся большие потери, вынуждены были отступить в здание училища, которое обороняли четверо суток вместе с Корниловским ударным полком. 1 ноября роты училища перешли в здание Владимирского кадетского корпуса, однако к этому времени борьба уже закончилась. 5 ноября училище выехало из Киева в Екатеринодар. 13 ноября в город прибыли начальник училища генерал Калачёв, 25 офицеров (в их числе штабс-капитан Туненберг) и 131 юнкер. Училище составило отдельную часть, подчинявшуюся непосредственно Атаману Филимонову. 1 декабря его приказом было переименовано в Константиновское военное училище. С 21 января отдельными подразделениями вышло на патрулирование участка железной дороги от Екатеринодара до Кавказской. В состав 1-го стрелкового полка офицеры и прапорщики училища вошли полусотней 3-й сотни. Штаб училища вошёл в штаб полка.

- Черкесский полк под командованием полковника Султан-Килеч-Гирея из двух конных сотен (всего до 600 сабель при четырёх пулемётах);
- конный отряд полковника Кузнецова²⁴¹ (до 100 сабель);
- конный отряд полковника Демяника (до 50 сабель);
- пластунский отряд полковника С.Г. Улагая (50 штыков и 50 сабель (из них 85 офицеров) при 2-х пулемётах);
- артиллерийская батарея есаула Ю.Ф. Корсуна (2 орудия, 10 человек прислуги);
- два отдельных артиллерийских взвода 2-х орудийного состава каждый;
- Кубанская пешая дружина полковника Образа (65 человек), выделенная для охраны вывезенных из Екатеринодара банковских ценностей²⁴².

Столица Кубани осталась за спиной. В воззвании, выпущенном за подписью Атамана, председателя Правительства и председателя Рады, в частности говорилось:

«...Мы не хотели допустить, чтобы жестокость большевистских банд, подогретая азартом борьбы, обрушилась бы на головы незащищенного населения...

Мы вышли из Екатеринодара. Но это не означает, что борьба кончена...

Мы вас звали к борьбе с анархией и позором, но вы, одуроченные красивыми, но лживыми словами фанатиков и продажных людей, вы не дали нам надлежащей поддержки...

Мы знаем, что вы скоро поймёте свою ошибку... Тогда идите в наши отряды... Общими усилиями мы победим... насильников и вернём свободу для всех граждан Кубани».

Датировано обращение было 1(14) марта 1918 г.

²⁴¹ Вскоре Кузнецов, высланный с конной полусотней в разведку, утратил связь с главными силами и решил пробиваться самостоятельно. Между Туапсе и Сочи его отряд был атакован и рассеян. Кузнецова расстреляли. Пытался пройти в Грузию и Бардиж. 27 февраля (12 марта), за день до оставления Екатеринодара он ушёл с двумя сыновьями на Горячий Ключ. На лесной дороге у Архипо-Осиповки был признан красновардейцами, схвачен и 9(22) марта расстрелян вместе с сыновьями на Туапсинском молу.

²⁴² В последний момент председатель Правительства Л.Л. Быч реквизировал в Екатеринодарском банковском отделении всю наличность. Двуколки с серебряной разменной монетой и охраняли дружинники.

6.5. Выселки

Перейдя границу Кубани, Добровольческая армия, никем не тревожимая, преодолела маршем 12 километров и к вечеру 23 февраля (8 марта) прибыла в станицу Плоскую, в которой и заночевала. Казаки встретили добровольцев приветливо, многие отказывались от денег за постой.

С утра 24 февраля (9 марта) колонна двинулась на Незамаевскую и в полдень достигла села Ново-Ивановки, где был устроен привал. К 17 часам Армия вошла в Незамаевскую, одну из самых богатых станиц Кубани. Добровольцев вновь ожидал радушный приём, к тому же были дни масленицы.

Армия отдыхала. Корнилов уже под вечер выступал перед казаками на сходе, который принял постановление о выделении в распоряжение Командующего сотню пеших и конных казаков. Видимо, на настроении станичников уже начала сказываться близость Тихорецкой.

25 февраля (10 марта) добровольцы двинулись на станицу Весёлую²⁴³, в которой была организована днёвка. Дальнейшее движение к Екатеринодару приводило Армию к железной дороге. Пересекать её предстояло между двумя узловыми станциями, Тихорецкой и Сосыкой, согласно агентурным данным, занятыми крупными силами противника. Корнилов предполагал выйти к полотну ночью и направил часть конницы для демонстрации ложного движения в западном направлении.

В 20.00 уже в темноте на сборном пункте вновь выстраивалась походная колонна. От Весёлой²⁴⁴ добровольцы вначале

---

²⁴³ Вскоре после выхода из Незамаевской, шедший в арьергарде на некотором удалении от основных сил, Чехословацкий батальон был атакован кавалерией противника численностью до двух эскадронов. Нападение было отбито перекрёстным пулемётным огнём с большими потерями для атакующих. За «дело» Корнилов выделил пулемётчикам 5000 руб.

²⁴⁴ На выходе из Весёлой к Армии присоединилась группа офицера Новочеркасского кадетского корпуса полковника Биркина (шестеро конных и тринадцать пехотинцев на подводах), оставившего отряд Попова и решившего присоединиться к Добровольческой армии. К Лежанке группа подошла, когда село уже вновь заняли большевики. Дальнейший путь продолжала в тёмное время суток окольными дорогами, но добровольцев всё же догнала. В Новолушковской Биркин представился Корнилову, чины его группы были

двигались на запад, на Павловскую. В авангарде под общим командованием Маркова шли Офицерский полк, Техническая рота, Юнкерский батальон и 1-я батарея. Двигались по малоезженной просёлочной дороге, едва различимой в ночной степи, в направлении на Новолеушковскую. В какой-то момент колонна встала. Из-за оттепели дорога у моста по обоим берегам неширокой степной речки Тихонькой оказалась частично размытой и превратилась в трясины. Офицерский полк прошёл без задержки, но орудия преодолеть заболоченные участки не могли. Миончинский распорядился рубить росший рядом кустарник и устраивать гать. Подошла Техническая рота, и дело пошло на лад. Добровольцы вязали фашины, укрепляли мост. Всё же работы заняли не менее двух часов. Наконец орудия прошли по импровизированной гати, перешли на другой берег и оказались на твёрдом грунте.

У хутора Упорного, не прекращая движения, колонна повернула резко к югу²⁴⁵. Уже светало. Едва вышли из хутора, сразу же увидели станицу Новолеушковскую, к которой и направились. Далеко вправо раздались взрывы. Это высланная конная команда взорвала со стороны Сосыки²⁴⁶ железнодорожные пути.

Армия выдвинулась к переезду, части одна за другой пересекали железнодорожное полотно и после 10-ти минутного отдыха в станице уходили в степь. Лишь «корниловцы», прикрывая колонну, частью сил заняли станцию. Тут же были спилены телеграфные столбы и порублены провода.

Корнилов с Марковым находились у переезда и пропускали колону. В это время со стороны Сосыки подошёл блиндированный поезд²⁴⁷. Он вынужденно остановился у взорванного полотна и открыл огонь по станции и переезду. Вначале снаряды

распределены по частям. Конники – в кавалерийскую часть, пехотинцы – соответственно в 4-ю роту Офицерского полка.

²⁴⁵ В темноте обоз оторвался от общей колонны и продолжал движение в западном направлении. Не дойдя до станицы Павловской трёх километров, уже в зоне видимости, обоз повернул назад и избежал захвата. Возможно, эта случайность, едва не обернувшаяся трагедией, послужила дополнительной демонстрацией ложного движения Армии к Павловской и Сосыке.

²⁴⁶ По свидетельству Я. Александрова такая же команда подорвала пути и со стороны Тихорецкой.

²⁴⁷ Из состава 1-го Революционного отряда Д.П. Жлобы.

ложились с недолётом, но каждый раз всё ближе. 1-я батарея как раз проходила переезд. Удивлённый отсутствием распоряжений командир батареи сам обратился к генералу Маркову с просьбой открыть ответный огонь. Марков пояснил, что командир дивизиона доложил о невозможности действенной стрельбы из-за дальности расстояния. Миончинский, опровергая это утверждение, настаивал на своём. Марков приказал открыть огонь.

Орудия развернулись у переезда. Первый же снаряд лёг на путях перед паровозом. Бронепоезд отошёл, укрывшись за посадкой, но обстрела не прекращал. 2-е орудие поручика Казанли выдвинулось на полтора-два километра по направлению к бронепоезду, стало на открытой позиции и возобновило огонь. Бронепоезд вновь отошёл. Завязалась артиллерийская дуэль. Вскоре Казанли из-за близких разрывов вынужден был сменить позицию, но в результате его действий обстрел станции и переезда прекратился. Армия благополучно пересекла железную дорогу. Едва последняя рота ушла с переезда, 1-я батарея взялась на передки и заняла своё место в отходившей колонне. Очевидцы свидетельствуют, что настроение было превосходное. Добровольцы восхищались Корниловым, сумевшим так удачно перейти железную дорогу, и выражали уверенность, что на богатой, плодородной Кубани большевизм не успел ещё пустить глубокие корни, и войти в Екатеринодар Армия сумеет *без серьёзных больших боёв*.

Корниловский полк, вставший в голову колонны 26 февраля (11 марта) занял станицу Новолеушковскую, где и заночевал²⁴⁸. В темноте на выставленную у мельницы заставу «корниловцев» вышел обоз с оружием. Атака добровольцев явилась для красногвардейцев полной неожиданностью. Застигнутые

²⁴⁸ В этот день Корнилов приказал Гершельману, чей дивизион успел вернуться из Задонья и присоединиться к Армии, выделить в разъезд 20 офицеров его дивизиона, с наступлением темноты проследовать в Новодеицкую, захватить станичного атамана и доставить его в штаб Армии, что и было выполнено. Разоружив нарвавшееся на них в степи охранение из казаков-фронтовиков, добровольцы разыскали в станице и атамана, проводившего совещание в собственной избе. Захваченных казаков отпустили вместе с лошадьми, забрав лишь оружие, атамана препроводили к Корнилову.

врасплох, они не оказали никакого сопротивления. На дороге осталось несколько десятков убитых и пять подвод с винтовками и патронами. Остальные рассеялись. Офицерский полк из-за задержки 1-й батареи, вновь преодолевавшей заболоченный участок дороги, пришёл в станицу лишь под утро и после короткого отдыха двинулся дальше.

К вечеру 27 февраля (12 марта) Армия заняла станицу Ирклиевскую, в которой и заночевала. За 36 часов добровольцы прошли свыше 50-ти километров. Большинство спало лишь урывками. По полученным от казаков сведениям в лежащей на пути станице Березанской была организована оборона и вырыты пять рядов окопов. Учитывая накопившуюся усталость людей и неизбежность боя, Корнилов предоставил Армии суточный отдых.

На рассвете 1(14) марта²⁴⁹ колонна стала вытягиваться из станицы. Вновь авангард составлял Корниловский полк, а Офицерский с приданными частями и 1-й батареей следовал с «главными силами». Некоторые офицеры восприняли это болезненно, но дело было, конечно, не в недоверии Верховного. Корнилов всего лишь опробовал поочерёдно различные части и старался, насколько это возможно, равномерно распределить выпавшие на их долю тяготы и лишения похода.

Головной в Корниловском полку шла 2-я рота. Едва она, развернувшись в цепь, начала подниматься на гребень к окопам большевиков, из них открыли огонь. Первым же выстрелом был убит командир роты князь Чичуа²⁵⁰. Тело положили поперёк седла и повезли в тыл...

Корнилов приказал Неженцеву развернуться правее и атаковать левый фланг противника. В центре справа и слева от дороги уже разворачивался Офицерский полк. Слева скапливался для атаки дивизион Гершельмана. Добровольцы пошли вперёд мерным шагом, не ложась, с винтовками на ремне. Красногвардейцы встретили их ожесточённым ружейно-пулемётным ог-

²⁴⁹ В этот день советские войска заняли оставленный Кубанским отрядом Екатеринодар.

²⁵⁰ Он был одним из первых, прибывших в распоряжение Неженцева в мае 1917 г.

нём. Но добровольческие цепи приближались, «корниловцы» обходили оборонительные позиции с фланга, а главное, слухи о разгроме в Лежанке по всей видимости уже достигли Березанской. Нервы её защитников не выдержали. То там, то тут по одиночке и группами они начали отбегать от окопов к станице. Наконец, бросая винтовки и пулемёты²⁵¹, побежали все. Тут же с левого фланга в их ряды врезались кавалеристы Гершельмана, порубили бегущих и, обойдя Березанскую, преследовали в степи тех, кто успел её покинуть²⁵². Остальных вылавливали в занятой уже станице. Солдат расстреливали на месте, молодых казаков, пошедших с большевиками, «старики» пороли прямо на площади. Крестьянские дома в большинстве пустовали. Их обитатели попрятались в близлежащих рощицах.

Наутро Армия продолжала движение и к 15 часам 2(15) марта сосредоточилась в станице Журавской²⁵³. Здесь узнали о неудачном для кубанцев бое под Выселками и об их отступлении к Екатеринодару. Разведка также донесла, что Выселки заняты крупным отрядом противника. Ещё утром на станцию были двинуты Корниловский полк и дивизион Гершельмана. На подходе большевики, обороняющие станцию, открыли сильный огонь, но стремительной атакой 3-го батальона полковника Индейкина, поддержанной 2-й и 3-й батареями, были сбиты²⁵⁴. На станции были взяты до 30 пленных, а также захвачены два зарядных ящика и четыре пулемёта. После 3-часового отдыха «корниловцы» перешли на хутор Казаче-Малёванный, передав оборону Выселок подошедшему дивизиону Гершельмана.

К месту ночёвки полк подошёл к 19 часам, но к этому времени ситуация резко изменилась и не в лучшую для добро-

²⁵¹ Свежеиспечённые прапорщики 1-й батареи обнаружили в окопах «цейсовскую» трубу, тут же принятую на вооружение.

²⁵² Из-за малочисленности добровольческой кавалерии большая часть красногвардейцев успела выйти из-под удара.

²⁵³ Офицерский полк в Березанской не останавливался и вслед за конным дивизионом проследовал в Журавскую 1(14) марта.

²⁵⁴ В связи с возможностью нахождения на ст. Выселки советских бронепоездов к бою изготовилась 1-я батарея. 2-е орудие стало на позицию на окраине Журавской, 2-е выдвинулось к самому полотну железной дороги напротив Выселок.

вольцев сторону. Конный дивизион был со станции выбит²⁵⁵. «Корниловцы» выставили заслоны на Выселки и Кореновскую и ожидали дальнейших приказаний.

Несмотря на множившиеся слухи об эвакуации Екатеринодара, Корнилов надеялся, что эта информация недостоверна, и столица Кубани остаётся под контролем Краевого правительства. Исходя из этого он и действовал. Армия уже не избегала железной дороги, а напротив, должна была выйти к ней, занять крупную станцию и рывком, возможно даже, в эшелонах, достигнуть Екатеринодара, где и соединиться с Кубанскими войсками. Предполагалось при этом, что фронт, удерживаемый Кубанским отрядом, находится где-то южнее Кореновской, что и определяло маршрут дальнейшего движения.

Однако до тех пор, пока красногвардейский отряд, занявший Выселки, нависал над флангом и тылом Армии, следовать дальше было невозможно. Корнилов приказал генералу Богаевскому силами Партизанского полка к утру атаковать и очистить станцию. Богаевский назначил сбор полка, разбредшегося для ночлега по разным концам Журавской, на 3 часа ночи²⁵⁶. Однако люди настолько устали, что физически не могли подняться. Многие, пробудившись, не успев встать на ноги, тут же

---

²⁵⁵ В этот раз исполнительный обычно Гершельман проявил беспечность. Он не озаботился подорвать пути со стороны Тихорецкой, и когда с этого направления подошёл бронепоезд и открыл артиллерийский огонь, оставил станцию и отвёл дивизион на хутора у Журавской. Более того, о том, что станция оставлена, Корнилову доложил не Гершельман, а полковник Краснянский, который лично на повозке ездил к Выселкам на разведку и едва не был захвачен. Станция, посёлок и кирпичное здание паровой мельницы были заняты подвезённой из Тихорецкой в эшелонах пехотой 39-й дивизии и отрядом матросов. Отдельные источники говорят об участии в бою за Выселки части Стрелкового полка 4-й кавдивизии, прибывшего по железной дороге из Ростова. Корнилов, посчитав, что дивизион очистил Выселки без серьёзного напора противника, устно и в приказе выговорил Гершельману весьма неприятные «энергичные замечания». Более того, по свидетельству Деникина, Гершельман был от командования отрешён.

Впрочем, конницы было мало, кавалерийских командиров – и того меньше. И вскоре Корнилов восстановил полковника в должности.

²⁵⁶ По другим данным сбор был назначен на 12 ночи, но люди валились с ног от усталости, ложились, где придётся, и тут же засыпали. Богаевский, учитывая их состояние, дал несколько часов на отдых.

засыпали вновь. Лишь с помощью офицеров-фронтовиков, которых в полку было немного, удалось вывести части на сборный пункт. Не подошла лишь сотня есаула Лазарева. Возможно, в разбросанных на большой площади хуторках её просто не смогли найти.

В 4 часа 3(16) марта колонна Партизанского полка стала выдвигаться к Выселкам. У станции уже на рассвете полк развернулся в боевой порядок. Цепи партизан поднялись на гребень и в полной тишине начали спускаться к станции, как и всегда, не ложась. Справа продвигались цепи «чернецовцев», слева – 1-я сотня Краснянского. Партизан поддерживала 4-я батарея полковника А.Н. Третьякова. Едва орудия стали на позицию и выпустили первые гранаты, как в воздухе раздался звук кавалерийской трубы, игравшей тревогу и сбор. И тут же не утративший бдительности советский отряд открыл по партизанам убийственный ружейно-пулемётный огонь. Стреляли из станционных построек, из прилегающих зданий, из вырытых за ночь окопов. Из оставшегося справа укрытого в лощине массивного здания вальцовой паровой мельницы несколько пулемётов посылали одну за другой длинные очереди во фланг подходивших к посёлку цепям. Стреляли и орудия стоявшего на станции бронепоезда.

Какое-то время полк пытался ещё наступать. «Чернецовцы» даже ворвались в посёлок, но были выбиты матросами и стали отходить. На утреннем небе почти не было облаков, и встающее солнце било своими лучами добровольцам в глаза. Защитники Выселок, которых было намного больше, расстреливали «партизан» на выбор, и цепи, наконец, залегли. Большевики под прикрытием стрелков выдвинули станковый пулемёт и энергично и смело стали заходить во фланг «краснянцам». Часть добровольцев выдвинулась навстречу и завязала перестрелку. В этот момент ранение получил сам полковник Краснянский²⁵⁷. В командование 1-й сотней вступил войсковой старшина Ермолов, который и довёл бой до конца.

²⁵⁷ 4(17) марта полковник Краснянский скончался в походном лазарете от пулевого ранения в грудь и похоронен был вместе с остальными в станице Кореновской. В командование 1-й сотней вступил старший по чину полковник П.К. Писарев.

В резерве у Богаевского оставалась лишь подошедшая, наконец, 2-я сотня есаула Лазарева. О том, чтобы взять Выселки силами Партизанского полка не было уже и речи. Но понял это и Корнилов и поспешил принять меры. На помощь Богаевскому подходил уже Офицерский полк с 1-й батареей и приданной Технической ротой.

Развернувшись в боевой порядок, пропуская через себя отступавших «партизан», роты поднялись на гребень и здесь столкнулись с наступавшими цепями большевиков. С расстояния в 50 шагов «марковцы» ударили в штыки. После короткого рукопашного боя противник был опрокинут и спешно отступил к станции. Цепи Офицерского полка пытались его преследовать, но встреченные огнём, вынуждены были залечь.

И вновь большевики, накопившись за постройками, попытались перейти в контратаку. К генералу Маркову, бывшему в цепи, подскакал в этот момент командир Баклановской сотни есаул Г.П. Власов и запросил указаний²⁵⁸.

– Очень рад видеть вас, есаул!.. – ответил Марков. – Как нельзя вовремя подошли. На наш левый фланг наступают матросы... Как бы до штыков не дошло! Атакуйте их, только поскорее.

Слушаюсь, Ваше Превосходительство! – есаул отдал честь, вспрыгнул в седло и, круто повернув коня, поскакал к своей сотне. Через несколько минут Баклановская сотня, которая насчитывала не более 40 сабель, развернувшись лавой, устремилась в атаку. «Баклановцы» ворвались в ряды наступающих матросов, вырубали их и обратили контратакующего противника в бегство. В атаке под Власовым был застрелен конь. Есаул вскочил на ноги, зарубил стрелявшего в него моряка, но был убит его товарищами²⁵⁹. очевидцы утверждают, что после ата-

²⁵⁸ Сотня шла за дивизионом Глазенапа, и когда тот проследовал по вызову Корнилова, оказалась непосредственно за штабом Офицерского полка.

²⁵⁹ Несколько иначе описывает происшедшее бывший при сотне священник: «...я издали видел, – вспоминает он, – что конь командира стоял на трёх ногах, а начальник рассматривал рану, стоя спиной к полю... Командир не замечал, что творилось вокруг и не видел, как за его спиной лежавший на земле красногвардеец поднялся и со штыком наперевес направился к Власову, который по-прежнему сосредоточил своё внимание на ране коня, не замечая грозившей ему опасности.

ки потрясённые казаки столпились у тела своего командира и не двигались с места. Многие рыдали.

Но их атака переломила ход боя. Баклановская сотня практически уничтожила отряд моряков, которые шли в первых рядах и увлекали за собой остальных. Пользуясь замешательством противника, офицерские цепи поднялись и устремились к станции.

Вторым фактором, решившим поворот боя, явились действия 1-й батареи. Нетрудно было понять, что без занятия «вальцовки» весь правый фланг добровольцев не может продвигаться вперёд. Именно на ней сосредоточил поначалу Миончинский всё своё внимание. Батарея на рысях проскочила за лёгшую цепь «чернецовцев». Орудия под обстрелом стали на позиции и открыли огонь. Связисты протянули провод к подобравшемуся поближе к мельнице Миончинскому. Видимо, он был недоволен попаданиями. Орудия взялись на передки и выдвинулись ещё чуть ближе. От них до «вальцовки» было теперь не более 400 метров, дальше под пулями продвинуться было невозможно. Несколько прямых попаданий в оконные проёмы сделали своё дело. Солдаты побежали к станции, оставшиеся в строю «чернецовцы» поднялись и устремились вперёд. Едва «вальцовка» была взята, батарея перенесла огонь на станцию. Советский бронепоезд отвечал из обоих своих орудий, но вынужден был укрыться за постройками.

От хутора Казаче-Малёваного развернулись в цепи и пошли

...и только в последний момент, когда красный находился на расстоянии штыкового удара, командир обернулся и увидел перед собою штык, но было уже поздно, он не мог отвести удар.

Штык красного вонзился в живот Власова. Даже в этот жуткий момент командир не растерялся и, схватив левой рукой дуло винтовки, ещё дальше вонзил в свой живот штык, чтобы приблизить врага, державшего приклад винтовки. Он правой рукой, в которой держал шашку, нанёс удар по голове красному... Первым свалился красный, а на него сверху – наш командир.

...оба были мертвы – Власов со штыком в животе, а под ним красный с рассечённой до шеи головой. Около Власова стоял верный конь с застывшей слезой в выпуклых глазах... Стоял он на трёх ногах, вздрагивая всем телом от пулевой раны в правое заднее стегно, а около на земле сидел вестовой, спрятав лицо в коленях, и по вздрагивающим плечам видно было, что он беззвучно рыдал...»

к станции 5-я и 6-я роты Корниловского полка, которые вёл командир 2-го батальона полковник Мухин²⁶⁰. Опасаясь остаться в окружении, солдаты стали отступать. Их обстреливали «корниловцы» и «партизаны». Выехала на окраину посёлка и 1-я батарея и дала несколько выстрелов по отходившим на восток большевикам. Бронепоезд вырвался со станции и на всех порах ушёл в сторону Тихорецкой. Тут и там какое-то время раздавались одиночные выстрелы. «Случайных» пленных расстреливали на месте.

Выселки были заняты вновь. Советский отряд, оборонявший станцию, понёс чувствительные потери. Только матросов, увлекавших за собой остальных, погибло на поле боя до 150 человек. Но и добровольцы недосчитались многих. В одном лишь Партизанском полку выбыло из строя до 80 бойцов²⁶¹. Из них 36 убитыми. Были потери и у «марковцев». Две роты «корниловцев» потеряли 7 человек ранеными.

Выяснилось, что Выселки вместе с моряками и подразделениями 39-й дивизии оборонял также и отряд казаков станицы Суворовской²⁶². Сам характер упорного, далеко не сразу решившегося боя заставлял задуматься о многом. Очевидным было, что лёгких побед над лишёнными должного управления толпами ополченцев в дальнейшем ожидать не приходится. В Выселках противник проявил упорство, решительность и известную организованность. Против добровольцев воевала теперь не Красная гвардия, а, в значительной мере, строевые части²⁶³.

²⁶⁰ По утверждению М.Н. Левитова днём 3(16) марта к командиру Корниловского полка на хутор Казаче-Малёванный прибыла депутация казаков из станицы Кореновской. Они просили Неженцева занять силами полка станицу, к которой по их сведениям должны были подойти советские войска из Екатеринодара. Неженцев готов был немедленно выступить к Кореновской, но занятие Выселок большевистским отрядом из Тихорецкой заставило его отказаться от задуманного.

²⁶¹ В числе других ранен был также и Курочкин. В десятый раз.

²⁶² Часть сил Офицерского полка расположилась в Суворовской на ночлег. Корнилов приказал за постой и продукты питания жителям станицы не платить.

²⁶³ После боя Марков повторил приказ нашить на головные уборы полосы белой материи. Офицерские и солдатские шинели в бою были практически неразличимы, погоны просматривались лишь днём.

Тем не менее, Корнилов не отказывался ещё от прорыва к Екатеринодару. То, что Кубанский отряд здесь же, в Выселках, потерпел поражение, внушал даже некоторый оптимизм. Эта неудача подтверждала сам факт его существования. В слухи же о занятии столицы Кубани большевиками верить не хотелось.

Офицерский полк с Технической ротой и 1-й батареей ночевал в занятых Выселках. Две роты «корниловцев» отошли к своему полку на хутор Казаче-Малёванный. Остальные возвратились в Журавскую.

6.6. Кореновская

Согласно добытым сведениям, в Кореновскую, от которой до Екатеринодара по прямой было не более 70 километров, большевики стянули до 10 тысяч бойцов с многочисленной артиллерией и двумя блиндированными поездами. Командовал отрядами сам Сорокин²⁶⁴. Его войска задержались в городе на два дня и сразу же выступили навстречу добровольцам. И вновь ядром группировки был Выселковский полк.

На рассвете 4(17) марта Армия двинулась на Кореновскую. Основные силы шли от Журавской по грунтовой дороге, имея в арьергарде Юнкерский батальон. Уступом влево вдоль полотна железной дороги продвигались «марковцы». Впереди – Офицерский полк с 1-й батареей, замыкала колонну Техническая рота²⁶⁵. В Выселках задержалась полковая подрывная команда, которая перед уходом испортила на станции и в непосредственной от неё близости железнодорожные пути, подорвала мосты и стрелки, на время обезопасив Армию со стороны Тихорецкой.

От Выселок промчался на коне Марков. Поздоровался с Технической ротой и, сбавив шаг, некоторое время проезжал рядом с колонной:

²⁶⁴ Через несколько дней по занятии Екатеринодара, в городе состоялось так называемое «собрание делегатов воинских частей», призванное упорядочить структуру управления советских войск. Делегаты утвердили Автономова в качестве начальника всеми отрядами Красной гвардии. Его помощником (заместителем) был избран Сорокин. Посуществу, была подтверждена та иерархия, которая де-факто успела уже сложиться и так.

²⁶⁵ По замыслу Корнилова колонна Маркова должна была обойти правый фланг противника и этим решить участь боя за Кореновскую.

– Вы у меня и инженеры, и пехота, закалённые в боях, – подбадривал он привыкающих постепенно к строю техников и «деповских». – Вы хороший кадр для новых формирований. Будем надеяться, что, в конце концов, мы разобьём большевиков.

И тут же спросил у полковника Банина:

– Я не вижу полковника Уральского войска?

Командир роты доложил, что полковник устал и следует в обозе.

– Мы все устали, – ответил Марков. – На следующий раз передайте полковнику, чтобы он поборол свою усталость и был бы в строю вместе с другими. Обоз нашей маленькой армии, это раненые и больные. У нас не хватит сил, чтобы защищать здоровый элемент, если таковой будет находиться в обозе.

Высказав всё это, Марков пришпорил коня и поскакал дальше. Впереди продвигалось несколько телег с ротным имуществом и санитарных подвод. На одной из них рядом с сестрой милосердия ехал и пожилой офицер. Увидев приближавшегося Маркова, он тут же слез с телеги и пошёл рядом. Марков остановился, первым поприветствовал и попросил сесть обратно на подводу.

Подобные эпизоды как нельзя лучше характеризуют Маркова. Как на марше, так и в бою он руководствовался исключительно здравым смыслом и той высшей армейской справедливостью, которая вызывает уважение и даже любовь к начальнику у подчинённых. Простые, понятные решения принимались им легко и естественно, без раздумий и колебаний. При этом Маркову не требовалось входить в образ и прилагать усилия. Он неизменно оставался самим собой и верным самому себе. И даже эпизоды, в которых генерала заносило, те скабрезные шутки, которые он отпускал зачастую не к месту и не ко времени, как-то не портили общего впечатления. Стержень, который составлял основу его характера, в сути своей наиболее полно соответствовал духу Добровольческой армии, пошедшей, как и он, неведомо куда, «за синей птицей» и обретающей надежду её отыскать...

У хутора Казаче-Малёваного ведомая Марковым колонна

пересекла железнодорожные пути и далее следовала слева от полотна. Замысел был прост. Основные силы должны были ударить с фронта, «марковцы» – обойти станицу слева.

К 11 часам добровольцы подходили уже к Кореновской. Из-за малочисленности кавалерии и неудовлетворительного состояния конского состава разъезды не рисковали удаляться от пехоты. Расположение советских отрядов до самого подхода к станице выявлено не было. И когда шедший впереди Юнкерский батальон приблизился к Кореновской на расстояние до двух километров, он был неожиданно обстрелян. Выяснилось, что большевики вырыли перед станицей окопы и успели укрепиться.

Юнкера, как на учении, развернулись жиденькой цепью и пошли вперёд. Левее их разворачивался Корниловский полк, которому была отведена полоса наступления от железной дороги исключительно до собственно станицы Кореновской вплоть до дороги на Журавскую. В резерве оставался прикрывавший обоз Партизанский полк с Чехословацким батальоном и 4-й батареей полковника А.Н. Третьякова.

Быстрое продвижение Юнкерского батальона сыграло с добровольцами злую шутку. Правый фланг Корниловского полка, седлавший дорогу, пытался не отставать от юнкеров. Центр и левофланговые подразделения невольно следовали уступом влево. Перед Кореновской располагался пологий бугор, скрывавший до поры станицу и станцию. В результате, когда Юнкерский батальон, войдя в зону видимости, начал спускаться к Кореновской, он какое-то время оставался перед окопами противника в одиночестве. Принял на себя весь сосредоточенный ружейно-пулемётный и артиллерийский огонь противника и вынужден был залечь.

Подходившие разновремененно подразделения правого фланга Корниловского полка положения изменить не могли. Видя их расстройство и замешательство, из станицы вышли плотные массы пехоты, и, развернувшись в густые цепи, перешли в контратаку. И добровольцы, наблюдая многократное превосходство противника, начали отходить.

«Подтянув свои части к обозу, – пишет Богаевский, – я спокойно наблюдал за ходом боя, думая, что, судя по началу, мне, как и под *Лежанкой*, едва ли придётся принять в нём участие.

Однако к своему удивлению, я неожиданно увидел, что юнкера и корниловцы начинают отходить... *Это было в первый раз за поход...* За ними беспорядочной толпой шли большевики с криками и стрельбой. Артиллерийский огонь стал ураганным.

Наступал критический момент боя...»

Это понимал и Корнилов, находившийся в расположении своего полка. Едва обозначился отход всего правого фланга, Командующий приказал Богаевскому незамедлительно выдвигаться, обойти справа отступающих юнкеров и всеми силами наступать на Кореновскую с запада. Едва Партизанский полк покинул ставший лагерем обоз, в тылу были замечены приближавшиеся группы вооруженных людей²⁶⁶. Встревоженный генерал Эльснер просил у Корнилова хоть что-то для прикрытия, на что получил приказ защищаться своими силами²⁶⁷.

Отходившие юнкера и правый фланг «корниловцев» вышли на линию центра и левого фланга и стали. Попытки остановить отступающих предпринимались тут и там, как командирами, так и строевыми офицерами. Впрочем, все и сами понимали, что отступать некуда. Если Армия была бы опрокинута, это привело бы к немедленной её гибели. Едва добровольцы отошли за бугор, артиллерия противника, не наблюдая цели, ослабила огонь. Но главное, настроение переменилось. Пришло ожесточение. Увлекая за собой остальных, более решительные группами и по одиночке уже шли вперёд. Навстречу. Вся цепь выровнялась и вновь наступала на Кореновскую. Даже отбе-

---

²⁶⁶ Это были две сотни, выделенные в помощь Добровольческой армии станцией Брюховецкой. Подойдя к Кореновской в разгар боя, они заняли выжидательную позицию.

²⁶⁷ «Передайте Эльснеру, что у него есть два пулемёта и много здоровых людей, – говорил Корнилов посыльному офицеру конвоя. – Этого вполне достаточно. Пусть защищаются сами. Я ничего дать им не могу».

Обоз выстроил вагенбург, и рассыпал впереди телег жидкую цепь легкораненых.

жавшие на сто, на двести метров к обозу, спешили присоединиться к своим²⁶⁸.

Корниловский полк вместе с Юнкерским батальоном на правом фланге продвигались вперёд, полные решимости ударить в штыки. Ещё правее развернулся для атаки Партизанский полк. Партизаны шли, как и всегда, не ложась, с винтовками наперевес и быстро продвигались к станице. 4-я батарея раз за разом занимала позиции в боевых порядках пехоты, давала несколько выстрелов и тут же снималась, догоняя ушедшие вперёд цепи.

На левом фланге вышел, наконец, на линию «корниловцев» Офицерский полк.

1-я и 2-я роты выдвинулись вперёд. При этом 1-я рота своим правым флангом упиралась в полотно железной дороги, 2-я разворачивалась левее. 3-я рота шла уступом влево, Техническая продвигалась во второй линии по обе стороны от железной дороги. 4-я оставалась в армейском резерве, вправо от железнодорожного полотна.

Продвинувшись вперёд, добровольцы увидели вдалеке за рекой²⁶⁹ станцию Станичную, а перед собой – вырытые окопы, которые уходили далеко влево от открытого фланга 2-й роты. Об охвате правого фланга противника не могло быть и речи.

Правее, у Кореновской шёл бой. Завязался он и в полосе наступления Офицерского полка. Передовые роты попали под артиллерийский огонь ставшего перед мостом советского бронепоезда. При необходимости он выезжал вперёд, давал несколько выстрелов и тут же отходил, умело прикрываясь склонами железнодорожной выемки. Его огонь накрывал не только 1-ю и 2-ю роты, постреливал бронепоезд и во фланг вновь перешедшего в наступление Корниловского полка, а также пытался накрыть выделяющиеся на местности цели. Генерал Марков вскарабкался было для обзора на крышу железнодорожной будки, но тут же с неё соскочил из-за близкого разрыва.

²⁶⁸ Принято считать, что исход боя решило обходное движение Офицерского полка. Но, думается, это не совсем так. Перелом обеспечила одновременная атака с фронта и флангов и решительные действия всех подразделений Армии. Во всяком случае, «корниловцы» перестали отходить вне зависимости от флангового движения «марковцев».

²⁶⁹ Река Бейсужёк Левый, приток реки Бейсуг.

1-я батарея, едва став у одного из холмов, вынуждена была взяться на передки, так как бронепоезд сосредоточил на ней огонь своих орудий. Батарея отошла на новую позицию. Теперь бронепоезд не мог достать её из выемки, а едва попытался вновь выйти вперёд, Миончинский серией разрывов у самого полотна заставил его отступить обратно.

Было около полудня, когда роты приблизились к окопам противника на расстояние не свыше тысячи двухсот шагов. Несмотря на то, что большевики из окопов открыли по ним сильный ружейно-пулемётный огонь, добровольцы были полны решимости атаковать. Однако последовала команда остановиться и залечь, так как противник, накопившись, стал выдвигаться для атаки открытого фланга 2-й роты.

Марков подскакал к отставшим от роты пулемётчикам, тянувшим к цепи «Максим» и коробки с лентами.

– Вот высота! – выкрикнул он, указывая на бугор, расположенный шагах в восьмистах влево. – Кто первый её займёт, одержит успех!

Четверо пулемётчиков 2-й роты совершили подвиг, какие совершались в те дни тут и там, как с той, так и с другой стороны неизвестными героями внутреннего фронта. Они сумели первыми достичь высоты и успели открыть огонь в упор по подходившему к бугру отряду матросов, не менее чем в 100 штыков. Не расстреляв и ленты, пулемёт замолк. Однако противник, понеся у высоты чувствительные потери и не допуская ничтожной численности случайного заслона, поспешил отойти к своим окопам. Когда 3-я рота, выдвинутая Марковым для отражения флангового удара, достигла бугра, один пулемётчик был убит, двое, находившихся в бессознательном состоянии, ранены.

В это же время большевики попытались атаковать Офицерский полк и с фронта. Густые их цепи устремились вперёд, но, встреченные правильным огнём офицерских рот, также понесли серьёзные потери. Наиболее решительные пехотинцы остановились в двухстах пятидесяти шагах перед цепью добровольцев, и после минутного колебания вынуждены были отступить. Их не преследовали, так как участь боя далеко ещё не была решена.

По другую сторону железнодорожного полотна большевики также вышли из окопов и атаковали Корниловский полк. Их цепь, не замечая за насыпью железнодорожного полотна «марковцев», вышла на линию 1-й роты и могла угрожать её флангу. Находившийся с ротой полковник Тимановский приказал её командиру подполковнику Плохинскому при содействии Технической роты немедленно атаковать противника во фланг. 50 офицеров 1-й роты ударили столь быстро и решительно²⁷⁰, что не только мгновенно смяли и обратили в бегство весь правый фланг большевиков, но на короткое время даже заняли их окопы. Тут они попали под артиллерийский обстрел советского бронепоезда слева и ружейный справа и отступили. Их порыв и короткий штыковой удар хотя и не привёл к немедленному перелому, всё же в какой-то мере способствовал тому, что Корниловский полк привёл себя в порядок и был готов контратаковать.

1-я рота седлала теперь железную дорогу. Справа от неё были «корниловцы» и Студенческий батальон. Слева – 1-я и 3-я роты, и ещё левее – прикрывающий фланг кавалерийский дивизион. В затылок ей на удалении в восемьсот шагов стояла обстреливаемая изредка красным бронепоездом Техническая рота. На бугре, чуть правее её Миончинский выставил свой наблюдательный пункт. Орудие 1-й батареи штабс-капитана Шперлинга не позволяло бронепоезду выскочить из выемки, второе, поручика Казанли, находилось в готовности начать обстрел окопов противника.

Положение на всём фронте стабилизировалось. Добровольцы отбили контратакующих большевиков, *удержались*, но наступление Армии было Корниловым остановлено. Сам он с конвоем и неизменным трёхцветным знаменем прискакал к Маркову. Оба генерала встретились на наблюдательном пункте 1-й батареи, прикрываемом рассыпавшимся впереди пешим взводом и батарейным пулемётом поручика Гагемана. Выяснив обстановку на левом фланге и убедившись, что все меры по его обеспечению приняты, Командующий обронил:

– Кажется, придётся нам здесь заночевать, Сергей Леонидович.

---

²⁷⁰ Всё произошло так быстро, что Техническая рота не успела даже выдвинуться для их поддержки.

– Ночевать не будем... – ответил ему Марков и как-то обосновал свою уверенность. Никто, кроме Корнилова слов его, заглушаемых разрывами снарядов, не услышал.

Они обменялись ещё несколькими фразами, после чего Корнилов, сопровождаемый конвоем, проследовал на правый фланг Армии. Марков вызвал к себе Тимановского, командиров Технической роты²⁷¹ и 1-й батареи и определил им задачи на предстоящую атаку. В роты его распоряжения повезли ординарцы. Сам генерал направился к передовым цепям своего полка. В этот момент советский бронепоезд выпустил несколько снарядов, по всей видимости, по скоплению людей у холма. Словно ускользая от ложившихся один за другим разрывов, Марков побежал к железной дороге и нырнул в бетонную трубу под полотном. Тут же находились и несколько офицеров, которые никак не ожидали прибытия своего командира и как один примолкли, ожидая порицания за столь нелюбимую генералом излишнюю осторожность. Однако неизбежного в другой ситуации разноса не последовало. Марков, будто оправдываясь, пояснил, что и сам вынужден был укрыться от обстрела. Сообщил, что скоро – атака, которая, возможно, окончится боями на улицах станицы. И уже уходя, добавил, меняя тему, что политика Армии – защита блага Родины, и что проводить её следует быстро, решительно и целесообразно.

Вскоре генерал был уже среди офицеров 1-й роты.

– Жарко? – спросил он ближайших тем бодрым, полным веселости голосом, который всегда почти предшествовал у него серьёзному бою.

– Жара, Ваше превосходительство. Патронов нет...

– Вот нашли, чем утешить! – усмехнулся Марков. – В обозе их также нет. По сколько?..

– Десять... Пятнадцать... Двадцать... – отвечали офицеры вразнобой.

– Ну, это ещё не плохо. Вот если останутся одни штыки, то будет хуже.

²⁷¹ Техническая рота выдвигалась вперёд и разворачивалась правее железной дороги. Впоследствии она атаковала, соприкасаясь с «корниловцами» своим правым флангом и продвигаясь к восточной окраине Кореновской.

Пока шла подготовка к атаке, бронепоезд всё постреливал из прикрывавшей его выемки. Марков приказал «принять меры». Команда подрывников-добровольцев подобралась к полотну и подорвала пути. Теперь бронепоезд не мог уже выехать из выемки. Однако дорога назад, к мосту, оставалась для него открытой, и при атаке под обстрелом орудий и пулемётов бронепоезда неизбежно оказывались добровольческие цепи как слева, так и справа от железнодорожного полотна.

Уже перед самой атакой отделение поручика Якушева, выделенное из состава 1-й роты Офицерского полка, подобралось по кустам к склону выемки, и офицеры забросали бронепоезд ручными гранатами. Таким способом нанести большой урон они вряд ли могли, но бронепоезд всё же отошёл к мосту. К этому времени «корниловцы» уже атаквали. И хотя основная масса шла далеко в стороне от железной дороги, бронепоезд, едва оставив выемку, тут же начал постреливать из орудий и пулемётов им во фланг. Но и сам, лишившись укрытия, тут же был обстрелян орудием 1-й батареи.

От левофланговой 3-й роты Корниловского полка для противодействия бронепоезду было выделено отделение, командир которого, не видя иного выхода, принял решение – вперёд! Жиденькая цепь из десятка добровольцев атаковала бронепоезд с фланга и отчасти с тыла. Сам он отошёл к мосту и стал на высокой насыпи. Рельеф же местности понижался на этом участке к железнодорожному полотну. Поэтому несколько снарядов выпущенных по наступающему отделению «корниловцев» разорвались над их головами, либо далеко позади.

Не столько под воздействием атаки, сколько оказавшись под обстрелом, бронепоезд прекратил огонь и стал маневрировать вдоль железнодорожного полотна. Шрапнель разрывалась в непосредственной близости от путей. Командир бронепоезда, опасаясь быть отрезанным, принял решение отойти²⁷².

Фланговый огонь прекратился, и тут же, ровно в 15 часов, услышав, что правый фланг и центр Армии уже возобновил наступление, Марков подал сигнал к атаке. По левую сторону по-

---

²⁷² Этим он спас экипаж от гибели, а бронепоезд от захвата. Едва состав ушёл за реку, снаряд разорвался непосредственно на мосту, повредив полотно.

лотна офицерские роты поднялись и устремились вперёд. На встречу им от окопов шли густые цепи большевиков. Противники молча и без выстрела сближались, готовые решить всё в штыковом бою. Но тут выдвинувшиеся почти к мосту офицеры поручика Яковлева открыли огонь во фланг защитников Кореновской. Солдаты посчитали, что цепь их охвачена, а Кореновская уже взята. Весь левый фланг её смешался и подался назад. От решимости не осталось и следа, стрелков охватила паника. Они повернули назад и побежали. Проскочив, не задерживаясь, свои окопы, солдаты спешили перейти вброд речку²⁷³. На том берегу часть их устремилась к ст. Станичной, большинство же уходило влево, к рощице.

Едва бронепоезд отошёл к станции, отделение поручика Яковлева и два пулемёта первой роты, не мешкая, прошли по мосту. Туда же устремилось и отделение «корниловцев». «Железнодорожный мост был важным объектом нашего общего внимания, – пишет Левитов. – А потому, не обращая внимания, в чей участок он был включён, все мы нацелились на него. Бронепоезд быстро отскочил назад на километр, остановился и стал бить по мосту гранатами, но, несмотря на это часть нашего отделения и пулемёт перескочили мост. В это время вправо наши уже переходили реку, красные отступали, и пулемёту открылось широкое поле деятельности бить противника во фланг. Бронепоезд это учёл и усилил свой огонь по мосту с продвижением на нас. Один пулемётчик был тяжело ранен, и около него произошло замешательство, а мы, что было сил, отскочили через мост, чтобы укрыться от огня...»

Мост в данном конкретном бою не являлся ключевым объектом, так как речку перед станицей легко было перейти на всём её протяжении, а подвижного железнодорожного состава Добровольческая армия не имела. Тем не менее, активные действия двух отделений и понесённые жертвы не пропали даром. Они отвлекли внимание экипажа советского бронепоезда от наступающих справа и слева от полотна добровольческих цепей.

²⁷³ Река Бейсужёк представляла собой цепь заболоченных озерец, соединённых неширокими протоками. Перейти её было несложно как вброд, так и по устроенным гатям.

«Корниловцы» пошли в атаку раньше «марковцев». Вслед за отступающими солдатами они перешли вброд реку и вместе с юнкерами ворвались на восточную окраину станицы. Здесь они вынуждены были преодолевать ожесточённое сопротивление защитников Кореновской, постепенно очищая одну улицу за другой. Обойдя станицу, с запада наступал Партизанский полк. И хотя на этот раз фланг советских войск был прикрыт, одновременное наступление на разных участках по сходящимся направлениям поколебала их стойкость. Кореновская была взята.

Однако едва добровольцы к 16 часам вышли на южную окраину станицы, им навстречу стала выдвигаться густая колонна красновардейцев. Это подходило запоздавшее подкрепление. Не разобравшись в обстановке, приняв офицерские цепи за отступающих своих, командиры вели людей в абсолютной уверенности, что им ничего не угрожает. Добровольцы, не раздумывая, пошли в штыковую атаку. Среди солдат возникло замешательство. Передние, по всей видимости, собирались сдать. Некоторые даже воткнули винтовки штыком в землю. Но тут на них с шашками наголо поскакал конвой Богаевского и офицеры штаба Партизанского полка. Всего конных партизан было до 20 сабель, в колонне же – несколько сот человек. Пехотинцы тут же вскинули винтовки и дали недружный залп. После этого сдаваться никто уже не собирался. Солдаты, рассыпавшись по степи, отступили к ближайшему лесу.

Часть «корниловцев» и юнкеров стала выдвигаться к железной дороге, и лишь тогда советский бронепоезд, экипаж которого ни на минуту не выходил из боя, делая всё возможное, чтобы поддержать свою пехоту, ушёл за станцию.

К этому времени развернул наступление и Офицерский полк. 1-я и 2-я роты, преследуя отступавших к леску солдат, уклонились влево. Техническая же рота, наступавшая справа от железной дороги, взяла правее и одновременно с «корниловцами» ворвалась в Кореновскую с юга²⁷⁴. Между ней и 1-й ротой образовался значительный разрыв, который не был ис-

---

²⁷⁴ Позже туда же подошёл и резерв Армии – 4-я рота Офицерского полка под командованием подполковника Тимановского.

пользован большевиками лишь ввиду их общего отступления по всему фронту. Тем не менее, Марков сразу же переместил 3-ю роту с левого фланга на правый и направил её непосредственно к станции.

1-я батарея со старой позиции поддерживала атаку Офицерского полка, чем в немалой степени способствовала её успеху. Орудие Шперлинга обстреливало станцию и маневрировавший советский бронепоезд, орудие Казанли – окопы противника. На станции в это время стоял под парами готовый отойти эшелон. В результате прямого попадания гранаты разомкнулась сцепка паровоза и ближайшего к нему вагона. Машинист, не решившийся под обстрелом исправить повреждение, поспешил увести паровоз со станции. В результате несколько вагонов с имуществом и боеприпасами достались впоследствии добровольцам.

Направленный во фланг и тыл советским войскам конный дивизион полковника Глазенапа ввиду своей малочисленности ограничился лишь демонстрацией охвата и вскоре вынужден был отойти к Кореновской.

Потерпев поражение и отступив на флангах, в центре большевики серьёзного сопротивления уже не оказали. Но едва «марковцы» заняли станцию и начали осматривать оставленное имущество, из леска перед ней вышли солдатские цепи и, поддерживаемые своим бронепоездом, попытались её отбить. Добровольцы 3-й роты, не имея взрывчатки для подрыва полотна, набросали на пути перед станцией попавшиеся под руку шпалы и брёвна, а сами встретили наступающих ружейно-пулётным огнём из-за укрытий и из станционных построек.

Эта атака, имеющая целью отбить к ночи станцию, свидетельствовала как о решимости и стойкости советского командования, так и об известной дисциплине. Отходившие расстроенные солдатские массы останавливались, приводились в порядок и вновь направлялись на линию огня. И всё же, несмотря на сохранявшееся значительное численное превосходство, предпринимаемые на разных участках попытки контратаковать неизбежно выливались в неподготовленные изолированные дей-

ствия и были обречены на провал. Да и порыв, безусловно проявленный солдатами днём, к вечеру сходил постепенно на нет.

Едва бронепоезд пошёл впереди цепей к станции, как был обстрелян вначале двумя орудиями 1-й батареи, переправившейся вслед за своей пехотой через речку по гати. А вскоре – и 2-й батареей от занятой станицы. Несколько разрывов у полотна заставили его отступить. За ним отошла и пехота.

К 18 часам офицерский батальон Корниловского полка вышел на переезд в полутора километрах от станции, где через час, уже в сумерках, отбил последнюю в этот день атаку большевиков, поддерживаемую всё тем же героическим бронепоездом. Советские отряды, отступившие от Кореновской, в большинстве своём не рассеялись, а более-менее организованно отошли на станицу Платнировскую, где и укрепились.

Всё стихло. Выставив в охранение 4-ю роту, Офицерский полк вместе с 1-й батареей заночевали на станции Станичной. Основные силы Армии расположились в Кореновской.

Результаты боя оказались куда менее определёнными, чем это могло показаться. Станицу взяли. Советские войска были отброшены, *но не разбиты*. Численное превосходство и, главное, боеспособность они сохранили в полной мере. Потери большевиков были значительными. Одни лишь убитые исчислялись сотнями. Однако и Добровольческая армия понесла чувствительный урон. В Корниловском полку выбыло из строя свыше 140 человек, из них 35 убитыми²⁷⁵. Офицерский полк потерял 130 человек, в том числе 30 убитых. Техническая рота недосчиталась 20 человек при 7 убитых. Юнкерский батальон – до 50 человек при 8 убитых. В 1-й батарее несколько человек были ранены и один убит²⁷⁶.

В отбитом на станции эшелоне были обнаружены и розданы в батареи до 600 снарядов. Захвачены были несколько пу-

---

²⁷⁵ Снарядом с бронепоезда был убит командир 4-й роты Корниловского полка капитан Пиотровский.

²⁷⁶ Старший офицер батареи капитан Глотов был тяжело ранен в живот и скончался через несколько дней в армейском лазарете. Осколком разорвавшейся гранаты был ранен в висок штабс-капитан Шперлинг, оставшийся, тем не менее, в строю.

лемётов и большое число патронов, что позволило даже после раздачи в роты, создать их запас²⁷⁷. Оприходовано было также продовольствие и медикаменты.

Весь день 5(18) марта Армия, никем не тревожимая, отдыхала в занятой станице²⁷⁸. В Кореновской окончательно подтвердились известия об оставлении Кубанским отрядом Екатеринодара²⁷⁹. И здесь же Корнилов, поговорив с Марковым и Неженцевым²⁸⁰, принял решение отказаться от наступления на столицу Кубани.

В этом решении, безусловно, были свои резоны. Боевая часть Армии уменьшилась на 400 штыков, что составляло немалую её часть. В то же время обоз за два дня боёв за Выселки и Кореновскую увеличился из-за огромного числа раненых на 200 подвод. Все понимали, что с каждым боем он будет сковывать Армию всё в большей степени. Изменился и характер боёв. Под Выселками и в Кореновской вместо неорганизованных ополчений добровольцев встретили объединённые единым замыслом и единым командованием обученные дисциплинированные части. Преобладали солдаты-фронтовики и матросы, которые отличались стойкостью и бесстрашием. Да и Красная гвардия была уже не та. Вместо рабочих отрядов, впервые взявших в руки оружие, она в станицах формировалась из крестьян, только что пришедших с фронта, а отчасти и из фронтовых казаков.

Несмотря на подошедшие конную и пешую сотни, выделенные в помощь Армии станицей Брюховецкой, Кубанское каза-

---

²⁷⁷ Любопытно, что захвачены в большом количестве были также и берданочные патроны, которые на следующий день были уничтожены.

²⁷⁸ Лишь 1-я батарея стояла на позиции у станции и редкими выстрелами отгоняла подходивший временами от Платнировской бронепоезд.

²⁷⁹ «Для Добровольческой армии это был большой удар, – пишет А.П. Богаевский. – Исчезла ясная и определённая цель, к которой мы так упорно стремились, пропала надежда на отдых и сильную поддержку верных Кубани казаков, и перед нами, после 300 вёрст похода, снова, как в первый день, стал роковой вопрос: куда же идти?.. Возвращаться назад было невысказано...»

²⁸⁰ Оба командира настаивали на том, что без отдыха продвигаться дальше невозможно. Помимо огромных потерь начинал сказываться и иной фактор. Крайняя измотанность людей, не столько даже физическая, сколько моральная.

чество в массе своей оставалось нейтральным²⁸¹. Что касается иногородних, то своих симпатий к Советской власти они даже и не скрывали. Брались за оружие и присоединялись к большевикам тысячи²⁸². И если потери добровольцев оказывались невосполнимыми, то советские отряды непрерывно получали всё новые подкрепления.

Катастрофическим было положение с боеприпасами. Имеющие подавляющее превосходство не только в численности, но и в вооружении советские войска снарядов не желали. В Армии же каждый был на счету. Лишённая базы и пунктов снабжения Добровольческая армия могла пополнить боезапас лишь захватив его в бою. Но воевать, рассчитывая лишь на это, было невозможно. На станции Станичной удалось захватить эшелон с боеприпасами, но тут помог случай. И все понимали, вероятность его повторения не столь и высока.

Продвижение к Екатеринодару по кратчайшему пути вдоль железной дороги неизбежно оборачивалось оперативным окружением. Большевики, оказавшие в Кореновской ожесточённое сопротивление, отступили к Платнировской в относительном порядке. Прорваться в Екатеринодар без боя нечего было и думать, и результат его уже не был очевиден. В тылу же оставалась мощная Тихорецкая группировка советских войск и вся железная дорога, контролируемая большевиками до Ростова и далее. Появление сильного противника в тылу оставалось лишь делом времени²⁸³.

Екатеринодар был не самоцелью, а лишь звеном в цепи необходимых действий для достижения главного. К городу шли

---

²⁸¹ Корнилов вновь выступал на митинге. Казаки слушали, казалось, даже с одобрением. Но к Армии присоединились единицы.

²⁸² В Кореновской организацией вооружённого отряда занимался Совет, образовавшийся ещё 16 января 1918 г. Устойчивость обороны станицы очевидцы связывали, в том числе и с преобладанием иногороднего населения. Советские войска, по сути, воевали на своей территории.

²⁸³ Пассивность Тихорецкой граничила, конечно, с преступлением. Если бы советские войска вновь, как и при занятии ими Выселок, проявили инициативу, продвинулись от Тихорецкого узла и в разгар боя под Кореновской нанесли удар добровольцам в спину, поражение Добровольческой армии, по всей видимости, было бы неизбежным.

в надежде найти новую базу, которая позволила бы отдохнуть, соединиться с последним остающимся ещё союзником, пополнить свои ряды и искать новые шансы. И прежде всего переломить настроения Кубанского казачества, без которого рассчитывать на успех в создавшихся условиях не приходилось.

За решение Корнилова свернуть в сторону от железнодорожного полотна и, перейдя Кубань, отсидеться в горных аулах, как предполагалось, «не тронутых ещё большевизмом», высказалось большинство высших начальников. Возражали лишь Деникин с Романовским. И доводы их также не были лишены основания. «Мне представлялось необходимым, – пишет Деникин, – продолжать выполнение раз поставленной задачи во что бы то ни стало, тем более, что армия давно уже находилась в положении стратегического окружения и выход из него определялся не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника, который должен был повлечь за собою политическое его падение... В штабе узнал, что готовится приказ о повороте на юг, за Кубань. Поговорил с Иваном Павловичем²⁸⁴, который разделял мое мнение, и вместе с ним пошли к командующему...

– Я с вами согласен, – ответил им Корнилов. – Но вы говорили с Марковым и Неженцевым?.. Они были сегодня у меня с докладом о состоянии полков²⁸⁵... Если бы Екатеринодар держался, тогда бы не было двух решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там, в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах отдохнём, устроимся и выйдем более благоприятных обстоятельств.

Спор наш не привёл ни к чему...»

Корнилов часто представляется человеком жёстким, неуступчивым и не склонным к компромиссу. Однако принятое решение повернуть от Кореновской на Усть-Лабинскую харак-

---

²⁸⁴ С Романовским.

²⁸⁵ Командиры полков ввиду чувствительной убыли и крайнего переутомления, физического и, прежде всего, морального, настаивали на том, чтобы предоставить людям хотя бы кратковременный отдых. И, следовательно, выступали за то, чтобы повременить с наступлением на Екатеринодар вдоль железной дороги от Кореновской.

теризует его в ином свете. Вне всякого сомнения, продиктовано оно было заботой Командующего как о раненых, так и о людях, пошедших за ним и доверивших ему свои жизни. Едва лишь ситуация изменилась и перспектива разгрома и гибели всех без остатка стала реальной, Корнилов изменил первоначальный план.

Так или иначе, но после суточного отдыха в Кореновский вечером 5(18) марта все части стянулись к станции, выстроились в колонну и та, перейдя у переезда железнодорожные пути, повернула на юго-восток. Только тут добровольцы узнали, что Армия на Екатеринодар не идёт. В авангарде следовали три роты Офицерского полка, Техническая рота и 1-я батарея. В арьергарде – Партизанский полк. Около 21 часа 4-я рота Офицерского полка снялась из охранения перед станцией и стала в хвост колонны. Последней отходила от станции 3-я рота Корниловского полка. «Корниловцы» свернули охранение у переезда и в предрассветных сумерках стали нагонять ушедшую вперёд колонну.

Кореновская осталась позади...

6.7. Усть-Лабинская

Несмотря на все меры предосторожности, уйти незамеченными не удалось. Уже на рассвете один из советских конных разъездов обнаружил отход 3-й роты «корниловцев». Надо отдать должное Сорокину. Действовал он быстро и решительно. Оставленная добровольцами Кореновская сразу же была занята, а от Платнировской в преследование двинут отряд общей численностью до 500 штыков с артиллерией. 3-я рота на виду у противника рассыпалась, избегая обстрела, и вскоре присоединилась к своим. Арьергард, пропустив её через себя, прекратил движение и открыл огонь по развернувшимся для атаки цепям противника. Раз за разом Партизанский полк останавливался, отгонял от себя наседавших «сорокинцев» и продолжал следование. Большевики не отваживались пока атаковать, ограничиваясь лишь преследованием. Но их артиллерия издалека начала обстреливать добровольцев. Снаряды стали долетать уже и

до обоза. Впрочем, прямых попаданий всё же не было. «Партизаны» удерживали противника на почтительном расстоянии. Натиск между тем усилился, и вскоре дальнейшее продвижение под огнём сделалось невозможным. Партизанский полк километрах в 4-х от станицы стал окончательно на хуторах и вынужден был принять «правильный» бой.

Растянувшаяся колонна Добровольческой армии между тем спешно продвигалась к Усть-Лабинской. Ещё на выходе из станицы Раздольной в голову колонны стал Корниловский полк. Ему было приказано ворваться в станицу и овладеть переправой – мостом через Кубань. Задача усложнялась ещё и тем, что от южной окраины станицы до реки тянулась узкая длинная²⁸⁶ дамба. Неизвестно было, цел мост или уже взорван большевиками. В последнем случае Армии грозила перспектива быть прижатой к полноводной, не переходимой вброд реке. Именно этим обстоятельством объясняется лихорадочная поспешность всех последующих действий. Главной целью было не взять станицу, а пройти через неё и как можно скорее перебраться на другой берег.

К полудню 6(19) марта Армия вышла к Усть-Лабинской. Здесь её уже ждали. Перед полотном железной дороги и станцией были вырыты окопы, занимаемые большевиками. Небо было затянуто тучами. Видимость – весьма ограничена. Стоило людям и целым подразделениям отойти немного в сторону, как они тут же терялись из виду в висевшей над землёй мороси.

Между 13 и 14 часами авангард пошёл в атаку. Юнкерский батальон принял вправо и начал выдвигаться к насыпи с целью оседлать железную дорогу и прикрыть правый фланг Армии. Вскоре там завязался бой. «Корниловцы» же продвигались вперёд тихо, без выстрела. От полка была выделена колонна, охватывающая станцию с левого фланга. Тут, по словам Деникина, шедшего вместе с «корниловцами», произошло следующее. Со стороны станицы подъехал верховой и сообщил, что «товарищи форштадта»²⁸⁷ согласны пропустить Армию без боя.

²⁸⁶ Длинной до трёх километров.

²⁸⁷ Неказачья часть станицы, рядом расположенный посёлок иногородних.

Раздумывать было некогда. Цепи поднялись и скорым шагом пошли к станице. Но едва лишь добровольцы прошли несколько сотен метров, как были обстреляны из окопов. По всей видимости «договорённость» касалась *местной* Красной гвардии, по понятным соображениям боя в своей станице старавшейся избежать. Однако пришлый элемент то ли не знал о ней, то ли решил пренебречь. Так или иначе, но цепи вынуждены были залечь и открыть ответный огонь.

К этому времени обходная колонна вышла на исходный рубеж и атаковала правый фланг противника. Едва услышав шум боя, цепи «корниловцев» поднялись и поддержали товарищей ударом с фронта. Остаётся предположить, что, по крайней мере, часть красногвардейцев *действительно* старались избежать вооружённого столкновения. Так или иначе, но оборона с самого начала носила очаговый характер и оказалась весьма непрочной. Солдаты, не желая попасть под обстрел на узкой дамбе, рассыпались вправо и влево от станицы. Многие попрятались по домам. Их не преследовали²⁸⁸. «Корниловцы» спешили захватить в целости и сохранности переправу. Лишь две роты офицерского батальона были выделены для прикрытия восточной окраины станицы. Едва мост был захвачен, командир Офицерского батальона «корниловцев» полковник Булюбаш приказал ротам спуститься вниз, к реке, и обеспечить его охрану. Однако в этот момент отступившие было к кирпичным заводам солдаты перешли в контратаку. Добровольцы подпустили их на 300 шагов и встретили огнём. Укрыться красногвардейцам на открытой местности было некуда. Потеряв десятки убитых, они вновь вынуждены были отойти. После этого роты снялись и поспешили присоединиться к полку. Это едва не привело позже к серьёзным последствиям.

Между тем Партизанскому полку, отступавшему под натиском «сорокинцев» к Усть-Лабинской, приходилось туго. Обескровленный в предшествующих боях, насчитывающий не

---

²⁸⁸ Проходя по улицам Усть-Лабинской, группа добровольцев наткнулась на станичную тюрьму, в которой содержались несколько офицеров во главе с полковником Молодкиным. Все они тут же получили по винтовке в руки и присоединились к своим освободителям.

более 400 штыков, непрерывно обстреливаемый артиллерией полк медленно отходил. В какой-то момент к командиру полка подскочил от одной из сотен посыльный офицер. Он доложил, что противник обходит цепи «партизан», вынуждая их к отступлению. Резервов у Богаевского уже не было. Все, кроме штабных чинов, были посланы в бой. Он приказал офицеру отправиться к Корнилову и доложить обо всём Командующему лично, но добавить при этом, что Партизанский полк держаться ещё в состоянии²⁸⁹.

Через некоторое время к Богаевскому подскакала баронесса Бодэ, служившая ординарцем при конном дивизионе, и доложила, что Корнилов направил на помощь последний армейский резерв – два эскадрона. Колонна кавалерии на рысях подошла к месту боя, но Богаевский, посчитавший, что у переправы они будут нужнее, отправил кавалеристов обратно.

Постепенный отход Партизанского полка привёл к тому, что под перекрёстным огнём оказались «главные силы». Вплоть до того момента, как мост через Кубань был захвачен «корниловцами», обоз был стянут генералом Эльснером в до предела сжатую колонну и ожидал конца боя.

Всё это время Офицерский полк стоял в резерве перед станицей. Командир полка был при Командующем, за него оставался Тимановский. Наконец, к добровольцам подскочил Марков и сразу скомандовал:

– Первая рота! За мной!

Рота в походном строю стала выдвигаться к станице. Прошли мимо стога сена, на котором стоял наблюдавший за ходом боя Корнилов.

– Сергей Леонидович, пошлите роту туда, – указал он направление.

Рота развернулась в цепь и двинулась вправо от станицы.

---

²⁸⁹ Позже Корнилов сообщил Богаевскому, что офицер, доложив о бедственном положении арьергарда, попросил от его имени подкреплений. Вся эта история свидетельствует, прежде всего, о том, что Марков с Неженцевым были правы. Люди устали и были на грани срыва. Неизменная стойкость ставилась под сомнение. И в большей степени по понятным причинам это относилось к Партизанскому полку и Юнкерскому батальону.

Навстречу ей из тумана стали выбегать отступающие юнкера. За ними от насыпи шли густые солдатские цепи. Всё же, поравнявшись с офицерской ротой, Юнкерский батальон тут же прекратил отход и вместе с ней вновь атаковал противника. Какое-то время большевики продолжали идти вперёд, но, увидев, что перед ними подошедшая свежая часть, не выдержали и, не задерживаясь в своих окопах, побежали к домам. Юнкерский батальон был оставлен на насыпи для прикрытия западной окраины станицы от возможного выдвигания красногвардейских эшелонов из Екатеринодара²⁹⁰. 1-я рота продолжила наступление, продвигаясь вдоль северной окраины станицы в восточном направлении. Бегущие перед ней красногвардейцы сворачивали в боковые улицы и прятались в садах и хозяйственных постройках. Их не преследовали и почти не стреляли. Рота получила приказ и спешила выйти на восточную окраину станицы.

Наконец рота достигла намеченного рубежа и развернулась в поле. Прямо перед ней лежали в немалом числе трупы красногвардейцев. Подскакавший Марков удивлённо спросил:

– Когда вы успели набить столько?

На что добровольцы отвечали, что и сами находятся в недоумении, поскольку на этом направлении в бой ещё не вступали. О том, что здесь до них удерживали позиции две роты «корниловцев», многие узнали лишь в эмиграции.

Маркову между тем была поставлена Корниловым задача оседлать железную дорогу и обеспечить охрану станицы со стороны Кавказской. 1-я рота стала правее железнодорожного полотна. 2-я и 3-я развернулись в цепи слева. 4-я рота, обойдя по целине стоявшие в несколько рядов повозки обоза, составила полковой резерв в полукилометре позади. Сам Марков, сопровождаемый командирами, находился у железнодорожной будки и часто поглядывал вдоль путей в сторону станицы Ладжской. Располагал ли он какими-либо сведениями²⁹¹ или, скорее,

²⁹⁰ Атаки с запада не последовало. Напротив, были замечены дымки уходящих к Екатеринодару эшелонов.

²⁹¹ Такие сведения могли быть получены только лишь из захваченных на станции телеграфных лент. И если кто-то в горячке боя догадался этим озабочиться, это делает ему честь.

просто допускал развитие событий по худшему из возможных сценариев, но случилось именно то, чего все опасались.

– Вот и они, – сказал Марков.

Километрах в двух от станции остановился эшелон. Из вагонов выскакивали красногвардейцы и тут же разворачивались в боевой порядок как справа, так и слева от полотна. Солдатские цепи пошли вперёд, а за ними с платформ на руках выкатили четыре орудия, ставшие на позицию и начавшие обстреливать станцию. Марков с Миончинским укрылись за деревом. Миончинский определил ориентиры и подал команду открыть ответный огонь²⁹². Первые же гранаты разорвались у самых орудий противника. И тут же последовало прямое попадание в щит. Видно было, как номеров разбросало разрывом. Все они, конечно, погибли на месте. Оставшиеся в живых советские артиллеристы спешили на руках оттащить уцелевшие орудия обратно к поезду. Но следующая граната разорвалась у самого паровоза. Машинист не стал дожидаться новых попаданий и дал задний ход²⁹³.

---

²⁹² 1-я батарея стала на закрытую позицию на станичной площади у здания почтово-телеграфной конторы и стреляла по ориентирам своего командира «по буссоли».

²⁹³ Деникин и Богаевский отводят 1-й батарее куда более значимую роль в бою за Усть-Лабинскую. Вот что пишет по этому поводу Деникин: «Вдруг получается донесение, что с востока, от Кавказской подошел большевистский эшелон, разгрузился и идет к станции. Скоро по вокзалу и станции начали глухо взрываться шестидюймовые бомбы. Штаб и конвой – больше никого! Неженцев в пылу боя увлёкся преследованием и не оставил заслона против Кавказской. Корнилов сумрачен и озабочен; вместе с Романовским идут к окраине; скоро ординарцы развезят распоряжения: поставить на площади батарею, повернуть на восточную окраину часть Офицерского полка, который с Марковым подходил к вокзалу, вернуть батальон корниловцев... Проходит около 3/4 часа, пока собираются части, и борьбу ведёт одна лишь батарея Миончинского. Но скоро бегом мимо станции проходят Марковские офицеры и вместе с «корниловцами» бьют и обращают в бегство подходящих уже к самой станции большевиков».

А вот слова Богаевского: «Между тем бой в станции едва не кончился катастрофой. Корниловцы, выбив большевиков из неё, увлеклись преследованием их вдоль р. Кубани, не оставив заслона против станции Кавказской. И вот, когда все слабые силы добровольцев были разбросаны на значительном пространстве в разных концах станции, неожиданно появился с востока сильный эшелон красных, разгрузился в поле и начал наступление на станцию, осыпая её снарядами. За неимением под рукой других войск, генерал

По станице продолжал стрелять бронепоезд, стоявший на путях позади эшелона. Но он находился на известном удалении, и снаряды ложились в стороне от ротных позиций.

Красногвардейские цепи, не обескураженные неудачей поддерживающей их артиллерии, скорым шагом продолжали идти на сближение. Противники почти не стреляли друг в друга. Наконец, Марков подал команду: «В атаку!» 1-я, 2-я и 3-я роты поднялись и устремились в штыки. Левый фланг наступающих большевиков упирался в Кубань. Поэтому 1-я рота, проскочив едва пару сотен шагов, оказалась охваченной справа. К тому же не встреченный контратакой противник начал продвигаться вдоль берега к станице, угрожая и переправе. Немедленно Марков двинул в первую линию 4-ю роту, которая развернулась вполоборота вправо и атаковала. Большевики дрогнули почти одновременно по всему фронту и побежали. Полк пошёл в преследование. На левом фланге рубил отходивших в беспорядке крас-

---

Корнилов приказал батарее... Миончинского задержать наступление большевиков... последний... блестяще это выполнил и в течение 3/4 часа, пока собирались другие войска, удержал противника...»

Следует заметить, что сам Богаевский, находившийся на другом участке, не мог непосредственно наблюдать происходящее и, видимо, повторяет слова Деникина. И поскольку о «катастрофе» ни Павлов, ни марковцы-артиллеристы не упоминают, остаётся предположить следующее. «Сильный эшелон красных» подошёл от Ладожской, когда восточную окраину станицы действительно прикрывала одна лишь вышедшая к ней 1-я батарея. Но чтобы разгрузиться и начать наступление, красногвардейцам потребовалось время, и когда их цепи пошли вперёд, оборона была уже прочной.

Подобные «несовпадения» в разных источниках, впрочем, вполне объяснимы. Слишком уж много событий произошло в столь короткий промежуток времени. Масштабные бои не прекращались, перетекая из одного в другой. И неудивительно, что в мемуарах современников и даже очевидцев отдельные эпизоды иногда то не совпадают по времени, то накладываются один на другой...

Армия под Усть-Лабинской оказалась, конечно, в затруднительном положении. Она атаковала противника, силы и состав которого не были известны. При этом вынуждена была отбиваться от советского отряда, настойчиво атакующего арьергард, и могла в любой момент подвергнуться фланговому атакам. Думается, однако, что о возможной катастрофе говорить всё же не приходится. Бой со стороны большевиков должной организацией на этот раз не отличался. Станичная Красная гвардия серьёзного сопротивления, по сути, не оказала. Атаки же с тыла и от Кавказской велись решительно, по сходящимся направлениям, но одновременно и изолированно друг от друга. Подкрепления из Екатеринодара к месту боя так и не подошли.

ногвардейцев конный дивизион. Очевидцы утверждают, что не исключалась возможность захвата орудий. Но уже темнело. Роты были отозваны Марковым назад для охраны станицы и моста.

Ещё во время боя обоз начал переправляться на левый берег Кубани. Впереди шла Техническая рота, которой предстояло заняться наконец-то своей работой. Участок дорожного полотна был вырван взрывом²⁹⁴, но каменные опоры моста и стальные пролётные строения не пострадали. Чины технической роты заделали внушительных размеров дыру и в течение всей переправы следили за её ходом. На всякий случай для переправы строевых частей, охранявших мост, были приготовлены лодки и подручные средства. Но они так и не понадобились.

Не в последнюю очередь из-за разросшегося непомерно обоза переправа затянулась до полуночи. Несмотря на то, что западная часть станицы, в которой скопилось немало покинувших поле боя красногвардейцев, по существу так и не была занята добровольцами, переправа прошла спокойно.

Проследовал обоз, прошёл армейский лазарет, прошёл Партизанский полк²⁹⁵. За ним – кавалерийский дивизион, Юнкерский батальон и оставившие восточную окраину станицы роты Офицерского полка. 1-я батарея подвезла к переправе свои орудия на одних коренных. По мосту их перекатывали на руках. Для того чтобы избежать сутолоки и ускорить переправу, конные артиллеристы переходили реку вброд. Пешие – по доскам, проложенным поперек полузатопленных телег. Уже за полночь снялись с охранения «корниловцы²⁹⁶».

²⁹⁴ По всей видимости, большевики всё же пытались подорвать мост, но сделать этого не смогли, а возможно и не успели. Не исключено, впрочем, что в него угодила случайный снаряд.

²⁹⁵ Едва начало темнеть, атаки советского отряда, преследующего Армию от Кореновской, прекратились. Богаевский свернул полк и, оторвавшись от противника, увёл его к переправе.

²⁹⁶ 2-й батальон Корниловского полка был оставлен в качестве заслона у переправы. Мост попытались подорвать, но из-за недостатка динамита не разрушили основательно, а лишь повредили. В батальоне, расположившемся на ночлег в ближайших к реке, наполовину сожжённых Саратовских хуторах, не озаботились должным образом об охранении, и большевики, переправившись через Кубань, совершили удачный ночной налёт. После недолгой перестрелки они были отбиты, но сам факт активности противника повышению

Армия перешла на левый берег Кубани.

6.8. За Кубанью

Добровольческая армия, не останавливаясь, растянувшись в колонну, шла глубокой ночью к станице Некрасовской. В полной темноте тут и там до самого горизонта горели яркие огни. Это полыхали подожжённые казаками хутора иногородних. Десятилетиями копившиеся противоречия, до предела обострившиеся с началом дележа войсковых земель, оборачивались теперь новой трагедией.

По свидетельству очевидцев, настроение в колонне было подавленное²⁹⁷. Казаки оказали добровольцам плохую службу. Лишили их нормального ночлега. Между тем люди, до крайности утомлённые 50-километровым маршем и затяжным тяжёлым боем, не могли больше продолжать движение. Одна за другой части устраивались на ночлег рядом с очередным пепелищем или прямо во дворах сожжённых домов. Высланные вперёд разъезды пытались спасти для квартирьеров хоть часть строений. Иным это удавалось. Повезло и 1-й батарее. Вместе с Юнкерским батальоном артиллеристы отдыхали два часа на уцелевших наполовину Султанских хуторах.

Основные силы всё же продвигались постепенно к Некрасовской, до которой от реки было не более 8-10 километров. Переправившись через Кубань, части сразу вытянулись в колонну. Поэтому в голове её шёл обоз, а в затылок ему Офицер-

---

боевого духа явно не способствовал. К тому же, по свидетельству Левитова, в скоротечном бою был захвачен раненым командир 6-й роты Н.Н. Ровенский, которого наутро повесили в Усть-Лабинской. Роту на следующий день принял капитан Петров. Справедливости ради, следует отметить, что и Корнилов, зачастую, не останавливался перед репрессиями.

²⁹⁷ Особенно возмущало то, что казаки, поспешив свести счёты с иногородними, вовсе не торопились присоединиться к добровольцам. В станице Некрасовской записались в Армию лишь единицы. И то, что после ухода добровольцев она не была сожжена в отместку дотла, объясняется лишь значительным количеством казаков-фронтовиков в составе Красной гвардии.

После подобных «эпизодов» примирить казаков с иногородними было весьма затруднительно, если вообще возможно, что и обусловило, в конечном итоге, последующие события.

ский полк. Не доходя до станицы, колонна стала. По цепи передали сообщение, что Некрасовская занята Красной гвардией. Роты обошли стороной остановившиеся «главные силы», развернулись и пошли вперёд.

Решено было не штурмовать станицу в лоб, а обойти оборонительные позиции её защитников с фланга и ворваться на восточную окраину. Манёвр, однако, осуществить в полной мере не удалось. Отойдя в сторону от дороги, добровольцы вскоре попали на пересечённую местность и в темноте сбились с направления. Удивляться не приходится, люди валились с ног от усталости. Всё же, преодолев холмы, густо поросшие кустарником, роты вышли, наконец, на пологий участок и в темноте едва ли не вплотную столкнулись с красногвардейцами. Вспыхнувшая было стрельба тут же и смолкла, противник отступил, растворившись в ночи. Лишь перед рассветом роты Офицерского полка вышли к окраине Некрасовской, были обстреляны и залегли²⁹⁸.

Добровольцы находились в таком состоянии, что командиры вместо немедленной атаки посчитали нужным их остановить. И тут от переправы подошли два батальона Корниловского полка. Чётко, как на параде, развернулись в цепь и не обращая внимания на обстрел, сопровождаемые военным маршем полкового оркестра пошли вперёд. За ними поднялись и «марковцы». Какое-то время защитники Некрасовской продолжали вести ружейно-пулемётный огонь, но вскоре не выдержали нервного напряжения, покинули наспех вырытые окопы и густыми толпами побежали к станице. На рассвете 7(20) марта Некрасовская была занята целиком, и приткнувшиеся на ночь вдоль дороги части Добровольческой армии стали подтягиваться в станицу. Некрасовская растянулась вдоль правого берега Лабы на многие километры, сонные квартирьеры не без труда разводили подразделения на определённые для них участки. Заняв хаты, люди засыпали, едва расстелив на полу шинели.

Весь день 7(20) марта был отведён Армии для отдыха. Впрочем, воспользоваться им смогли далеко не все. Переправивши-

---

²⁹⁸ К этому времени большевики оставили западную часть станицы, и обоз вошёл в неё беспрепятственно.

еся на левый берег Лабы красногвардейцы начали постреливать через реку. В перестрелку с ними вступил стоявший в охране вдоль берега Юнкерский батальон. Пули щёлкали по крышам домов. Поскольку район квартирования 1-й батареи оказался у самого берега, подполковнику Миончинскому было приказано выделить одно орудие для обстрела левого берега. Впрочем, он и сам успел принять меры. Для выяснения обстановки на соседние улицы были высланы разведчики из пешего взвода, а по направлению стрельбы выдвинулись батарейные пулемётчики. 1-е орудие штабс-капитана Шперлинга стало на позицию в нескольких шагах от хаты, прямо в огороде и открыло ответный огонь. Корректировщики наблюдали за разрывами с крыши, а когда стрельба утихала, отогревались в хате.

Днём выяснилось, что у большевиков есть и артиллерия. Снаряды начали ложиться один за другим непосредственно в станице. Больше всего их разорвалось на площади у церкви, что свидетельствовало о выучке советских артиллеристов и их стремлении накрыть штаб. Был получен новый приказ: во что бы то ни стало подавить орудие противника. Каковой и был выполнен незамедлительно. Шперлингу удалось по вспышкам обнаружить позицию артиллерийского взвода и несколькими выстрелами заставить его замолчать.

Роты Офицерского полка были отведены на восточную и южную окраины. Отступившие от Некрасовской большевики в течение дня пытались приблизиться к станице. Но, обнаружив перед собой офицерские цепи, не принимая боя, отходили. Лишь к вечеру Офицерский полк, выставив на угрожаемых направлениях заставы, был отведён на отдых.

И, не прекращая, била артиллерия у Усть-Лабинской. 2-й батальон Корниловского полка не позволял «сорокинцам» переправиться через Кубань.

«Наша горячая надежда – отдохнуть за Кубанью и привести себя в порядок, – не оправдалась, – пишет Богаевский. – Наоборот, мы попали в сплошное осиное гнездо большевизма. Каждый хутор, отдельный дом, роща – встречали нас градом пуль. Занимаемые селения оказывались почти пустыми, но в них не

было нам ни минуты покоя. Везде свистели пули, смертельная опасность была на каждом шагу.

Кольцо, сжимавшее измученную Армию, охватывало её всё плотнее и нужны были отчаянные усилия, чтобы прорывать его и двигаться дальше».

В эти первые два-три дня большевики за Кубанью, конечно же, не располагали пока ещё силами, способными раздавить добровольцев. В каждой почти станице были организованы отряды Красной гвардии в несколько сот, а зачастую и тысяч, человек²⁹⁹. Но численное превосходство сводилось на нет отсутствием объединённого командования и хоть какой-либо координации действий. Да и отряды не были ещё крепко сколочены, не получили боевого опыта ожесточённых столкновений. При первом же серьёзном нажиме они легко отступали, а иногда и рассеивались.

И всё же непрерывное их присутствие в непосредственной близости, а зачастую, и в зоне видимости и бесконечные стычки тяготили Армию. Держали добровольцев в постоянном напряжении, не давали возможности восстановить уходящие силы. Да и потери, пусть и небольшие, становились невосполнимыми и всё увеличивали и без того непомерно разросшийся обоз.

Ещё днём Корнилов провёл очередное совещание, на котором было решено в ночь с 7(20) на 8(21) марта перейти через Лабу и двигаться к югу. Отступить было уже невозможно. Все надежды связывались с Кубанским отрядом, который, правда, необходимо было ещё отыскать³⁰⁰. Станичный мост был выве-

²⁹⁹ В который раз добровольцы могли наблюдать безучастное отношение к происходящему казаков. Многолюдная казачья станица Некрасовская никоим образом не противодействовала приходу красногвардейского отряда, так называемой «Еленовской роты» (из соседнего села Еленовка). Центром же формирования Красной гвардии в этом районе было село Филипповское.

³⁰⁰ По агентурным данным и из подобранных газет было известно, что советское военное командование ожидает Армию в Майкопе, куда подтягивались войска, свозились боеприпасы и вооружение. «Решено было, – пишет Деникин, – поддержать большевиков в этом убеждении, двигаясь на юг; затем, перейдя реку Белую, круто повернуть на запад. Это движение выводило нас в район черкесских аулов, дружественных Армии, давало возможность соединения с Кубанским добровольческим отрядом, отошедшим по слухам в направлении Горячего Ключа, и не отвлекало от главной цели – Екатеринодара».

ден из строя. Юнкерскому батальону предписывалось форсировать реку у западной окраины станицы, Партизанскому полку – у восточной. Условились, что переправляться будут одновременно, ровно в полночь.

И тут неудача постигла Богаевского. Подготовить переправу, собрать лодки, сделать плоты, уточнить место он поручил есаулу Р.Е. Лазареву. И успокоенный его бодрим ответом, что «это дело знакомое», сам после бессонной ночи прилёг отдохнуть. Когда же около полуночи вышел к условленному месту у реки, никого там не обнаружил. Прождав какое-то время, Богаевский отправил к Лазареву посыльного офицера, который вскоре прибыл и доложил, что есаул мертвецки пьян и спит, как спит и вся 2-я сотня. Богаевский тут же направился к Лазареву сам, разбудил его и устроил разнос. До рассвета оставалось ещё около трёх часов. Богаевский, надеясь ещё исправить положение, взял дело в свои руки. Лодок на берегу не обнаружили. Через час сколотили плот – закреплённые на бочках доски. Но едва он отплыл, как тут же развалился. Шестеро казаков вернулись на берег вплавь. Начинало светать, и в этих условиях переправляться, не имея подручных средств, под неизбежным огнём противника было невозможно. Ночная переправа Партизанского полка сорвалась.

Между тем Юнкерский батальон со своей задачей справился. Удачно было выбрано место переправы, где ширина реки не превышала 20-25 шагов. В начале второго ночи два взвода юнкеров³⁰¹ без единого выстрела по грудь в воде преодолели Лабу и залегли на её левом берегу. С рассветом они были обнаружены патрулем красногвардейцев. Взводы атаковали противника и отбросили его к ближайшим хуторам. Когда в цепи развернулись главные силы советского отряда, их встретил уже весь Юнкерский батальон. Юнкера заняли два хутора и отбили атаку во фланг из третьего. На помощь к ним пришёл к этому времени и конный дивизион.

Ещё до этого Богаевский доложил Романовскому о проис-

³⁰¹ Один взвод целиком состоял из новоиспечённых в Ольгинской прапорщиков, другой – из «походных» («полевых») юнкеров, которых Боровский за глаза ласково называл «малышами».

шедшем и просил разрешения Корнилова на переправу Партизанского полка во избежание потерь в затылок Юнкерскому батальону. Предложение было весьма здравым, Корнилов не возражал³⁰². Полк давно уже был поднят. По поставленным поперёк реки телегам «партизаны» переправились на другой берег и уже засветло также перешли в наступление.

Одновременно с ними, сняв заставы, на лодках и подручных средствах переправился в полном составе и Офицерский полк. Вначале части наступали по расходящимся направлениям, расширяя плацдарм. Постепенно «марковцы» с Юнкерским батальоном брали южнее и вскоре завязали бой за Филипповские хутора. Эта была территория, заселённая сплошь иногородними, прибывшими из центральной России. Все они ушли с большевиками. Хутора из нескольких построек с подворьями были разбросаны тут и там, и каждый приходилось брать с боя. Роты Офицерского полка действовали самостоятельно. Направление выбирали сами командиры.

В одном из хуторов 4-я рота захватила два брошенных орудия и грузовик со снарядами. Подъехал Марков и приказал снаряды раздать в батареи, а орудия и автомобиль испортить. Не до конца обдуманым его приказ мог показаться лишь с первого взгляда. Подготовленных, выученных для несения тяжёлой артиллерийской службы лошадей *лишних* не было. Не хватало и не лишних. Но, главное, не было снарядов, и крохотная армия

³⁰² Нетрудно заметить, что отношение Корнилова к Богаевскому было более чем благожелательным. И если неисполнительность строевых командиров вызывала немедленное порицание и даже публичный выговор, то на проступки донцов он смотрел, зачастую, сквозь пальцы. Эльснер, Гершельман, офицеры штаба, даже и Марков в бытность его начальником штаба в Ростове, то и дело вынуждены были выслушивать весьма резкие замечания. С Богаевским Корнилов неизменно оставался корректным и почтительным. Всё это объяснимо. В почти безнадежной ситуации Командующий не терял надежду на то, что Дон ещё поднимется против большевиков, и не желал «из-за недоразумений» хоть в малой степени портить отношения. И в конечном итоге, Корнилов оказался прав. Другое дело, что увидеть это ему самому было не суждено...

Удивительно, но в то же время с ухудшением обстановки отношения с Алексеевым у Корнилова также ухудшались. После нелепого случая, когда квартиреры двух генералов в сумятице не поделили хату для постоя, они вообще перестали разговаривать друг с другом.

не могла себе позволить таскать за собой громоздкие, не способствующие достижению цели в бою, а напротив, отвлекающие немалые силы, орудия³⁰³. Что касается грузовика, то с ним дело обстояло ещё проще. Во всей армии не было ни литра горючего, а отступающие красногвардейцы успели слить его из бака. Тем не менее, командир роты ротмистр Дударев не выполнил приказание командира полка. По настоянию добровольца, бывшего лейтенанта флота, надеявшегося обнаружить на хуторах хотя бы керосин, автомобиль потащили за ротой впряжённые в него волы. За руль же сел сам лейтенант. Горючего в итоге так и не нашли, и грузовик пришлось сжечь.

Партизанский полк, взявший правее, прикрывал тыл и фланг общего наступления и на этот раз действовал успешно. Есаул Лазарев, чувствуя за собой вину, действовал смело и решительно. Во многом благодаря его 2-й сотне уже к полудню задача, поставленная Богаевскому Корниловым, была решена.

От Кубани отошёл 2-й батальон «корниловцев», соединился с полком и стал заслоном перед Некрасовской. Переправа к этому времени шла полным ходом. Попытка Чехословацкого батальона отремонтировать мост ни к чему не привела, разрушен он был большевиками основательно. Соорудили понтон. Он качался на быстрой воде, но держал. Рядом были оборудованы съезды к бродам для конных и обоза. Переправа затянулась на целый день. Лишь к вечеру на левом берегу оказались Корниловский полк и лазарет. Уже в темноте переправлялись обоз и артиллерия по наведённому понтону. Орудия на руках спускались к реке. Отстегнув постромки, номера перетаскивали их на руках. Запряжки же и конные разведчики переходили Лабу вброд. Разводить костры было запрещено. Лишь один мерцал на том берегу, указывая направление. Последним переправилась сотня «партизан» и 2-я батарея, стоявшие заслоном против возможного движения большевиков от Усть-Лабинской, где они поспешно восстанавливали подорванный «корниловцами» мост через Кубань.

³⁰³ Возможно, окажись рядом Миончинский, он бы сумел отстоять орудия. Впрочем, авторитет Маркова был непререкаемым, да и принимаемые им решения неизменно отличались практичностью и здравым смыслом.

На том берегу части и обоз выстраивались в колонну. В ожидании пехоты артиллеристы 1-й батареи зашли погреться в случившийся чуть в стороне от дороги сарай. К всеобщему ликованию в нём они обнаружили развешенный для просушки листовой табак, который тут же и перенесли в передки.

Подошла, наконец, пехотная часть и колонна двинулась на юг. И вновь её сопровождало море огня. Едва обозначился успех Добровольческой армии и отступление большевиков, запылали хутора иногородних и на левом берегу Лабы. Марухинские, Ново-Севастопольские, частично Султановские. В ночи горизонт вновь осветился заревом пожаров.

Корниловский и Офицерский полки стали на ночлег в Киселёвских хуторах. Юнкерский батальон, часть Офицерского полка и 1-я батарея расположились в уцелевших неведомо как 7-8 хатёнках хутора Султановского. Остальные части – в таких же хуторках, разбросанных по степи неподалёку.

Ночь на 9(22) марта прошла спокойно. Люди наконец-то смогли отдохнуть и хоть частично восстановить растроченные в непрерывных боях и переходах силы. Едва рассвело, Армия стала продвигаться к югу. Впереди в авангарде наступал Корниловский полк, отбивший уже в 7 часов атаку красногвардейцев и сразу же ушедший далеко вперёд. За ним – Партизанский, а в главных силах Офицерский, прикрывавший колонну с фланга.

Армия шла, а вокруг равнина была застроена небольшими хуторами. Все они были пусты, но за каждым мог находиться враг, который, видя бедственное положение окружённых со всех сторон добровольцев, действовал на этот раз весьма активно. Накопившись за построиками, красногвардейцы раз за разом то тут, то там пытались атаковать. Пересечённая местность с частыми рощицами способствовали их намерениям. Тут же офицерские роты разворачивались в цепи и выдвигались навстречу. Противник не выдерживал, отходил, чтобы снова собраться с силами за следующими хуторами. В результате стрелевые пехотные части разошлись от «основных сил» по разным направлениям. О флангах никто не беспокоился, да это было и невозможно.

1-ю батарею направлял лично Марков. Она выезжала то на один фланг полка, то на другой, поддерживая поочередно роты Офицерского полка и стреляя в разные стороны. Орудия становились на позицию непосредственно за атакующими цепями. Были моменты, когда батарея оказывалась под угрозой флангового охвата. Тогда навстречу просачивающимся группам красногвардейцев выдвигались пеший взвод, пулемётчики, лишние номера и телефонисты. Эта доморощенная пехота разворачивала свою цепь и с неизменным успехом отгоняла противника и восстанавливала положение. Подобный случай произошёл и в момент поддержки батареей Юнкерского батальона. Но в этот раз красногвардейцы не только обошли юнкеров с фланга, но и зашли в тыл. Отбивший их пеший взвод спас от удара в спину не только батарею, но и сам батальон.

Генерал Марков был направлен Корниловым в обоз, остававшийся к тому времени без прикрытия. Он сразу же сформировал из легкораненых офицеров группы, готовые в любой момент выдвинуться навстречу противнику и сократил глубину колонны, уменьшив, насколько это было возможно, потери от обстрела.

К полудню ситуация несколько прояснилась. «Корниловцы» шли впереди. Офицерский полк и Юнкерский батальон прикрывали обоз с флангов. Партизанский полк и чехословаки находились в арьергарде, готовые отразить возможные атаки советского отряда, переправившегося вслед за Армией у Некрасовской. Едва бой начал стихать, части тут же установили между собой локтевую связь.

Фланговые атаки большевиков на всех направлениях были отбиты с большими для них потерями. Противник отошёл и приблизиться к колонне более не пытался. Это позволило Корнилову перегруппировать части и сосредоточить усилия на наступлении, конечной целью которого был захват села Филипповского и переправы через реку Белую. Корниловский полк, которому был придан и конный дивизион, совершая обходное движение, взял левее и вновь оторвался от главных сил. Остальные два полка с артиллерией продвигались вдоль дороги. Партизанский полк слева от неё, «марковцы» – справа.

Офицерский полк выстроил боевой порядок в две линии. В первой наступали две роты 1-я и 3-я, во второй – 2-я. 4-я рота вновь была выделена в резерв. Перед Филипповским на взгорке красногвардейцы успели вырыть окопы и изготавиться. Едва добровольцы показались в зоне видимости, по ним был открыт огонь. Роты не останавливаясь, спустились в ложину, преодолели её под обстрелом и, ускоряя шаг, стали подниматься на гребень. Большевики были сбиты. Не приняв боя, они частично укрылись в Княжеском лесу³⁰⁴, а в большинстве стали отходить к переправе³⁰⁵.

На участке же Партизанского полка красногвардейцы оказали куда более серьёзное сопротивление. В помощь Богаевскому была выделена 4-я рота. Она взяла резко вправо, пересекла дорогу и стала заходить противнику во фланг и тыл, что решило исход боя и здесь.

К этому времени Корниловский полк продвинулся уже далеко южнее и повернул к реке уже за Филипповским. В 14 часов конный дивизион ворвался в селение Царский Дар. К 17 часам «корниловцы» почти без сопротивления заняли и Филипповское³⁰⁶. Через два часа в село для ночлега стянулся весь полк. Жители, сплошь иногородние, ушли за реку вместе с красногвардейцами. На площади, перед правлением, были сложены штабелями ящики с винтовочными патронами. Тут же добровольцы 3-й роты обнаружили брошенные запасы спиртного, которые и распределили между собой. Однако командир штабс-капитан Р.Ф. Пух, построив роту, заявил, что обстановка требует постоянной готовности к бою каждого, да и ночь обещает быть тревожной. Дисциплина в «корниловских» подразделениях за-

³⁰⁴ Лесной массив вдоль обоих берегов реки Белой севернее Филипповского.

³⁰⁵ Не в последнюю очередь из-за обходного движения Корниловского полка. В разгар боя красногвардейцы вдруг услышали громовое «Ура!» у себя в тылу и поспешили очистить окопы. В них «марковцы» обнаружили провиант и свежую воду и поневоле задержались на несколько минут, чтобы утолить голод и жажду.

³⁰⁶ В годы Советской власти сёла были переименованы. Царский Дар в 1918 г. стал селом Великим, а Филипповское несколько лет спустя – Вечным. В наши дни сёла слились в одно, которое стало называться Великовечным.

ведена была железная. Бутылки с водкой тут же были извлечены из карманов и разбиты о приклады трёхлинеек.

Уже в сумерках пропустив в село обоз, выставив охранения, Офицерский полк вместе с Юнкерским батальоном стал на ночлег в многочисленных хуторах севернее, обеспечивая Армию от возможной активности отброшенного днём противника. Жители и здесь покинули свои дома. Оставались кое-где лишь женщины и дети, которые смотрели на добровольцев с ужасом. Те торопились поесть и тут же засыпали.

1-я батарея получила приказ проследовать на сборный пункт на Филипповском тракте и оттуда идти ночевать в Царский Дар.

В сравнении с достигнутым результатом потери добровольцев за этот день казались ничтожными. Офицерский полк недосчитался 50-ти человек³⁰⁷, в Корниловском выбыло из строя 11 бойцов. Однако в условиях полного окружения и с каждым днём менявшегося не в пользу добровольцев соотношения сил и средств, потери, как бы малы они ни были, медленно, но верно сокращали численность и подтачивали боеспособность Армии.

6.9. Бой у Филипповского. Аулы

Боевые действия у села Филипповского, развернувшиеся одновременно, как на правом, так и на левом берегу реки Белой, заслуживают особого внимания. Дело не в том, что это было, пожалуй, наиболее масштабное и ожесточённое боестолкновение, выдержанное Армией. И не в том, что на этот раз большевики проявили невиданное упорство³⁰⁸... В бою у Филипповского в первый раз за весь поход Добровольческая армия оказалась на грани поражения и на волосок от гибели.

³⁰⁷ Из них больше половины потеряла вторая рота: 6 убитых и 20 раненых.

³⁰⁸ Ещё в конце января руководимый К.М. Ищенко ВРК села Филипповского объединил отряды Красной гвардии близлежащих сёл и станицы Рязанской. Появилась так называемая «Филипповская армия» (командир М.Ф. Толкачёв). 22 февраля (7 марта) в Филипповском состоялось Чрезвычайное заседание «Районного армейского военно-революционного совета», на котором едва ли не основное внимание было уделено укреплению дисциплины в многочисленных красногвардейских отрядах.

Капитан Капелько

В 4 часа утра 10(23) марта Корниловский полк был поднят по тревоге. Корнилов приказал Неженцеву захватить переправу, выйти на левый берег реки Белой и занять господствующие над местностью бугры, протянувшиеся параллельно руслу на удалении от него до двух километров. К мосту от села пролегла дамба такой же приблизительно длины, что вынуждало полк следовать походным порядком и предполагало известную скудность.

Головным шёл 2-й батальон, и едва лишь он вступил на мост, окопавшиеся неподалёку красногвардейцы открыли плотный ружейно-пулемётный огонь. Заговорила и артиллерия. Пристрелялись ли большевики заранее, или дистанция до цели была минимальна, но сразу же последовали одно за другим попадания. Произошло короткое замешательство. Пытаясь выйти из-под обстрела, многие даже прыгали в реку. Батальон проскочил мост, но при этом понёс большие потери. В числе многих других были убиты командир батальона полковник Мухин и командир 6-й роты капитан Петров³⁰⁹.

За 2-м батальоном переправился и весь полк, а за ним и Чехословацкий батальон. Пройдя по мосту колонной, части тут же рассыпались в цепи на левом берегу и атаковали бугры. Из ближайших окопов красногвардейцы отступили, «корниловцы» поднялись на гребень, но дальше продвинуться не смогли и вынуждены были залечь.

На этот раз советские войска атаковали Армию одновре-

³⁰⁹ В этом же бою, в тот момент, когда победа уже склонялась на сторону добровольцев, погиб и капитан Капелько. Пуля попала ему в голову, и капитан был убит на месте. Потери добровольцев на этот раз были куда значительно, нежели в предыдущих боях. В одном лишь Корниловском полку выбыло из строя до 200 человек. И в их числе, раненым командир 1-го батальона полковник Е.Г. Булюбаш. После боя 2-й батальон принял полковник Индейкин, а 6-ю роту – штабс-капитан Томашевский.

менно с разных направлений. Едва началась стрельба на западном берегу реки, с севера повела наступление на Филипповское местная Красная гвардия и подошедшие от Некрасовской «сорокинцы». Ситуация усугублялась тем, что вслед за Корниловским полком начал переправляться и обоз. Исход боя далеко ещё не был решён, добровольцы у холмов местами даже стали подаваться назад, но обоз не мог стоять на месте, и вынужден был продвигаться под непрерывным обстрелом в неизвестность³¹⁰. Армия оставляла правый берег.

Партизанский полк следовал с обозом. Юнкерский батальон, прикрывая переправу с севера, под натиском подавляющего своей численностью противника медленно отходил к селу. Тут же стоял готовый прийти ему на помощь и конный дивизион. Технической роте было приказано сжечь мост, едва по нему пройдёт последняя добровольческая часть, и не дать на её плечах переправиться через реку противнику.

У моста находился Корнилов со штабом. Внешне он был совершенно спокоен, но отдаваемые приказы говорили об обратном. Из проходящего обоза по внешнему виду изымали офицеров, способных пойти в бой. Тут же их вооружали и отводили в сторону. Собралось свыше ста человек, которые были разделены на две команды и перешли в подчинение к Богаевскому. Партизанский полк получил приказ оставить обоз, выдвигаться к холмам и развернуться правее «корниловцев».

В какой-то момент не выдержал напряжения Чехословацкий батальон. Расстреляв патроны, его бойцы стали отходить к переправе. Корнилов, за неимением резервов направил к ним свой конвой. Текинцы, подскакав, снабдили батальон патронами, залегли рядом и открыли огонь. Противник на этом участке был остановлен. Сам Командующий перебрался на небольшую возвышенность за фронтом своего полка. В непосредственной близости расположились и все четыре добро-

---

³¹⁰ Снаряды ложились в непосредственной близости. Прямыми попаданиями было разбито несколько повозок. Экипаж генерала Алексева опрокинуло, при этом кучер-австриец был смертельно ранен и вскоре скончался. Самого генерала спасло то, что он был в этот момент у переправы с войсками.

вольческих батареи, командирам которых Корнилов лично указывал цели³¹¹.

Пришла очередь и Офицерского полка. Несомненно, Корнилов до последнего сберегал его для решающего удара, которым рассчитывал переломить бой в свою пользу. Но добровольцы под нажимом намного превосходившего их численно противника начали тут и там подаваться с гребня к переправе. Даже Корниловский полк, левый фланг которого с самого начала находился под угрозой охвата, вынужден был отступить и начал окапываться. Неженцев, заметно нервничающий, скакал от одного своего батальона к другому, но выправить ситуацию не мог. Наконец, послал к Командующему за помощью.

Всё действительно висело на волоске. Займи большевики господствующие высоты, они попросту расстреляли артиллерийским огнём зажатые между холмами и поймой болотистой, непроходимой вброд реки и Армию, и обоз. Ситуация усугублялась и тем, что к этому времени Юнкерский батальон на левом берегу оставил уже Филипповское и, преследуемый красногвардейцами, поспешно отходил к переправе. Корнилов приказал Миончинскому поддержать юнкеров. Одно орудие тут же было развёрнуто и открыло огонь, под прикрытием которого Юнкерский батальон оторвался, наконец, от противника. Первым на левый берег проскочил конный дивизион. Едва проскакал последний всадник, чины Технической роты, неизвестно по какой причине посчитавшие, что переправились *все* части, подожгли мост. Часть вышедших к нему юнкеров пробежала по уже пылающему настилу, другие переправились вброд. Советские войска, занявшие Филипповское, попытались пройти к реке, но были обстреляны Миончинским и предпочли повернуть обратно. На этом бой на правом берегу закончился. На левом же сражение было в самом разгаре. И казалось, победа склоняется на сторону большевиков.

Ждать больше было нельзя. Марков получил приказ направить 2-ю и 3-ю роты Офицерского полка на левый фланг «кор-

---

³¹¹ Артиллерия на этот раз переправилась первой, чтобы стать своевременно на позиции и прикрыть переправу.

ниловцев» для его обеспечения. 4-я рота пошла впереди обоза, который под обстрелом не мог уже стоять на месте, расчищая дорогу и проталкивая «основные силы» вслед за собой. 1-я рота оставалась в резерве у переправы, но бездействовала недолго.

Наступала кульминация боя. Добровольческие цепи, выйдя на гребень, отделились от переправы на полтора-два километра. Пользуясь этим, вдоль русла реки с юга никем не замеченный подошёл советский отряд. Красногвардейцев оказалось не так и много, но с этого направления переправа прикрыта не была, и предупредить их продвижение было некому. Армию спасло то, что большевики не разобрались в обстановке и не отважились прорваться к мосту. Остановились в километре и открыли огонь.

– Отбросить! – скомандовал Марков командиру 1-й роты подполковнику Плохинскому. Рота, рассыпавшись в цепь, устремилась навстречу противнику, который вынужден был отходить. Добровольцы готовы были пойти в преследование и отбросить красногвардейцев подальше от переправы, но в это время значительные силы большевиков обошли открытый фланг 3-й «марковской» роты и угрожали уже всей Армии глубоким охватом. Подскакавший Марков остановил и перенацелил 1-ю роту. Та развернулась и побежала назад. За складками местности направление определяли по звуку завязавшейся ожесточённой перестрелки. Наконец, выскочили на открытое место и прямо перед собой увидели фланг густой цепи красногвардейцев, обходивших в свою очередь 3-ю роту. Добровольцы обстреляли их с двух-трёх сотен шагов. Потом пошли в штыки. Навстречу контратаковала и 3-я рота. Потеряв под перекрёстным огнём и в недолгом штыковом бою до трёхсот человек, красногвардейцы отхлынули всей массой, и атаковать больше уже не пытались.

А 1-я рота, вне всякого сомнения, спасшая в этот день левый фланг Армии, вновь шла скорым шагом к реке. Отброшенный ею обходной отряд большевиков получил подкрепления, оправился и предпринял новую попытку продвинуться к переправе. Ему во фланг и ударила с разбега 1-я рота и на этот раз потрепа-

ла куда основательнее. Красногвардейцы в полном беспорядке бежали.

Положение по всей линии стабилизировалось. Перестрелка продолжалась. Красногвардейцы не выходили ещё из боя, но больше не атаковали. От активности, от следующих одна за другой фронтальных атак и решительных попыток обойти фланг Армии и смять добровольческие цепи не осталось и следа.

Вот как описывает дальнейшее Богаевский: «Когда в бой было введено решительно всё, что мы имели, боевое счастье улыбнулось нам: большевики, видимо, потеряли веру в свой боевой успех и ограничивались уже только одной стрельбой, не переходя в наступление.

Стоя на высоком стогу соломы³¹² за своими цепями, я хорошо видел всё поле сражения: оно было непривычно широко для наших сил... У красных была видна почти сплошная линия цепей; у нас – коротенькие цепочки, такие маленькие и жалкие, с большими промежутками между ними. И всё же большевики не решались атаковать нас...

Так, с переменным успехом, бой тянулся почти целый день. Но вот настал психологический момент перелома боя: наша стойкость сломала упорство красных; у них не хватило смелости перейти в решительное наступление; у нас – она нашлась. Корнилов верно схватил минуту для приказа перейти в атаку³¹³, – и она вышла блестящей... В полном беспорядке бежали.

---

³¹² Вслед за Корниловым и командиры его частей выбирали в качестве наблюдательных пунктов всё, что возвышалось над местностью. Благо, ранней весной стога были разбросаны по полям Кубани в изобилии.

³¹³ Чуть иначе трактует момент перелома Левитов. Вот что он пишет: «Корниловцы выбили красных, но дальше продвинуться не могли не только потому, что нужно было лезть на крутой, обрывистый берег под убийственным огнём, вырвавшим из наших рядов сразу же больше сотни жертв, но и потому, что справа Партизанский полк не продвигался, слева Офицерский полк отбивал атаки, а юнкера в арьергарде отходили к только что пройденному нами мосту перед превосходящими силами противника. Лазарет и обозы переправлялись на нашу сторону. Снаряды красных и даже пулемёты простреливали нас со всех сторон. Полк залёг, и только половина 3-й роты всё продвигалась по кустам вперёд, на правую сторону дороги... На флангах бой усиливался, но продвижения не было видно. К 14 часам полурота 3-й роты, продвигавшаяся всё время вправо от дороги на станицу Рязанскую, по релье-

рядке большевики бросились бежать. Мы двинулись за ними.

И вот в это время по нашим бесконечно уставшим рядам, среди измученных раненых в обозе, молнией пронеслась долгожданная радостная весть: «Покровский с Кубанцами идут к нам на соединение».

Только тот, кто слышал тогда наше «ура», может понять ту безумную радость, которая охватила всех нас при этом известии...»

Всё это было. Вдоль цепей скакал всадник и выкрикивал: «Соединились с конницей генерала Эрдели!» И всё же подхваченное всей линией «ура» связано было не только и не столько с известием о Кубанском отряде. Вернее, оно сопровождало

фу местности и по стрельбе увидела, что она зашла за левый фланг красных, сидящих на бугре против нашего полка... Ближайшие к нам красноармейцы... смешались и пустились бежать вдоль своих окопов... Мы двигались жиденькой цепочкой к их окопам, а они всё больше очищали их. Вот здесь-то и произошло историческое знаменитое «ура»...

В свою очередь Павлов утверждает, что противник стал отходить по всей линии «со вступлением в бой Офицерского полка».

Все они по-своему правы. Каждый был очевидцем событий на своём участке. Каждый видел то, что и хотел увидеть, решающий вклад своей части. И действительно трудно спорить с тем, что именно удачные действия на флангах решили исход боя. Но они послужили лишь сигналом к общему наступлению. «В горячем сражении бывают минуты, – замечает Деникин, – иногда долгие часы, когда между двумя враждебными линиями наступает какое-то странное и неустойчивое равновесие. И достаточно какого-либо ничтожного толчка, чтобы нарушить его и сломить волю одной из сторон, психологически признавшей себя побежденной». Но то, что толчок этот был подхвачен, предопределили стойкость и упорство всех частей, удержавших линию и вырвавших инициативу у противника, численно превышающего боевой состав Армии в разы.

Прав и Богаевский. Корнилов точно уловил момент, когда красногвардейцы утратят способность к наступлению и веру в свои силы. И именно тогда отдал приказ об общем наступлении. Но этот приказ ожидали и добровольцы. Едва грянуло «Ура!» на правом фланге, тут же вся Армия, уже готовая победить, в едином порыве пошла вперёд. И остановить её было невозможно.

Что касается советских отрядов, стянутых со всей округи для прикрытия Майкопского направления, то следует признать, действовали они решительно, целеустремлённо и весьма организованно. Но лишь до тех пор, пока победа казалась достижимой. Едва удача стала отворачиваться от красногвардейцев, и наметился охват левого фланга, предпочли отойти и пропустить Армию.

перелом боя и переход Добровольческой армии, весь день из последних сил отбивавшей превосходящего противника, в решительную атаку. Боевой клич, вселяющий веру в победу, не было необходимости передавать с посыльными. Его слышали и подхватывали в свою очередь все.

К тому же до соединения с Кубанцами было ещё далеко. Разъезд их действительно вышел по шуму боя в расположение Армии. Корнилову было доложено, что отряд ведёт тяжёлые бои в 50-60 километрах западнее, и положение его ухудшается с каждым днём. Командующий принял решение ускоренным маршем двигаться навстречу³¹⁴, что уже и выполнялось.

Полурота 3-й роты «корниловцев» не стала дожидаться подхода полка, а вышла на дорогу и головной заставой армии проследовала в Рязанскую. Противник оставил станицу, которую покинуло и большинство жителей³¹⁵. Корниловский полк проследовал через Рязанскую и остановился на ночлег в ауле Хибунай. Аул также был пуст. Те из местных жителей, кому повезло уцелеть, ушли в горы.

Армия вытягивалась в походную колонну и выдвигалась к северо-западу. Впереди шла 4-я рота «марковцев». За ней – «главные силы». Не доходя до Рязанской, рота свернула с дороги влево и стала заслоном, прикрывая и пропуская идущую

---

³¹⁴ Среди других неотложных дел решалась постепенно и проблема усиления конницы. В Кореновской у противника было захвачено некоторое количество строевых лошадей. Корнилов приказал опальному Гершельману изъять из пехоты кавалерийских офицеров, вновь переводя их в конную часть. Укрупнялся дивизион и за счёт присоединяющихся к Армии кубанских казаков. Так на днёвке в станице Рязанской в него влился взвод есаула Я. Рыковского в составе 9 лейб-казаков и 25 казаков станицы Брюховецкой.

³¹⁵ 6(19) февраля 1918 г. горцы сформировали отряд под командованием Султан Килеч-Гирея и выставили у аула Габукай заслон против наступающей Красной гвардии. После того, как, не удержавшись, отряд отошёл к Екатеринодару, казаки станицы Рязанской вместе с советскими войсками приняли участие в карательной экспедиции против горских аулов. В ходе её проведения большие жертвы понесло, прежде всего, мирное население, и станичники опасались теперь мести добровольцев. Здесь нашли своё проявление уже не социальные, а так и не изжитые национальные противоречия, в которых казак и иногородний, уже готовые, казалось, вцепиться в горло друг другу, оказались вдруг по одну сторону баррикады.

к ночлегу Армию³¹⁶. В расположении роты было назначено и место сбора для Офицерского полка, Юнкерского батальона и 1-й батареи. После часового отдыха ко вновь образованному отряду подъехал Марков и повёл его на запад, южнее Рязанской. В 2 часа ночи 11(24) марта добровольцы, перейдя реку Пшиш, достигли аула Габукай, где и смогли, наконец, выспаться.

Поднялись ещё до рассвета³¹⁷ и продолжили движение. Дорога с многочисленными остановками на крутых спусках и подъёмах давалась тяжело. Зато не было ни боёв, ни обстрела. И здесь уже готова была вступить в свои права весна. Все аулы, через которые проходили части, оказывались неизменно пустыми. Население в любых войсках видело лишь угрозу своему существованию и спешило оставить жилища.

К 15 часам следовавший в авангарде Корниловский полк вошёл в аул Понежукай, который оказался обитаемым. Горцы, наконец, поняли, что через их территорию проходят не враги. Многие присоединились к добровольцам. Вскоре к аулу стянулась и вся Армия³¹⁸.

Корнилов решил предоставить людям полноценный отдых. До середины дня 12(25) марта их никто не беспокоил приказами. Добровольцы смогли наконец-то по настоящему выспаться и привести, насколько это было возможно, себя в порядок. Однако вскоре было получено известие о том, что красногвардейцы от Рязанской преследуют Армию и вскоре подойдут к аулу Нешукай. Корнилов приказал продолжать движение, арьергарду в составе Юнкерского батальона и 1-й батареи принять бой и отбросить противника.

Генералу Боровскому предписывалось удерживать аул лишь до темноты, а потом сняться и следовать за Армией. При этом во избежание ненужных потерь отражать большевиков огнём

---

³¹⁶ В самой станции ночевал лишь штаб и ставший в арьергарде Партизанский полк.

³¹⁷ Батарею поднял лично Марков. Заснувший дежурный по батарее не произвёл вовремя подъёма, за что и получил выговор от Миончинского. 1-й батарее пришлось потом догонять ушедший вперёд отряд.

³¹⁸ Некоторые части, и в частности, 1-я батарея ночевали в рядом расположенном ауле Нешукай.

и в контратаки не переходить. К полудню показались подошедшие небольшие группы красногвардейцев. Накопившись в достаточном количестве, они развернулись в цепь и повели наступление.

1-я батарея к началу боя стояла на площади. В какой-то момент Миончинский решил сменить позицию. Орудия выехали вперёд, к цепям, стали на огородах, откуда и поддерживали добровольческую цепь огнём до самого вечера. Уже темнело, когда Боровский приказал юнкерам отходить. Однако он не учёл, что батарее трудно будет выбираться с перекопанных, окружённых со всех сторон оврагами огородов.

Красногвардейцы на этот раз не отказались перед вечером от активных действий. Видя отход добровольцев, пошли за ними и усилили огонь. Батарея поспешно взялась на передки, развернулась и стала отходить к аулу. Случившийся рядом командир прикрывающей отход батальона роты посоветовал поторопиться, так как получил приказ не задерживаться в ауле.

На переезде через узкий мосток колесо соскользнуло с полотна, и одно из орудий свалилось в реку. Уже в темноте, стоя по грудь в воде, номера старались вытащить орудие на руках, но ничего не выходило. Видя это, рота юнкеров остановилась и задерживала противника до тех пор, пока орудие не оказалось на берегу. После этого батарея вышла на дорогу и вскоре догнала Офицерский полк.

Шедший в авангарде Корниловский полк первым вступал в аулы. За ним подтягивался обоз. В арьергарде, прикрывая его, шёл отряд Маркова. В ночь на 13(26) марта «корниловцы» достигли аула Гатлукай. После ночлега наутро выступили и к 13 часам вошли в аул Почепший³¹⁹, куда вскоре прибыли и шедшие всю ночь «марковцы». Ставшая в охранение Техническая рота подверглась неожиданной атаке проехавшего в её расположение вооружённого пулемётами автомобиля. Нападение было отбито, но пять офицеров пропали без вести. Искать их не было никакой возможности. Армия, не задерживаясь, шла на запад.

После ночного перехода добровольцы заняли аул Шенджий,

---

³¹⁹ Левитов утверждает, что отсюда уже был виден Екатеринодар.

в котором и стали на днёвку. В этот день 14(27) марта в сопровождении конвоя из горских всадников для переговоров с Корниловым в аул прибыл произведённый по случаю Радой в генералы Командующий войсками Кубанского края Виктор Леонидович Покровский.

6.10. Кубанский отряд. Ледяной поход. Новодмитриевская

В ауле Шенджий Кубанский отряд задержался на два дня³²⁰ и 4(17) марта перешёл в станицу Пензенскую³²¹. 6(19) марта

³²⁰ «В Шенджие обнаружилась печальная картина, – пишет Филимонов, – отсутствие единодушия среди начальников частей и острые раздоры между ними. Выяснилось, что Покровский популярен лишь среди чинов своего партизанского отряда. Начальники же почти всех остальных частей в него не верили и не признавали его авторитета.

Полковник Улагай и капитан Раевский открыто заявили об этом на совещании. К ним присоединились и два других, более видных кубанских офицера: полковник генерального штаба Кузнецов и георгиевский кавалер полковник Деменик.

Полковник Улагай... после искренней беседы согласился подчиниться Покровскому. Полковник же Деменик оказался непримиримым и держался в оппозиции всему, что исходило от Покровского...

Почти все начальники высказались за движение отряда параллельно Кавказскому хребту в направлении к Майкопу, а потом в район Баталпашинского отдела; Деменик горячо доказывал бесплодность борьбы с большевиками и находил необходимым переправиться через хребет по так называемому Дефановскому перевалу и по Черноморскому шоссе укрыться в Абхазии. План Деменика был отвергнут, но через несколько дней он его осуществил самовольно. Когда ему и полковнику Кузнецову была дана задача прикрыть движение отряда в аул Локшукай, то он, увлекая за собой полковника Кузнецова и других, откололся от отряда... На ночлеге в одной из деревень отряд подвергся нападению большевиков, и Деменик был убит... а полковник Кузнецов заключён в Майкопскую тюрьму, а потом расстрелян. Полковнику Бабиеву и другим офицерам отряда удалось каким-то чудом спастись, и они впоследствии по одиночке присоединились к Добровольческой армии».

³²¹ По словам Д.Е. Скобцова в Пензенскую из аула Шенджий прибыл станик-черкес с посланием от советского командования. Послание было доставлено в аул на автомобиле Гуменным. Предлагалось прекратить вооружённую борьбу и перейти к мирным переговорам. На оборотной стороне документа было написано личное послание Гуменного к Филимонову (он знал Атамана, так как в Раде был представителем фронтовиков). Рада переговоры отвергла.

Тот же посланник сообщил, что в ауле слышали отзвуки артиллерийской канонады под Екатеринодаром. В том числе, и эти сведения определили следование отряда к Кубани и попытку переправы у Пашковской.

были получены сведения о движении Добровольческой армии к Екатеринодару, в связи с чем принято решение двигаться навстречу. Предполагалось при этом форсировать Кубань у станции Пашковской, а на правом берегу действовать уже по обстановке.

В ночь на 7(20) марта авангард отряда – батальон 1-го Кубанского полка под командованием полковника В.В. Крыжановского захватил у аула Дворянского паром, переправился на нём на правый берег и там укрепился. Следом двигался и весь отряд. Однако осуществить намеченный план не удалось. Направленный в аул Шенджий для демонстрации ложного движения отряд полковника Кузнецова на рассвете 9(22) марта был внезапно атакован красногвардейцами. Оставив аул, отряд вынужден был отходить на юг, в направлении, противоположном нахождению основных сил. Впоследствии часть отряда во главе с Кузнецовым ушла в горы, другая – всё же сумела присоединиться к своим.

Кубанский отряд подвергся нападению свежих большевистских частей. Надо признать за советским командованием определённую логику и последовательность действий. Важнейшие направления не оголялись, войска на угрожаемые участки перебрасывались со второстепенных. Южнее Екатеринодара были стянуты отряды Ф.И. Рогачёва³²², М.Н. Демуса, Е.М. Воронова, отряды г. Новороссийска³²³ и станции Крымской, а также Ейский и Должанский батальоны³²⁴. Отряды, правда, подходили разновременно, но постепенно сосредотачивались, создавая сплошной фронт.

Переправляться на правый берег Кубани, имея в тылу раз-

---

³²² Моряк Черноморского флота Рогачёв создал свой отряд в станице Старолеушковской. Первоначально в отряде, получившем его имя, насчитывалось до 150 пехотинцев и 25 конников.

³²³ В том числе, и подразделения 491-го Варнавинского полка, занявшего Новодмитриевскую.

³²⁴ Батальоны были сформированы в Ейском отделе и успели принять участие в разоружении казачьих частей. Получив приказ ВРК, проследовали в эшелонах до ст. Афипской, где разгрузились и далее шли походным порядком. Командовал батальонами, в которых было до 500 штыков и 150 сабель, И.Л. Хижняк.

ворачивающегося для наступления сильного противника, было невозможно. 9(22) марта на совещании у Атамана Филимонова было принято решение от переправы отказаться и отходить в Баталпашинский отдел. Батальон Крыжановского переправился обратно на левый берег. В ночь на 10(23) марта отряд двинулся в направлении на аул Гатлукай. У дороги были обнаружены два трупа. Это были офицеры, посланные ранее на поиски Добровольческой армии³²⁵.

На следующий день отряд вышел к реке Псекупс, но переправиться не мог, так как противоположный берег уже был занят большевиками. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся до темноты и результатов не давшая. Настроение бойцов падало с каждым часом. Люди видели, что не способны пробиться через заслоны³²⁶. К тому же, сказывалась и усталость. Боеприпасы, вывезенные из Екатеринодара, таяли на глазах. В 10 часов вечера 10(23) марта, уничтожив радиостанцию и часть повозок, отряд вновь круто повернул и двинулся на станицу Калужскую.

³²⁵ Рассылаемые для установления контактов с Корниловым офицеры назад не возвращались. При поимке их убивали красногвардейцы, а иногда и горцы, ошибочно принимавшие посыльных за большевиков.

Настойчиво искал Кубанцев и Корнилов. Но ни один из его посыльных офицеров не вернулся и не прислал донесения. В Некрасовской Командующий приказал Глазенапу выделить для поиска разъезд в 15 сабель под командой штабс-ротмистра Баугиса (такой же разъезд выслал и Гершельман). После нескольких дней рейда по занятой противником территории Баугису удалось обнаружить Кубанцев. Вот как описывает дальнейшее Александров:

«...вдруг произошло совершенно неожиданное недоразумение. Отсутствие у Баугиса документов, не совсем щеголеватый вид «обмундирования» и ещё вдобавок нерусский акцент, вызвали сомнение в некоторых чинах штаба и, особенно в членах «правительства», заподозривших в Баугисе подосланного большевика. Особенно заволновались «общественные деятели»...

В результате храброго штабс-ротмистра посадили под крепкий караул. Более же ретивые даже настаивали на его расстреле.

После ряда просьб попавшего в такую глупую историю Баугиса, штаб Армии послал по указанному им направлению нескольких разведчиков. Один из них и наткнулся на добровольцев...»

³²⁶ «...в отряде началось разложение, – пишет Д.Е. Скобцов. – Топтание на месте всей группы, многим показавшееся лишённым достаточных оснований, сдвинуло стрелку весов общего настроения духа к упадку. Получилось извещение, что лучшая часть конницы отряда, оставленная для заслона со стороны екатеринодарского железнодорожного моста, покинула без разрешения свою позицию и ушла в неизвестном направлении...»

11(24) марта у дороги Шенджий-Пензенская отряд вновь вошёл в соприкосновение с противником. Авангард завязал перестрелку, постепенно в бой втянулся весь отряд. Красногвардейцев было больше, и наступали они, поддерживаемые артиллерией, решительно и настойчиво. Кубанцы тут и там стали подаваться назад. В этот критический момент боя полковник С.Г. Улагай по личной инициативе двинул свой отряд в обход правого фланга противника. Одновременно с этим другой его фланг атаковал во главе конного отряда полковник Косинов. В обозе Филимонов собирал всех, способных носить оружие. Они развернулись в цепь и, в большинстве безоружные, двинулись к линии, создавая видимость подходящих резервов³²⁷. Порыв их не был напрасным. Красногвардейцы дрогнули и отошли.

Вскоре к месту недавнего боя прискакали черкесы из Шенджия и сообщили, что Добровольческая армия уже на подходе к аулу. От бывшего упадка духа не осталось и следа. Забрехала надежда, и для большинства этого оказалось достаточно. 12(25) марта отряд занял станицу Калужскую, в которой остановился на отдых.

14(27) марта Покровский в сопровождении своего начальника штаба полковника Науменко, Эрдели и конвоя из черкесской конной сотни выехал в аул Шенджий для встречи с Корниловым. Несмотря на отчаянное положение как Армии, так и Кубанцев и осознаваемую необходимость скорейшего объединения, встреча протекала далеко не так гладко, как можно было рассчитывать в подобных условиях.

Вот как описывает её Деникин:

«В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошёл молодой человек в черкеске с генеральскими погонами – стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением глаз, по-видимому, несколько смущённый своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда, Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоя-

---

³²⁷ Надо отдать должное членам Правительства и Рады. Многие из них шли в цепи вместе со всеми. Шёл и Родзянко, а рядом с ним – Быч.

нием отряда, его деятельностью и перешли к самому важному вопросу о соединении.

Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав Добровольческой армии.

Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует «конституции края»; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного «кубанского отряда» и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспылал.

– Полноте, полковник – извините, *не знаю, как вас и величать*. Войска тут не при чём – мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

Корнилов сказал внушительно и резко:

– Одна армия и один командующий³²⁸. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству».

Хотя к соглашению прийти не удалось³²⁹, положение было таковым, что без согласования своих действий стороны обойтись не могли. Договорились, что все вопросы будут разрешены на совместном расширенном заседании в ближайшее время. А в чистом военном плане условились о следующем:

1. Обоз добровольцев направлялся в станицу Калужскую под прикрытием Кубанского отряда.

2. 15(28) марта Добровольческая армия и Кубанский отряд

---

³²⁸ При всей категоричности изложенных требований, правота Корнилова была всем очевидна. Лишь единоначалие могло ещё сохранить шансы на победу. И всё, что вступало в той или иной мере в противоречие с этим, генерал отбрасывал безоговорочно и изначально. Другое дело, что Покровский, даже и не имея он своих амбиций, без консультаций с Правительством, которому был подчинён, принимать, или отвергать столь радикальные условия, полномочен не был.

³²⁹ «Покровский, уже произведённый Войсковым атаманом в генералы, – пишет Д.Е. Скобцов, – ездил в аул Шенджий на свидание с командованием Добровольческой армией, с генералами Корниловым, Алексеевым. С ним там обошлись не очень любезно. Вернулся он очень раздражённым».

должны были нанести одновременные удары по станице Новодмитриевской, занять её и там соединиться. Для демонстрации ложного движения в сторону Энема направлялся дивизион Глазенапа.

15(28) марта случился эпизод, давший впоследствии наиболее распространённое название походу добровольцев. Армия выступила из аула Шенджий около 9 часов. С самого утра сопровождаемый резким, порывистым ветром шёл сильный дождь. Дороги развезло совершенно. В авангарде следовал Партизанский полк, за ним – Офицерский с 1-й батареей. Замыкал колонну Корниловский ударный. Обоз выступил в Калужскую, куда, застигнутый на марше разгулявшейся непогодой, прибыл лишь глубокой ночью³³⁰.

До Новодмитриевской было не более 15-18 километров, но дождь всё усиливался, и промокшие насквозь люди вскоре уже не выбирали сухие участки, а ступали, куда попало. Шли по воде, по непролазной грязи. Стоки воды превратились в ручьи, случайные канавы – в речки, которые не так просто было и преодолеть. К такой канаве, шириной в 3-4 шага, до краёв наполненной водой вышел и 3-й взвод 1-й роты «марковцев», выделенный в боковую заставу. На счастье тут же валялось полусгнившая коряга, которую, не раздумывая, использовали в качестве моста. Некоторые, поскользнувшись, падали в воду. Впрочем, они ничего не теряли, так как и до падения успели уже промокнуть с ног до головы.

Ко 2-й роте подъехал командир полка.

– Не занесло ещё вас? – поинтересовался у офицеров.

---

³³⁰ Если в последующем бою за станицу потери Армии были минимальны, то в обозе умерли в этот день десятки раненых. Обоз был застигнут на марше непогодой и резким похолоданием, и прибыл в Калужскую лишь поздней ночью. Большинство телег и подвод были открытыми. Одеяд и тёплого белья, так же, как и перевязочных средств, не хватало катастрофически. Несмотря на все усилия госпитального персонала и сестёр милосердия, весь путь обоза обозначался тут и там свежевырытыми могилами. Раненые умирали от переохлаждения и от заражения крови. Неизбежные остановки с последующими рывками при попытках усталых лошадей сдвинуть телегу, примёрзшую колёсами в грязь, отзывались пульсирующей болью и страданиями. Люди не выдерживали. Имели место и случаи самоубийства.

Предложил закурить, достал пачку папирос, которую тут же и разобрали, и сказал на прощанье:

– Ничего, бывает и хуже. Пустяки. Держитесь. Не впервые ведь... Все вы молодые, здоровые, сильные... Придёт время, когда Родина оценит вашу службу...

Марков на протяжении всего марша подъезжал то к одному своему подразделению, то к другому. Появлялся то тут, то там.

– Сыровато, – говорил он, пытаясь подбодрить незамысловатой шуткой добровольцев. С генералом никто не спорил. Дождь, не переставая, лил и лил с затянутого тучами неба.

Трудно пришлось артиллеристам 1-й батареи. Едва вышли кое-как из аула, лошади стали. Для того чтобы продолжить движение, все конные чины батареи спешились, и на их лошадей навьючили всё, что можно. За первые 5-6 километров пали три лошади, их тут же поменяли. Местами узкая дорога была покрыта сплошными потоками воды, разглядеть препятствия было невозможно. И если уж колесо цеплялось за что-то, останавливалась вся колонна. Номера и пеший взвод лезли в воду, распутывали построения, поднимали ложившихся лошадей, на руках выкатывали из колдобины орудие...

Вдруг в голове колонны завязалась и тут же стихла перестрелка. Это передовые части уничтожили коротким ударом заставу противника, стоящую в хуторке у дороги. Часть красногвардейцев были убиты, нескольких захватили на этот раз в плен. Нужны были проводники³³¹. Подходившие подразделения останавливались одно за другим. Люди, набившись в хаты, отдыхали 10-15 минут, и тут же следовали дальше.

К 14 часам резко похолодало. Дождь сменился мелкой ледяной крупой, бьющей в лицо. Температура падала всё ниже, и вскоре с неба сыпал уже мелкий сухой снег. Насквозь промокшее обмундирование покрылось ледяной коркой. Полы шинелей промёрзли и с каждым шагом звенели на марше, ударяясь о голенища сапог. Пехота спасалась движением. Люди поводили на ходу плечами, вертели во все стороны головой, отогревали дыханием озябшие пальцы. Верховые, стараясь удержать теп-

³³¹ Пленные помогли отыскать мост, по которому выдвигались из станицы на другой берег. Он, правда, оказался затопленным.

ло, нахохлились в сёдлах, постепенно примерзая к ним. Колёса орудий покрылись со всех сторон наледью, снегом, смёрзшейся грязью, не различить было ни ступиц, ни спиц, один сплошной облепленный снегом диск. Шедшие рядом номера кирками сбивали с ободьев куски льда, но при неизбежных остановках орудия тут же вмерзали в дорогу, и вновь номерам приходилось выдёргивать их из колеи.

У самой реки³³² шедший в авангарде Партизанский полк наткнулся на ещё одну заставу противника. Красногвардейцы тут же отошли, настолько поспешно, что оставили непотушенный костерок и котёл с супом. Головной сотне с неожиданным обедом повезло. Вышли к реке и остановились. Из-за дождя неширокая горная речушка превратилась в грязевой поток. Мосты были снесены, либо оказались под водой.

Чтобы части не перемешались, Офицерский полк взял чуть правее и тоже остановился на берегу³³³. Колонна стала. Разведка проверила затопленный мост. Он обледенел посередине. Люди и лошади скользили и падали. Кое-как конные разведчики³³⁴ всё же переправились на тот берег.

– Не подыхать же нам здесь в такую погоду... Пошли в станицу! – зло выкрикнул Марков. Приказал ординарцам спешиться и передать коней для переправы пехоты. Добровольцы головного 3-го взвода 1-й роты садились на круп по двое. Лошади по брюхо в воде нехотя переходили на тот берег, потом возвращались к своим хозяевам. После пяти-шести ходок отказывались уже идти в воду, ложились на берегу. Атаковать станицу двумя-тремя десятками переправившихся бойцов было невозможно.

Снег всё не прекращался. Начинало темнеть. Замерзающие добровольцы не могли уже выдержать и развели прямо у берега огромный костёр. Сгрудились вокруг толпой, и батарейные лошади дышали им в спины, стараясь подойти ближе к теплу. Их отгоняли, но коченеющие животные подходили снова и снова...

---

³³² Река Чёрная, протекающая непосредственно перед станицей Новодмитриевской.

³³³ Ещё правее вышел вскоре к реке, к размытой, затопленной гати и Корниловский полк.

³³⁴ Первым переправился текинец из конвоя Корнилова.

Вдруг, ко всем бедам, на том берегу завязалась перестрелка. Это отходила к переправе разведка. Подъехавший Корнилов приказал двум ротам, «марковцев» и «корниловцев» немедленно переправиться через речку вброд и закрепиться на ближайшем гребне.

– Рота, за мной, – командовал Марков и пошёл к реке. Добровольцы с мрачной решимостью, застывшей на лицах, рассыпались цепью. У самого берега шедший впереди Марков обернулся и выкрикнул весело и громко:

– Как будто немного сыровато! – и первым ступил в воду, провалившись сразу по колено.

В бою бывают моменты, когда от действий командира зависит всё. И тот, кто это понимает и в нужный момент готов проявить перед подчинёнными лучшие свои качества, часто добивается успеха. Но к Маркову всё это относилось весьма опосредованно. Прямой, открытый Марков, при всей нередко прорывающейся несдержанности его натуры, не выбирал моменты и никому ничего не демонстрировал. Он делал ровно то, чего ждал от подчинённых. Всегда оставался самим собой и именно поэтому являлся примером для добровольцев в любое время суток и в любой обстановке. В бою, в походе, в непогоду, в повседневной армейской жизни. В радости и в горе...

Кто-то усмехнулся восторженно, кто-то повёл удивлённо небритым подбородком, стяхивая снежинки за ворот шинели. У кого-то потекла по щеке не замеченная товарищами, тут же услужливо смытая хлопьями мокрого снега, слеза... Все сомнения были отброшены, об усталости и морозе забыли бойцы. И даже капризы разыгравшейся стихии показались вдруг чем-то малозначимым. Впереди был их командир. Добровольцы с поднятыми над головами винтовками вошли за ним в реку. Вода была им вскоре уже по пояс, по грудь. Течение сбивало людей с ног, казалось, грязевые потоки всё же смоят, разметают цепь. Но люди лишь останавливались на миг, и тут же цепь выравнивалась. И шла упрямо вперёд. Наконец выбралась на тот берег и скрылась в снежной пелене.

За ними уже готовились выступить и остальные. Перепра-

вилась и рота Корниловского полка. Лошадей под рукой не оказалось. Неженцев тоже пошутил и приказал «погреться в воде». Кто по гати, кто – вброд, добровольцы, цепляясь друг за друга, переходили реку. Попытка же перевезти по мосту телеги с боеприпасами и полковым имуществом окончилась неудачей. Колёса чуть ли не первой провалились в дыры разрушенного настила, и движение застопорилось.

Подошла Техническая рота и начала обустраивать подъезды и чинить мост. Казалось, дело пошло, тем более что и погода несколько успокоилась, и вода начала спадать.

Но тут переправу обстреляла с короткой дистанции советская батарея. Один из разрывов накрыл огромный костёр и разметал столпившихся людей. Четыре человека были убиты на месте и 22 ранены. Корнилов приказал Миончинскому переправить на другой берег одно орудие. Последовала команда, но окоченевшие ездовые не могли вдеть ногу в стремя. Их подсаживали в сёдла номера. Лошади дёрнули, но колёса вмёрзли в грунт настолько, что орудие даже не пошевелилось. Все усилия подошедших номеров были напрасны.

Смогли стронуть с места лишь 2-е орудие. Коренные потянули его через реку. При этом вода доходила до сёдел, а само орудие моментами уходило под воду целиком. Всё же кое-как справились. Запряжка и зарядный ящик каким-то чудом прошли по мосту. Едва орудие вышло на тот берег и поднялось на гребень, из кустов по нему был открыт пулемётный огонь³³⁵. Орудие стало на позицию, но после первого же выстрела по батарее противника ствол так и остался в положении отката. Из-за замёрзшего масла подать его вперёд не удалось³³⁶.

Но Армия уже переправлялась всей массой. Против солдат в кустах была двинута рота «корниловцев» и юнкера. Красногвардейцы поспешили отойти.

В Новодмитриевской к этому времени бой уже подходил к концу. В этот раз непогода даже поспособствовала доброволь-

³³⁵ Надо отдать должное красногвардейцам. Далеко не все они грелись в избах. Да и командиры не забыли выставить на дорогах заставы.

³³⁶ На следующий день потеплело, и ствол сам собой встал в нужное положение.

цам. Нападения советское командование никак не ожидало. К тому же, окопы были открыты на восточной и юго-восточной окраинах станицы. Седлали в первую очередь дорогу от Калужской.

Переправившийся первым 3-й взвод 1-й роты, не встретив противника, поднялся на вершину бугра у реки и, вытянувшись толпой, стал продвигаться к станице. До неё от реки было до двух километров. На некотором отдалении сосредотачивались по мере готовности и следовали за ним и остальные взводы.

Марков, оставив у переправы Тимановского, сам, уже верхом поскакал к станице, поторапливая добровольцев. Подъехал к командиру 3-го взвода и негромко приказал:

– Не стрелять – только колоть. Вперёд!

Взвод беспрепятственно вошёл в станицу. Добровольцы растянулись жидкими цепочками по обе стороны улицы³³⁷. За ним шла и вся рота. Марков тут же вернулся на окраину станицы и давал направление подходившим ротам. 2-й он приказал принять влево, 3-й – вправо.

Едва раздались первые выстрелы, из натопленных хат стали выбегать не ожидавшие нападения солдаты. Один, по виду командир, кричал:

– Товарищи, не разводите панику!

– А ты – кто? – спросил подбежавший доброволец.

– Я председатель военно-революционного комитета... – он был застрелен на месте. Та же участь постигла и подбежавшего человека, назвавшегося секретарём. Многие красногвардейцы гибли под пулями и штыками добровольцев, так и не успев понять, что происходит. Добровольцы в изношенном, оборванном за поход обмундировании и дырявых сапогах представлялись им своими. Стрельбу же они принимали за досадное не-

³³⁷ Павлов упоминает о следующем эпизоде завязки боя. Из хаты вышел на улицу красногвардеец и столкнулся нос к носу с добровольцем. Солдат спросил, не пополнение ли это из Екатеринодара. Офицер подтвердил, однако обмундирование его, промокшее насквозь, видимо настолько не внушало доверия, что солдат, сообразив, кто перед ним, бросился на «марковца». Винтовка у офицера была за спиной на ремне, озябшие пальцы одеревенели и не разгибались. Неизвестно, чем бы закончилась эта стычка, если бы не проскакавший мимо Марков выстрелом из револьвера не свалил солдата.

доразумение, которые в то время случались сплошь и рядом.

Три роты Офицерского полка от северной окраины веером расходились по станице. На одной из улиц на добровольцев выскочила 4-х орудийная батарея противника. На требование остановиться артиллеристы ответили ружейным огнём, и тут же были перебиты.

Там и тут красногвардейцы стали сдаваться³³⁸. Но как бы быстро ни продвигались добровольцы, поднятая стрельбой тревога распространялась быстрее. И вскоре советским командирам удалось на отдельных участках пресечь панику и организовать сопротивление. Впрочем, если и существовали изначально план и система обороны, то они были разрушены в первые же минуты. Едва подошла офицерская пулемётная команда, солдаты толпами побежали из станицы. Разгром был полный. Однако к полуночи порыв вымотавшихся за день добровольцев слабел. Три роты Офицерского полка заняли северную часть станицы и дальше продвинуться были не в силах. Люди занимали хату, и вытащить их оттуда на улицу было уже невозможно. Перестрелка затихла сама собой. Лишь раздавались случайные одиночные выстрелы.

Тем временем «корниловцы», совершив глубокий охват, вышли на западную окраину Новодмитриевской и продвигались к южной. К 23 часам полк занял юго-западную часть станицы и выставил заставы в сторону Григорьевской. Подошёл от переправы и занял крайние хаты северной окраины станицы Партизанский полк. Юнкерский батальон и Техническая рота оставались на переправе всю ночь.

³³⁸ Павлов рассказывает о таком случае. Командир 3-й роты полковник Кутепов увидел трёх жавшихся к одной из хат офицеров. На требование пояснить, в чём дело, получил ответ, что в хате больше десятка солдат. Кутепов толкнул дверь и, сопровождаемый своими офицерами, вошёл вовнутрь. Там сидели до полувзвода красногвардейцев и мирно пили чай из стоявшего посреди стола самовара.

– Какого полка? – строго спросил Кутепов, становясь таким образом, чтобы заслонить собой оставленные в углу винтовки.

– Мы – варнавинские.

– А мы – Офицерского. Выходи по одному! – и солдаты без промедления выходили на улицу. Кутепов же налил себе кипятку и, выпив его, проследовал за ними.

Кубанский отряд, который согласно достигнутой договорённости должен был нанести удар по Новодмитриевской с юга, из-за непогоды вернулся в Калужскую. Этим Кубанцы спасли от уничтожения до двух тысяч красногвардейцев, отступивших по направлению их предполагаемого подхода. Неудивительно, что немногие посвящённые в эти планы испытывали недоумение и досаду.

«Покровский, который должен был атаковать станицу с юга, не подошёл, – пишет Деникин, – счёл невозможным двигать по такой дороге и в такую погоду свой отряд. Это обстоятельство спасло большевиков от окружения и стоило нам потом двух лишних боёв и лишней крови...»

Куда резче высказывается Левитов: «Первое совместное действие в этом бою Добровольческой армии с Кубанской было неудачным, – первый блин вышел комом: согласно *приказу* генерала Корнилова³³⁹ в этом бою конница генерала Покровского должна была наступать тоже на станицу Ново-Димитриевскую со стороны станицы Калужской, но она в такую погоду, как гласит донесение, вернулась, а быть может *и просто не выступала*. Это было печальным фактом для первого раза: при наличии конницы в этом бою все три тысячи красных были бы уничтожены, а неисполнение приказа говорило о качестве Кубанской армии».

Едва северная часть станицы была занята, Марков поскакал к реке. Не доезжая до переправы, он встретил подходившую 4-ю роту своего полка и повернул её влево, в атаку на батарею противника, открывшую огонь по переправе. Батарея стояла значительно левее движения главных сил полка. Рота шла на нечастые вспышки орудийных выстрелов, но упёрлась в глубокий овраг и вынуждена была остановиться, завязав перестрелку с пехотным прикрытием противника. Впрочем, замолчала и советская батарея. Не исключено, что из-за одного

---

³³⁹ Следует отметить, что Корнилов 15(28) марта не мог отдавать Покровскому какие-либо приказы. Кубанский отряд ещё не был ему подчинён. Но наличие устной договорённости о совместном одновременном ударе по Новодмитриевской никем не оспаривается.

единственного снаряда, выпущенного по ней Миончинским³⁴⁰.

Марков тем временем был уже на переправе. Становилось очевидным, что перевезти орудия и полковой обоз менее чем за несколько часов не удастся. Оставлять у реки добровольцев означало обречь их на верную гибель. Было принято решение выставить на ближайших хуторах заслоны, людей и лошадей отправить немедленно в станицу, а имущество оставить у переправы до утра. Все, конные и пешие, тут же устремились к только что занятой станице.

Стемнело уже настолько, что всадники с трудом различали головы своих коней. У моста кто-то упал вместе с лошадьёю в канаву и барахтался в воде.

– Какая... там пузыри пускает? – выкрикнул в темноту Марков, наблюдающий за переправой.

– Это я, генерал Богаевский, – был ответ.

– Африкан Петрович, – крикнул слегка смущённый, но не умевший отказаться от шутки Марков. – Плывите сюда. Здесь мелко...

Наконец все почти перешли на тот берег и толпой пошли в станицу. Вместе с ранеными, обмороженными и отставшими, шли и чины 1-й батареи. Настроение их, мечтающих уже о тёплых хатах, было бы приподнятым, если бы не смерть начальника пулемётной команды поручика Гагемана. Уже на пути в занятую станицу поручик был тяжело ранен случайной пулей в голову и скончался через несколько минут³⁴¹. Ввиду того, что

³⁴⁰ Вскоре прекратилась и перестрелка, красногвардейцы отошли. Рота лежала некоторое время на краю оврага. Затем, в станицу на разведку был направлен с несколькими офицерами полковник Биркин. Зайдя в первую же хату, он наткнулся на Маркова, который был в этот день вездесущ. Генерал тут же приказал полковнику собрать людей по ближайшим избам и стать резервом, что и было немедленно выполнено. Впрочем, бой уже закончился, и когда Биркин прибыл с полуротой и пулемётом на площадь, ординарец посоветовал ему, занять ближайшую пустую хату и укладываться спать. Уже далеко за полночь подтянулась в станицу и вся 4-я рота. На следующий день выяснилось, что два орудия обстреливающихся переправу, были красногвардейцами брошены. Возможно, отвести их просто не смогли.

³⁴¹ «В темноте я увидел нашего доблестного командира пулемётной команды... поручика Гагемана, – вспоминал позже номер 2-го орудия 1-й батареи И. Лисенко. – После ранения в Чернецовском походе он ходил, хромяя. Я подошёл к нему и, взяв его под локоть, сказал:

– Разрешите мне помочь вам идти.

восточная окраина станицы так и не была занята, части располагались как можно компактнее. Личный состав батареи ночевал в четырёх рядом стоящих хатах.

В Новодмитриевскую в сопровождении конвоя прибыл Корнилов. Отыскал в правлении Маркова и там же по обыкновению развернул свой штаб. Армия, пережив ещё один день похода и завоевав в очередной раз право на существование, расположилась, наконец, на ночлег.

Утром следующего дня производивший обход подразделений своего полка Марков наткнулся на одной из улиц на сестру милосердия Юнкерского батальона Шуру. Он остановился и учтиво заговорил с совсем ещё юной девушкой, восторженно глядевшей на генерала. Поинтересовался, как перенесла она произведённый накануне тяжелейший переход.

– Это был настоящий *ледяной поход!* – сказала сестра.

– Да, да. Вы правы... – согласился в задумчивости генерал.

Много позже, читая публичную лекцию в Новочеркасске, Марков упомянул об этих её словах, которые слушателям тоже запомнились и пришлись по душе. С этого дня с его лёгкой руки 1-й Кубанский генерала Корнилова поход стал также именоваться и Ледяным³⁴².

На что он ответил:

– Да вы сами, голубчик, еле двигаетесь...

Мы пошли рядом и подходили к батарее под уже редким огнём, когда раздался звук шлёпнувшей о что-то пули. Поручик, не сгибаясь, навзначь упал. Пуля попала ему в висок. Через несколько минут он умер».

Поручик Гагеман, как и многие в Добровольческой армии, был человеком неординарным. Непонятно было, военный это, путешественник или искатель приключений. Поручик дрался на границе Афганистана с кочевниками, окончил французскую пулемётную школу, каким-то образом очутился в Турции, где был инструктором в армии, уже, будучи офицером, сражался за турок в Балканской войне и, наконец, всю Великую войну отвоевал пулемётчиком в армии Русской. «Интеллигентным авантюристом» называл его подполковник Миончинский...

³⁴² Даже и советские источники признавали, что совершённое в тот день добровольцами, иначе, как подвигом, не назовёшь. Вот что пишет по этому поводу И.Л. Хижняк: «Оттепель вдруг сменилась проливными дождями. Мелкие горные реки вышли из берегов, ручьи превратились в бурные реки. А потом одновременно с дождём ударил мороз... Образовался страшный гололёд. На бойцах обледенела промокшая одежда, она сковывала движение.

Как мы узнали позже... генерал Эрдели передал Кубанской раде просьбу командующего – направить свои войска в Ново-Дмитриевскую для соединения

6.11. Соединение. Афипская

Ранним утром 16(29) марта Марков собрал подчинённых ему командиров. Стали подсчитывать потери, и были поражены. За весь предыдущий день, вобравший в себя трудный, совершённый в крайне неблагоприятных условиях переход и бой с многочисленным противником, Офицерский полк потерял 1-го убитым и 10 ранеными³⁴³. По сравнению с достигнутым результатом и потерями советских отрядов, оборонявших станцию, свои, безусловно, были минимальными. Удивительно, но почти не прибавилось в лазарете обмороженных и больных.

Ночью, ввиду крайней усталости людей, для ночлега занимались первые попавшиеся хаты. Подразделения неизбежно перемешались, и теперь группы добровольцев спешили найти свои роты. Но главная неожиданность заключалась в другом. Красногвардейцы в немалом числе так и не ушли к утру из станции и тоже искали своих³⁴⁴. На восточной окраине стали раз-

---

с частями Корнилова. Конница Филимонова и юнкера Покровского немедленно двинулись... но, застигнутые гололёдом, снова вернулись в Калужскую.

Зато войска Корнилова выполнили приказ своего командующего. Промокшие и обледенелые, они по шею в ледяной воде форсировали реки и с боями заняли Ново-Дмитриевскую».

«15 марта – Ледяной поход – слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях – не то были, не то сказки...» С этими словами Деникина трудно не согласиться.

³⁴³ В 1-й батарее также 1 доброволец был убит, и два-три ранены. Корниловский полк понёс большие потери: до 45 человек было убито и ранено. При этом по словам очевидцев в бою было убито до 1000 красногвардейцев, захвачено 8 орудий, снаряды и имущество брошенного госпиталя. Вероятно, людские потери большевиков были всё же меньшими. В ночном бою перемешавшиеся подразделения докладывали неизбежно преувеличенные данные, но, что в советских отрядах недосчитались наутро многих сотен бойцов не вызывает сомнения.

³⁴⁴ Имели место случаи, которые в другой обстановке могли показаться комичными. В хату, занимаемую командиром 3-й роты Офицерского полка полковником Кутеповым, вошёл с улицы солдат.

– Товарищи. Где 3-я рота? – поинтересовался он, как ни в чём не бывало.

– Здесь. Садись, – отвечал один из офицеров, принимая у вошедшего винтовку. И тут же добавил. – А тебе какую 3-ю роту нужно? Мы – Офицерский полк...

Солдата тут же вывели. За свою беспечность ему пришлось заплатить высокую цену.

даваться одиночные выстрелы. Пришлось выделять очередные взводы, которые к полудню очистили Новодмитриевскую окончательно.

К этому времени все роты были собраны своими командирами и разведены по вновь определённым районам квартирования. Весь день добровольцы отдыхали, в натопленных до возможного предела хатах люди приводили себя в порядок. Чистили оружие и штопали выстиранное обмундирование. Все разговоры сводились к произведённому накануне переходу и сопутствующим ему погодным условиям. Многие подобную перемену от оттепели к метели наблюдали впервые. Успех боя связывали неизменно с двумя именами – Корнилова и Маркова.

С утра команда 1-й батареи, мобилизовав у казаков воловь упряжки, проследовала к реке, выручать оставленное орудие³⁴⁵. Вода спала настолько, что проступил, наконец, над ней настил моста. Вновь пошёл снег. На берегу тут и там вмёрзли в грунт брошенные накануне повозки. Валялись в грязи перевёрнутые телеги, двуколки, санитарки и многочисленные трупы лошадей. Люди оказались покрепче.

Всю ночь под прикрытием Юнкерского батальона работала на переправе Техническая рота. Съезды к утру были оборудованы, most по возможности подремонтирован. Тыловые службы и выделенные от частей команды целый день свозили армейское имущество в станицу. Орудия оказались неповреждёнными и вскоре были доставлены в расположение батареи. Их сразу же очистили от грязи и привели в относительный порядок.

Подошёл от переправы Юнкерский батальон. Юнкера заняли отведённые для них хаты на окраине и спешили отогреться кипятком. Юность брала верх, даже сон не одолевал их сразу. И долго ещё обсуждали друг с другом всё то, что удалось увидеть и пережить.

Из окна Боровский увидел двуколку Алексева, едва продвигавшуюся от переправы.

– Ну-ка, скажите детям, – приказал он. – Пусть помогут генералу Алексееву.

³⁴⁵ Орудие, переправленное накануне через реку, несмотря на усталость всё же привели в станицу той же ночью.

Надевая на ходу мокрое ещё обмундирование, выскочили на улицу юнкера. Сменяя друг друга, едва ли не на руках пронесли коляску генерала во двор, где его уже встречал Боровский. Едва выпив стакан горячего чая и обогревшись, Алексеев отбыл. Ему уже приготовили квартиру. Ближе к вечеру к нему зашёл Марков.

Генералу Алексееву было 60 лет. Но болезнь подтачивала организм, и это давно уже замечали все. Добровольцы, в большинстве, относились к генералу с неизменным уважением. Вот и Марков считал своим долгом на каждой стоянке при первой возможности зайти к старому генералу и поделиться впечатлениями. Эти беседы, казалось, вливали в Алексеева новые силы. Что касается Корнилова, то и он, судя по всему, был благодарен Маркову за это участие. У современников создавалось впечатление, что Командующий и сам тяготился *иногда* натянутостью их отношений. Но простить Алексееву слабость, проявленную во время выступления в августе 17-го, забыть всё и переступить через себя Корнилов не мог.

Оставался верным он себе и в другом. На станичной площади были повешены семь выявленных среди пленных комиссаров и комитетчиков. От методов «наведения порядка», нашедших в своё время применение на Юго-Западном фронте, Корнилов также отказываться не собирался. Насколько эти методы оказывались эффективными на Кубани, однозначно ответить невозможно. Какой отклик находили среди, как казачьего, так и иногороднего населения, деморализовали красногвардейцев, или, наоборот, сплотили их, ожесточив сердца, неизвестно...

17(30) марта Армия оставалась в Новодмитриевской. Во второй половине дня, ближе к вечеру в станицу прибыла делегация от Кубанцев³⁴⁶. На расширенном совещании присутствовали:

- от Добровольческой армии генералы Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, А.И. Деникин, И.Г. Эрдели, И.П. Романовский;
- от Краевого правительства его председатель Л.Л. Быч, председатель Рады Н.С. Рябовол, товарищ председателя Султан

³⁴⁶ В этот день прибыл в станицу и обоз. Раненые добровольцы в первый раз с тех пор, как покинули аул Шенджий, были размещены в нормальных условиях, в выделенных натопленных хатах Новодмитриевской.

Шахим-Гирей, атаман Кубанского войска полковник А.П. Филимонов, генералы В.Л. Покровский и И.Е. Гулыга³⁴⁷.

Вопрос на совещании рассматривался один – соединение двух противобольшевистских группировок. Переговоры вновь складывались весьма непросто, и сразу же зашли в тупик.

«Начались томительно долгие нудные разговоры, – пишет Деникин, – в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии», как опоры правительства и т. д. Они не договаривали ещё одного своего мотива – страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с Кубанским отрядом он не поглотил и их призрачную власть, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове. На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напомнившим лето 1917 года – с бесконечными дебатами революционной демократии, доканчивавшей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове – с разговорами донского правительства, дум и советов, подготовлявшими вступление на Дон красных войск Сиверса... А за стеною жизнь, настоящая жизнь уже напоминала о себе громким треском рвавшихся на площади и возле дома гранат...»

И действительно, в разгар дебатов снаряды начали рваться среди станицы. Сойдя с колокольни, импровизированного наблюдательного пункта, поручик Гернберг доложил Корнилову, что с юга наступают отряды противника, которые и повели артиллерийский обстрел. Корнилов вызвал Маркова и сказал коротко:

– Сергей Леонидович, распорядитесь...

Активность большевиков на этом направлении объясня-

---

³⁴⁷ Гулыга присутствовал на совещании с правом совещательного голоса. Он покинул Екатеринодар во время эвакуации, намереваясь в одиночку пробираться в Ейский отдел, случайно наткнулся на добровольцев и пошёл вместе с ними. По словам Филимонова Гулыга весьма нелестно отзывался о Кубанском правительстве, что, отчасти, и обусловило натянутость первых переговоров с Покровским.

лась, как ни странно, отсутствием устойчивой связи с Екатеринодаром и из рук вон плохо поставленной разведкой. По словам И.Л. Хижняка, командиры отрядов получили приказ отбить Новодмитриевскую³⁴⁸, но даже не догадывались о том, что имеют дело уже с Добровольческой армией. Не исключено, впрочем, что действовали они по собственной инициативе, не имея никакого приказа. Иерархия военного командования только лишь выстраивалась. Многие не знали даже и того, что Автономов был утверждён главкомом Юго-Восточной армии. Зато каждый командир крупного отряда, превосходившего иногда числом всю Добровольческую армию, называл себя «командующим», заводил канцелярию и сам начинал рассылать категоричные приказы всем, с кем соприкасался.

К тому же последние столкновения с Кубанцами, неизменно удачные для большевиков, вселили в них уверенность, что и из Новодмитриевской³⁴⁹ последние отойдут при малейшем нажиме.

Так или иначе, но цепи красногвардейцев, развернувшись, атаковали станицу одновременно с двух направлений – от Георгиевской и от Георгие-Афипской. На северную окраину вышел Партизанский полк, но сражаться ему не пришлось. Местность была открытая, и малочисленный противник был отогнан едва ли не одним лишь огнём 1-й батареи. Миончинский установил орудия на закрытой позиции в станице, а сам забрался на крышу, откуда и управлял по телефону огнём. Находившемуся рядом Богаевскому он напоминал знающего свою партитуру дирижёра. Едва взвод красногвардейцев выходил из-за бугра, тут же один-два разрыва заставляли его в спешке подаваться назад. Это повторялось раз за разом. В конце концов большевики, так и не рискнув атаковать всей массой, отступили.

Бой же на южной окраине станицы отличался куда большим ожесточением. Здесь красногвардейцев было много, и атаковали они умело и настойчиво. В какой-то момент даже ворвались

---

³⁴⁸ Не исключено, впрочем, что попытки отбить Новодмитриевскую, были связаны с подходом свежей крупной части, так называемого «2-го революционного Северо-Кавказского полка» Д.П. Жлобы.

³⁴⁹ К тому же, в силу своего географического положения, станица, как база для проведения дальнейших операций, была пунктом идеальным.

в станицу, но на улицах были встречены и смяты «корниловцами», и к 23 часам отошли, заняв близлежащие хутора.

Офицерский полк был поднят по тревоге, но вступить в бой не успел. Выяснилось вдруг, что высушенные у докрасна раскалённых печей сапоги ссохлись и уменьшились в размерах настолько, что натянуть их спешно было весьма затруднительно.

Бой ли, достигший близлежащих улиц, или возобладавший здравый смысл³⁵⁰ заставили представителей Краевого правительства пойти на существенные уступки, но едва Корнилов заявил, что «автономными армиями» командовать не станет³⁵¹, Кубанцы согласились, наконец, влить свой отряд в Добровольческую армию на условиях полного подчинения её Командующему. Правда, тут же Быч пояснил, что в этом случае Правительство устраняется и слагает с себя всякую ответственность за последствия. Эти слова окончательно вывели Корнилова из себя. Однако он сдержался и сказал лишь:

– Ну, нет! Вы не смеете уклоняться! Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией.

Кубанцы, испросив разрешения, уединились в соседней комнате для последних консультаций. Затем соглашение было подписано в окончательной редакции:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения

---

³⁵⁰ По словам Деникина от частей Кубанского отряда «с оказией» было прислано сообщение, что они подчиняются только Корнилову, и если Краевое правительство на соглашение не пойдёт, отряд волеётся в Добровольческую армию самовольно. Именно на это и намекал ранее Покровскому Алексеев.

³⁵¹ – О каком главном командовании можно здесь говорить? – возмущался генерал. – В обоих отрядах не наберётся людей, чтобы составить два полных полка военного времени. По соединении отрядов у нас будет лишь одна бригада, а вы хотите из неё сделать две армии, а меня назначить главнокомандующим!

Своё отношение к тому, что Кубанский отряд не поддержал Добровольческую армию при взятии ею Новодмитриевской, Корнилов выразил одной лишь фразой:

– Я не хочу, – сказал он, – чтобы «командующие армиями» угощали меня подобными сюрпризами...

На этом тема была закрыта.

всех сил и средств признаётся необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии³⁵²».

Документ подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей.

18(31) марта советские войска вновь с трёх направлений, от Григорьевской, Смоленской и от Георгие-Афипской, атаковали Новодмитриевскую. Вновь на отдельных участках вышли к окраинам станицы, но на большее красногвардейцев не хватило. Они были отброшены и, отказавшись от дальнейших наступательных действий, отошли к Афипской. Непосредственный участник описываемых событий И.Л. Хижняк утверждает, что отход советских отрядов был осуществлён по прямому приказу главкома Автономава. Но даже если это и так, главная причина беспорядочного и поспешного отступления большевиков представляется иной. Командиры, наконец, получили достоверные сведения о том, с кем они вошли в соприкосновение, и поспешили выйти из боя.

Так или иначе, но добровольцев в Новодмитриевской оста-

---

³⁵²Третий пункт был вписан в соглашение по настоянию Кубанцев, якобы, для морального удовлетворения остающегося не у дел Покровского. Понятно, что отношения между командованием Добровольческой армии и Краевым правительством оставались несколько натянутыми.

«В этом союзе не было взаимного доверия и искренности, – весьма категорично пишет Богаевский. – Только суровая необходимость заставила обе стороны сойтись, и в то время, когда Корнилов с прямолинейностью солдата мало считался с представителями Кубанской власти, держа их во время дальнейшего похода в чёрном теле, последние с трудом переносили такое отношение, видя в нём унижение не только своего достоинства, но и Кубани».

вили в покое³⁵³. Подходили постепенно части Кубанского отряда³⁵⁴. Корнилов поспешил реорганизовать Армию. Боевая часть её доходила теперь до 6000 штыков и сабель при 16 орудиях и 50 пулемётах (с ранеными, тыловыми службами и гражданскими – до 9000 человек), и после расформирования некоторых частей получила следующую организацию:

1-я пехотная бригада (командир генерал С.Л. Марков, начальник штаба полковник Н.С. Тимановский, штаб из трёх офицеров связи и при нём команда конных черкесов). В её составе:

– **Офицерский полк** (командир генерал А.А. Боровский, заместитель полковник А.П. Кутепов, штаб – до 10 чинов) в составе двух батальонов (командиры полковник Дорошевич и полковник Назимов, адъютант полка поручик Дончиков³⁵⁵). В полку до 800 штыков при 12 пулемётах.

В полк влился двумя ротами, 5-й и 6-й, Юнкерский батальон (до 200 штыков).

– **1-й Кубанский стрелковый полк** (командир полковник В.М. Туненберг) из Кубанского отряда – до 700 штыков при 4 пулемётах.

³⁵³ Как часто бывает в подобных случаях, люди, втянувшиеся в бесконечные бои и труднейшие переходы, получив отдых, начинали им тяготиться. Добровольцы на постое не знали, чем себя занять. К тому же им было выдано жалованье, по 250 руб. каждому. К несчастью, мелкой, по 15-20 коп. монетой. Тут и там находились желающие поставить её на кон. В одну из хат во время игры зашёл генерал Марков. Увидев на столе горку серебряных монет, он сгрёб их, передал одному из офицеров и приказал отнести генералу Алексееву. Никаких нравоучений высказано не было, Марков лишь пояснил сухо: «Так как вы не нашли для денег лучшего применения».

Тоже повторилось и в других местах. Там же, где генерал, войдя, игру не заставал, он задерживался и с удовольствием беседовал с офицерами, поддерживая в них уверенность в конечной победе.

Этих нескольких обходов оказалось достаточно, чтобы о «железке» забыли. Лишь «картёжники» были раздосадованы. Но не тем, что лишились развлечения, а упущенной возможностью поговорить со своим командиром. Впрочем, отдых скоро закончился, и Армия вновь была двинута в бой.

³⁵⁴ В отряде насчитывалось до 2500 штыков, 800 сабель, 8 орудий, 24 пулемёта, одна радиостанция. С ранеными, гражданскими лицами и обозом – 4000 человек.

³⁵⁵ Бывший адъютант Юнкерского батальона.

– **1-я инженерная рота** переименована из Технической роты (командир полковник Н.Д. Банин).

– **1-я Отдельная батарея** (командир подполковник Д.Т. Миончинский) сформирована из 1-й и 4-й батарей³⁵⁶. При этом командир 4-й батареи полковник А.Н. Третьяков и поручик Шидловский перешли в штаб 1-й бригады. Третьяков в штабе координировал действия артиллерии.

Пеший взвод по необходимости изымался из состава батареи для поддержки пехотных частей. Часть чинов была передана во вновь образованные батареи. Некоторые влились в Офицерский полк и дальнейшую службу проходили в качестве пехотинцев.

2-я пехотная бригада (командир генерал А.П. Богаевский). В её составе:

– **Корниловский ударный полк**. После того, как в состав 3-й офицерской роты были влиты до 150 юнкеров Константиновского военного училища, полк, понёсший в предыдущих боях весьма чувствительные потери, насчитывал до 1000 штыков.

– **Партизанский полк** (командир генерал Б.И. Казанович³⁵⁷) двухбатальонного состава (в партизанский полк был влит один из батальонов 1-го Кубанского стрелкового полка, составивший 2-й батальон) – до 800 штыков.

– **Пластунский батальон** (из Кубанского отряда, командир – С.Г. Улагай).

---

³⁵⁶ Отдельные источники о слиянии батарей в Новодмитриевской не упоминают. Согласно их данным после расформирования Артиллерийского дивизиона (о существовании которого давно уже мало кто вспоминал), в состав 1-й пехотной бригады вошли самостоятельными боевыми единицами 1-я и 4-я батареи, в состав 2-й пехотной бригады – 2-я, 3-я и 5-я.

³⁵⁷ Едва Казанович принял полк, в котором воевал с первых дней похода рядовым, у него тут же случился конфликт с есаулом Лазаревым, проявившим по отношению к новому командиру неуважение. Казанович хотел предать есаула суду, но за Лазарева вступился Богаевский, отстранивший его от командования 2-й сотней и зачисливший в личный конвой.

– **2-я инженерная рота** из Кубанского отряда.

– **2-я Отдельная батарея** (командир полковник Л.М. Ерогин) сформирована из 2-й 3-й и 5-й батарей (из Кубанского отряда).

Конная бригада (командир генерал И.Г. Эрдели). В её составе:

– **1-й Конный полк** (до 700 сабель) был сведён из сохранивших первоначально самостоятельность дивизионов Глазенапа и Гершельмана после боя у Георгие-Афипской. Также в состав полка вошли все мелкие конные подразделения, как Добровольческой армии, так и Кубанского отряда. Командир полка полковник Глазенап.

– **Кубанский (казачий) конный дивизион**³⁵⁸.

– **Черкесский конный полк** (из Кубанского отряда) – 4-х сотенного состава.

– **Конная 2-х орудийная батарея** (из Кубанского отряда).

Отдельными самостоятельными единицами в Армии оставались:

– **Чехословацкий батальон**.

– **Кубанская конная батарея** (командир есаул Крамаров).

– Охранная рота штаба.

– Конвой главнокомандующего.

Обоз после объединения почти удвоился. В **армейском походном лазарете** находились до 700 раненых.

³⁵⁸ Позднее в дивизион были влиты мобилизованные казаки станиц Марьинской и Елизаветинской, и он был развёрнут в полк численностью до 500 сабель.

Вопрос о том, что делать дальше, перед Корниловым, по сути, не стоял. Выполнив одну часть поставленной задачи, он не отказывался и от второй – взятия Екатеринодара. Нельзя сказать, что в ближайшем его окружении не было сомневающихся. Но не возражал никто. С одной стороны, Армия с самого оставления Ростова, в любых условиях и при самом неблагоприятном соотношении сил в конечном счёте неизменно добивалась того, на что нацеливал её Командующий. Что психологически оставляло надежду на успех и в дальнейшем. С другой – вариантов оставалось только два, либо занять столицу Кубани, получить базу и развернуть дальнейшую борьбу на качественно совершенном ином уровне, либо уйти в горы и рассеяться. После всего пережитого, после стольких переходов и побед отступить было, казалось, достижимой уже мечты было невозможно.

Так рассуждала вся Армия, о том же думал и Корнилов. Весь этот период реорганизации и связанного с ней вынужденного бездействия он размышлял не о стратегической цели, а исключительно о тактике её достижения. В итоге был разработан план последовательных мероприятий, согласно которому предстояло:

- в целях обеспечения тыла и будущих переправ, а также и для пополнения боезапаса, очистить от большевиков весь левый берег Кубани южнее Екатеринодара;
- выдвинуться левее и внезапным ударом захватить паромную переправу, находившуюся у станицы Елизаветинской³⁵⁹ в 15-18 километрах от города;
- переправить Армию через Кубань и атаковать Екатеринодар.

Во исполнение этого плана 22 марта (4 апреля) Богаевский получил приказ силами своей бригады выдвинуться от Новодмитриевской к югу и очистить от противника близлежащие станицы. В 22 часа Корниловский полк, вытянувшись в колонну, стал продвигаться на Григорьевскую. До станицы было не более 12 километров, но дорога вновь оставляла желать лучшего. Шли по залитой водой грязи.

³⁵⁹ Ныне входит в состав Прикубанского внутригородского округа Муниципального образования город Краснодар. Центр Елизаветинского сельского округа.

В темноте следовавший в авангарде 1-й офицерский батальон вышел к станице и уткнулся в окопы противника. Добровольцы, рассыпавшись цепью, залегли за полосой пожухлой нескошенной травы, которая прикрывала их от огня не хуже подготовленной позиции. Всё же красногвардейцы стреляли с дистанции не свыше 20 шагов, и неизбежно там и тут появлялись и раненые и убитые.

В цепь 3-й роты прибыл Неженцев. Подсвечивая себе электрическим фонарём, определил по карте расположение полка и направление атаки. С рассветом «корниловцы» устремились вперёд, несмотря на сильный огонь, ворвались в окопы и в станицу. Солдаты тут же отошли. К 4 часам 23 марта (5 апреля) Григорьевская была занята уже без серьёзного сопротивления. Однако ночная атака обошлась «корниловцам» недёшево. Было убито и ранено до 60 человек³⁶⁰.

После короткого отдыха Партизанский полк выступил к станице Смоленской, до которой было 3 километра. Корниловский – оставался в резерве. Днём в Григорьевскую приезжал Корнилов, благодарил полк за смелую атаку. Между тем Казанович в Смоленской встретил серьёзное сопротивление. Красногвардейцы отрыли окопы на возвышенном берегу и встречали «партизан» плотным прицельным огнём. Всё же к вечеру станица ценою новых неизбежных потерь была взята.

В ночь на 24 марта (6 апреля) Корнилов отдал приказ атаковать Георгие-Афипскую. На станицу по сходящимся направлениям с разных сторон должны были наступать обе пехот-

---

³⁶⁰ Окопы противника были обнаружены слишком поздно, и подошли к ним слишком близко. Поэтому действенный огонь накрывал не только, и не столько, линию, но и тыл. Один из раненых офицеров был вторично ранен на перевязочном пункте в непосредственной близости от Богаевского. Не успела сестра закончить перевязку, как следующая пуля сразила его наповал. Тут же был ранен адъютант генерала корнет Жеребков. Погиб при атаке командир 5-й роты капитан Томашевский. Командир 2-й роты капитан М.М. Миневрин получил серьёзное ранение. Два офицера, пытавшиеся ему помочь были тяжело ранены и вскоре скончались в лазарете.

Наибольшие потери понесла 3-я рота, в которую накануне были влиты юнкера.

ные бригады³⁶¹. На рассвете 2-я бригада Богаевского стала выдвигаться от Смоленской к северу. Дорога проходила по открытой местности параллельно текущей в непосредственной от неё близости реке. Неожиданно колонна была обстреляна на марше.

Позже выяснилось, что свежий советский отряд продвигался от Северской к Смоленской. Красногвардейцы наткнулись на растянувшиеся части 2-й бригады и открыли огонь. Бригада сразу же была поставлена в невыгодное положение. За спиной протекала параллельно дороге река. Выйти из-под обстрела и даже рассеяться было невозможно. Всё же Партизанский полк,

---

³⁶¹ Были приняты меры, направленные на то, чтобы обезопасить Армию от возможного подхода свежих сил противника. Конные дивизионы Гершельмана и Глазенапа получили приказ выдвинуться к железной дороге и подорвать мосты, соответственно, у станции Энем и к западу от Афипской.

Дивизион Глазенапа, не встретив противника, вышел к железной дороге. Был обнаружен и мост, переброшенный через одну из многочисленных речек. Однако вскоре выяснилось, что он охраняется значительными силами. Прорваться к мосту было невозможно. Глазенап, выставив заслон, отошёл, и подрыльники быстро произвели на удалении друг от друга несколько взрывов. Когда к разрушенному полотну подошёл от Афипской советский бронепоезд, он не смог продвинуться, и вынужден был вернуться обратно. Дивизион же присоединился к подходившей уже к станции бригаде Богаевского, обеспечивая её левый фланг.

Гершельман нарвался на красногвардейцев, едва подойдя к железнодорожному полотну. И не придумал ничего лучшего, как силами своего дивизиона в пару сотен сабель взять Энем. Попытка эта, конечно же, провалилась. Более того, не успел ещё Гершельман доложить Маркову о своей неудаче и предостеречь, как советский бронепоезд, отогнавший его дивизион от полотна, продвинулся от Энема к Афипской и присоединился к уже стоявшему на станции.

После боя взвинченный до предела Корнилов посчитал виновником всех бед этого дня Гершельмана, которому припомнил и Выселки. Он даже хотел предать полковника суду, но ограничился очередным отрешением от должности. Дивизион Гершельмана был присоединён к дивизиону Глазенапа. Вместе они и составили вновь сформированный 1-й Конный полк.

«Нельзя не упомянуть, – пишет Александров, – что Гершельман принадлежал к числу, так называемых, «несчастливых» начальников. Ему фатально не везло. Но это был честный и храбрый офицер, окончивший своё земное поприще в бою. Он был убит весной 1919 года под с. Аскания-Нова, Таврической губернии, в должности командира кавалерийского полка...»

Глазенапу же «за неизменную его твёрдость, доблесть и мужество» весьма скупой на похвалу Корнилов объявил в тот же день благодарность в приказе.

поддержанный артиллерией, развернулся в цепь, атаковал и отогнал противника. Продолжив движение, головные подразделения захватили на одном из хуторов заставу из полувзвода матросов. Все они тут же были расстреляны. После этого, уже не вступая в соприкосновение с противником, 2-я бригада продвинулась вплоть до западной окраины Афипской.

1-я пехотная бригада была поднята по тревоге ещё ночью, и уже в 3 часа Офицерский полк прибыл на сборный пункт, где вынужден был ожидать подхода остальных частей. Задержка объяснялась тем, что генерал Марков устроил смотр 1-му Кубанскому полку, который выстроенным в полном составе видел впервые. Марков представился и выступил с напутственной речью, в которой также пояснил задачу, поставленную бригаде Корниловым. Всё это заняло много больше часа, что вскоре повлекло за собой самые негативные последствия.

Наконец бригада стала выстраиваться в колонну. В авангарде шёл Офицерский полк, за ним – 1-я батарея, Кубанский полк, боевой обоз и 1-я инженерная рота, которую по привычке все продолжали называть Технической. Погодные условия оставляли желать лучшего. Мороза уже не было, но дороги развезло. Тут и там на пути попадались лужи, больше похожие на небольшие болотца, обойти которые было невозможно. Пересечённый характер местности, обилие речушек с непригодными для движения тысяч людей и артиллерии слабыми мостками также не способствовали быстрому продвижению. В результате 1-я бригада подошла к станице, когда уже светало. О внезапном нападении не могло быть и речи. До станции оставалось ещё километра два, но в предрассветной дымке ясно различались станционные строения, эшелоны на путях и два блиндированных поезда³⁶². Настораживало добровольцев то, что по ним пока не стреляли. Явно подпускали поближе, в зону действительного огня³⁶³. 1-й Кубанский полк, развернувшись, повёл наступление прямо на станцию, Офицерский взял правее. 5-я и 6-я его роты оставались в резерве.

³⁶² Один из них оказался бронелетучкой, вооружённой пулемётами.

³⁶³ На этой версии, объясняющей причину некоторой задержки с открытием огня, настаивает Павлов.

На левый фланг полка в сопровождении «текинцев» и с неизменным трёхцветным знаменем, развевающимся на ветру, подъехал Корнилов. Там же находился и Марков. Едва полки продвинулись вперёд на километр, бронепоезда выехали со станции и открыли пулемётный огонь. Местность была открытая. От обстрела спасла протянувшаяся чуть впереди дамба, за которой укрылись добровольческие цепи. Туда же перешёл и Корнилов со штабом. Всё же без потерь не обошлось. Был легко ранен в ногу и начальник штаба Армии генерал Романовский³⁶⁴.

4-й, правофланговой роте был отдан приказ выдвинуться к железной дороге, перерезать её и создать угрозу охвата левого фланга противника. Рота пошла вперёд, но, продвинувшись по сплошному кустарнику, обнаружила перед собой сплошной фронт противника. Обойти левый его фланг столь незначительными силами было невозможно. К тому же от Екатеринодара подошёл эшелон в несколько вагонов, набитых солдатами. Рота остановилась и залегла. К ней на помощь выдвигались 5-я и 6-я роты.

Марков, ещё надеявшийся переломить ход боя, приказал Миончинскому открыть огонь по бронепоездам, а сам поднял в атаку весь полк. Цепи поднялись, начали продвигаться, и вновь противник не стрелял. Орудия первой батареи стали на позицию, и первые гранаты разорвались у насыпи железной дороги. Тут же большевики ответили ураганным огнём, который, по словам

³⁶⁴ Деникин этот эпизод трактует несколько иначе. «Неожиданным нападением не вышло, – пишет он. – Выступление почему-то сильно замешкалось и, когда голова колонны была в расстоянии менее версты от станицы, как-то сразу рассвело. Большевики увидели перед собою на ровном открытом поле не успевшую развернуться компактную массу пехоты, артиллерии, конных и, после минутного замешательства, открыли по ней убийственный огонь, в котором принял участие и показавшийся за поворотом бронированный поезд. Корнилов со штабом в это время обгонял колонну и едва успел отъехать в сторону. Ружейной пулей ранило в ногу навывлет генерала Романовского, который, однако, остался с Корниловым. По всему полю заметались люди, орудия... По счастью, впереди по заливному лугам проходила высокая насыпь железной дороги, и Марков успел развернуть и скрыть за ней свои части.

В таком положении колонне Маркова пришлось простоять несколько часов. Впереди – окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных берегах речкой Шелш с единственным через нее мостом.

Наступление замерло...»

очевидцев, со стороны противника едва ли не был сильнейшим за весь поход. Стреляли от окопов на восточной окраине станицы. Стреляли от станции. Уходя от разрывов, непрерывно маневрируя, стреляли бронепоезда.

С дистанции не свыше 600 метров артиллерия противника перешла на стрельбу картечью и заставила добровольцев залечь и даже местами начать окапываться. Наступать в лоб на бронепоезда на открытой местности было невозможно, а потери росли. Залёг у станции и 1-й Кубанский полк. К 16 часам атака, казалось, окончательно захлебнулась. Так, во всяком случае, посчитал Корнилов, чрезвычайно недовольный происходящим.

– Сергей Леонидович! – раздражённо высказал он Маркову. – Я просил вас о ночном налёте, а вы закатали мне дневной бой!

Это было не просто замечание, а устный выговор. Уверившись, что на этом участке боя уже не переломить, Командующий покинул бригаду и поскакал к Богаевскому. Раздосадованный выволочкой, полученной, надо признать, по делу, Марков тем не менее и не думал отступаться. Он решил попытать счастья на левом фланге своей бригады. Генерал приказал Миончинскому сосредоточить весь огонь по станции и отогнать стоявший там бронепоезд. При этом потребовал, чтобы ни одна граната не угодила в станционные постройки, в которых предположительно был устроен склад снарядов. Два орудия батареи дали залп. Первая граната разорвалась едва ли не под колёсами бронепоезда. Второго разрыва наблюдатели не увидели. Но одно из зданий возле станции словно взорвалось изнутри.

– Эх! – вскричал Марков. – Куда же ты стрелял? Я же предупреждал...

В.С. Гершельман

Впрочем, горячился он на этот раз недолго. Обстановка в полосе наступления 1-й бригады счастливым образом переменилась. «Этот невольный взрыв столь нужных для армии снарядов, – пишет Павлов, – однако, имел то *немедленное* следствие, что красные, сидевшие до сего времени цепко и уверенно на своих позициях, вдруг вскочили и бросились бежать через железнодорожную насыпь...»

Огонь защитников Афипской если и не прекратился сразу и на всех участках, то ослабел настолько, что цепи 1-й бригады тут же поднялись и устремились вперёд. Три роты Офицерского полка взошли на насыпь правее станции и противника перед собой уже не обнаружили. Солдаты толпами отходили вдоль полотна к Энему. Один из бронепоездов успел проскочить на Екатеринодар. Второй, вооружённый пулемётами, был захвачен.

К этому времени к железной дороге в двух километрах северо-восточнее станции уже выходили 5-я и 6-я роты «марковцев». Уступом влево продвигалась и 4-я. Едва бронепоезд поравнялся с цепью 5-й роты, юнкера с дистанции 200-300 шагов открыли по нему ружейный огонь. Паровоз тут же был повреждён³⁶⁵. Из котла вырвалось облако пара, бронепоезд остановился. Часть экипажа, состоявшего целиком из матросов, сразу же покинула его. Остальные, не пожелавшие отойти, легли на месте.

Когда колонна 1-й бригады, перейдя речку по оставленному мосту, входила в станицу, уже начинало темнеть. Вся станица оказалась забитой занявшей её Армией. На телегах в отведённые под перевязочные пункты дома свозили многочисленных раненых. Уже ночью после двух часов отдыха Марков поднял батальон Кубанцев и роту Офицерского полка. Батальон, оседлав железную дорогу, стал заслоном против Энема. Офицерская рота взяла влево и дошла до берега Кубани, где и оставалась всю ночь.

Часто бывает, что различные, даже симпатизирующие друг другу источники, стараются подчеркнуть, что именно на их участке решилась судьба того или иного боестолкновения, и именно их части внесли наибольший вклад в общую победу. При этом одни факты возводятся во главу угла, другие пред-

³⁶⁵ Позже выяснилось, что бронебойной пулей был пробит сухопарный колпак котла.

ставляются малозначимыми и второстепенными. И хотя такая субъективная оценка понятна и объяснима, она далеко не всегда совпадает с реальностью.

Утверждение Павлова о том, что взрыв снарядов в одной из станционных построек развалил *сразу же*³⁶⁶ всю оборону большевиков под Афипской, не выдерживает никакой критики. Взрыв был локальным, он практически не вышел за стены здания. К тому же из-за непрекращающейся канонады его могли наблюдать и поддаться панике лишь подразделения, находившиеся в непосредственной близости. Волна же отступления охватила *одновременно всех*. То же может быть отнесено и к бронепоездам. Оба они находились за пределами станции, и оба как по команде вышли из боя и устремились к Екатеринодару.

Лишь вскользь упоминает Павлов о действиях 2-й бригады, но вернее всего, именно её обходное движение и привело к успеху. Выдвинувшийся при отражении атаки противника левее Партизанский полк так и продолжал следовать на левом фланге походной заставой. Позже его сменил присоединившийся к колонне дивизион Глазенапа.

Не встречая противодействия, колонна пересекла железнодорожные пути и развернулась в боевой порядок. На левом фланге непосредственно на западную окраину станицы наступал Партизанский полк. На правом – продвигался к станции Корниловский. Артиллерия стала на позиции и поддержала, насколько позволял запас снарядов, свою пехоту. С этой стороны добровольцев не ожидали. Оборудованной оборонительной позиции здесь подготовлено не было и сопротивление большевиков носило случайный характер. Бронелетучка, отойдя на всякий случай за станцию, перенесла свой огонь, пытаясь остановить «корниловцев». Расчёты двух-трёх орудий, сориенти-

³⁶⁶ Любопытно, что Богаевский настаивает на том, что взрыв, но не здания, а вагона со снарядами, был спровоцирован артиллерийским огнём его бригады. Левитов же, вторя Критскому, утверждает, что боеприпасы, подожгли перед отходом сами красногвардейцы. И учитывая тот факт, что, заняв станцию, «корниловцы» сбили огонь и большую часть снарядов для Армии спасли, его предположение следует признать вполне обоснованным. Впрочем, не исключено, они говорят о разных, почти совпавших по времени, событиях, и всё описываемое действительно имело место.

ровавшись в обстановке, успели развернуть свои пушки и дать несколько выстрелов.

Всего этого было явно недостаточно. Командир 3-го батальона Корниловского полка полковник В.И. Индейкин выдвинул свои пулемёты на фланг и открыл такой плотный огонь, что красногвардейцы вынуждены были отходить. На их плечах ворвались на станцию добровольцы. К этому времени занял окраину Афипской и Партизанский полк. Дальнейшее его продвижение означало выход на тылы всей оборонительной позиции большевиков. Угроза быть отрезанными от Энема предопределило всё последующее. Спротивление прекратилось. Организованный отход превратился в беспорядочное бегство.

Неудивительно, что на станции «корниловцам» удалось спасти от огня до 700 артиллерийских снарядов. Все они позже были распределены между батареями³⁶⁷. За захваченные боеприпасы пришлось заплатить высокую цену. Один лишь Офицерский полк потерял убитыми и ранеными до 150 человек. Корниловский – около 50.

Едва станица была занята, Богаевский выстроил 2-ю бригаду на станционной площади. Приехал Корнилов и благодарил части за проявленную доблесть. Когда дошла очередь до Партизанского полка, его командир генерал Казанович на правах давнего знакомого Командующего возразил: «Никак нет, Ваше Высокопревосходительство. Всем успехом мы обязаны Михаилу Осиповичу³⁶⁸ и его полку». Настроение добровольцев было восторженным. Люди начинали верить, что победа, казавшаяся придуманным ими самими миражом, начитает приобретать реальные очертания.

Масштабному бою под Афипской современники не уделили достаточного внимания³⁶⁹. Это тоже объяснимо. Последу-

---

³⁶⁷ 1-я батарея, пополнив передки своих орудий, создала также и неприкосновенный запас – 100 снарядов, перевозимых на трёх телегах.

³⁶⁸ Неженцеву.

³⁶⁹ Любопытно, что и советские источники лишь вскользь упоминают об обороне станицы. Так, по словам И.Л. Хижняка Афипская была сдана по приказу Автономова едва ли не без боя, и «в спешке мы не могли угнать вагон с боеприпасами в Екатеринодар».

ющий без какой-либо оперативной паузы штурм Екатеринодара затмил собой всё остальное. Между тем, в станицу отошла большая часть советских отрядов, прибывших из западных отделов Кубани и Черноморья. Обороняли её, и поначалу весьма упорно и успешно, до 5000 красногвардейцев при двух бронепоездах, большом количестве артиллерии и десятках пулемётов. К тому же из Екатеринодара прибыло в эшелоне подкрепление.

Всё вышеизложенное заставляет прийти к следующему выводу. Афипскую никто и не думал оставлять без боя. Напротив, чем ближе к Екатеринодару подходили добровольцы, тем с большим сопротивлением они сталкивались. Ключевым фактором оказалось фланговое движение 2-й бригады. Опыт предшествующих боёв говорил о том, что если уж Армия частью сил выходила во фланг и тыл противника, это оборачивалось его немедленным разгромом. То же с высокой степенью вероятности могло повториться и здесь. Именно поэтому, едва манёвр удался Богаевскому, командиры советских отрядов, оборонявших Афипскую, поспешили свернуть оборону и вывести свои части из-под удара³⁷⁰.

Заявленная Корниловым цель пополнить в Афипской боезапас также, по всей видимости, трактовалась несколько шире – вдобавок к этому потрепать группировку войск противника на левобережье, чтобы хоть в какой-то степени обезопасить будущую переправу.

Так или иначе, но станица была занята. Кратчайший путь к Екатеринодару преграждали теперь лишь Энем и Кубань, протекавшая непосредственно у городских окраин. Там уже лихорадочно укреплялись стянутые со всех сторон советские отряды.

---

³⁷⁰ Но не стоит забывать и о другом. Охват, блестяще произведённый Богаевским, не мог быть осуществлён без фронтальной, пусть и неудачной атаки Маркова. Именно потому, что 1-я бригада стянула на себя все силы и весь огонь большевиков, 2-я смогла беспрепятственно осуществить обходной манёвр, решивший исход боя. Как и всегда в походе свой вклад в победу внесли в той или иной степени все части Добровольческой армии. И выявлять, чей – весомее, в данном конкретном случае, бессмысленно.

6.12. Екатеринодар

6.12.1. Елизаветинская

С утра 25 марта (7 апреля) обоз из Новодмитриевской проследовал в занятую накануне Георгие-Афипскую. Лишь по его прибытии, уже к полудню выступила из станицы 2-я пехотная бригада. Конница Эрдели ушла вперёд ещё раньше. После днёвки в ауле Панахес в ночь на 26 марта (8 апреля) ею была захвачена паромная переправа у аула Хаштук, напротив станицы Елизаветинской. Бригада Богаевского в походном порядке продвигались в том же направлении вдоль железнодорожных путей. Но в какой-то момент показался выдвигавшийся навстречу советский бронепоезд и с дальней дистанции открыл огонь. Не ввязываясь в бой, бригада приняла вправо. Отдалившись от путей, она вышла из зоны поражения и продолжила движение с наступлением темноты.

Разлившаяся по плавням Кубань затопила свой левый берег. Казалось, части идут прямо по воде. Колонна, раз за разом сбиваясь с дороги, натываясь на рытвины и канавы, шла и шла вперёд. Тут и там горели в ночи огни. Это черкесы из бригады Эрдели подожгли ещё днём оставленные хозяевами хутора. Глубокой ночью 2-я бригада заняла, наконец, Панахес и стала на отдых. Лишь две роты «корниловцев» под командой капитана Миляшкевича отправлены были к переправе для её охраны.

Начал выдвигаться к занятому аулу, а затем – к переправе и обоз. Он старался держаться подальше от путей изначально. 1-я бригада, став арьергардом в Георгие-Афипской, прикрыла станицу заслонами, оседлавшими железную дорогу со стороны как Энема, так и Новороссийска. Части 1-го Кубанского полка к вечеру имели у Энема перестрелку с красногвардейцами. Но в наступление не переходили. Не атаковали и большевики. Лишь укрепляли свои позиции и подвозили из Екатеринодара новые отряды.

Утром 26 марта (8 апреля) 1-я бригада оставила станицу Георгие-Афипскую и к вечеру достигла аула Панахес, ставшего вначале перевалочным пунктом для отходившей постепенно к Кубани Армии, а потом и узлом оборонительной позиции, при-

крывавшей переправу. К этому времени она шла уже полным ходом.

Для того чтобы понять, насколько рискованная операция удалась Корнилову, достаточно обратить внимание на переправочные средства. Всю Армию с огромным обозом предстояло переправить на противоположный берег полноводной, разлившейся к тому же реки на двух паромах³⁷¹ и нескольких рыбацких лодках. Основной паром мог за один раз перевезти 15 конных, либо до 50 пеших, либо 4 повозки с лошадьми. Второй был ещё меньшей вместимости, к тому же с повреждённым тросом, и работал с перерывами.

Нужно же было переправить до 9000 человек³⁷², 4000 лошадей, орудия, зарядные ящики и не менее 600 телег, подвод и повозок. При самых благоприятных обстоятельствах переправа могла занять не менее трёх суток. Но о них оставалось только мечтать. Буквально рядом находился противник, силы которого по самым скромным подсчётам оценивались в 30 тысяч штыков и сабель.

Армия на переправе, по крайней мере в первые полтора-два дня, оставалась разделённой Кубанью на две изолированные друг от друга части. Советское командование имело реальный шанс последовательными ударами разбить их поочерёдно. На левом берегу железнодорожная ветка Екатеринодар – Новороссийск почти на всём её протяжении уже к полудню 26 марта (8 апреля) вновь оказалась под контролем большевиков. Перебросить по ней отряд в 10-15 тысяч штыков было делом нескольких часов. На правом берегу пути проходили далеко в стороне, но Елизаветинская располагалась буквально в зоне видимости. И сосредоточенный удар по переправляющейся 2-й бригаде, нанесённый из города *значительными* силами, имел все шансы на успех.

Однако ни Автономов, ни Сорокин, ни кто-либо другой атаковать с решительными целями в этих благоприятных условиях

³⁷¹ Один паром был «захвачен» конницей Эрдели. Он, никем не охраняемый, находился у левого берега в момент выхода Конной бригады к переправе. Второй обнаружили ниже по течению и позже притянули.

³⁷² Вместе с гражданскими, обозом и беженцами.

не отважились. И понять их тоже можно. За все предыдущие дни похода в многочисленных боях успех неизбежно сопутствовал добровольцам. Везде и всегда. Вне зависимости от численного и технического превосходства противника и неблагоприятных для них условий ведения боя. К тому же о планах Корнилова советское командование не имело ни малейшего представления и после очередной неудачи под Афипской вынуждено было всё внимание уделить укреплению оборонительных позиций юго-западнее Энема³⁷³.

Так или иначе, но когда с утра 26 марта (8 апреля) 2-я пехотная бригада генерала Богаевского вышла к Кубани и начала переправляться, противодействия ей оказано не было. К вечеру вся бригада была уже на правом берегу и заняла без боя Елизаветинскую. Жители богатой, вытянутой вдоль реки станицы этим фактом обеспокоены не были. Смотрели на добровольцев без страха, но и без особых симпатий. Скорее с равнодушием, в лучшем случае, с любопытством. Несмотря на близость краевого центра, разгоравшийся пожар гражданского противостояния прошёл пока что стороной. Многих теперь как раз пугало, что с приходом Добровольческой армии налаженный мирный уклад может быть нарушен. Встречали тем не менее по традиции, колокольным звоном.

Первым на основном пароме переправился через Кубань Корниловский полк³⁷⁴. Едва заняв Елизаветинскую, «корниловцы» выставили сторожевое охранение, прикрывшее заставами

---

³⁷³ Думается, мог улучшить своё положение перед переправой и Корнилов. Судя по тому, с какой лёгкостью, никем не обнаруженная, вышла к Кубани в нескольких километрах от железнодорожного моста рота «марковцев», обходной манёвр оборонительных позиций противника был возможен. Поведи Армия наступление от Афипской с одновременным ударом частью сил в тыл большевикам, советские отряды под Энемом могли бы потерпеть серьёзное поражение.

Но Командующий не хотел отвлекаться на вспомогательные и подготовительные операции, которые могли принести как успех, так и невосполнимые потери. Он спешил вложить всю мощь Армии в один единственный, но решающий удар и тем окончательно решить исход противостояния в свою пользу.

³⁷⁴ В 14 часов «корниловцы» выступили из аула Панахес, в 18 часов начали переправляться.

северную и восточную окраины станицы. Северный фланг его был загнут влево, южный упирался в Кубань. Партизанский полк подошёл к реке и начал переправляться позднее. Лишь к полуночи он сосредоточился в западной части станицы, также выставив заставы. К утру переправилась и конница.

И всю ночь, не прекращаясь ни на минуту, шла переправа обоза. У аула Хаштук образовался табор из сотен телег, подвод и санитарных двуколок. Все понимали, что переправиться в один день не удастся, и терпеливо ждали своей очереди. У берега регулярно появлялись Марков или Корнилов и поддерживали порядок. Командующий лично осматривал проходящие мимо повозки. Случалось, отправлял в строй тех, которые, по его мнению, были способны носить оружие³⁷⁵. Обоз всё же переправлялся довольно бойко и постепенно сосредотачивался в Елизаветинской. А южнее 1-я бригада, развернувшись, полукружием, зацепившимся за аул Панахес, прикрыла переправу.

Скрыть столь масштабную операцию было невозможно. И первые неопределённые слухи о переправе Добровольческой армии через Кубань достигли Екатеринодара практически одновременно с её началом. Вскоре они были подтверждены разведанными. Однако под Энемом всё ещё оставался батальон Кубанского стрелкового полка³⁷⁶. И советское командо-

³⁷⁵ Попытки сократить обоз до минимума предпринимались на протяжении всего похода. Изымались и выбрасывались «лишние» подводы, назначались специальные комиссии, определяющие тяжесть ранения находившихся в обозе и даже лазарете добровольцев. Всё это, конечно, видимых результатов не давало. После каждого боя и каждой остановки в лежащей на пути станице, обоз неизбежно увеличивался.

³⁷⁶ В ночь на 27 марта (9 апреля) батальон, посчитавший, «что о нём забыли», снялся с позиций и в полном составе прибыл в расположение офицерской роты, куда подъехал с проверкой и Марков. Узнав о причине отхода, генерал вспылал.

– Что?! Вы видели, что я бросил кого-нибудь?! – выкрикнул он. – А не хотите – ну вас к чёрту! Получайте расчёт!

Тут Марков в сердцах, и, правда, полез в карман за бумажником. Ближайшие офицеры как один стали убеждать его, что их не так поняли, и во всём виноваты одинокая ночь в степи и отсутствие связи. Марков смягчился, спрятал бумажник, в котором ассигнаций едва ли набралось на то, чтобы рассчитать и одного добровольца, и приказал возвращаться. Батальон безропотно выстроился в колонну и проследовал обратно.

вание весь этот день оставалось в неведении относительно того, на каком направлении Корнилов проводит отвлекающий манёвр, а где нанесёт главный удар. Всё же разведка в течение дня предоставляла всё новые и новые данные, которые развеяли последние иллюзии. У Елизаветинской переправлялась *вся Армия*. И закрывать на это глаза было уже невозможно.

Как часто бывает в подобных случаях, принятое решение было половинчатым: произвести относительно небольшими силами³⁷⁷ разведку боем, не оставляя *пока ещё* позиций под Энемом и проверить на прочность переправившихся у Елизаветинской добровольцев. В 5 утра 27 марта (9 апреля) выдвинувшийся из Екатеринодара советский отряд натолкнулся на охранение Корниловского полка, завязал бой и начал обстреливать станицу. Незамедлительно Неженцев выслал на помощь заставам подкрепления. Рота за ротой поднимались по тревоге и вступали в бой, но переломить его всё не удавалось. Натиск красногвардейцев не ослабевал, местами «корниловцы» начали подаваться к станице. Более того, значительные силы противника охватили их левый фланг и создали реальную угрозу прорыва к северной окраине. К полудню Корниловский полк был на линии уже в полном составе, но и это ситуацию не изменило.

Неженцев, изначально обороняющийся, вынужден был распылать резервы на разных направлениях и в силу этого физически не мог сосредоточить кулак для решающего удара. Но, оттянув на себя все силы противника и связав их фронтальным боем, «корниловцы» создали необходимые предпосылки для успешного наступления выдвинутого Казановичем к восточной окраине Партизанского полка. Получив в 15 часов приказ, полк был введён в бой компактной массой на относительно узком участке, мгновенно смял находившихся перед ним красногвардейцев и пошёл вперёд, продвигаясь по обе стороны тракта

---

³⁷⁷ Другое дело, что шедший в авангарде отряд превосходил численно 2-ю бригаду, по крайней мере, вдвое. Но это была лишь малая часть сосредоточенных к тому времени в Екатеринодаре и под Энемом сил.

от Елизаветинской на Екатеринодар³⁷⁸. Советский отряд, заходивший во фланг «корниловцам», теперь сам рисковал оказаться отрезанным от города и поспешил выйти из боя. Его поспешный отход вынудил к отступлению и остальных. На отдельных участках распространилась паника, и толпы солдат отходили беспорядочно и в совершенном расстройстве.

Наступление «партизан» поддержали перешедшие в контратаку «корниловцы». Но они не могли продвинуться далеко, так как роты были разбросаны по всему периметру, и задачу по охране переправы с полка никто не снимал. В результате красногвардейцы остановились лишь у фермы³⁷⁹ и окружающих её хуторов не далее чем в трёх километрах от городских окраин. Казанович, *не встречая уже серьёзного сопротивления*, продвинулся до кирпичного завода, расположенного на возвышенности и господствующего над местностью, занял его и оттуда, на полдороге к городу, запросил у Богаевского дальнейших распоряжений.

Командир 2-й бригады оказался в затруднительном положении. Та лёгкость, с которой советский авангард был отогнан от переправы и обращён в бегство, заставляла задуматься о возможности немедленного занятия столицы Кубани. Будь на его месте Марков, он, по-видимому, так бы и поступил. Во всяком случае, попытался. Но Марков с двумя полками оставался

---

³⁷⁸ Партизанский полк поддерживала Сводная Кубанская офицерская батарея есаула Крамарова (так называемая «Крамаровская батарея»). В какой-то момент цепи «партизан» были обстреляны с короткой дистанции советскими орудиями и вынуждены были залечь. Видя это, начальник команды разведчиков-батарейцев подесаул В.И. Третьяков по собственной инициативе попытался вместе с восемью подчинёнными атаковать батарею противника в конном строю. Атака не удалась. Сильное пехотное прикрытие батареи встретило разведчиков огнём. Успели выстрелить картечью и орудия. Лошади под большинством разведчиков были ранены или убиты. Получили ранения и люди. Тем не менее, Третьяков не растерялся, приказал всем спешиться и в свою очередь открыть огонь. Стреляли метко. Часть прислуги у орудий была перебита, остальные поспешили сменить позицию. Батарея взялась на передки и ушла к Екатеринодару. Вслед за ней спешно отошли и красногвардейцы.

³⁷⁹ Расположенная у берега Кубани, «Образцовая ферма Екатеринодарского сельскохозяйственного общества».

на левом берегу. К тому же Богаевский отдавал себе ясный отчёт в том, что располагает незначительными силами. И в случае весьма вероятной неудачи Партизанский полк, да и вся 2-я бригада не просто потерпела бы поражение, а, оставшись без поддержки, была бы разбита и уничтожена.

Екатеринодар манил близостью и кажущейся доступностью. Но что происходило в городе, и какими силами располагал противник, не знал никто. А за спиной была переправа и часть обоза в Елизаветинской. Богаевский отдал приказ Казановичу отступить к станице, что, по мнению большинства современников, явилось роковой ошибкой. Вот как позже мотивировал генерал своё решение: «Задача моя – *прикрытие переправы у ст. Елизаветинской* – была исполнена: решительным ударом мне удалось далеко отбросить красных. Видимо, подавленный этой неудачей, противник не подавал более признаков желания перейти в новое наступление, и я, подождав до вечера, приказал бригаде вернуться на ночлег в станицу, оставив на высоте кирпичного завода сторожевое охранение³⁸⁰. *Обоз наш спокойно продолжал переправу.*

Удачный бой... и паническое отступление красных... толкали меня на дальнейшее продвижение вперёд и атаку врага своей бригадой, но, не получив на это приказание Корнилова и не желая ставить Добровольческую армию, в случае неудачи, в отчаянное положение, так как Марков был ещё на другой стороне и не в состоянии был бы помочь мне, я с сожалением вынужден был отказаться от этой мысли. Останавливало меня ещё и то

---

³⁸⁰ Казанович трактует этот эпизод несколько иначе. Вот его слова: «Уезжая в станицу Елизаветинскую, ген. Богаевский сказал мне, что атака Екатеринодара предполагается по окончании переправы всей армии и предоставил моему усмотрению: оставить ли весь полк на ночь на взятых позициях или отвести его на ночлег в станицу, оставив на линии кирпичного завода сторожевое охранение.

Я предпочёл последнее, зная, что переправа не может закончиться раньше вечера следующего дня и, не желая лишать людей удобного ночлега и ожидавшего их ужина.

Отведя полк с наступлением темноты в Елизаветинскую, я получил приказ по армии, в котором подтверждалось сказанное мне генералом Богаевским, т.е. 28 марта 2-я бригада должна была оставаться на занимаемых местах, а остальные части – продолжать переправу».

соображение, что если б я даже и взял Екатеринодар, то удержать его до подхода Маркова я был бы не в состоянии, так как большевики очень легко могли подвезти по жел.-дороге значительные силы, окружить меня в обширном городе, где было немало и местных большевиков, и попросту уничтожить³⁸¹. *Последующие события оправдали это моё соображение*³⁸²».

Так или иначе, но Партизанский полк к городу не пошёл. А вскоре советское командование, разобравшись, наконец, в ситуации, перебрало из-под Энема всё, что только смогло. И возможность ворваться в Екатеринодар силами одного полка, если таковая и была, исчезла безвозвратно.

Между тем Корнилов действиями Богаевского остался доволен.

А.П. Богаевский

³⁸¹ Куда более категоричен Казанович. Вот что он пишет: «Существует мнение, что нам в тот же день, следовало атаковать наличными силами Екатеринодар, но при этом упускают из виду, что всё это происходило во второй половине дня, что до Екатеринодара было ещё далеко и что в сборе был один только Партизанский полк (800 штыков), а Корниловский занимал очень растянутое расположение и на сбор его потребовалось бы немало времени.

Во всяком случае, лёгкость, с которой партизаны отбросили большевиков, произвела большое впечатление на зрителей и, по-видимому, доклад кого-нибудь из них повлиял на решение Корнилова атаковать, не ожидая переправы бригады ген. Маркова, решение, имевшее роковое влияние на исход всей операции».

³⁸² Последующие события действительно продемонстрировали подавляющее численное превосходство большевиков. И 2-я бригада, решилась Богаевский и удайся ему захват города, имела немного шансов его удержать. Рассчитывать можно было лишь на то, чтобы прорваться к железнодорожному мосту через Кубань до того, как советское командование перебрало бы в город от Энема значительные силы. Либо на то, что большевики, потеряв Екатеринодар, вообще не станут его отбивать. Все эти «если» представляются бесконечно далёкими от реальности. Но с другой стороны, разве не кажется легендой, больше похожей на сказку, и весь поход?

Переправа шла полным ходом³⁸³, что Командующий считал основополагающим фактором. В штабе царила эйфория, словно взятие Екатеринодара оставалось теперь лишь делом времени. «27 марта, – пишет Деникин, – мы беседовали в штабе о вопросах, связанных с занятием Екатеринодара, как о чём-то неизбежном и не допускающем сомнения. Чтобы не повторить ростовской ошибки, решено было временно, до упрочения военного положения, не восстанавливать кубанскую власть, а назначить в Екатеринодар генерал-губернатора; эта должность возложена была на меня. Помню, что кубанское правительство отнеслось к этой мере с молчаливым осуждением...³⁸⁴»

³⁸³ Вперемежку с обозом в этот день переправились Пластунский и Чехословацкий батальоны. Чехословаки сразу же выставили заставы к западу от станицы.

³⁸⁴ Когда Деникин, как вступающий в должность генерал-губернатор, обратился к Кубанцам с просьбой дать ему в помощь «опытных общественных деятелей», то в его распоряжение были предоставлены вышедший в отставку полицмейстер и остававшиеся без дела чины контрразведывательного отделения.

Ко всему, неприятная история вышла у Кубанцев и с Марковым. Генерал, крайне раздосадованный тем, что его бригада остаётся в арьергарде, всю свою энергию употребил на ускорение переправы. Любые отступления от определённой очерёдности пресекались им без всякой жалости. «Протрафившиеся» подводы тут же уведились в сторону, за кусты и автоматически попадали в новую очередь. Тех, кто переправлялся теперь последним.

В какой-то момент к переправе подошла и стала в общую очередь группа членов Рады. На паром вначале заходили подводы, а затем уже промежутки между ними заполнялись пешими из толпы гражданских лиц. Едва положенное число Кубанцев направилось к парому, к ним подскочил Марков, посчитавший, что нераспознанная им группа, особой боевой ценности не представляет, и может подождать. Как и всегда громким голосом, генерал начал выговаривать им самые нелицеприятные вещи. Выражений при этом он не выбирал. Бывший при правительственных чинах офицер не постеснялся сделать ему замечание, заметил, что можно говорить и потише, так как глухих нет.

– Вы знаете, с кем вы говорите? – распаялся Марков.

– Так точно, знаю.

– С кем?

– С генералом, – нашёл офицер.

– С генералом... Генералов много... – несколько сбавил тон Марков. Но продолжал заносчиво. – Я тот, благодаря которому, быть может, и ваша жизнь спасена...

Члены Рады всё же вынуждены были сойти с парома. Сгрудившись неподалёку, они выделили из своих рядов Д.Е. Скобцова и направили его осведомиться о том, когда теперь можно будет переправляться.

Впрочем, уверены в успехе были и в линии на правом берегу, и в обозе, и среди добровольцев 1-й бригады. Даже и Марков позволял себе ворчать в присутствии своих офицеров:

– Чёрт знает что! Попадёшь к шапочному разбору!..

Людам, даже и законченным скептикам, свойственно надеяться на лучшее. Екатеринодар, бывший недавно недостижимой мечтой, вдруг оказался рядом, на расстоянии одной удачной атаки. Город обещал отдых, устроенность, пополнения, перспективы. Новые силы, новые надежды, и, думалось, новую жизнь. Хотелось, во всяком случае, во всё это верить, и люди верили...

В этот день Корнилов впервые за весь поход отдал приказ о мобилизации казаков. По понятным причинам мобилизационные мероприятия *всерьёз* развёрнуты не были. Тем не менее, в Армию успели влиться свыше двухсот казаков близлежащих станиц.

День клонился к вечеру. Бой затихал. Партизанский полк стягивался постепенно к кирпичному заводу. Лишь одинокий пулемёт продолжал постреливать впереди на холме. Богаев-

---

«Я пошёл... – вспоминает Скобцов. – Подошёл к генералу, назвал себя и попросил разъяснить, окончательно ли им отменено в отношении Кубанской Рады его первоначальное распоряжение о переправе.

Со мной заговорил совсем другой человек: любезный, предупредительный.

– Нет, это вышло случайно, – те пять человек слишком столпились... Пожалуйста, продолжайте переправу...

Проводил даже до спуска с парома и жестом гостеприимного хозяина пригласил на паром очередных пять-шесть человек, только что с таким треском им спущенных оттуда.

В этом выразился Марков, именно каким мы его узнали во время похода. Страшно несдержанный в словах в момент раздражения и азарта... Грубый, крикливый. Как мы удивлялись, что это один из наиболее блестящих офицеров генерального штаба, профессор академии... Но удивительно внимательным, вдумчивым и вообще приятным в обращении и речи был ген. Марков, когда равновесие духа возвращалось к нему»

Этот эпизод наглядно свидетельствует о степени нервного напряжения, в котором находился всё это время Марков и о том, каких усилий стоило ему сдерживать эмоции и порывы.

Но также и о небрежении институтами и персоналиями Краевой власти. Всё это не забылось, аукнулось много позже и, пусть в малой степени, предопределило катастрофу.

ский поднялся на возвышенность. Тут же находились и командиры обоих полков его бригады. На вершине, на открытой позиции стоял пулемёт. За ним лежал офицер³⁸⁵ и меткой стрельбой вносил сумятицу в действия воспрянувшего после отхода «партизан» противника. Едва в зоне досягаемости появлялась достойная внимания цель, тут же она накрывалась метким пулемётным огнём. Попыталась стать на позицию у фермы батарея, следовала очередь, и советские артиллеристы, теряя ранеными людей и лошадей, поспешили взяться на передки и скрыться в близлежащей роще. Ей навстречу начали выдвигаться подводы, но тут же вынуждены были повернуть назад. Наконец на опушку выехала группа конных, по-видимому, командиры. Офицер выпустил пол-ленты, и кавалькада рассеялась.

Пулемёт давно был замечен, и откуда-то с закрытой позиции начало бить по нему орудие. Разрывы пока что ложились в стороне. Богаевский подошёл и обнаружил, что за второго номера была молоденькая сестра милосердия, бесстрашно набивавшая патронами ленты. Уходя, Богаевский настоял на том, чтобы девушка проследовала вместе с ним. Советские артиллеристы, наконец, пристрелялись и накрыли вершину холма. Но офицер остался цел и невредим, и лишь переменял позицию. И долго ещё, пока не начало темнеть, слышны были его короткие скупые очереди...

На ночь оба полка, Партизанский и Корниловский, были отведены в станицу³⁸⁶. Лишь охранение, выставленное Казановичем, прикрывало её со стороны Екатеринодара.

6.12.2. Перед штурмом

В 2 часа ночи 28 марта (10 апреля) Казанович получил новый приказ: 2-й бригаде наступать на Екатеринодар, не дожидаясь переправы и развёртывания остальных частей. Во исполнение этого распоряжения Богаевский предписывал Партизанскому полку атаковать западные окраины города, а Корниловскому –

³⁸⁵ Прапорщик Зайцев, убитый вскоре при штурме города.

³⁸⁶ Здесь в состав Корниловского полка были влиты до трёхсот казаков-кубанцев под командой есаула Кисель.

продвигаться к Черноморскому вокзалу. Пластунский батальон полковника Улагая оставался в резерве.

Генерал Казанович был человеком весьма неординарным. В отличие от Неженцева, который всегда и везде беспрекословно выполнял *любой* приказ Корнилова, или Маркова, который *потом* мог ворчать и ругаться, но только не вступать в прения с Командующим, Казанович, если уж считал нужным, готов был высказать своё мнение кому угодно.

Получив приказ о наступлении, он счёл его, по меньшей мере, необдуманным и собирался уже идти к Богаевскому с просьбой добиться его отмены. «...я был уверен, – пишет генерал, – что сил бригады недостаточно для овладения городом и преждевременная атака поведёт к тому, что наши без того небольшие силы будут введены в дело по частям и, вместо планомерной атаки получатся разрозненные действия отдельных частей. Поспешная атака не давала нам и выгод внезапности: *мы уже достаточно обнаружили наши намерения*. В поспешном отступлении большевиков я не видел ничего особенного: мне ни разу не приходилось видеть, чтобы не только большевики, а и всякий другой противник выдерживал в открытом поле штыковую атаку, *предпринятую с действительной решимостью довести её до конца*, а тем более атаку добровольцев Корниловского полка. Зато густые массы отступающего противника позволяли судить о его подавляющем численном превосходстве, и нельзя было быть уверенным, что в наступлении на Елисаветинскую принимает участие *весь гарнизон Екатеринодара*».

Однако приняв во внимание, что в создавшихся условиях приказ вряд ли удастся отменить и все действия, предпринятые в этом направлении, обернуться лишь потерей времени, которого и так уже оставалось немного до рассвета, Казанович от своей идеи оспорить приказ отказался. Напротив, генерал тут же отдал ряд предварительных распоряжений и стал готовиться к атаке.

Наивно думать, что всё, о чём думал Казанович, не учитывал *или не хотел учитывать* Командующий³⁸⁷. В силу специфики

³⁸⁷ Более того, к утру для усиления 2-й бригады им был переправлен на правый берег батальон 1-го Кубанского стрелкового полка.

своего характера и выработанной концепции ведения боевых действий, Корнилов руководствовался иными соображениями. И стремился нанести удар как можно скорее, пока противник не успел ещё в достаточной мере укрепить оборону³⁸⁸. Думается, в данном конкретном случае Командующий допустил ошибку. Выбор в пользу решительных, иногда, вне всякого сомнения, неподготовленных действий, которые на протяжении всего похода неизменно приносили успех, на этот раз оказался неудачным. Вложи Армия в самый первый удар *всю мощь*, шансов, пожалуй, было бы больше. Но об этом легко рассуждать сейчас. Тогда же из многих вариантов необходимо было выбрать один единственный и, не теряя времени, приступить к его реализации. Корнилов свой выбор сделал, и от себя, во всяком случае, не отступился...

Любопытно, что советские источники, в свою очередь, критикуют Автономова. И если причины *и заданность* общих претензий понятны и объяснимы, то скептическое отношение к организации обороны Екатеринодара не может не вызвать удивления. Вот, например, что пишет И.Л. Хижняк: «Наши разрозненные отряды только вступили в соприкосновение с войсками Корнилова, как получили приказ от главкома Автомова – отходить на Екатеринодар для обороны города. Это была грубейшая ошибка нашего командования. Вместо того чтобы в предгорье стянуть красногвардейские части и тут разбить потрепанную в боях корниловскую армию, главком отдал распоряжение без боя отходить на Екатеринодар, которому никто ещё не угрожал.

³⁸⁸ «Лёгкость, с которой был одержан успех этого дня, – пишет Деникин, – моральная неустойчивость большевиков, доходившие сведения о панике в Екатеринодаре, о начинающейся будто бы эвакуации и, вместе с тем, о подходящих спешно подкреплениях – всё это побудило Корнилова поспешить с атакой и нанести решительный удар, прежде чем большевики опомнятся и усилятся, не дожидаясь сосредоточения всех наших сил. Поздно ночью отдан был приказ ускорить переброску Кубанского стрелкового полка (из бригады Маркова), а Богаевскому совместно с Эрдели атаковать Екатеринодар 28-го марта.

В этом решении многие видели потом причину рокового исхода операции...

Корнилов рискнул и... ушел из жизни раньше, чем окончилась Екатеринодарская драма. Рок опустил внезапно занавес, и никто не узнает, каким был бы её эпилог».

Корнилов на станции Афипской захватил много боеприпасов. Это была вторая наша ошибка. В спешке мы не могли угнать вагон с боеприпасами в Екатеринодар. И третья, очень большая ошибка выражалась в том, что наше командование для обороны Екатеринодара не использовало такой мощный рубеж, как река Кубань. Мы дали Корнилову возможность беспрепятственно переправиться на правый берег в районе станицы Елизаветинской, откуда он и повёл наступление на Екатеринодар...»

При непредвзятом рассмотрении эти утверждения представляются весьма сомнительными. Именно в силу своей неорганизованности советские отряды в полевых условиях и проигрывали один бой за другим. Имея свободу манёвра, добровольцы самую неудачную поначалу позицию неизменно превращали в итоге в выигрышную. Офицерские части, подготовленные и устойчивые, даже и при значительном превосходстве противника имели перед ним преимущество. Стянуть же в предгорье либо в любую иную точку значительные силы было очевидно невозможно. Даже и в критической ситуации отряды подходили к месту боя одновременно и действовали, зачастую, каждый сам по себе³⁸⁹. Юго-Восточная армия армией была лишь по названию. Её структура управления, иерархия и, тем более, состав не были ещё определены. Между любым, пусть даже самым удачным, замыслом и его осуществлением лежала пропасть. Не выглядит слишком смелым предположение, что если бы советское командование действительно начало бы стягивать где-то в стороне от железной дороги *все части*, то, пока они подошли бы и организовали друг с другом взаимодействие, Корнилов мог бы и проскочить в Екатеринодар.

Упоминание о захваченном в Афипской вагоне со снарядами как о едва ли не стратегическом факторе уже и само по себе говорит о многом. Не испытывай Добровольческая армия хронического некомплекта боеприпасов, как знать, возможно события развивались бы иначе.

Следует, видимо, признать, что управление многочислен-

³⁸⁹ Достаточно вспомнить, что многочисленная «Филипповская армия» в массе своей от родных сёл далеко не пошла и преследование добровольцев лишь обозначала.

ными отрядами со стороны Екатеринодара было неустойчивым, да другим и быть не могло. Что советское командование действительно отказалось в какой-то момент от активных действий и ограничилось обороной. Что, либо следуя этой логике, либо не разобравшись в ситуации, но переправу Корнилова через Кубань действительно прозевали. И более того, создаётся впечатление, что Автономов пустил всё на самотёк, едва ли не отрешившись от происходящего.

Но если взглянуть на всё это несколько под другим углом, выясняется вдруг, что именно «упущения» Главкома и предопределили конечный успех. Заслуга полководца заключается, прежде всего, в том, чтобы в сражении создать наиболее благоприятные условия для своих войск, поставив при этом противника в наименее благоприятные. Но вольно или невольно именно такие условия Автономов и создал! Екатеринодар обороняли почти все наличные силы. К тому же в условиях уличного боя свобода манёвра была ограничена, и преимущество добровольцев в индивидуальной подготовке во многом сводилась на нет. И то, что Корнилову дали спокойно переправиться на правый берег, тоже сыграло на руку большевикам. В противном случае, Армия могла бы просто уйти, и вновь собрать в одном месте силы, способные задавить добровольцев своей численностью, было бы весьма не просто.

Если бы действия советского командования были спланированы изначально, следовало бы признать этот план гениальным, а его воплощение в жизнь – образцом военного искусства. Вероятно, всё это было не так, и счастливым случаем обернулись весьма невысокие амбиции Главкома и трезвая оценка своих полководческих талантов. Даже, если Автономов³⁹⁰ не был стратегом, то это как раз и помогло. Он реализовал простые, очевидные вещи. Прежде всего, защищал только что

³⁹⁰ Неизвестно, правда, в каком соотношении делил власть и ответственность за принятые решения Главком Автономов с тем же Сорокиным, своим штабом, или Ревкомами (3 (16) марта оказавшиеся в занятом Екатеринодаре ревком Юго-Восточной армии, Главный Кубано-Черноморский ВРК с влитым в него Кубанским Областным советом из станицы Крымской и Екатеринодарский ревком сформировали Объединённый ВРК, который и стал высшим органом Советской власти в Области).

оформившийся центр власти³⁹¹, подтвердившей его столь высокие полномочия. Убедившись, что попытки атаковать Добровольческую армию приводят лишь к чувствительным потерям, практически от них отказался, ограничившись оборонительными действиями. И стягивал постепенно к Энему, где ожидался удар Корнилова, всё, что оказалось под рукой.

Нельзя не признать, в решающий момент Автономов вместе с Сорокиным и другими командирами проявили как решительность, так и необходимую твёрдость. Едва направление наступления Корнилова от Елизаветинской стало очевидным, в спешном порядке один за другим советские отряды стали перебрасываться из-под Энема и занимать выделенные им сектора. Оборона города была круговая, но главная линия протянулась от реки до полотна Черноморской железной дороги. На левом, упиравшемся в Кубань фланге на территории кожевенных заводов стали Ейский и Должанский батальоны. Правее занял позиции отряд станицы Тимашевской³⁹². За ним – Приморско-Ахтарский отряд П.К. Зоненко³⁹³. Далее заняли оборону Екатеринодарский красногвардейский отряд, подразделения Латышского стрелкового полка, 154-й Дербентский полк. На правом фланге стояли части Сорокина. Выселковский полк прикрывал северо-западную окраину города и Черноморский вокзал³⁹⁴. Помимо этого, многочисленные рабочие дружины³⁹⁵ и отряды Красной гвардии из близлежащих станиц занимали позиции вдоль северной и восточной окраин.

Трудно говорить что-либо определённое об общей численности защитников Екатеринодара. Одни отряды насчитывали

---

³⁹¹ С 19 марта (1 апреля) в Екатеринодаре работал 2-й Кубанский областной съезд Советов.

³⁹² Позднее сюда же был выдвинут и 2-й Северо-Кавказский полк Д.П. Жлобы.

³⁹³ В составе отряда до двух батальонов пехоты, сто сабель при двух орудиях и шести пулемётах.

³⁹⁴ Его командир К.И. Чернявский совмещал также и должность коменданта станции Екатеринодар.

³⁹⁵ Винтовки были розданы всем, кто готов был встать на защиту города, рабочим заводов Аведова и «Кубаноль», железнодорожникам и даже трамвайщикам.

до нескольких сот бойцов. Другие – до нескольких тысяч при большом количестве пулемётов и собственной артиллерии. К тому же на протяжении всех дней боёв в город продолжали прибывать подкрепления. Думается, ближе к истине подошёл И.Л. Хижняк, утверждавший, что группировка советских войск в Екатеринодаре насчитывала до 30 тысяч штыков и сабель. Кроме того, оборону укрепляли три отдельных артиллерийских батареи, ставших у вокзала, на Сенной площади и на территории артиллерийских казарм, и два бронепоезда³⁹⁶, курсировавших вдоль ветки Черноморской железной дороги между городом и садами.

Советский Екатеринодар изготовился к обороне...

6.12.3. Атака

Согласно отданному Корниловым приказу город должны были атаковать *и взять* Конная и 2-я пехотная бригады. Партизанскому полку Богаевский предписывал выйти к западным окраинам города, Корниловскому – наступать в общем направлении к Черноморскому вокзалу. Эрдели было приказано обойти Екатеринодар с севера, перерезать Черноморскую и Владикавказскую железнодорожные ветки, а при благоприятном стечении обстоятельств продвинуться до станции Пашковской и поднять казаков.

Едва рассвело, Партизанский полк был поднят по тревоге. 2-й батальон Казанович направил правее дороги, выводящей к ферме, одну сотню 1-го батальона – левее. Две остальных сотни оставались в резерве и следовали позади первой линии. Полк уже развернулся для наступления, но в этот момент к Казановичу подъехал Богаевский и сообщил, что по непонятной причине Корниловский полк не получил своевременно приказа и запаздывает с выступлением. Командир бригады предложил приостановить наступление до тех пор, пока не подойдут и не выйдут на одну линию с «партизанами» «корниловцы».

Казанович возразил, что задержка ослабит порыв, которого уже, быть может, и не вернёшь, и приведёт в итоге лишь к боль-

³⁹⁶ С командами из черноморских моряков.

шим потерям. Он просил разрешения атаковать всё же силами одного лишь вверенного ему полка, взять ферму с прилегающими хуторами³⁹⁷, там закрепиться и ждать подхода «корниловцев». Богаевский с его доводами согласился.

К кирпичному заводу, где оставалось охранение, полк подошёл без выстрела. Дальнейшее продвижение сразу же натолкнулось на серьёзное противодействие. Всё же ферма была вскоре занята. Рядом расположенные хутора взяты были почти без боя. Красногвардейцы отошли, едва была оставлена ферма.

Однако к полудню большевики при поддержке артиллерии перешли в контрнаступление по всей линии. Корниловский полк к этому времени не подошёл, и левый фланг «партизан» оставался открытым. Его сразу стали охватывать красногвардейцы. Лишь введя в бой свой резерв, Казановичу удалось удержаться на хуторах³⁹⁸. Но на правом фланге после ожесточённого боя³⁹⁹ 2-й батальон вынужден был оставить ферму и отойти. Богаевский двинул ему на помощь Пластунский батальон полковника С.Г. Улагая. Совместная атака привела к тому, что ферма вновь была занята добровольцами. При этом был ранен и выбыл из строя сам Улагай.

Прибыв на ферму, Казанович своей властью объединил оба батальона и назначил командира – полковника П.К. Писарева. Которому приказал продолжить наступление на бывшие, по

³⁹⁷ Окрестности Екатеринодара представляли собой равнинную, со спокойным рельефом местность с разбросанными тут и там хуторками и дачами, в это время года необитаемыми, с небольшими рошицами и невысокими холмами.

³⁹⁸ При этом два пулевых ранения получил оказавшийся рядом с Казановичем есаул Роман Лазарев. Упомянув об этом, тактичный Казанович говорит о нём, как о командире 2-й сотни.

³⁹⁹ В ходе его были убит заместитель командира 2-го батальона, убитого ещё под Смоленской. Батальон принял капитан Бузун.

Также в этот день был смертельно ранен командир 1-го батальона, капитан Курочкин. Вытязнувший чернецовские рейды, оборону Новочеркаска и Ростова, поход... Поднимавший сотни в лихие штыковые атаки и неизменно шедший впереди, получивший до десяти ранений, при этом никоим образом не проявлявший своих амбиций, капитан встретил, наконец, пулю, ставшую роковой.

«...очень симпатичный и скромный человек, необыкновенной храбрости, – пишет о нём Богаевский. – Это был тип капитана Тушина из «Войны и Мира». Подчинённые его любили и глубоко сожалели о его смерти».

Одного за другим Армия теряла лучших своих командиров.

сути, предместьем Екатеринодара, растянувшиеся вдоль Кубани кожевенные заводы. К этому времени к ферме подошёл и батальон 1-го Кубанского полка. Казанович доложил обо всём подъехавшему на ферму Богаевскому⁴⁰⁰, а сам незамедлительно проследовал к расположению 1-го «партизанского» батальона.

Здесь, прямо на дороге, он встретил Неженцева. Корниловский полк уже разворачивался для атаки⁴⁰¹. Но по непонятной

---

⁴⁰⁰ Территория фермы представляла собой вытянутый вдоль Кубани узкий и длинный участок земли, прикрытый с запада небольшой хвойной рощицей, а с севера – безлистными в это время года тополями, засаженный редкими плодовыми деревьями и кустарником. Ближе к восточной границе участка был выстроен одноэтажный дом заведующего с выбеленными стенами, и рядом – сарай.

В доме было шесть небольших комнат, разделённых широким коридором.

Когда позже на ферму прибыл Корнилов со штабом, он занял для себя одну из угловых на западной, обращённой к городу, стороне. Другая была отведена телефонистам, в третьей устроен перевязочный пункт. В остальных расположились чины штаба.

Богаевский, у которого прямо перед домом случайной пулей была убита лошадь, перешёл к рощице, где стал со своим штабом бивуаком.

«Мы подъехали к ферме вскоре после её занятия, – пишет Деникин. – Был ясный солнечный день. С возвышенности, на которой стояла ферма, открывалась панорама Екатеринодара. Отчётливо видны были контуры домов предместья, кладбище и Черноморский вокзал. Впереди их – длинные неправильные ряды большевистских окопов.

... Вся эта резко выделявшаяся на горизонте группа (строений) была отчётливо видна с любого места городской окраины и, стоя среди открытого поля, в центре расположения отряда, не могла не привлечь к себе внимания противника...

Расположение штаба становилось тем более рискованным, что ферма стояла у скрещения дорог... по которым всё время сновали люди и повозки, поддерживающие сообщение с боевой линией... Романовский указал командующему на безрассудность подвергаться такой опасности, но, видимо, не очень настойчиво, больше по обязанности, так как и сам лично относился ко всякой опасности с полнейшим равнодушием».

⁴⁰¹ За отсутствием указаний на дальнейшие действия Неженцев решил использовать с максимальной пользой выпавшее время и провести давно назревшую вследствие огромных потерь реорганизацию. Полк был сведён им в один батальон, на который поставлен полковник В.И. Индейкин. Второй вновь образованный батальон составили влившиеся в Армию казаки под командой есаула Кисель. Лишь в 14 часов был получен приказ от Богаевского спешно выдвигаться на помощь. Полк выступил из станицы, как и всегда, с развёрнутыми знамёнами и под звуки духового оркестра. На одном из хуторов к колонне подъехал Корнилов и поздоровался с полком. Добровольцы восторженно ответили и проследовали дальше. Почти все они видели своего шефа в последний раз в жизни...

причине не влево от Партизанского полка, а частично ему в затылок, упираясь своим правым флангом в Елизаветинский тракт. Исправить что-либо было уже невозможно. Развернув цепи, «корниловцы» сразу же пошли вперёд. Правофланговые роты тут же перемешались с 1-м батальоном «партизан» и увлекли их за собой. Неженцев с Казановичем, на ходу договариваясь о взаимодействии, прошли вслед за своими цепями к невысокому холму у перекрёстка дорог. Здесь Казановича нашёл посыльный, который сообщил, что полковник Писарев при поддержке батальона 1-го Кубанского полка продвинулся далеко вперёд вдоль берега Кубани, занял территорию кожевенных заводов и остановился, встреченный сильным огнём, перед артиллерийскими казармами. Генерал собирался снять 1-й батальон Партизанского полка и перебросить его на помощь 2-му. О своём решении он сообщил Неженцеву, но тот просил не выводить батальон с участка Корниловского полка, чтобы не ослаблять его и без того растянутые порядки. Казанович уступил.

Вскоре тут же на холме он был ранен. Винтовочная пуля, попав в плечо, пробила лопаточную кость и вышла из спины. В шуме боя никто из окружающих ранения генерала не заметил. Рядом с ним был ранен также и офицер-корниловец, и когда Казанович обратился с просьбой дать ему перевязочный пакет, Неженцев переспросил:

- Для кого вам нужен пакет? Мы уже перевязали раненого...
- Для себя...

Бывший при Казановиче адъютант полка ротмистр Яновский сделал ему перевязку. Вскоре ранение, которое вначале воспринималось, как средней силы толчок в плечо, уже давало о себе знать. Казанович сомневался, будет ли в состоянии командовать полком, и потому попросил Неженцева принять временно командование над 1-м «партизанским» батальоном, с тем, однако, условием, чтобы ночью он был сменён и направлен в район кожевенных заводов. Сам он туда тут же и направился, намереваясь в случае слабости передать командование над Партизанским полком полковнику Писареву.

Выйдя на правый фланг «партизан», Корниловский полк с

разгона ударил по обходившему его отряду красногвардейцев, опрокинул их и стал продвигаться к Екатеринодару. У окраин, километрах в двух от городской черты, «корниловцы» натолкнулись на подготовленную оборону и к 20 часам, находясь под интенсивным ружейным и артиллерийским обстрелом, вынуждены были остановиться и залечь в протянувшемся вдоль линии овраге⁴⁰².

На левом их фланге продвигалась к Черноморскому вокзалу⁴⁰³ сводная офицерская рота, собранная прямо в поле вокруг 1-й роты из остатков других рот и части влившихся в полк казаков. Отбросив к окраинам города противника, рота заняла не в полный рост открытые окопы сбитого сторожевого охранения и в них залегла. У вокзала курсировали вдоль дороги два советских бронепоезда, атаковать их рота ввиду малочисленности не могла. Но и оставаться на месте было невозможно. Противник с расстояния не свыше пятисот шагов расстреливал добровольцев из стрелкового оружия и огнём многочисленной артиллерии. Предпринятая атака, обернувшаяся новыми потерями, захлебнулась у самых окопов⁴⁰⁴. Видя совершенное расстройство кучки добровольцев из окопов, навстречу выскочили красногвардейцы. Рота, без сомнения, была бы вырезана без остатка, но, как часто случалось в Корниловском полку, её спасли от уничтожения пулемётчики. Метким огнём они прикрыли пехоту. К вечеру оставшиеся в живых, отстреливаясь и унося раненых, отошли на исходные позиции и заняли там оборону.

«Стали наступать сумерки, – пишет Левитов, – артиллерийский огонь затих, и нас подобрали. Перевязочный пункт в Елизаветинской ещё усилил наше представление о потерях за этот день. От когда-то славного, чисто офицерского батальона 4-х ротного состава к Екатеринодару оставалась одна только рота

---

⁴⁰² Критский, а вслед за ним и Левитов, утверждают, что «корниловцы» в этот день имели возможность ворваться в город, но были остановлены приказом, категорически это запрещающим. Поскольку ни Деникин, ни Богаевский ни о чём подобном не упоминают, существование такого распоряжения вызывает большие сомнения.

⁴⁰³ Ныне станция Краснодар-2.

⁴⁰⁴ В ней был ранен в ногу М.Н. Левитов.

и то с влитым пополнением из казаков, а сегодня и она пала на поле брани, сохранив лишь малый кадр для новых добровольцев. Кое-чем перевязали нам раны и троих на повозке отправили в дом какого-то казака. Болела рана, щемило сердце, а сознание твердило: не выдержим...»

Между тем Казанович нашёл полковника Писарева в одном из домов посёлка при кожевенном заводе. Оттуда просматривался ручей, перед которым остановились «партизаны» и артиллерийские казармы, окружённые земляным валом, служившим для красногвардейцев отличным прикрытием. Предпринятая попытка ворваться в расположение противника под покровом темноты успехом не увенчалась. Люди, вымотавшиеся за день, встреченные плотным огнём, тут же отходили назад⁴⁰⁵.

К вечеру, когда бой стал затихать по всей линии, выявилось продвижение добровольческих частей. Партизанский полк с приданным батальоном 1-го Кубанского стоял напротив артиллерийских казарм, которые находились практически в городской черте. Корниловский, – остановленный в поле перед городскими кварталами, располагался почти на одной линии с «партизанами». Расстроенный левый фланг его заметно отставал.

Всё же в штабе на ферме царило едва ли не ликование. На протяжении всего похода советские отряды неизменно оставляли станицу или село, едва добровольцы врывались на окраину⁴⁰⁶. И ни разу ещё не было случая, чтобы Добровольческая армия не достигала того, к чему стремилась. К тому же атака, показавшаяся удачной, производилась далеко не всеми силами. Весь день, не останавливаясь ни на минуту, переправлялся обоз. Уже вперемешку с частями рвавшейся в бой 1-й бригады.

В 1-ю батарею зашёл с полученной в Елизаветинской кра-

---

⁴⁰⁵ На ночь Казанович с Писаревым расположились в доме, хозяин которого ещё ранее записался в Добровольческую армию. Семья о нём никаких сведений не имела, ничего не могли сообщить и случайные постояльцы (в августе офицер благополучно воссоединился с родными). В доме оба были встречены радушно. Им предоставили всё необходимое, и отказы не принимались. Казанович даже передал через посыльного Неженцеву, который ночевал под открытым небом у холма, некоторое количество съестных припасов.

⁴⁰⁶ Корнилов хотел даже перенести штаб ближе к линии, на территорию одного из занятых кожевенных заводов. Но его отговорили.

юхой хлеба⁴⁰⁷ генерал Марков. Завязавшийся разговор шёл всё о том же – о пассивной роли бригады. Марков подбадривал артиллеристов, но, прислушиваясь к канонаде, всё отдалявшейся от переправы, и сам повторял то и дело: «Чёрт знает что...»

Во второй половине дня переправился⁴⁰⁸ и пошёл в станицу 1-й взвод батареи. В полночь – 2-й. К утру 29 марта (11 апреля) вся Армия была уже на правом берегу. Переправа, блестяще проведённая Корниловым, завершилась.

6.12.4. Штурм

С рассветом большевики по всей линии повели интенсивный артиллерийский огонь добровольческих позиций. Преимущество их в огневой мощи было подавляющим, так как в сравнении с добровольцами накопленные запасы боеприпасов казались неограниченными⁴⁰⁹. Все без исключения источники утверждают: снарядов и патронов красногвардейцы не жалели. И под этим огнём офицерские цепи, пытавшиеся двинуться в атаку, тут же залегали вновь и вновь⁴¹⁰. Продвижения не было, а потери росли. Особенно тяжёлой была обстановка на фронте Корниловского полка, методично расстреливаемого советской артиллерией на открытой местности. К тому же большевики, кроме фронтального обстрела, вели также и фланговый огонь из артиллерийских

---

⁴⁰⁷ Марков был приглашён чинами батареи «на мамалыгу». На левом берегу в аулах хлеба не было совершенно.

⁴⁰⁸ Чтобы не вносить рознь между номерами «старых» и вновь влившихся орудий, Миончинский сформировал взводы смешанными. В каждом одно орудие было из состава 1-й батареи, другое – из 4-й. В 1-м взводе, командовал которым сам Миончинский, были орудия: 1-е штабс-капитана Шперлинга и 3-е подьесаула Золотарёва. Во 2-м (командир подполковник Михайлов) – 2-е орудие поручика Казанли и 4-е капитана Рудницкого.

⁴⁰⁹ По разным данным Армия располагала от 1000 до 1500 артиллерийскими снарядами, распределёнными по батареям. Советская артиллерия имела их десятки тысяч.

⁴¹⁰ 2-я отдельная батарея полковника Л.М. Ерогина поддерживала огнём добровольцев, атакующих противника, по сути, по двум расходящимся направлениям. Огонь в силу этого не мог быть сосредоточенным, накрывались визуально выявленные наблюдателями цели. К тому же запас снарядов быстро иссякал. Уже и в начале боя на 10-15 снарядов, выпущенных большевиками, батарея отвечала двумя-тремя.

казарм. Весь правый фланг «корниловцев» в том числе и по этой причине не мог наступать, сдерживая остальных.

Партизанский полк, растянутый почти на два километра от Кубани до Елизаветинского тракта, также не оставлял попыток продвинуться вперёд. Очевидно было, что без занятия казарм, города не взять. «Партизаны» готовились к новой атаке, и тут им помог случай. На рассвете удачно пущенная граната разорвалась прямо на земляном валу перед артиллерийскими казармами. Показалось, это поколебало стойкость красногвардейцев. Казанович решил не упускать шанса и приказал атаковать. Цепи поднялись, но далеко продвинуться им не удалось. Большевики оправились, и, встреченные огнём, добровольцы вынуждены были отойти на исходные позиции.

Во время атаки выбежавший вперёд полковник Писарев был ранен в ногу. Сдавать полк Казановичу теперь было уже некому. К тому же после относительно благополучного ночлега и перевязки, произведённой доктором 1-го Кубанского полка, он чувствовал себя куда лучше. Генерал остался в строю. После неудачной атаки он доложил Богаевскому, что казармы взять необходимо, но без специальной артиллерийской подготовки сделать это невозможно.

Для указания выявленных целей он просил прислать к нему артиллерийского наблюдателя, что и было сделано. Когда офицер-артиллерист 2-й батареи прибыл, Казанович указал ему основную задачу – валик перед казармами, и приказал немедленно подобрать место для наблюдательного пункта. Выяснилось, что в батарее не хватает телефонного провода. Вследствие этого Казанович перенёс атаку на 15 часов. Однако к этому времени в распоряжение Партизанского полка прибыл Марков со штабом...

Лишь у Эрдели дела складывались относительно благополучно. Конница заняла Сады⁴¹¹, обойдя с севера Черноморский вокзал, пересекла железную дорогу, но атаковать городские кварталы и линию окопов перед ними не могла. Эрдели намеревался продолжить рейд на Пашковскую.

⁴¹¹ Садово-дачные участки значительной протяжённости, расположенные в то время к северо-западу от городских кварталов.

Все надежды связывались теперь с подходом только что переправившейся 1-й бригады. Офицерский полк, так и не успевший зайти в станицу, прямо от берега походным маршем уже двигался к городу. За ним, не отставая, следовала 1-я инженерная рота и на некотором удалении взвод 1-й батареи. Обоз оставался в станице под прикрытием Чехословацкого батальона. У реки стал на позицию и 2-й взвод 1-й батареи. Угроза нападения вооружённых катеров и высадки десанта в незащищённом тылу представлялась командованию реальной.

Марков уехал вперёд, в штаб. Там он встретил у порога Романовского:

– Чёрт знает что! – возмущался генерал. – Раздёргали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной коляски к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно был бы в Екатеринодаре!

– Не горюй, Серёжа, – усмехнулся в ответ Романовский. – Екатеринодар от тебя не ушёл...

К полудню полк уже подходил к ферме⁴¹². Тут добровольцы подкрепились и отдыхали около часа. Последовал приказ проверить оружие. В случае изношенности подобрать замену из многочисленных винтовок, брошенных накануне отступившими красногвардейцами. И в обязательном порядке примкнуть штыки. Во второй половине дня полк, выстроившись в колонну, проследовал дальше. Лишь взвод 1-й инженерной роты рассыпался у берега. Через кожевенные заводы и горевшие тут и там кварталы предместья «марковцы» стали, наконец, выходить передовыми подразделениями к линии Партизанского полка.

К часу дня прибыл и Марков со штабом, который сообщил Казановичу, что на его 1-ю бригаду возлагается взятие артиллерийских казарм и продвижение до Сенной площади. 2-я же бригада должна была занять район городского кладбища. По

⁴¹² Взвод 1-й батареи, временно подчинённый Богаевскому, стал на позицию в пятистах метрах севернее фермы. Позднее взвод рассредоточился. Орудие штабс-капитана Шперлинга было передвинуто вперёд и вправо. Неподалёку, на господствующем над местностью бугорке, находился и общий наблюдательный пункт. Подвергавшиеся непрерывному обстрелу телефонисты отрыли окопчик, но избежать потерь не удалось. Вскоре один из них был ранен, а начальник команды капитан Яницкий – убит.

достижении указанных рубежей бригадам предписывалось остановиться и ждать дальнейших указаний⁴¹³. Начало атаки было назначено на 17 часов.

Казанович передал Маркову командование, обрисовал создающуюся обстановку. Условились, что как только части 1-й бригады сменят Партизанский полк, Казанович во главе его тут же перейдёт на участок 2-й бригады. Впрочем, сделать это было непросто. Советские артиллеристы из казарм продолжали обстреливать как позиции «партизан», так и предместье. Многие дома уже горели. И в этих условиях офицерские роты не могли быстро сменить «партизан». Им приходилось двигаться параллельно линии через дворы и проломы в заборах.

Смена затянулась на продолжительное время. Когда она, наконец, была произведена и Казанович построил 2-й батальон Партизанского полка, выяснилось, что в нём осталось всего 150 штыков. Через предместья генерал вывел своих людей к Елизаветинскому тракту и расположил в укрытии за холмом, за правым флангом Корниловского полка. Сам он с пятью сопровождающими направился к кургану, где оставил накануне Неженцева. По дороге генерал наткнулся на разворачивавшихся в цепь казаков-елизаветинцев. Их было до двух сотен. Только что присоединившиеся к Армии, они были затребованы Неженцевым для усиления истекающего кровью Корниловского полка, но, обстрелянные, залегли и к линии не продвигались.

Казанович поднял казаков и довёл их до кургана. Вскоре все они уже влились в цепь «корниловцев», окопавшихся вдоль ручья, перед которым ниже по течению захлебнулись ранее и атаки полковника Писарева. За то время, пока Казанович добрался до Неженцева, из пяти сопровождающих трое были ранены. Сообщив о прибытии его и 2-го батальона и о готовности поддержать «корниловцев», генерал спросил:

– Отчего вы не переменили место? Что вам за охота сидеть сутки на этом проклятом кургане? Сколько вы здесь уже потеряли людей! Здесь быть убитым только вопрос времени...

За сутки советские артиллеристы хорошо пристрелялись.

---

⁴¹³ По-видимому, предусматривалась перегруппировка сил с целью мощного удара и охвата остающихся в городе красногвардейцев с одного из флангов.

Снаряды один за другим ложились и у подножья холма и на его вершине. Ружейный и пулемётный огонь противника также не прекращался ни на минуту, а едва лишь на кургане просматривалось движение, становился ещё более интенсивным. За то время, пока Казанович с Неженцевым обменялись несколькими фразами, снарядом был в клочья разорван один из ординарцев. Оpoznать его по останкам так и не могли, пришлось проводить переключку среди живых.

Тем не менее, подполковник переходить со штабом на другую позицию не собирался. Казановичу он ответил в том смысле, что с вершины открывается лучший обзор, и за ночь они успели окопаться. Окопы, как заметил Казанович, были весьма слабыми, но он не настаивал. Неженцев оставался на кургане, конечно же, не из-за обзора. Прежде всего, он хотел показать своим подчинённым, что противник, как бы силен он ни был, не в силах помешать добровольцам осуществить их намерения. К тому же до атаки, которая и должна была решить всё разом, оставалось уже немного.

Тем временем Офицерский полк занимал исходные позиции. Четыре его роты сменили ушедших «партизан». В резерве во второй линии была поставлена за правым флангом 6-я рота, за левым – 4-я. 1-я инженерная рота стала у самой реки. Кроме того в ближнем тылу расположился приводивший себя в порядок батальон 1-го Кубанского полка. До атаки оставалось ещё больше часа. За это время Марков успел обойти и нацелить свои подразделения.

Задача оставалась прежней – взять артиллерийские казармы. 1-я и 2-я роты, охватывали их справа, 5-я – атаковала в лоб. Батальон Кубанцев готов был поддержать атакующих. Договорились о поддержке и с артиллеристами. Условились, что атаке будет предшествовать артиллерийская подготовка, в ходе которой 1-й взвод выпустит 7 снарядов⁴¹⁴.

⁴¹⁴ Это число – 7 снарядов, озвученное полковником Третьковым, находит подтверждение и в других источниках. Думается всё же, ограниченное количество снарядов, выпущенных в ходе подготовки, объясняется не их нехваткой. Батарея в бой, и то, по частям, только лишь вступала. Снарядов, конечно, было недостаточно, но к этому времени вовсе не так уж мало. Ещё больше суток батарея из боя не выходила (при этом, по приказу передала 20

К моменту атаки Марков находился среди добровольцев левофланговой 5-й роты. Он огляделся вокруг, посмотрел на часы. Наконец взвод 1-й батареи повёл по казармам беглый огонь. Разрывы накрыли вал и укрывающихся за ним красногвардейцев Ейского батальона.

– Ну, видимо без нас дело не обойдётся, – сказал Марков бывшим с ним офицерам, и, подбежав в цепь, выкрикнул. – Друзья... В атаку! Вперёд!

Роты устремились к казармам и успели преодолеть ручей и проскочить до половины расстояния, прежде чем большевики опомнились и возобновили огонь. Открытый с расстояния в триста шагов, он оказался настолько плотным, что цепь 5-й роты не выдержала и залегла. Но от предместья бежали уже Кубанцы. И впереди цепи – генерал Марков, размахивающий своей белой папашой.

– Вперёд! – кричал он. – Ещё немного и казармы наши! Ура!

Рота вскочила в едином порыве, и через минуту была уже на валу. Задержавшиеся на нём красногвардейцы тут же были переколоты. Более благоразумные толпами бежали к казармам, стремясь поскорее скрыться в зданиях. Многие, не останавливаясь, вливались в улицы и бежали дальше. Им стреляли в спину. Прапорщик Гольдшмидт лёг за оставленный исправный пулемёт и успел дать две длинных очереди, пока добровольцы, преследуя противника, не забежали перед ним.

Из зданий стреляли в ответ. Далеко не все красногвардейцы бежали с поля боя и теперь, укрывшись за стенами, пытались возобновить сопротивление. Их забросали взятыми на валу гранатами. В несколько минут казармы были заняты и очищены от противника. 5-я рота, пройдя их насквозь, вышла к западному, обращённому к Екатеринодару фасу. До домов оставалось 400 метров открытого пространства. Казалось, ещё рывок, и Армия войдёт в город.

снарядов 2-й батареи), и при отходе сохранила именно семь снарядов. Вероятнее всего, сам Марков попросил Миончинского до предела сократить продолжительность артналёта. Успех атаки зависел в создавшихся условиях не от ущерба, нанесённого противнику в ходе подготовки, а только лишь от её стремительности.

Добровольцы увидели невдалеке два орудия, продолжавших вести огонь. Взвод капитана Чупихина бросился было к ним, но, обстрелянный с фланга, вынужден был отказаться от попытки захвата. Немало красногвардейцев, не успевших отойти в город, были вытеснены с территории казарм к югу. Там они, укрывшись за межевými изгородями из густо засаженного кустарника, в большом количестве засели в огородах в излучине реки. Обстреливали казармы, а главное, нависая над правым флангом, делали невозможным дальнейшее продвижение к городу. К тому же наступление 2-й бригады задерживалось или срывалось, и левый фланг Офицерского полка также оказался оголён⁴¹⁵.

Марков начал закрепляться на занятом рубеже. Однако мысли о том, чтобы войти в Екатеринодар, он не оставлял. К командиру 2-й бригады были высланы два офицера связи. Оба погибли. Третий, прапорщик Гольдшмидт, до кургана добрался. Он доложил Неженцеву о том, что казармы взяты, и Марков просит возобновить наступление на участке 2-й бригады, что даст 1-й возможность ворваться в город.

Неженцев приказал атаковать. Цепь лежавших вперемешку «корниловцев» и «партизан», поднялась к краю оврага, но встреченная ураганным огнём, тут же залегла вновь. Неженцев понимал, что в таком бою одна удачная атака могла опрокинуть противника и решить всё. Он поспешил спуститься с холма, перебежал овраг и попытался поднять людей.

– Корниловцы, вперёд! – крикнул подполковник.

Тут же пуля ударила его в голову. Неженцев упал, попытался подняться, но, сделав лишь несколько шагов, новой пулей был сражён наповал. Потрясённые его смертью добровольцы и казаки-елизаветинцы отхлынули в окопы и на дно оврага. Атака остатков Корниловского полка захлебнулась.

Добровольческая армия располагала целой плеядой замечательных во всех отношениях командиров. В большинстве они являлись людьми весьма неординарными. Но и среди них

⁴¹⁵ Бригада вынуждена была остановиться также и вследствие огромных потерь. Взятие артиллерийских казарм обошлось дорого, до двухсот «марковцев» были убиты и ранены.

подполковник Митрофан Осипович Неженцев выделялся и даже стоял несколько особняком. Этот знающий, вдумчивый офицер был предан лично Корнилову душой и телом. Имеющий, несомненно, свой взгляд на вещи, Неженцев всегда и везде руководствовался видением ситуации и волей Командующего. Многим даже казалось, что он являлся орудием в руках Корнилова, но это было не так. Преданность Неженцева к Корнилову основывалась на общности взглядов, оценки событий и представления о том, что следовало делать дальше. Весь жизненный путь, все чаяния и вся борьба Корнилова были поняты и безоговорочно приняты Неженцевым. Суровый Командующий ценил эту преданность куда выше многого остального. И, в известном смысле, отвечал тем же.

М.О. Неженцев

Отношения их не сводились к отношениям начальника и подчинённого. Это были единомышленники. Более того, – понимающие друг друга с полуслова, преданные друзья. Та моральная связь, что незримо протянулась между ними и которую замечали все, казалось, вела их по жизни одной дорогой. Стоит ли удивляться, что даже и смерть далеко не сразу сумела разлучить этих людей? Во всяком случае, до тех пор, пока их тела находились под защитой добровольческих штыков...

Имя и судьба Неженцева неразрывно были связаны с созданным им Корниловским полком. В нём не было и не могло быть людей случайных. Таковые отсеивались сразу же, так как служба сулила лишь одно – умереть за предложенную Корниловым идею. Верную, ошибочную ли, вопрос другой. Постепенно вследствие огромных потерь, состав полка размывался. Всё меньше оставалось в нём «старых корниловцев», и всё труднее было поднимать в атаку цепи. Но Неженцев до самой последней

минуты неизменно их поднимал. Этот бесстрашный цельный человек внушал подчинённым такое уважение, что, поддаваясь его примеру и порыву, они готовы были вновь и вновь идти за своим командиром на смерть.

Казалось, с гибелью Неженцева, о попытках 2-й бригады возобновить атакующие действия оставалось только лишь мечтать. Но случилось неожиданное. Большевики сами отвели части в город⁴¹⁶. И организованный ничтожными силами удар сопротивления не встретил, так как пришёлся в образовавшуюся пустоту...

6.12.5. Рейд генерала Казановича

Когда Неженцев скрылся в овраге, стрельба на короткое время усилилась, но никакого движения Казанович впереди себя не отметил. Зная о просьбе Маркова, он посчитал необходимым бросить в атаку последний резерв, 2-й батальон Партизанского полка. Едва «партизаны» подошли к кургану, Казанович стал во главе их и повёл вперёд. Советские пулемётчики обстреляли батальон, но заходящее солнце било им в глаза. Прицел был взят слишком высоко. Пули веером летели над головами, но обошлось без потерь, что приободрило павших было духом добровольцев. Вышли к оврагу. На дне его лежали у ручья казаки-елизаветинцы⁴¹⁷.

– Здесь лежит тело убитого командира Корниловского полка, – сообщили они генералу, – *и мы не знаем, что делать...*

– Идите со мной в Екатеринодар! – был ответ.

После некоторого колебания к батальону присоединились до сотни казаков. Едва цепь поднялась по склону, как была встречена огнём. Но тут же он прекратился. Красногвардей-

---

⁴¹⁶ О том, как в тактическом плане осуществлялась оборона Екатеринодара, источники дружно умалчивают. В числе немногих, лишь И.Л. Хижняк позволяет себе говорить хотя бы что-то. Вот его слова, проливающие свет на причину столь лёгкого проникновения отряда Казановича в город: «Командир отряда Чёрный в разгар боя вздумал сменить на позициях свои части. Этим воспользовались корниловцы и ещё дальше продвинулись в глубь города».

⁴¹⁷ Все почти «корниловцы» погибли при атаке.

цы оставили свои окопы и ушли в город. Уже в сумерках отряд Казановича осторожно продвигался следом. Чтобы не попасть под огонь своих, генерал приказал раз за разом выкрикивать: «Вперёд, «партизаны», «Партизаны», равняйся!». Это оказалось не лишним. Едва вышли на линию казарм, оттуда окликнули:

– Что за «партизаны»?

– Партизанский полк. Здесь генерал.

Колонна остановилась. К Казановичу подошёл полковник Кутепов. На вопрос, где находится Марков, он ответил, что генерал вместе с Боровским перешли на правый фланг 1-й бригады, а командование левым флангом поручено ему. Казанович сообщил, что во исполнение приказа Корнилова намерен атаковать и занять западную окраину. И просил поддержать его, атакуя правее. Эту свою просьбу генерал просил передать Боровскому и Маркову. Кутепов обещал атаковать, как только 2-й батальон Партизанского полка ворвётся в город.

Положение Армии в ночь на 30 марта (12 апреля) было следующим. На правом, упирающемся в Кубань фланге 1-я бригада заняла артиллерийские казармы и укреплялась в них. Часть сил была выдвинута севернее до Елизаветинского тракта. Бригада понесла большие потери, но оставалась вполне боеспособной.

На участке 2-й бригады вперемешку с двумя сотнями «партизан» стояли на линии остатки Корниловского полка⁴¹⁸. Не-

А.П. Кутепов

⁴¹⁸ Состояние Корниловского полка Богаевский характеризует следующим образом: «В этот вечер я осматривал позицию своей бригады. Выехал из фермы засветло, но доехать до полков не мог. Большевики открыли бешеный пулемётный огонь, пришлось спешиться и выждать темноты. Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием «Штаб Корниловского полка» почти на линии окопов. Крошечный «форт» с отважным гарнизоном, среди которого только трое было живых, остальные бойцы лежали мёртвые. Один из живых, временно командующий полком, из-

смотря на гибель командира и упадок боевого духа, обороняться они ещё могли. Наступить же не имели физической возможности.

Конница Эрдели не смогла пробиться к Пашковской. Серьёзных потерь кавалеристы избежали, но рейд их оборону Екатеринодара на западном направлении не ослабил. Более того, под угрозой охвата со стороны подходивших к городу свежих советских отрядов бригада вынуждена была отходить постепенно к Садам.

Б.И. Казанович

Связь с Казановичем, уведшим 2-й батальон Партизанского полка к Екатеринодару, была утеряна...

Между тем Казанович от мысли вернуться в город не отказался. Генерал не без основания рассчитывал, что в условиях тёмного времени суток ему легче будет добиться успеха. Выдвинув в первую линию 2-й батальон «партизан» и снятую с участка Корниловского полка 2-ю сотню 1-го батальона, а во вторую – казаков, он, руководствуясь указаниями офицеров – жителей Екатеринодара, стал продвигаться в развёрнутом строю к городским кварталам. Сбив у окраины охранение красногвардейцев, разбежавшихся после первых же выстрелов, отряд беспрепятственно вступил в город. Шли по одной из улиц⁴¹⁹, осматривая боковые. Встреченные одиночные солдаты в темноте принимали «партизан» за своих. Их тут же прикалывали.

мученный почти до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира... Он лежал тут же, такой же стройный и тонкий; на груди черкески тускло мерцал Георгиевский крест.

От позиции большевиков было несколько десятков шагов. Они заметили наше движение, и пули роем засвистали над нами, впиваясь в тела убитых. Лежа рядом с павшим командиром, я слушал свист пуль и тихий доклад его заместителя о боевом дне...»

⁴¹⁹ Позже выяснилось, что отряд продвигался по Ярмарочной улице. Ныне улица Будённого.

Принято считать, что отряд, пройдя несколько кварталов, тут же вернулся обратно. Это далеко не так. Решительный, инициативный Казанович ждал лишь атаки 1-й бригады, готовый поддержать её ударом с тыла. При этом производил разведку, оценивал обстановку. И продвигался к центру города.

По мере движения стали попадаться конные разъезды. Первая встреча вышла боком. У кого-то из «партизан» не выдержали нервы, он выстрелил по конникам, те тут же ускакали. Казанович запретил стрелять. Теперь встречным конникам на окрик называли наименование того или иного советского отряда, выявленное в ходе двух дней боёв. Кавалеристы без опаски подъезжали, их тут же стаскивали с сёдел⁴²⁰. Всего уничтожили таким образом до 16 красногвардейцев. Удача сопутствовала добровольцам. Тревогу так никто и не поднял. В ускакавшем разъезде видимо посчитали, что были обстреляны своими.

Вышли к Офицерской улице. Влево через неширокую площадь были расположены казармы запасного батальона. При осмотре выяснилось, что в них содержатся до 900 пленных австрийцев, которых охраняет команда, поставленная ещё Кубанским правительством. Казанович приказал старшему по команде, унтер-офицеру продолжать нести свою службу и поддерживать среди пленных надлежащий порядок⁴²¹. Один из офицеров-партизан расписался в тюремной книге.

Прошло уже немало времени. Стрельба на участке 1-й бригады стихла. Орудие, посылавшее в сторону артиллерийских казарм с самой окраины города снаряд за снарядом, тоже замолчало. Казанович посчитал, что атака «марковцев» также завершилась удачно, и части 1-й бригады продвигаются вслед за ним по параллельным улицам. С целью обозначить место своего нахождения и опять же избежать столкновения со своими

---

⁴²⁰ Сам Казанович пересел с загнанной своей клячи на строевого коня под офицерским седлом, которого подвели ему «партизаны».

⁴²¹ На следующий день Корнилов упрекнул Казановича в том, что тот не вывел немедленно всех военнопленных из Екатеринодара. Среди них могли оказаться в немалом числе и чехословаки, способные пополнить национальный добровольческий батальон. На это Казанович ответил, что и мысли не допускал, что город не будет занят в ту же ночь.

генерал приказал выкрикивать время от времени: «Ура генералу Корнилову!» Отклика не было. Но и тревогу никто так и не поднимал...

Отряд между тем вышел на Сенную площадь. Здесь Казанович разделил своих людей. Половина их стала с пулемётом «Максим» на пересечении Ярмарочной и Медведовской⁴²² улиц. Остальные выдвинулись с ручным пулемётом «Кольт» к юго-западному углу площади. Заняв оборону, Казанович решил ожидать здесь подхода частей 1-й бригады⁴²³. Время от времени через площадь к окраине проходили одиночные повозки и подводы. Санитарные двуколки с сёстрами милосердия «партизаны» пропускали беспрепятственно, телеги с продовольствием и боеприпасами прибирали к рукам⁴²⁴.

Между тем приближалось утро. Казанович выслал по пути следования отряда разъезд на отбитых лошадях. Командовал им сотник Хоперский, китаец по национальности, ребёнком вывезенный казаками одного из Донских полков из Маньчжурии. Ему было приказано выйти из города, найти Кутепова или Маркова, доложить о занятии Сенной площади и просить ускорить движение. Через час разъезд вернулся обратно. Хоперский доложил, что *других* добровольческих частей в городе нет, а в месте, где отряд проник в Екатеринодар, большевики сомкнули оборону, и она прочна. Благодаря азиатскому типу лица красногвардейцы принимали сотника за своего и даже расспрашивали о стрельбе и криках в тылу. Хоперский успокаивал их, утверждая, что там всё тихо.

– И кто это панику пускает? – досадовал один из случайных его собеседников. – Здесь говорили, что кадеты ворвались в город...

Из доклада Казанович понял главное. Атака, если таковая и была предпринята 1-й бригадой, не удалась. Поддержки не

⁴²² Ныне улица Кирова.

⁴²³ Согласно приказу Корнилова, Сенную площадь должна была занять 1-я бригада. По передаче «марковцам» площади и близлежащих кварталов, Казанович рассчитывал выдвинуться к городскому кладбищу и подтянуть туда сотни 1-го батальона Партизанского полка и остатки Корниловского.

⁴²⁴ Были захвачены несколько подвод с винтовочными патронами и одна – с артиллерийскими снарядами.

будет. Он с отрядом в 250 штыков рискует встретить рассвет в многолюдном городе в глубине обороны противника. Оставаться в этих условиях на площади означало обречь всех на скорую гибель. Оставалась лишь одна возможность её избежать – поскорее выбираться из Екатеринодара.

Отряд был выстроен генералом в походную колонну. В голове её шли «партизаны» с пулемётами, за ними – «елизаветинцы», и замыкал сформированный из захваченных подвод обоз. Уходили той же дорогой, по которой и наступали. На возможные вопросы Казанович приказал отвечать, что *Кавказский отряд*⁴²⁵ идёт на окраину города занимать окопы. Пройдя несколько кварталов, обнаружили резервные подразделения большевиков, занимавшие боковые улицы, а вскоре вышли и к первой линии. Заготовленные заранее ответы не вызывали подозрения. Лишь когда уже выходили из города, кто-то удивлённо спросил:

– Куда же вы идёте? Там впереди уже кадеты...

– Их-то нам и надо! – нашёлся один из «партизан», что тоже никого не насторожило.

Поначалу Казанович собирался, сблизившись с противником, ударить в штыки и ими расчистить себе дорогу. Но подходившие десятками мирно беседовавшие с добровольцами красногвардейцы так с ними перемешались, что об этом нечего было и думать. Численное превосходство противника было подавляющим. Всё же едва голова колонны преодолела линию окопов, солдаты начали отставать. Возможно, отряд так и ушёл бы без помех, но тут на позиции въехали телеги обоза. Когда и они стали удаляться от окопов в степь, кто-то из командиров спохватился и приказал открыть огонь. Замыкающие телеги были отрезаны и брошены, но большая часть благополучно проскочила и в том числе, подвода со снарядами⁴²⁶. Едва не

⁴²⁵ О том, что Кавказский отряд, прибывший в качестве пополнения, выгрузился недавно на Владикавказском вокзале, Казанович узнал при допросе захваченных красногвардейцев.

⁴²⁶ Лошади под обстрелом понесли. Подвода метнулась влево и застряла в канаве в непосредственной близости от артиллерийских казарм. С утра несколько человек продолжительное время названивали потом Казановичу по телефону полевой связи и спрашивали лишь одно: где 52 снаряда? Осведомлён о них был даже Корнилов. В течение дня телегу нашли и благополучно разгрузили.

обстрелянные из артиллерийских казарм «партизаны» всё же вышли на левый фланг Офицерского полка.

«Первым я увидел полк. Кутепова, – пишет Казанович. – Он сказал мне, что очень беспокоился о моей участи, слышал наши удаляющиеся крики «ура», но ему не удавалось двинуть вперёд смешанных людей разных полков, бывших на его участке⁴²⁷.

Скоро подошёл и генерал Марков, который сказал мне, что ничего не знал о моём предприятии и услышал о нём впервые, когда по его телефону передавали моё донесение в штаб армии. Он предложил мне сейчас же общими силами повторить атаку. На это я ответил, что время упущено, теперь уже светло, большевики предупреждены, подвели резервы, и атака на том же самом месте вряд ли имеет шансы на успех».

Сопровождаемый Марковым генерал проследовал в тот же самый дом, где накануне ночевал с Писаревым. Там теперь был штаб 1-й бригады, из которого Казанович по телефону доложил вначале Романовскому, а затем и лично Корнилову о ночном продвижении и отходе. Командующий приказал генералу собрать Партизанский полк и вывести его в армейский резерв к ферме. К вечеру Казанович собрал у фермы остатки полка. Из 800 переправившихся через Кубань бойцов в строю оставалось не более 300. Оба батальонных командира были убиты. Раненый полковник Писарев находился в лазарете⁴²⁸. Сотенные

⁴²⁷ Вся эта история своего продолжения не нашла. Дознание не проводилось, не время было искать виноватых. Да и странно было бы опрашивать и даже обвинять в чём-то человека, только что поставленного на титульный добровольческий полк.

Окажись на месте Кутепова Боровский, он, вероятно, тут же доложил о «предприятии» Казановича Маркову. Сам Марков, узнав он об этом, вне всякого сомнения, собрал бы всё, что оказалось под рукой, и атаковал Екатеринодар вместе с «партизанами». Другой, впрочем, вопрос, чем бы в таком случае всё это закончилось...

Думается, сработал тот самый субъективный фактор, который время от времени становится значимым и раскрашивает историю всеми красками радуги. И Кутепов, переговорив с Казановичем, видя малочисленность отряда, ведомого генералом к городу, просто не придал значения его намерениям. Не услышав серьёзной перестрелки на окраине, он, вероятнее всего, посчитал, что атака захлебнулась, не начавшись, и «партизаны» отступили на исходные позиции.

Так или иначе, но в итоге счастливой случайностью воспользоваться не удалось.

⁴²⁸ Ранение в ногу оказалось серьёзным. Полковник не мог ни ходить, ни ездить верхом.

успели смениться по нескольку раз, уцелевшие заменяли убитых и раненых...

Партизанский полк, так же, как и Корниловский, был обескровлен.

6.12.6. Гибель Корнилова

Утром 30 марта (12 апреля) на ферму привезли убитого Неженцева. Корнилов вышел и долго стоял над телом. Потом перекрестил и поцеловал подполковника в лоб, как погибшего сына. В сущности, Неженцев и был для него, как сын. Во всяком случае, духовное родство связывало этих людей, вне всякого сомнения⁴²⁹.

Весь день настроение Командующего оставалось подавленным. В разговоре с очередным собеседником Корнилов вдруг прерывал его на полуслове и говорил: «Вы знаете, Неженцев убит... Какая тяжёлая потеря...» И умолкал на минуту, характерным жестом потирая пальцами лоб.

Корниловский полк в составе 65-ти непонятно как уцелевших штыков принял полковник А.П. Кутепов. Корнилов приказал влить в его состав 350 мобилизованных казаков, прибывших из станицы Новомышастовской под командой полковника Шкуратова. Это позволило довести численность полка до состава неполного батальона. Но всем было понятно, что это уже не те «корниловцы», которые в штыковых атаках под звуки духового оркестра сметали любого врага...

Перестрелка по всей линии продолжалась, но от наступательных действий Армия, по сути, вынуждена была отказаться. К утру вся западная окраина города уже была прочно занята советскими отрядами. Оставались они и в районе огородов юго-западнее расположения Офицерского полка. Там же стояла батарея и посылала в сторону «марковцев» снаряд за снарядом. Вся площадь казарм обстреливалась ружейно-пулемётным огнём. Вал, насыпанный также и со стороны города, от него не спасал, так как стреляли из окон верхних этажей городских зданий.

⁴²⁹ «На ферме как-то все притихли, – пишет Деникин. – Иван Павлович (Романовский) говорил мне в этот день:

– Никогда ещё я не видел его таким расстроенным. Стараюсь отвлечь его мысли, но плохо удаётся. Просто так вот по-человечески ужасно жалко его...»

Уступом влево от казарм стояли растрёпанные сотни Партизанского полка. К полудню Казанович увёл их к ферме, и на замену «партизан» выдвинулась 4-я рота. Она вынуждена была занять позицию, имеющую вид прямого угла, обращённого сторонами на север и на восток. Расположение простреливалось с обоих флангов, так как части 2-й бригады стояли за ручьём, отставая ещё больше. От обстрела спасали лишь окопы, предусмотрительно отрытые за ночь «партизанами».

Всё же находящийся под огнём полк продолжал нести потери. Добровольцы почти не отвечали. Берегли снаряды и патроны. Лишь одиночки, сохранившие запас обойм, постреливали изредка в ответ. Наблюдатели то и дело замечали приготовления противника к атаке. Но она, не успев развиться, тут же пресекалась сосредоточенным огнём. По приказу стреляли все.

В какой-то момент атака большевикам удалась, и они потеснили к казармам 5-ю роту. Тут же к отходившим добровольцам подбежал Марков, и положение было восстановлено. Но совладать с новой неприятностью не в силах оказался и он. Советское командование, наконец, убедилось, что через Кубань переправилась вся Армия, что наступательный порыв добровольцев иссякает, и действовало уже куда смелее и инициативнее. Вдоль левого берега Кубани продвинулся отряд красногвардейцев и стал почти напротив кожевенных заводов. Теперь противник держал под обстрелом и тылы Офицерского полка, и даже дорогу, соединяющего его расположение со штабом⁴³⁰.

После полудня Марков был вызван в штаб. Корнилов решил провести Военный совет и определиться с дальнейшими действиями. «Я думаю, – пишет Деникин, – что на этот шаг побудило его не столько желание выслушать мнение начальников относительно плана военных действий, который был им предрешен, сколько надежда вселить в них убеждение в необходимости решительного штурма Екатеринодара».

Сделать это было непросто. Все были подавлены и настроения и сомнений не скрывали. На ферме в комнатке Командующего, кроме самого Корнилова, собрались генералы Алексеев, Рома-

⁴³⁰ Со стороны Екатеринодара тракт был скрыт от большевистских наблюдателей неровностями рельефа.

новский, Деникин, Марков и Кубанский атаман полковник Филимонов⁴³¹. В ходе доклада начальника штаба Армии и командиров бригад обрисовалось общее положение, которое каждому из присутствующих было известно и так.

Противник укрепился и проявлял невиданное упорство⁴³². Даже если и удавалось опрокинуть и разбить какой-либо советский отряд, остальные не бежали, а настойчиво пытались ударить наступающим во фланг. Советские части действовали всё более активно, готовые уже перехватить инициативу.

Добровольческая армия понесла огромные потери. В 1-й бригаде оставалось до 1200 активных штыков, в двух обескровленных полках 2-й – не более 600. Большинство командиров всех степеней были убиты или выбыли из строя по ранению. Мобилизация казаков, давшая несколько сот человек пополнения из близлежащих станиц, себя исчерпала. Разуверившиеся в скорой победе казаки оставляли Армию. Более того, отмечались случаи ухода из линии в тыл и добровольцев, чего ранее не наблюдалось. Люди были истощены физически и морально⁴³³.

---

⁴³¹ По словам Филимонова на совещании присутствовал также и Председатель Кубанского правительства Быч. Совещание происходило ближе к вечеру при трёх зажжённых у карты свечах. Единственное окно завешено было циновкой, чтобы наблюдатели противника не увидели свет в окне. Из-за крошечных размеров комнатки на кровати у стола поместились не все. Некоторые расположились прямо на полу, подстелив добытую ординарцами солому.

⁴³² Должное отдавали современники Сорокину. Именно его железная воля в немалой степени способствовала укреплению обороны. Вот что пишет о нём И.Л. Хижняк: «При обороне города я видел Сорокина в боевой обстановке. Верхом на лошади, в серой черкеске, сверкая оружием, он в сопровождении двадцати конвойцев объезжал боевые порядки.

Помню, на четвёртый день боёв наш отряд, крепко потрёпанный непрерывными атаками, с каждым часом терял боеспособность. В этот момент в расположении батальона появился Сорокин.

– Держаться, во что бы то ни стало! Ни шагу назад! Расстреляю! – кричал он, сверкая усталыми, покрасневшими от бессонных ночей глазами и размахивая неразлучной плетью. В такие минуты один вид этого человека внушал страх...»

⁴³³ В подтверждение этих слов, генерал Марков, сидевший в углу на соломе, опустив голову на плечо Романовскому, вдруг, задремал, обнаружив себя лёгким похрапыванием. Разбуженный, он смущённо извинился перед Командующим:

– Виноват, Ваше Превосходительство. Двое суток не ложился...

Силы их таяли. Число раненых в походном лазарете достигло 1500 человек⁴³⁴.

Советские части на любом участке по численности превосходили добровольцев по меньшей мере в 8-10 раз. К тому же к городу подходили всё новые отряды Красной гвардии. Техническое же превосходство противника, имеющего практически неограниченные запасы снарядов и патронов, подавляющее. У добровольцев же заканчивались боеприпасы, и пополнить их было невозможно.

Во всех предыдущих боях Армия добивалась успеха, в том числе и за счёт манёвра. Теперь же, в условиях растянутой плотной обороны превосходящего противника, рассчитывать на это не приходится. Обходное движение Конной бригады никакой видимой помощи пехотным частям не дало. Фронтальные же атаки неизбежно повлекли за собой новые серьёзные потери, что окончательно обескровило бы Армию.

Выслушав всё это, Корнилов коротко подытожил:

– Положение действительное тяжёлое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Все генералы, хотя и опустили глаза, но высказались резко отрицательно⁴³⁵. Лишь Алексеев согласился с мнением Командующего. Удивительны были отношения этих недолюбливавших друг друга людей. Будто чувствуя свою вину, в тяжёлые моменты они старались быть корректными и предупредительными по отношению друг к другу. Алексеев, наблюдая весь день, насколько потрясён Корнилов смертью Неженцева, как мог старался его поддержать.

Все отрешённо молчали. Всё, казалось, было уже сказано, и добавить было нечего. Вдруг вновь взял слово Алексеев.

⁴³⁴ Убитыми же и пропавшими без вести добровольцы в боях за Екатеринодар по разным оценкам потеряли свыше 500 человек.

⁴³⁵ «Мы чувствовали, что первый порыв прошёл, – пишет Деникин, – что настал предел человеческих сил, и об Екатеринодар мы разобьёмся; неудача штурма вызовет катастрофу, даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению её слабых частей для охраны и защиты большого города. И, вместе с тем, мы знали, что штурм всё-таки состоится, что он решён бесповоротно».

– Я полагаю, – сказал генерал, – что лучше будет отложить штурм до послезавтра. За сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка. Быть может, станичники подойдут еще на пополнение...

Корнилов, которого наверняка также одолевали сомнения⁴³⁶, готов был ухватиться за любую соломинку и тут же подержал весьма сомнительное предложение.

– Итак, будем штурмовать 1-го апреля, – твёрдо сказал Командующий и отпустил генералов. Последний Военный совет в его жизни был закончен. Все вышли, задержался у Корнилова лишь Деникин.

– Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе? – спросил он.

– Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмём Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

– Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

– Вы выведете...

Деникин встал перед Командующим и проговорил:

– Ваше Высокопревосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии – она вся погибнет...

В этот момент в комнату вошёл кто-то, и разговор прервался на полуслове. Возобновиться ему было уже не суждено. Считается, что именно на основании этих слов Командующего Де-

⁴³⁶ Ещё утром к ферме вышли две сестры милосердия Корниловского полка и рассказали следующее. Ночью, отправив в тыл обоз с ранеными, они в сопровождении доктора решили произвести поиск в направлении к Екатеринодару. Тела добровольцев были разбросаны далеко в сторону большевистских позиций. Все они были убиты в отчаянной атаке. В темноте наткнулись на красногвардейцев. Попытались уверить, что они – из советского санитарного отряда, но солдаты не поверили. Не растерявшись, доктор выхватил револьвер и начал отстреливаться, что и позволило всем троим скрыться в темноте (доктор Крошечкин был ранен в спину, пуля раздробила ему предплечье). Сёстры вышли на позицию одной из рот, но живых в окопах не обнаружили. О том, что полк разбит и практически уничтожен, они и поспешили доложить Командующему.

никин принял потом Армию. Но не стоит забывать, что разговор происходил с глазу на глаз, соответствующего приказа или даже записки Корнилов после себя не оставил. Вряд ли он даже и думал о преемнике, тем более с кем-либо, например, с Алексеевым, на эту тему говорил...

К вечеру к ферме привёл Партизанский полк Казанович. Следуя в штаб для доклада, генерал встретил Командующего, возвращавшегося с обхода артиллерийских позиций. Корнилов поздоровался с «партизанами» и пригласил их командира на ужин, на котором присутствовал также и Романовский. Вскоре начальник штаба вышел по делам, а Казановича Командующий отпустил не сразу. Корнилов вдруг разговорился, что было для него весьма нехарактерным. Вспомнил их первую встречу и службу в Туркестане. «Несколько раз он вспоминал и жалел Неженцева, – пишет Казанович, – который, несмотря на разницу лет и положения, был его близким другом. Я почувствовал глубокую жалость к герою – я понял, до чего он одинок на свете...»

Когда разговор уже подходил к концу, Корнилов, будто советуясь, вдруг сказал:

– Я думаю... повторить атаку всеми силами. Ваш полк будет у меня в резерве, и я двину его в решительную минуту. Что вы на это скажете?

Даже если Казанович и хотел возразить, он этого делать не стал. Напротив, выразил уверенность в том, что атаковать необходимо, и если атаку возглавит лично Командующий, она имеет все шансы на успех⁴³⁷.

⁴³⁷ От этой принципиальной позиции Казанович не отказался и впоследствии. Вот что писал он в конце марта 1919 года: «Существует мнение, что, останься жив Корнилов, он погубил бы армию новой атакой. Даже, если бы Екатеринодар был взят, говорят сторонники этого мнения, мы в нём были бы окружены, и он стал бы могилой Добровольческой армии.

Конечно, трудно гадать о том, что было бы, но думаю, что высказывающие такое мнение не учитывают значения победы. Не надо забывать, что Добровольческая армия, не знавшая до тех пор неудач, со взятием Екатеринодара окончательно упрочила бы за собой славу непобедимой. Кубанцы поднялись бы и быстро пополнили бы ряды армии. В случае удачи, мы выиграли бы несколько месяцев, а это по нынешним временам целая вечность

Я этим не хочу сказать, что и после смерти Корнилова следовало атаковать. Смерть его произвела на войска удручающее впечатление...»

– Конечно, мы все можем при этом погибнуть, – будто самого себя убеждал Корнилов, – но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели. Без снарядов и патронов это будет медленная агония...

И предложил вдруг:

– Оставайтесь у меня ночевать. Вам сюда принесут сена...

Смущённый Казанович не посмел стеснять Командующего в его крохотной комнатёнке. Он доложил, что уже устроен доктором в перевязочном пункте и был отпущен.

Тем временем на участке 1-й бригады произошло событие, наглядно продемонстрировавшее утрату добровольцами инициативы. Прибывший с совета Марков говорил Тимановскому и офицерам из своего окружения:

– Наденьте чистое бельё, *у кого есть*. Будем штурмовать Екатеринодар. Если не возьмём, *а если и возьмём*, то погибнем...

Впрочем, в подразделения был направлен приказ – готовиться к новой атаке и в обязательном порядке нашить на головные уборы белые ленты. Надежда была одна: сблизиться и ударить в штыки. Лишь в этом случае, подавляющее численное превосходство красnogвардейцев хоть в какой-то степени уравновешивалось выучкой и решимостью штурмующих...

Наступила ночь. Перестрелка начинала затихать. Тут же случайные фуражиры отправлены были из рот в предместье за провиантом. Наблюдение же за противником лишь усилилось. Наиболее опасными считались южный и восточный фасы казарм. Северный же имел перед собой территорию открытого пространства, которое насквозь простреливалось 4-й ротой.

Атаку красnogвардейцев всё же, если и ожидали вообще, то со стороны города. Однако неожиданно она была произведена на южном фесе. Накопившись, густые солдатские цепи вышли из огородов и сразу же оказались у казарм. Они были своевременно обнаружены. Завязалась ожесточённая перестрелка. Всё же красnogвардейцам удалось ворваться на территорию казарм и захватить несколько зданий. 1-я, 2-я и 5-я роты отошли через улицу и засели в домах напротив.

Большевики не в состоянии были продвинуться далее, так

как выйти из зданий теперь означало верную смерть. Но и добровольцы по той же причине не могли *немедленно* восстановить положение. Марков уже принимал меры. Стоявшая на правом фланге 3-я рота, которую противник не атаковал, была сменена 6-й, выдвинутой из резерва, и скорым шагом пошла левее, к казармам.

Наконец последовал сигнал к атаке. Офицерские цепи поднялись, и тут же, прижатые огнём залегли. В темноте противники стреляли друг в друга практически в упор. На вспышки выстрелов с той и другой стороны тут же летели гранаты. Большевики подтянули в огороды и артиллерию. И орудия посылали теперь в сторону добровольцев снаряд за снарядом. Добровольческие батареи не отвечали. То, что оставалось ещё в арсенале, предназначалось для штурма города и не могло быть израсходовано ранее. Атака захлебнулась...

К утру красногвардейцы закрепились в занятых домах и этим ограничились. Потери их были огромны⁴³⁸. Но и Офицерский полк не досчитался многих. Сильнее других пострадала 2-я рота, на которую пришёл главный удар. Ожесточение достигло предела. На улице, в «зоне смерти» лежали десятки убитых и раненых, но подобрать их было невозможно. Перестрелка не прекращалась.

Установившееся равновесие было весьма шатким, и такое положение не могло сохраняться продолжительное время. К тому же до тех пор, пока большевики занимали часть казарм, о движении в сторону города не могло быть и речи⁴³⁹. Именно

⁴³⁸ В боях за Екатеринодар было убито до 5 тысяч и ранено до 10 тысяч красногвардейцев. Потери, конечно, определены весьма приблизительно. Но вот что пишет по этому поводу И.Л. Хижняк: «Ейский и Должанский батальоны в боях за Екатеринодар потеряли больше половины личного состава... Не меньшие потери были и в других отрядах защитников города. Особенно много гибло молодёжи, подростков, людей, не имевших воинской подготовки. Немало в этих боях погибло большевиков Екатеринодара и депутатов съезда...»

⁴³⁹ Прорвись большевики со стороны города, это могло бы сыграть даже на руку добровольцам. Не пришлось бы атаковать дважды. Достаточно было выбить красногвардейцев из домов, отбросить в степь, и на их плечах и под их прикрытием вполне можно было бы ворваться в городские кварталы.

Удивляет всё же робость советского командования. Организуй оно столь же сильную атаку на участке 2-й бригады, отражать её было бы просто некому.

этим был озабочен Марков. Готовивший новую атаку, он в 8 утра был вызван к телефону. Едва отойдя после короткого разговора от аппарата, генерал крикнул: «Коня!» Марков казался спокойным, но лицо выдавало крайнюю озабоченность. Сказав лишь несколько слов Тимановскому, он передал ему командование, а сам ускакал в штаб Армии...

Ранним утром 31 марта (13 апреля) Командующий выходил ненадолго из комнаты и встретил в коридоре Казановича. На вопрос, какие будут приказания, ответил: «Пока никаких – отдыхайте».

Сразу несколько человек вновь предлагали Корнилову перенести штаб в более безопасное место⁴⁴⁰.

– Теперь уже не стоит, завтра штурм... – был ответ.

Позже, около 7 часов, на ферму прибыл вернувшийся с объезда позиций командир 2-й бригады. Командующий сидел за столом спиной к занавешенному циновкой окну. Перед ним расстелена была карта и стоял стакан с чаем. Корнилов был задумчив и мрачен. С его разрешения Богаевский присел рядом и доложил ситуацию. За ночь она не улучшилась. Корнилов молча выслушал, задал несколько вопросов и более не задерживал генерала. Склонившись над картой, обронил, ни к кому не обращаясь: «А всё-таки атаковать Екатеринодар необходимо. Другого выхода нет...» Продолжал ли он сам в это верить, никто никогда не узнает...

В соседней комнате персонал перевязочного пункта угощал Казановича чаем. Дом вдруг вздрогнул, будто от близкого громового раската. С потолка и стен посыпалась штукатурка. От окна отшатнулась сестра. Но дыма на улице не было. Генералу

⁴⁴⁰ «Год спустя после смерти Корнилова и нашего «сидения» тут, – пишет Богаевский, – я как-то поехал на ферму помолиться за душу героя на месте его смерти. По пути я нарочно остановился там, где были тогда красные батареи, и был поражён безумием нашего расположения в то время на ферме. Дом со своими белыми стенами, да и вся ферма была превосходной мишенью на отличной дистанции, и нужно только удивляться счастью, или плохой стрельбе красных, что дом не был разбит артиллерийским огнём в первый же день».

Думается, в самом начале штурма Корнилов, уверенный в скором взятии города, и не рассчитывал задерживаться на ферме продолжительное время, рассматривая её, как промежуточный пункт. После смерти Неженцева многое, в том числе и личная безопасность, отошли для него на второй план.

нетрудно было догадаться, что артиллерийский снаряд разорвался внутри здания. В комнате Командующего. Казанович бросился туда и вбежал в помещение одновременно с адъютантом Долинским⁴⁴¹.

Дверь, распахнутая взрывом, едва висела на петлях. Ничего не было поначалу видно из-за порохового дыма и известковой пыли. Пол был завален кусками штукатурки и обломками раздробленной, опрокинутой мебели. Под ними лежал на полу Корнилов и едва слышно стонал. Снаряд пробил наружную стену чуть выше пола и разорвался в комнате. Осколки не задели Командующего, но взрывная волна подбросила его и ударила с размаху о печку. От ранки у виска стекала струйка крови. В крови были и разорванные генеральские шаровары.

Комната заполнилась людьми. Принесли носилки, на которых вынесли Корнилова на воздух. Он ещё дышал, но с каждым разом всё слабее. Артиллерийский обстрел между тем не прекращался, и снаряды продолжали рваться в непосредственной близости. Командующего пытались укрыть в сарайчике, но он не мог служить надёжной защитой. Богаевский распорядился перенести носилки к защищённой крутым берегом террасе.

Сам он услышал вдруг, как кто-то из штабных в панике кричал в телефонную трубку: «Всё пропало. Корнилов убит!» Сообщить об этом он, судя по всему, успел не только Маркову⁴⁴². Богаевский вырвал трубку из рук офицера и вытолкнул его из комнаты. Задержавшись у фермы, он переговорил коротко с Казановичем и приказал генералу немедленно поднять Партизанский полк и вести его на левый фланг 2-й бригады, где даже слабый нажим противника неизбежно привёл бы к немедленной катастрофе.

– Пока в бой не ввязываетесь, – говорил Богаевский. – Вы наш последний резерв. Но в случае обхода с этой стороны, будьте готовы отразить его.

⁴⁴¹ В момент взрыва Долинский находился в дверях. Адъютанта отбросило в коридор и ударило о стену.

⁴⁴² Смерть Корнилова пытались скрыть, но очень скоро в линии об этом узнали. Весть эта произвела на добровольцев удручающее впечатление. Многие открыто говорили, что Екатеринодар теперь не взять, борьба проиграна, и надо спасаться самим.

Когда он подошёл к носилкам, возле них стояли Романовский, доктор, сестра милосердия и несколько штабных офицеров. Доктор, склонившись в изголовье, приподнял веки Корнилова и прошептал: «Кончается...»

«Ещё один вздох и Корнилова не стало, – пишет Богаевский. – Кто-то сложил ему руки на груди крестом. Совершенно случайно я опустил руку в карман пальто и нашёл там маленький крестик, машинально сделанный мною из восковой свечи во время последнего Военного Совета. Я вложил этот крестик в уже похолодевшие руки...»

Тело Корнилова положили на повозку рядом с телом подполковника Неженцева. Сопровождаемая текинским конвоем она направилась в Елизаветинскую. На полпути траурный кортеж встретил Алексеев, срочно вызванный в штаб из станицы. Старый генерал сошёл с коляски, поклонился до земли, поцеловал Корнилова в лоб и долго стоял рядом, глядя в спокойное уже, лишённое мимики лицо...⁴⁴³

В Елизаветинской тела покойных омыли и положили в сосновые гробы, убранные первыми цветами. Тайно, в присутствии лишь нескольких человек, заметно смущённый станичный священник отслужил панихиду по убиенному воину Лавре...

И из уст в уста, из подразделения в подразделение с горечью и отчаянием передавали друг другу лишь одно: Корнилова не стало...

Нет смысла напоминать о свершениях Корнилова. Война, не случайно названная Великой, Выступление, Быхов, Ростов, Поход – всё это и есть концентрированное до предела выражение его воли, чаяний и борьбы. Разные люди к Корнилову, к памяти о нём относятся и будут относиться *по-разному*. И это в порядке вещей.

Но одно не признать невозможно. Корнилов был человеком цельным. Настолько глубоко прятал противоречия своей натуры, что самые прозорливые современники о них лишь догадывались. Отбрасывая всё малозначимое, определял главную цель. Видел и создавал средства её достижения. Не признавал

⁴⁴³ «Последнее прощание двух вождей, – пишет Деникин, – которых связала общность идеи, разъединяло непонятное чувство взаимного личного разлада и соединит через полгода смерть...»

*Домик управляющего
сельскохозяйственной фермы*

сомнительных компромиссов и обходных путей. И не отступался. Шёл напролом прямою дорогой до самого конца...

Существование и деятельность Корнилова как личности ничем не обусловлено и не предопределено. Это тот субъективный фактор, который вопреки всему может повлиять

на ход событий и даже вмешаться в ход событий на переломе истории. Трудно предположить, что кто-то, кроме него, мог объединить вокруг себя те незначительные, но дееспособные силы, которые с первых же дней столь громко о себе заявили....

Останься он жив, возможно, всё дальнейшее происходило бы в чём-то по-другому. Как, можно лишь предполагать, а знать наверняка, никому не дано. Но не подлежит сомнению другое.

Не будь Корнилова, не было бы ни Дроздовского, ни Похода, ни самой Добровольческой армии. Не было бы и «Анабазиса» добровольческого движения, который Командующий, сам того не ведая, возводил день за днём и кирпичик за кирпичиком до самой своей смерти...

6.12.7. Отступление. Атака бригады Эрдели

Армейский механизм основан в том числе и на взаимозаменяемости всех звеньев, сверху донизу и по горизонтали. Гибель командира может привести к временной потере управления, боеспособности и утрате боевого духа. Но части и подразделения в одночасье не умирают. Это живые организмы, нацеленные на восстановление.

Едва повозка с телами Корнилова и Неженцева скрылась из глаз, к Деникину подошёл Романовский и спросил буднично и просто:

– Вы примете Армию?

– Да, – коротко ответил генерал.

Тут же была составлена записка Алексееву с предложением

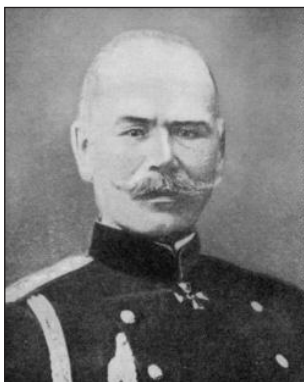
немедленно прибыть на ферму⁴⁴⁴. Ко времени его прибытия штаб уже перешёл в конец рощи и расположился под открытым небом на перекрёстке дорог.

– Ну, Антон Иванович, принимайте тяжёлое наследство, – без обиняков обратился к Деникину Алексеев. – Помогай вам Бог...

Романовский с Алексеевым составили текст приказа. Возникли технические сложности. Непонятно было, как определить должность Алексеева. После некоторых раздумий Романовский предложил: «Напишите «генерал от инфантерии»... и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев».

В результате приказ был составлен в следующем виде:

«Приказ по Армии

М.В. Алексеев

§1

Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армии, в 7 час. 30 мин. 31 сего марта убит Генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести её позора. Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею известны всем нам. Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продол-

⁴⁴⁴ Любопытно, что записка была составлена в форме рапорта. Тем самым Деникин, фактически уже вступивший в должность Командующего, подтверждал номинальное право Алексеева на главенствующую роль в созданной им организации. Вот её текст: «Доношу, что в 7 часов 20 минут в помещении штаба был смертельно ранен Генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками Добровольческой Армии. 31 марта. 7 часов 40 минут. №75. Генерал Деникин»

жать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несём свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову, нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

§2

В командование армией вступить генералу Деникину.

Генерал от инфантерии Алексеев»

На этом «официальная часть» вступления в должность нового Командующего и завершилась. Позднее многие выражали своё недоумение. Деникина в Армии даже и знали далеко не все добровольцы. Должность его, заместителя Корнилова, представлялась весьма неопределенной. Частями и подразделениями Деникин в походе не командовал, в боях как начальник участия не принимал. Как возможную альтернативу называли генерала Маркова. Впрочем, всем было понятно, что новый Командующий принял Армию не перед парадом, а практически после разгрома⁴⁴⁵. И руководствовался чем угодно, но не вызывавшим честолюбием.

Думается, из всех возможных был выбран не худший вариант. Марков был хорош в бою, в линии. Отдались он от неё, ещё неизвестно, чем бы всё обернулось. Для того же, чтобы спасти людей, требовалось нечто иное. И если Корнилов, несмотря ни

---

⁴⁴⁵ «Когда был убит Корнилов, – пишет Александров, – то положение Деникина представлялось настолько трудным, что нужно удивляться, как он из него вышел...

Деникину пришлось принять Армию в момент минимума её моральных сил и даже при отрицательном количестве сил материальных, ибо последние, слагаясь главным образом из боеспособных человеческих элементов, перевешивались огромным числом раненых, т.е. небоеспособных...

Истомлённые, потерявшие веру в успех и в своё личное спасение, окружённые превосходными силами красных, угрожавших зажать Армию в крепкие, уже сжимающиеся клещи, – войска пали духом...

Большевики... понесли под Екатеринодаром колоссальные потери... Но остающиеся их силы, хотя и потрёпанные, были всё же слишком велики и своей массой могли вновь охватить и раздавить добровольцев.

От Деникина требовалось немедленно какое-то действие, и этим действием был отход от Екатеринодара в мрачную неизвестность...»

на что, видел спасение в штурме города и шёл ва-банк, то Деникин столь же решительно выводил остатки Армии из-под удара. Так или иначе, но выбор был сделан...

Возле дороги на расстеленных бурках сели вокруг Деникин, Алексеев, Романовский и прибывший Кубанский атаман Филимонов. Деникин коротко обрисовал своё видение сложившейся обстановки и дальнейших перспектив. Они воодушевления не вызывали. Положение с ночи ухудшилось.

Офицерский полк продолжал удерживать территорию артиллерийских казарм за исключением нескольких зданий за южным фасом, захваченных большевиками. В полку насчитывалось свыше 1000 штыков, и боеспособность он сохранил. 1-й Кубанский стрелковый – приводил себя в порядок, находясь в ближнем тылу.

Корниловский полк в четыреста штыков в большинстве из мобилизованных казаков занимал весь левый фланг и не был ещё смят и уничтожен окончательно в силу нерешительности советского командования и отчаянной стрельбы пулемётчиков, не дававших красногвардейцам пойти в последнюю атаку. На левый фланг «корниловцев» был направлен Партизанский полк. Но в его составе оставалось не более 300 штыков.

Кавалерийская бригада под угрозой охвата вышедшей на левый фланг неприятельской конницы вынуждена была отойти в Сады. Дальнейшее её отступление оставалось лишь делом времени.

Артиллерия молчала. Лишь, стараясь избежать потерь, отводила раз за разом передки из-под обстрела. Уже к вечеру 30 марта (12 апреля) в 1-й батарее оставалось 4 снаряда шрапнели и 3 гранаты⁴⁴⁶.

Преимущество противника как в численности, так и в техническом оснащении стало подавляющим. Но главное заключалось не в этом. Наступал предел человеческим возможностям. Четыре дня непрерывных боёв, огромные потери и, наконец, гибель Командующего, с именем которого связывалось *всё*,

⁴⁴⁶ В преддверии запланированной Корниловым атаки города до чинов батареи дошёл слух о том, что у орудий оставят лишь караул, а людей отправят в линию. Пеших – в пехотные цепи, ездовых – в кавалерийскую часть.

Л.Г. Корнилов

Да это ничего бы и не дало. Наличие железнодорожной ветки позволяло большевиками прижать Армию к левому берегу Кубани куда вернее, чем к правому. Оставалась одна возможность – двигаться на север. Деникин приказал отходить в общем направлении на станицу Старовеличковскую.

Прибыл Марков, но не долго оставался на ферме. Получив приказ, незамедлительно усакал обратно. У дороги над берегом Кубани стоял взвод 1-й инженерной роты. Командир его, держа руку под козырёк, пошёл навстречу и обратился к придержавшему коня генералу:

- Ваше Превосходительство! Генерал Корнилов... убит?
- Убит. Но об этом никому ни слова.

Вернувшись в свой штаб, Марков конфиденциально сообщил обо всём Боровскому, Тимановскому и ещё нескольким

сломили добровольцев физически и морально. Боевой дух иссяк. Армия в значительной степени утратила свою боеспособность, которая одна только и позволяла рассчитывать на успех.

Изложив всё это, Деникин озвучил своё решение: с наступлением темноты снять осаду Екатеринодара и ускоренным маршем уходить как можно дальше от города. Возражений не последовало. Ориентируясь на советы Филимонова, лучше других осведомлённого о настроениях казаков в близлежащих станицах, обсуждали маршрут отхода.

Выбор был невелик. Путь на восток преграждал Екатеринодар. На запад – плавни, море и поселения иногородних с формированиями местной Красной гвардии едва ли не в каждой станице. Вновь переправиться через Кубань, соприкасаясь по всей линии с превосходящим противником, было невозможно.

офицерам, которым необходимо было приступить к подготовке отступления немедленно. В части же продолжали поступать распоряжения за подписью самого генерала. Сохранить секретность в какой-то мере удалось. О смерти Корнилова многие добровольцы 1-й бригады не знали ещё длительное время. Большинство ни о чём другом, кроме предстоящей атаки, даже и не думали. Тем более что последовал повторный приказ прикрепить к головным уборам белые ленты.

Офицерскому полку надлежало перед отходом произвести демонстрацию атаки. День прошёл как-то незаметно. Стороны активных действий не предпринимали. Люди привыкли к непрерывному обстрелу, и перестрелка перестала их угнетать. Сгустились сумерки. Стрельба постепенно стихала.

Вдруг в ночи в середине расположения Офицерского полка раздалось громкое «ура», разом заговорили несколько пулемётов, и добровольцы поддержали их перестук, расстреляв по обойме. В ответ противник открыл ответный ураганный огонь. Полк давно замолчал, но долго ещё красногвардейцы продолжали обстреливать казармы⁴⁴⁷.

⁴⁴⁷ Вопреки расхожему мнению в Екатеринодаре далеко не сразу узнали о смерти Корнилова. Вот что пишет И.Л. Хижняк: «Утром 14 апреля нас удивило и насторожило странное затишье. Мы ещё не знали о гибели Корнилова, предполагали, что его войска производят перегруппировку перед генеральным штурмом города».

Лишь утром 3(18) апреля комиссар Юго-Восточного района член ЦИК Тарасов доносил в Кремль: «Только что вернулся с обследования фронта. Сегодня в ночь произошли крупные перемены: наши в ночной энергичной атаке отбросили контрреволюционные войска Корнилова от Екатеринодара на 12 вёрст и окружили его кольцом. Контрреволюционеры понесли большие потери. В ночном наступлении командовал наступлением. В настоящее время банда Корнилова преследуется. Я находился в штабе. В стц. Елисаветинской наши войска надеются сегодня в ночь выбить [противника]. Ввиду открытых позиций наступление тормозится за неимением бронированных автомобилей».

В беседах главнокомандующий Автономов жалуется на недостаток снаряжения и неимение в достаточном количестве винтовок, автомобилей и аэропланов, а также неимение денег. Силы имеются – свыше 75 тысяч, содержать нечем.

Прошу при получении немедленно разобраться и выслать деньги на содержание армии срочно, промедление высылки задержит борьбу с контрреволюционерами».

Как видно, Советское командование едва ли представляло общую картину отступления добровольцев от Екатеринодара.

Роты одна за другой покидали позиции и уходили к кожевенным заводам. Там, под прикрытием арьергарда полк выстроился в колонну и около 20 часов проследовал к ферме. Не доходя до неё, «марковцы» повернулись лицом к городу и, оседлав дороги, стали заслоном.

Здесь добровольцам сообщили о смерти Корнилова. Стояли продолжительное время, и в цепях заводили друг с другом неизбежные разговоры. Обсуждали смерть Командующего и наступившую с ней неопределённость.

– Куда мы теперь пойдём? – спросил громко один из офицеров.

– Куда?! Куда глаза глядят! – ответил другой. – Начальство знает куда.

Неожиданно рядом оказался шедший вдоль цепи Марков.

– Да, генерал Корнилов убит! – сказал он. – Мы почти окружены. Дальнейшее всё будет зависеть от нас. Этой ночью мы должны оторваться от противника. Отход без привалов. В полном порядке.

В другом месте говорили о Деникине.

– Он был в обозе. Его не знают, и как можно ему довериться? Генерал Марков. Вот единственный генерал, завоевавший к себе полное доверие, исключительную преданность, любовь, исключительный авторитет! Только он должен стать во главе Армии!.. – утверждал кто-то.

А.И. Деникин

Ему возражали, что ещё в Ольгинской Корнилов назначил своим заместителем Деникина. Спор то затихал, то разгорался с новой силой. Наконец, последовала команда строиться. Цепи свернулись в ротные походные колонны. К одной из них подъехал Марков и, обращая ко всем, кто мог его услышать, сказал:

– Армию принял генерал Деникин. Беспочиниться за её судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе...

На этом все разговоры прекратились.

На левом фланге Партизанский полк вышел к линии «корниловцев» ближе к полудню. Уже здесь Казанович получил известие о смерти Корнилова и о вступлении в должность Командующего генерала Деникина. Едва «партизаны» развернулись в цепь левее Корниловского полка, навстречу потянулась отходящая добровольческая кавалерия⁴⁴⁸, а вслед за ней стала выходить и спешенная конница противника⁴⁴⁹.

Однако, вытеснив из Садов передовые подразделения бригады Эрдели, дальше опушки советские кавалеристы не продвинулись, ограничившись обстрелом «партизан». Огонь вёлся с дальней дистанции и ущерб не причинял. Добровольцы не отвечали, так как патроны были на исходе. Простояв так несколько часов, к вечеру Казанович получил новый приказ: отступить с наступлением темноты.

Двумя колоннами Армия стала продвигаться в северном направлении. Боевые части снимались с позиций под Екатеринодаром. 1-я бригада отходила к штабу. У фермы к ней присоединилась вышедшая из подчинения Богаевского 1-я батарея. В рощице у штаба два бригадных командира коротко переговорили друг с другом. Оба сошлись на том, что придётся, видимо думать о прекращении борьбы и распылении Армии. Впрочем проходившие мимо части, даже несколько приободрились. Сиюминутное облегчение, связанное с выходом из-под обстрела, перевесило на время все обрушившиеся несчастья, последствия которых грозили скорой катастрофой. И генералы, как и рядовые добровольцы, не теряли пока надежды.

1-я бригада прошла мимо фермы и повернула на север. В арьергард к ней пристраивались по частям 2-я. Сформировав-

---

⁴⁴⁸ Основная масса конницы Эрдели в ночь на 1(14) апреля занимала ещё западную окраину садов. На участок Партизанского полка вышли лишь отдельные подразделения и одиночные всадники.

⁴⁴⁹ Накануне советское командование сочло, что настала пора переходить к активным действиям. От оборонительной тактики ещё не отказывались, но для охвата левого фланга Добровольческой армии из отрядов Кочубея, Мироненко, Воронова и других, успевших отличиться командиров, была сформирована конная группа. Задачей её являлось не только вытеснение бригады Эрдели, но в перспективе и обход Армии с последующим ударом в тыл.

шаяся колонна двинулась на станицу Нововеличковскую. Части заметно поределели. И не только из-за боевых потерь. Большинство оставшихся ещё в полках мобилизованных казаков поспешили разойтись по домам. В Корниловском полку насчитывалось после их ухода едва 100 штыков.

От Елизаветинской, растянувшись на многие километры, тронулся прикрываемый Чехословацким батальоном обоз⁴⁵⁰. Вначале предполагалось двигаться на Новотитаровскую, но близость железной дороги⁴⁵¹ заставила сразу же отклониться левее, едва ли не в противоположную сторону. «Главные силы» следовали через Марьяновские и Мышастовские хутора и лишь оттуда повернули на Андреевскую.

В Елизаветинской были оставлены «на милость победителя» 64 тяжёлых раненых. С ними доктор и сёстры милосердия. Большинство из них погибли. Уцелели лишь 14 человек, которых разобрали по домам и не выдали впоследствии казаки⁴⁵².

Переход между тем действительно получился ускоренным. До рассвета Армия прошла свыше 25 километров. Но и после этого колонна не останавливалась и продолжала движение. Не удержи-

⁴⁵⁰ Для охраны обоза из состава 1-й бригады были также выделены пеший взвод, пулемётная команда и два орудия 1-й батареи (два остальных орудия шли в общей колонне), а также несколько добровольцев Офицерского полка под командой подполковника Михайлова.

⁴⁵¹ Ещё до снятия осады Екатеринодара один из разъездов Эрдели выявил в Новотитаровской значительный отряд Красной гвардии.

⁴⁵² Многие, и в частности, Р. Гуль позже ставили это в вину новому Командующему, утверждая, что при погибшем Корнилове подобного не случилось бы. Но вот что весьма здраво пишет по этому поводу Александров: «...при отходе от Екатеринодара пришлось оставить часть раненых, преимущественно с тяжёлыми ранениями. Это произвело тягостное впечатление...

И в Армии, и впоследствии в печати часто слышались жестокие нападки на Деникина. Те, кто писали и говорили, очевидно, не хотели понять неизбежной необходимости такой меры, стоившей Деникину больших душевных переживаний.

При этом очень часто, сравнивая Деникина с Корниловым, заявляли, что Корнилов никогда бы не бросил своих раненых. Если Деникину и пришлось решиться на такое тяжкое мероприятие, то почём знать, что бы в данном случае сделала бы железная рука Корнилова, не останавливающаяся вообще ни перед чем.

А тот же неумолимый рок заставил Корнилова, при выходе в феврале из Ростова, оставить многих раненых на Дону».

вались даже в попадавшихся тут и там хуторах. Настроение было подавленное. Шли молча, понуро опустив головы. И не слышно было «Журавля». Отход от Екатеринодара, гибель Корнилова и огромные потери повлияли на добровольцев угнетающе.

Утрата боевого духа проявлялась временами зримо. К утру один из конных разъездов бокового охранения был обнаружен и обстрелян с советского бронепоезда. Отдалённые звуки артиллерийской стрельбы произвели на колонну тягостное впечатление. И хотя снаряды легли далеко в стороне, вне поля зрения, люди стали суетиться, обнаруживая стремление взять в противоположную от стрельбы сторону. Ничего подобного ранее не было, да и быть не могло.

Части перемешались. Многие отставали и далее следовали уже с чужими ротами. Отдельные подразделения шли уже вне строя, каждое само по себе. Так могла отступать лишь армия, солдаты которой в большинстве своём считали, что дело их уже проиграно.

Люди и раньше бывали вымотаны непрерывными маршами, но никогда не охватывали их апатия и безразличие. Даже звуки боя за спиной, где добровольческая конница, жертвуя собой, сдерживала наступающего противника, не произвели заметного впечатления.

А боестолкновение между тем разворачивалось весьма масштабное. Оно и явилось последним аккордом кровопролитной и несчастливой для добровольцев екатеринодарской эпопеи.

31 марта (13 апреля) Эрдели в ожидании штурма стянул бригаду в кулак в непосредственной близости от городских окраин. Однако вместо приказа атаковать пришло сообщение о смерти Корнилова. После полудня Деникин сообщил о своём решении снять осаду и уходить от города. При этом Конной бригаде предписывалось прикрыть с правого фланга отходящие части и обоз.

Не испытывая сильного давления со стороны медленно продвигающихся от Екатеринодара советских отрядов, кавалеристы Эрдели заночевали у западной опушки Садов. Некоторым конникам посчастливилось отдохнуть в занятых садовых

домиках и экономиях, большая же часть расположилась непосредственно у плетней.

С утра 1(14) апреля красногвардейцы повели наступление. Завязалась перестрелка с передовыми подразделениями бригады. У добровольцев, передавших накануне значительный запас патронов в пехотные части, а также и своим пулемётчикам, оставалось в среднем не более трёх обойм на человека. Расстреляв их в течение получаса, конники поспешили сесть в сёдла и выйти из боя. Следом за ними продвигались от садов густые цепи противника.

Отступив и окончательно оставив сады, конница сосредоточилась к югу от них. Части выстроились в резервных колоннах фронтом на восток. Вышедшие из перестрелки подразделения выравнивались по своим эскадронам. На вершине одного из холмов стал штаб.

Показавшиеся вдалеке солдатские цепи не атаковали бригаду. Развернувшись, они группами стали продвигаться вдоль её фронта к югу. Эрдели не знал наверняка, далеко ли ушли и ушли ли вообще Армия и обоз. Но понимал другое. Пропусти бригада красногвардейцев, они немедленно выходили на пути отхода Армии к кожевенным заводам, ферме и к Елизаветинской. Имея приказ прикрывать отступление, генерал его и выполнил. Патронов у большинства кавалеристов почти уже не оставалось. Теперь остановить противника возможно было, лишь атаковав его в конном строю.

Командиры полков спустились с холма. От них поскакали к сотням и эскадронам ординарцы и передали приказ: «Приготовиться к атаке, подтянуть подпруги, проверить холодное оружие и выбросить из сум всё лишнее». Более опытные кавалеристы отнеслись к этому со всей серьёзностью. Бурки были сброшены и вместе с «имуществом» припрятаны до поры под скирдами. В атаку по понятным причинам предпочитают ходить налегке. Вот уже раздалась команда садиться по коням. Ещё минута, и по сигналу сотенные командиры, выехав перед строем на уставную дистанцию, обернулись в сёдлах и, указывая на противника, выкрикнули: «В атаку! Шашки – вон! Рысью – ма-арш!»

Конница, набирая ход, устремилась в атаку. До большевиков оставалось не более тысячи шагов. Ротные колонны их останавливались и поворачивались фронтом к приближающейся конной лаве. Видимо, большинство красногвардейцев успели «понюхать пороху». Паники в их рядах заметно не было. В Сады никто не побежал. Напротив, спокойно и деловито солдаты рассыпались в цепь, и начали уже постреливать.

Вначале конники продвигались по твёрдому грунту и стремительно сближались с противником. Перешли даже на намёт. Но тут, как часто бывает при вынужденной, а потому неподготовленной атаке, твёрдое покрытие под копытами сменилось на целину пахотного поля. Кавалеристы завязли на нём. Темп атаки был потерян.

С расстояния в 400 шагов красногвардейцы стреляли залпами. Тут и там падали лошади, и всадники валились с сёдел. Ещё немного, и кавалеристы спустились в низину. Она не укрыла их от обстрела, но обернулась куда большей неприятностью. Талая вода скопилась после дождей, образовав протяжённое болото. Тем не менее, атака не прекращалась. Лошади, иногда и шагом, продвигались вперёд. До противника оставалось 150-200 шагов. Солдаты выстроились в две линии. Первая стреляла с колена, вторая – стоя. Стала понятной и причина их стойкости. Среди разношерстных групп красногвардейцев и солдатских шинелей выделялись характерными головными уборами пластуны-кубанцы. И беглым огнём расстреливали кубанских же конников в упор. Пламя гражданской войны разгоралось всё сильнее, но многие не могли привыкнуть к тому, что в ней свои стреляли в своих.

Именно на этих последних десятках метров бригада Эрдели потеряла немалую часть своего состава. Некоторые, не видя выбитых из сёдел соседей, сами произвольно стали укорачивать повод⁴⁵³. Но тут атакующие вновь вышли на ровный грунт. Уже не лавой, но уцелевшими кучками врезались в первую линию противника. Началась рубка, но смять большевиков так

⁴⁵³ В этот момент далеко вперёд вырвался командир 1-го Конного полковник Глазенап. Своим примером он увлёк заколебавшиеся было эскадроны за собой.

И.Г. Эрдели

и не удалось. Численное превосходство было на их стороне. К тому же вторая линия с короткой дистанции продолжала вести огонь, расстреливая добровольцев на выбор.

Бой разбился на эпизоды. По всему полю группы из трёх-четырёх кавалеристов рубили сбившиеся в кучу пехотные отделения, а те отбивались штыками и прикладами. Стрельба не прекращалась. Всё меньше оставалось с обеих сторон живых, и всё больше тел лежало на земле.

Глазенап с десятком офицеров устремился к советской батарее, бывшей по коннице очередями. Под ним пала раненая в атаке лошадь. Подскакавший к командиру сотник Чурюкин спешился и посадил его на своего коня. Сам побежал рядом. Не проехав и сотни шагов, Глазенап получил ранение в руку. Рядом с ним ранило в ноги и сотника. Теперь уже полковник посадил Чурюкина на пойманную лошадь. Ведя её на поводу, Глазенап выбрался к месту атаки.

Одиночки, проскочившие с разгона через большевистскую цепь, увидели вдруг, что очутились во вражеском тылу, и спешили вернуться к своим. Атака окончательно захлебнулась. Лишившиеся командиров конники поворачивали коней и выходили из боя. Солдаты и пластуны также подавались назад.

Вышли вначале к случайному куреню, где стояли не преодолевшие вспаханный участок «елизаветинцы». Оттуда проследовали к указанному месту сбора. Потери были огромными. Из 700 конников 1-го Кубанского к полковому значку собрались не более 200. Остальные легли⁴⁵⁴.

⁴⁵⁴ Погибли почти все сотенные командиры, и в их числе сотник Г.А. Рашпиль, сделавший всё возможное, чтобы конники не повернули назад, и атака не захлебнулась в самом начале. По занятии Екатеринодара останки его были перевезены и торжественно перезахоронены в городе. Погибла и прапорщик 1-го эскадрона баронесса София де Бодэ, которую все в один голос характеризовали, как «отличного и храброго офицера».

Но жертва их в любом случае не оказалась напрасной. Расстроенные красновардейские отряды поспешили отойти в Сады и на долгое время от активных действий отказались. Армия избежала энергичного преследования, которое, весьма вероятно, в несколько часов решило бы её судьбу.

К вечеру остатки бригады Эрдели, никем не преследуемые, стали отходить в северо-западном направлении⁴⁵⁵.

6.13. Андреевская. Колония Гначбау

К полудню 1(14) апреля колонна, состоявшая из строевых частей, подходила уже к станице Андреевской. В голове шёл Офицерский полк, пострадавший меньше остальных. В арьергарде – остатки 2-й бригады Богаевского.

⁴⁵⁵ Принято считать, что конница Эрдели, пожертвовав собой, спасла Армию от флангового удара, который неизбежно привёл бы к её уничтожению. Вот слова Александра: «В то время, когда части пехоты были ещё далеко, как бы на дне образовавшегося мешка, в котором очутилась Армия, и оставшийся узкий выход с минуты на минуту мог затянуться, – на конницу выпала задача оттеснить большевиков и дать возможность Армии выйти из давившего её окружения...

Конница исполнила повеление своего нового Командующего...

Готовое зажаться кольцо разжалось. Армия была спасена».

Но к утру, тем более, ближе к полудню, 1(14) апреля, когда Эрдели повёл свою бригаду в атаку, Армия удалилась от Екатеринодара на 25-30 километров и подходила уже к станице Андреевской. Ни о каком окружении и мешке, на дне которого застряли, якобы, пехотные части, не могло быть и речи. При определённом стечении обстоятельств большевики, пропусти их конница, могли перехватить лишь хвост растянувшегося от Елизаветинской обоза.

Дату и время атаки (первая половина дня 1(14) апреля) называют вполне определённо как Павлов, так и непосредственный её участник полковник В. Черешнев (Вестник первопоходника №8 за 1962 год). Более того, Павлов прямо говорит, что слышавшиеся справа звуки боя, «где конная бригада, жертвуя собой, сдерживала красных, стремившихся от Екатеринодара пересечь путь Армии», доносились до колонны Офицерского полка, когда он отошёл уже от города на 25-30 километров.

Справедливости ради, следует отметить, что сам Александров, а вслед за ним и Какурин, утверждают, что атака была произведена 31 марта (13 апреля), но, думается, они сознательно сдвигают события на день ранее, именно для того, чтобы подтвердить красивую легенду о спасении зажатой в полуокружении Армии пожертвовавшей собой Конной бригадой.

Будь это так, многочисленные эмигрантские источники вряд ли уделили столь значимому эпизоду в лучшем случае по две-три строчки.

Вопрос, впрочем, остаётся открытым.

Неожиданно впереди послышалась стрельба, а вскоре от передовых разъездов пришло сообщение, что цепи красногвардейцев наступают от станицы. Их удар был нацелен на пересечение дорог во фланг растянувшейся колонны.

Марков, вновь оказавшийся в своей стихии⁴⁵⁶, развернул в боевой порядок роты и, став во главе их, устремился навстречу большевикам. Вероятно, местная Красная гвардия ожидала увидеть перед собой случайный отряд либо расстроенные остатки деморализованного противника. Нарвавшись на сохранившую боеспособность офицерскую часть, красногвардейцы, не принимая боя, побежали. Но не в станицу, а в сторону от дороги, где преследование казалось им менее вероятным.

Однако чуть сзади Офицерского полка и параллельно ему шла приткнувшаяся к колонне черкесская конница. Завидев в панике отходивших прямо на них большевиков, кавказские всадники устремились в атаку. Началась рубка почти не сопротивлявшегося уже противника. Часть красногвардейцев подалась назад, и была мгновенно переколота преследовавшими их от дороги «марковцами». Мало кому удалось пробиться и уйти. Видно было, как на холмах направлявшиеся к месту недолгого боя подводы с подкреплением в спешке разворачивались и спешили уйти из поля зрения. Станица была занята без боя. Защитники её бежали, либо попрятались по домам.

Этот неожиданный успех, не имевший решающего тактического значения, пришёлся как нельзя кстати и явился ключевым *моральным* фактором развития дальнейших событий. Добровольцы, павшие было духом, словно встряхнулись. Они обнаружили вдруг, что и после Екатеринодара могут ещё сокрушать превосходящего противника и добиваться успеха. *К людям, пусть и не ко всем ещё, начинала возвращаться утраченная вера в себя и своё оружие.*

Повеселевший Марков шёл впереди. За ним сдвоенными рядами с совершенно иным настроением выходил из станицы подтянувшийся, прибодрившийся полк. Вновь слышались раз-

⁴⁵⁶ «Этот удивительный генерал, – писал позже полковник Биркин, – не только ничего не боялся, но своей повадкой в бою так влиял на своих, что у них пропадал страх».

говоры. Среди молодёжи раздавался даже и смех. Вдруг Марков обернулся и крикнул на ходу:

– Песню!

Молодые прапорщики выводили набирающими силу головами знакомые слова. И офицеры-фронтовики подхватывали, словно боясь потерять боевой задор. Почти как прежде. Жизнь продолжалась, и в ней было потеряно ещё далеко не всё...

Прошло всё же некоторое время, пока полк вернулся на дорогу. Теперь он оказался уже в хвосте прошедшей вперёд колонны. Здесь к нему присоединились пеший взвод и два орудия 1-й батареи. Обоз подходил к Андреевской, и после разгрома местных красногвардейцев ему ничего уже не угрожало.

К вечеру 1-я бригада достигла хуторов, разбросанных вдоль реки Поньри, где и остановилась на непродолжительный отдых. Во второй половине дня Армия стала втягиваться в немецкие колонии на восточном берегу реки и располагаться на ночлег. К полуночи туда же подошёл и Офицерский полк.

Самая большая колония из 12 дворов именовалась Гначбау⁴⁵⁷. Вместить дома колонистов могли лишь незначительную часть добровольцев. Большинство ночевали под открытым небом. Полк частью сил занял колонию, а остальные расположились на юго-восточной её окраине, прикрыв тракт на Нововеличковскую и далее на Екатеринодар. 1-я инженерная рота оставалась в колонке⁴⁵⁸ Ернахбау.

Ночь прошла спокойно. Армию никто не побеспокоил.

С утра 2(15) апреля в Офицерском полку был произведён подсчёт личного состава. Итоги оказались неутешительными. Из 750 добровольцев, переправившихся через Кубань, в Гначбау оставались в строю не более 400. В боях за Екатеринодар 80 человек были убиты, 70 пропали без вести, и до 200 получили ранения различной степени тяжести. В 1-й и 3-й роте оставалось по 90-100 штыков, во 2-й⁴⁵⁹, 4-й, 5-й и 6-й приблизительно

⁴⁵⁷ В другой транскрипции – Гнаденау. Ныне поселение Найдорф.

⁴⁵⁸ Колония незначительного размера.

⁴⁵⁹ 2-я рота понесла по сравнению с остальными наибольшие потери. В числе других были убиты командир роты полковник Лаврентьев и его заместитель полковник Зудилин.

по 40, в 5-й – 50. В 1-й инженерной роте насчитывалось до 80 добровольцев.

Боевой состав Армии сократился вдвое, с 6000 до 3000 штыков и сабель. Вследствие этого была проведена некоторая реорганизация. В частности, в Офицерском полку 5-я и 6-я роты были сведены в одну – 5-ю. Роты в зависимости от понесённых потерь были рассчитаны на 2-3 взвода. В каждой оставлено от двух до четырёх пулемётов.

Во всех батареях оставалось не более 40 снарядов. Вследствие этого было принято решение из 10 орудий оставить лишь 5, а остальные испортить⁴⁶⁰. 4-х орудийные 1-я и 2-я батареи вновь становились 2-х орудийными, при Конной бригаде оставлено одно⁴⁶¹. При батареях оставалось лишь необходимое число прислуги. Все «лишние» конные прикомандировывались к командам связи, пешие были сведены в отдельную роту, получившую наименование «Артиллерийской». В её составе набралось до 50 штыков.

Штаб Армии отдал также распоряжение до предела сократить обоз. Эта задача была возложена на генерала Маркова, который действовал со всей строгостью. Как раненых, так и беженцев на подводах по возможности уплотнили. Весь ненужный груз сброшен под колёса. В результате обоз уменьшился на 200 подвод, что в создавшихся условиях было немаловажным фактором. Сократили и количество подвод в строевых частях. На каждые 100 человек были оставлены по две телеги.

Деникин, которому удалось осуществить, казалось, невозможное – *уйти*, уже куда увереннее разрабатывал стратегию дальнейших действий. Командующий предполагал отойти в

---

⁴⁶⁰ Орудия вскоре повредили, как могли, и утопили в первой попавшейся на марше речке.

⁴⁶¹ В 1-й батарее 1-е орудие составили орудие и зарядный ящик штабс-капитана Шперлинга. 2-е орудие составили номера 3-го и 4-го орудий и ящик капитана Сапезко. Бывшее 2-е орудие было испорчено и брошено, а 3-е есаула Золотаренко пошло в Конную бригаду. Судьба его тоже оказалась незавидной. В ночь на 3(16) апреля конница была обстреляна противником на железнодорожном мосту. Часть орудийных лошадей – ранена или убита. Эрдели приказал орудие бросить. Артиллеристы сняли замок и панораму, а сами присоединились к штабу бригады.

район, где сходились границы трёх территорий: Дона, Кубани и Ставрополя. И в зависимости от ситуации планировать последующие операции. Для начала нужно было как можно скорее вырваться из треугольника железных дорог, внутри которого очутилась отошедшая от Екатеринодара Армия. Деникин предполагал пересечь Черноморскую ветку у станицы Медведовской и выступить с таким расчётом, чтобы подойти к полотну глубокой ночью, а до того отсидеться в колониях.

Добровольцы после ночного марша получили возможность отдохнуть и привести в порядок оружие и обмундирование. Но одновременно люди могли оглядеться и, наконец, задуматься о том незавидном положении, в котором они очутились. Вся Армия вместе с обозом скучилась в колониях вдоль правого берега реки Поныри. Контролируемая территория ограничивалась разъездами, маячившими у дальних холмов. Две крупные станицы, Старовеличковская к северу и Нововеличковская к югу, были прочно заняты противником. В любой момент из Екатеринодара могли быть переброшены по железной дороге многие тысячи красногвардейцев. На казаков рассчитывать не приходилось. Из нескольких сотен мобилизованных в строю остались единицы, остальные постепенно расходились по домам. Боеприпасов в Армии оставалось в лучшем случае на час серьёзного боя. И главное, Корнилов, с которым связывались все чаяния и надежды, прикрытый буркой лежал мёртвым рядом с Неженцевым.

Ситуация складывалась отчаянная. Неудивительно, что даже и в строевых частях наиболее трезвомыслящие обсуждали меры, которые могли бы спасти их жизни. На свет появлялись документы, снятые «про запас» с убитых в предыдущих боях красногвардейцев. Некоторые открыто говорили, что пора спарывать погоны и снимать кокарды. Впрочем, большинство намеревались несмотря ни на что сражаться до конца. И их молчаливый укор действовал отрезвляюще на более слабых духом товарищей. К тому же все понимали, что в погонах или без, рассеявшись поодиночке в незнакомой местности с преобладанием иногороднего населения, спастись не удастся.

Всё же некоторые уходили, и в частности, группа генерала Гилленшмидта. Судьба их неизвестна. Возможно, единицы и спаслись, но большая часть покинувших Армию, вне всякого сомнения, нашли свою смерть в первом же поселении.

В 4-ю роту забежал Марков.

– Садитесь. Ложитесь, – жестом успокоил он вскочивших офицеров. – Я хочу минутку отдохнуть у вас.

Завязался разговор, который сводился всё к тому же. Марков легко и не задумываясь отвечал на вопросы. По его мнению, положение было не таким уж безнадежным. Выход найдётся, и Армия выберется. Сказал ещё, что на Офицерский полк он лично надеется, и к месту и не к месту стал шутить. Кто-то осмелился спросить о дезертирах, оставляющих Армию.

– Чёрт с ними, – коротко отрезал генерал и ушёл в штаб.

Также обходил роту за ротой и командир полка генерал Боровский. Зашёл в бывшую свою 3-ю роту и полковник Кутепов. Оба они, как могли, старались поддерживать в добровольцах боевой дух и веру в ближайшие перспективы. Настроение в полку постепенно улучшалось.

Но отсидеться до темноты не удалось. В 10 часов утра небольшой отряд красногвардейцев подошёл от оставленной накануне Андреевской и обстрелял колонии. Он был встречен сотней штыков Корниловского полка, частично изрублен и отогнан конницей. Однако этой незначительной стычкой дело не ограничилось. Вскоре перестрелка завязалась к югу от расположения Армии. На этот раз большевики куда большими силами наступали от Нововеличковской.

Под их напором конные разъезды охранения стали отходить. По тревоге был поднят Офицерский полк. Роты выдвинулись навстречу и, рассыпавшись в цепь, залегли. Красногвардейцы также остановились, обстреливая с дальней дистанции добровольцев. Полк не отвечал, у бойцов оставалось по 3-5 обойм, и это были последние патроны.

К полудню к большевикам подтянулись два орудия и, став на позицию, открыли огонь по Гначбау. С 14 часов по колонии стреляло уже 4 орудия, позже – ещё больше. Вскоре снаряды на-

чали ложиться и вдоль офицерских цепей. Добровольческие батареи молчали. Рассчитывать прорваться через линию железной дороги, не имея в запасе ни одного снаряда, было невозможно.

С позиций Офицерского полка было хорошо видно, как к красногвардейцам подходили подкрепления. Их линия всё удлинялась. Наконец, большевики пошли в атаку. Добровольцы подпустили их и, обстреляв с короткой дистанции, бросились в штыки. Красногвардейцы, не приняв боя, тут же отступили, и в дальнейшем наступательных действий не предпринимали.

К вечеру, когда начало уже темнеть и обстрел прекратился, на левый фланг полка вышла из Гначбау его 4-я рота. Впрочем, от одного из разъездов пришло сообщение, что красногвардейцы митингуют. В ночи можно даже было разобрать, как отдельные ораторы предлагали не атаковать ночью, так как «кадеты всё равно никуда не денутся». Судя по всему, к этому же склонялись и остальные. На этом бой под Гначбау завершился.

Однако артиллерийский обстрел колонии едва не привёл к катастрофическим последствиям. Первые же гранаты, разорвавшиеся вблизи домов, вызвали самую настоящую панику в обозе, которая мгновенно распространилась вокруг.

Показалось, что обстрел является началом конца, и что в скором времени в Гначбау ворвутся победители. Никто уже не рассуждал, надо ли срывать знаки отличий. Погоны раненые просто спарывали. Многие кинулись к жителям колонии в надежде приобрести гражданское платье. Подводы и телеги пытались выехать в степь, но на узком пространстве цеплялись друг за друга, застревая намертво и усиливая сумятицу. А снаряды всё падали и падали один за другим, накрывая разрывами людей и дома...

Дело принимало весьма серьёзный оборот. Самые нелепые слухи носились в воздухе. И многие жадно воспринимали их, и легко верили всему, так как на карту были поставлены их жизни. В течение нескольких часов до самого вечера в штаб Армии поступали донесения одно тревожнее другого. Сообщалось, в частности, что один из конных полков *решил* прорываться самостоятельно, что организуются конные партии, уже готовые распылиться.

Во второй половине дня к Деникину прибыл заметно смущённый адъютант Алексеева ротмистр Шапрон и доложил о том, что, якобы, два полка решили спастись, выдав большевикам при посредничестве Баткина высших начальников и армейскую казну⁴⁶², и что для охраны генерала Алексеева уже прибыл самовольно собравшийся офицерский эскадрон⁴⁶³.

Едва Деникин отпустил ротмистра, к нему один за другим стали прорываться беженцы из чиновников разных степеней и званий. Требование у всех было одно: поставить их подводу в голове обоза. Следует признать, при Корнилове подобное было вряд ли возможно.

При всём желании Командующий не мог удовлетворить их требований. Не мог также и оставить находящиеся под обстрелом поселения. Выступить до темноты означало раскрыть перед противником планы дальнейшего движения. Приходилось только лишь ожидать, когда начнут сгущаться сумерки.

Оставалось и ещё одно дело, которое не терпело дальнейших отлагательств. Тела Корнилова и Неженцева в сосновых гробах тайно вывезли в укрытое рельефом от случайного взгляда место и предали земле.

«Лишь несколько человек конвоя, – пишет Деникин, – присутствовало при опускании гроба. И вместо похоронного салюта верных войск, почившего командующего провожал в могилу

⁴⁶² Насколько всё это соответствовало действительности, судить трудно. Думается, дальше разговоров потерявших самообладание людей дело не продвинулось. Но о том же самом говорит и Д.Е. Скобцов, который, по сути, определяет один из источников возникновения подобных слухов. Вот что он пишет: «После полудня ко мне пришёл... один из адъютантов И. Макаренко... отозвал меня в сторону и таинственно предупредил:

– Нужно смотреть в оба теперь... Нынче ночью решается наша судьба. Вскочим – наша взяла. Нет, – погибли или... спасайся, кто может...

В заключение он передал приглашение от своего шефа Ив.Л. Макаренко вместе с ними и правительством Юго-Восточного Союза присоединиться к Черкесскому полку...

...Это было уже серьёзным показанием, какое зыбкое состояние духа в отряде».

⁴⁶³ Сам Деникин никаких мер не принял, он лишь позже предложил Бычу, чтобы Кубанская Рада на ночном переходе находилась рядом со штабом. Но едва подобные слухи достигли штаба 1-й бригады, полковник Тимановский по своей инициативе передвинул одну из рот Офицерского полка ближе к штабу Армии.

гром вражеских орудий, обстреливавших колонию. Растерянность и страх, чтобы не обнаружить присутствием старших чинов места упокоения, были так велики, что начальник конвоя доложил мне о погребении только после его окончания. И я стороной, незаметно прошел мимо, чтобы бросить прощальный взгляд на могилу...»

Тела были захоронены за околицей поселения на пахотной земле. Могилы потом заровняли, чтобы скрыть все признаки их наличия. Наскоро были сняты кроки, определяющие место захоронения, розданные для хранения трём разным лицам.

Однако успокоения погибшие не обрели. Всё дальнейшее описывает в своих воспоминаниях Деникин:

«В тот же день (2-го апреля), – говорится в описании Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, – Добровольческая армия оставила колонию Гначбау, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики в предшестве разъездов Темрюкского полка. Большевики первым делом бросились искать якобы «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они натолкнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны и тут же большевики, увидев на одном из трупов погоны полного генерала, решили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать оставшаяся в Гначбау по нездоровью сестра милосердия Добровольческой армии, которая, по предъявлении ей большевиками трупа для опознания, хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу⁴⁶⁴, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом повезли в Екатеринодар...

В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарёв, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; ругали генерала Корнилова. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы

⁴⁶⁴ По занятию в августе Добровольческой армией колонии Гначбау тело подполковника Неженцева было вырыто, перевезено в Новочеркасск и там захоронено с воинскими почестями на городском кладбище.

вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представителей советской власти Золотарёв появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привёз тело Корнилова; но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарёва честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезён не отрядом Золотарёва, а Темрюкцами. Появились фотографы; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но верёвка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела...

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях...

В один день не удалось докончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами и потом опять жгли⁴⁶⁵».

Борьба генерала Корнилова, как и жизнь его, отданная этой борьбе, были окончены...

6.14. Медведовская. Подвиг генерала Маркова. Прорыв

Уже перед закатом Деникин отдал приказ выступить. Обстрел колонии почти прекратился. В опустившейся темноте точный прицел взять было затруднительно, и последние сна-

⁴⁶⁵ Пепел потом забили в ствол орудия и, выстрелив в сторону Кубани, развеяли его над рекой. Вся эта неприглядная история не афишировалась, но и совершенно не скрывалась советскими источниками, что заставляет не сомневаться в её достоверности.

И это тот случай, когда комментарии не только излишни, но и недопустимы. К сказанному Деникиным ничего не прибавить и не убавить. И каждый вправе и обязан определить своё отношение к происшедшему сам.

ряды падали далеко в стороне. Первым тронулся обоз. На всякий случай для введения противника в заблуждение колонна стала вытягиваться поначалу строго на север и углубилась в прикрывающую её лощину. Было ли замечено движение, неизвестно. Несколько гранат разорвались на холмах, и советские батареи замолчали.

Уже ночью роты Офицерского полка сняли охранение и скорым шагом вышли к своей бригаде. Вновь образованная колонна двинулась, наконец, вперёд в следующем порядке. В голове её ехал командир 1-й бригады генерал Марков в сопровождении начальников: генерала Боровского, полковников Тимановского, Туненберга, Бонина⁴⁶⁶, подполковника Миончинского⁴⁶⁷. За ними следовали офицеры связи, конвой и команда подрывников. Далее – 1-я батарея, Офицерский и 1-й Кубанский стрелковый полки и 1-я инженерная рота.

На некотором удалении следовали генералы Деникин и Алексеев со штабом Армии. Далее – обоз с походным лазаретом впереди и арьергард, который составляла 2-я бригада генерала Богаевского. С левого фланга колонну прикрывал 1-й Конный полк. С правого – Черкесский. Конница на своём пути разрушала и портила все встречные мостки.

Пройдя несколько километров, колонна повернула на восток. Около 5 часов 3(16) апреля от направленного вперёд разъезда прибыл к Маркову офицер и доложил, что на переезде, расположенном южнее Медведовской, в железнодорожной будке виден свет, но на путях никого не замечено.

Генерал тут же остановил колонну, а сам с несколькими конными проехал к переезду. Не доезжая путей, Марков спешил и в сопровождении трёх офицеров, не раздумывая, вошёл в будку. Там находились два человека, которых сразу же отгеснили от телефона.

– Я генерал Марков. Кто на станции?

Перепуганные железнодорожники ответили, что на путях

---

⁴⁶⁶ Командир 1-й инженерной роты.

⁴⁶⁷ Марков на ходу обсуждал с командирами частей перспективы неизбежного предстоящего боя. Все понимали, что от его исхода зависит дальнейшая судьба и само существование Армии.

стоит под парами бронепоезд и два эшелона с красногвардейцами.

– Колонне – вперёд! – передал Марков команду офицеру связи. – И остановиться, не доходя шагов 200 до железной дороги.

Приказ его был выполнен в несколько минут. Колонна не успела ещё подойти на заданную дистанцию, как в будке раздался телефонный звонок. Марков поднял трубку.

– Спокойно ли на посту? Нет ли кадет? – спросили со станции.

– Совершенно спокойно, – как ни в чём не бывало, отвечал генерал. Однако ему сообщили, что бронепоезд всё же подойдёт «для верности» к переезду.

– Пришлите, товарищи, – вновь не растерялся Марков. – Оно будет вернее.

Подъехавшим к будке начальникам генерал сообщил:

– Сейчас подойдёт красный бронепоезд. Его мы не должны упустить...

И тут же начал раздавать короткие чёткие распоряжения. Всё происходило очень быстро, но о суетливости не было и речи. Марков, казалось, заранее знал, чем кончится всё на переезде, и заранее продумал, что и как будет делать.

Подполковнику Миончинскому было приказано перевести одно орудие через полотно и поставить с таким расчётом, чтобы стрелять в бок бронепоезда в упор. Второе же расположить у переезда для стрельбы вдоль железнодорожных путей.

Полковник Банин должен был сорвать телеграфные и телефонные провода от разъезда в сторону Новотитаровской, выслать в ту же сторону команду подрывников и разрушить пути⁴⁶⁸, как только возможно дальше от места предстоящего перехода «основных сил», и завалить шпалами рельсы у переезда.

Генерал Боровский получил приказ выслать сильный заслон в сторону Медведовской для прикрытия последующего движения Армии, часть сил расположить вдоль железнодорожного полотна, часть – перевести через пути и также выставить заслоном в сторону станции.

---

⁴⁶⁸ При этом Марков подчеркнул: «Это задание нужно выполнить. В нём наше спасение».

Артиллерийской роте с конвоем надлежало немедленно занять станицу Медведовскую⁴⁶⁹.

Кубанскому стрелковому полку – оставаться в резерве.

Уже через 5 минут орудие штабс-капитана Шперлинга стало на позиции в 60 шагах от полотна и изготовилось к стрельбе. Роты залегли на определённых им участках.

Вдоль полотна выхаживал в полном одиночестве заметно нервничающий Марков. Прискакал конвоец с донесением, что большевиков в станице нет. Тут же генерал приказал конвою атаковать станцию, а команде выздоравливающих оставить обоз и выдвигаться к Медведовской.

Время шло, а предрассветную тишину ничто не нарушало. Многие в цепях, сжав в руках трёхлинейки, уснули. Видимо, не надеясь уже на прибытие бронепоезда, Марков решил выманить его к переезду, обозначив некоторую активность. Только этим можно объяснить следующий приказ генерала. Подойдя к залёгшей 4-й роте и высмотрев по золоченым погонам полковника Биркина, Марков приказал ему выйти с правой стороны от полотна к станции и атаковать её, но если встретится бронепоезд, «ничем не выдавать своего присутствия».

Полковник был весьма смущён открывающимися перспективами, однако безропотно поднял взвод в 10 штыков и пошёл к Медведовской. Находясь на полпути к станции, Биркин увидел силуэт медленно продвигавшегося навстречу бронепоезда. Выдержки у части его людей не хватило. До половины взвода побежали к угадываемому невдалеке леску, оказавшемуся станичным кладбищем. Сам полковник с оставшимися укрылся в канаве у насыпи, атаковать станцию после происшедшего не решился и повернул назад.

Едва бронепоезд стал приближаться к переезду, добровольцы ближайшей к полотну роты вскочили, как по команде, и устремились прочь. Пока начальники сумели их остановить, люди успели отбежать шагов на полтораста. Всё это «шевеление» заметили с бронепоезда.

– Кто там? – выкрикнули оттуда, но никто не отозвался.

Веером рассылая в ночь пули прострочил коротко из башни

---

⁴⁶⁹ Станица была расположена восточнее станции и станционного посёлка.

пулемёт и смолк. Бронепоезд всё так же медленно и осторожно продолжал продвигаться вперёд. У будки его уже ожидал генерал Марков. Сняв приметную белую папаху, известную всей Армии, генерал рассчитывал, где лучше остановить бронепоезд, чтобы подставился под огонь борт паровоза. Определившись, он бесстрашно пошёл навстречу.

– Кто у пути? – раздался оклик.

– Не видите, что свои, – выкрикнул в ответ первое, что пришло в голову Марков и добавил для верности площадную брань. Подойдя вплотную к остановившемуся паровозу, бросил в кабину машинистов заранее приготовленную ручную гранату. Раздался взрыв.

– Орудие – огонь! – кричал что было сил генерал, отбегая от бронепоезда. Если машинисты и уцелели, и собирались дать задний ход, времени на это у них уже не оставалось. Первый снаряд орудия Шперлинга разорвался под колёсами, корёжа и ломая металл. Паровоз словно осел всей своей тяжестью на насыпь. Второй снаряд угодил прямо в котёл, взорвавшийся изнутри⁴⁷⁰. Бронепоезд застыл на путях. Оба его орудия и несколько пулемётов стреляли во все стороны.

Но в ответ продолжали стрелять в упор орудия и пулемёты 1-й батареи. От прямых попаданий загорелись вагоны. Заряд картечи, пущенной с бронепоезда, накрыл расчёт одного из батарейных пулемётов, в клочья разорвав четверых артиллеристов. Грянуло дружное «ура» 4-й и 1-й инженерной рот, бросившихся в атаку на попавший в западню, наполовину разрушенный уже бронепоезд. Надо отдать должное его экипажу, сплошь состоявшему из черноморских моряков. Сражались они до последнего, стараясь дорого продать свои жизни. Моряков забросали ручными гранатами и всех вскоре перебили. Лишь один выскочил из разбитого вагона в горящем бушлате. И Марков, неожиданно для всех, приказал оказать ему помощь.

---

⁴⁷⁰ В. Иванис утверждает, что паровоз был подбит не Шперлингом, а Н.А. Шаколи. Думается, добровольцам, чьи жизни зависели от удачной стрельбы артиллеристов, и самим номерам 1-й батареи, в ту минуту, да и позднее, оспаривать первенство, тем более, уточнять национальную принадлежность друг друга, и в голову бы не пришло.

Сам генерал думал уже о другом. Офицерскому полку было приказано атаковать станцию *всеми силами*. Кубанскому – быть в готовности его поддержать. К колонне поскакал офицер связи с распоряжением немедленно начать движение и пересечь полотно как можно скорее. На глаза Маркову попался вернувшийся к переезду полковник Биркин.

– А вы что тут делаете? – закричал генерал. – Я послал вас атаковать станцию!

– Вам хотел помочь, Ваше Превосходительство...

– Не надо мне никакой помощи... Впрочем, оттащите скорей заднюю платформу с орудием и вагон со снарядами. Скорее, пока не загорелись!

Добровольцы Биркина вместе с артиллеристами отцепили и откатали в сторону платформу с вагоном. К орудию на платформе вскочил Миончинский с номерами и сразу же открыл огонь по станции. Уже рассветало, и видно было, как разрываются облачка шрапнели над вышедшим было на подмогу бронепоезду красногвардейским эшелоном.

– В атаку на станцию! Живо! – крикнул генерал Биркину и тут заметил, как один из прапорщиков, потеряв в скоротечном бою ориентировку, подкладывает под вагон с боеприпасами охапку соломы. – Шмидт, что вы делаете? Там снаряды!

Обоз торопился вырваться в степь. Одна за другой подводы и телеги переезжали через пути и уносились к Медведовской.

Тем временем Офицерский полк подходил к станции. Справа от железной дороги правофланговая 5-я рота атаковала первой, но встреченная плотным огнём, вынуждена была отойти в район кладбища. Остановилась и соседняя с ней 4-я рота. Однако на левом фланге полка 1-я, 2-я и 3-я роты опрокинули красногвардейцев, заняли их окопы, а затем, с разгона, посёлок и станцию.

Оба эшелона поспешно ушли на Тимашевскую, обстреливаемые с короткой дистанции. Ускользнуть им удалось лишь по той причине, что вместе с пехотными ротами не наступала артиллерия. Всё же многим красногвардейцам пришлось прыгать на подножки уже на ходу. Немалая их часть не успела вскочить в ушедшие составы. Они пытались уйти, перейдя полотно, но там

С. Л. Марков

офицеров и навёл порядок.

На переезде разгружали боеприпасы из разбитого бронепоезда. Всего перенесли на подъехавшие подводы до 360 снарядов и 100000 винтовочных патронов, а также немалое число набитых пулемётных лент⁴⁷¹. Это было спасением для Армии. Теперь она могла дать не только штыковой бой, но и на огонь ответить огнём.

Артиллеристы собирались принять на вооружение захваченные орудия и вновь довести состав 1-й батареи до 4-х орудийного. Номера уже скатывали их с платформ, однако Марков запретил и приказал немедленно орудия испортить.

Обоз всё шёл и шёл нескончаемой лентой. На городское кладбище свозили *своих* убитых. Наскоро похоронили их в братской могиле. В Офицерском полку погибших было 15 человек, раненых – до 60. 1-я батарея четверых своих убитых похоронила прямо у переезда⁴⁷².

⁴⁷¹ В разгрузке приняли участие и легко раненые из обоза. Возможно, это помогло спасти от огня больше боеприпасов и имущества.

⁴⁷² Ранение в плечо получил и капитан Шаколи. Миончинский приказал ему идти в лазарет, однако капитан предпочёл остаться с орудием.

попали под удар возобновивших наступление 4-й и 5-й рот, и все почти погибли.

На станции большевиками был оставлен состав с провиантом, бельём, медикаментами и прочими атрибутами окопного быта. Соблазн был так велик, что многие добровольцы, забыв о преследовании противника, спешили рассеяться по домам посёлка в поисках пищи. Из 100 бойцов 1-й роты, при потерях до 15 штыков, к северной окраине посёлка вышли лишь 20. В остальных ротах ситуация была немногим лучше. Прибывший на станцию Деникин, не выбирая выражений, отчитал

Сюда же прибыл со станции Деникин. Внешне спокойный Марков доложил Командующему подробности захвата бронепоезда. Два генерала ещё с войны и Быхова понимали друг друга с полуслова. Куда более популярный в Армии Марков на Великой войне неизменно был в подчинении у Деникина. Испытывал к нему искреннюю симпатию, неизменные почтительность и уважение. К тому же, в отличие от Корнилова, с новым Командующим *до принятия решения* вполне можно было обозначить своё видение ситуации и обсудить предстоящие действия. И это, пожалуй, больше помогало⁴⁷³.

Некоторое возбуждение, однако, ещё не оставило генерала. А с ним и неизменная в бою весёлость.

– Один свой же мерзавец, – улыбаясь, рассказывал Марков Командующему, – так хлопнул из винтовки у меня над ухом, что я чуть не огрел его нагайкой. Отделался я шумом в ухе...

К Деникину прибыл разъезд от Эрдели. Доклад оказался неутешительным. Конный полк нарвался на крупный отряд Красной гвардии, понёс потери и вынужден был, предварительно испортив, бросить только что выделенное в бригаду орудие. Деникин приказал бригаде двигаться сразу в станицу Дядьковскую, а Черкесский полк предоставить в распоряжение генерала Маркова, которому предстояло идти теперь в арьергарде.

Обоз, наконец, прошёл. За ним скорым шагом двигалась через переезд 2-я бригада. Деникин вскоре уехал в Медведовскую. Марков приказал 1-й бригаде в полном составе перейти в станицу, а Черкесскому полку находиться у переезда, выслать разъезды и ждать новых распоряжений.

Армия остановилась в Медведовской лишь на короткий привал и сразу же проследовала на Дядьковскую. В голову колонны стала на этот раз 2-я бригада. За ней следовали «главные силы». В арьергарде на некотором удалении шёл 1-й Кубанский стрелковый полк. Марков посчитал возможным присоединить его к колонне, так как преследование большевиками организовано не было.

В станице задержались ненадолго Офицерский полк, 1-я инженерная рота и 1-я батарея. Через час им было приказано

⁴⁷³ Во всяком случае, до тех пор, пока Деникина окружали порядочные люди.

выстроиться у северо-восточной окраины Медведовской. Построение выявило неблагоприятное состояние полка. О масштабах потерь *догадывались*, но всё же не ожидали, что их будет так много. В строю Офицерского полка вместе с приданной Артиллерийской ротой оставалось менее 300 добровольцев. При этом 2-я рота насчитывала 9 штыков. Обнаружили нехватку ещё 20-30 человек, которые уцелели после боя за станцию и переезд. Собирались организовать их поиски, но тут раздалась команда и к строю приблизилась группа всадников. Впереди под национальным трёхцветным флагом ехал Командующий. Рядом – Марков, чья огромная белая папаха безошибочно выдавала своего хозяина. Удивительно, но факт, Деникина многие увидели впервые. Генерал был в расстёгнутом пальто, но под ним проглядывал военный мундир с двумя Георгиевскими крестами на шее и груди.

Поздоровавшись с частями, Командующий поблагодарил их за одержанную победу, которая без преувеличения спасла Армию. Затем вызвал к себе подполковника Миончинского и выразил ему отдельную благодарность. Повернувшись к находившемуся рядом Маркову, Деникин стал благодарить и его, но генерал, несколько даже смущённый, указал на 1-ю батарею:

– Ваше Превосходительство! Это не я, а они. Сегодня день артиллеристов.

После этого Деникин со штабом поскакал вперёд, а Марков вернулся в расположение Черкесского полка. Части 1-й бригады стали нагонять оторвавшуюся от них колонну.

До взвода офицеров, отсутствовавших на построении, во время предоставленного 2-часового отдыха отправилась на поиски съестных припасов. Встреченные весьма радушно, они наелись впервые за несколько дней и тут же заснули, попросив хозяев разбудить по построению полка. Разбудили их куда позже, части к этому времени уже оставили станицу. Опасаясь быть захваченными, группы из двух-трёх добровольцев выскакивали из домов приютивших их хозяев и спешили нагнать видневшийся далеко впереди полк.

Не меньше десятка таких групп растянулось по дороге. Им вслед выехала из станицы кавалькада всадников. Шедшие по-

следними добровольцы повернулись навстречу и выставили, было, штыки, но тут же различили белую папаху и, ожидая выволочки, стали «смирно».

– Здравствуйте, друзья мои! – крикнул им на скаку Марков.

– Здравия желаем, Ваше Превосходительство! – ответили добровольцы.

Они настолько были поражены, что генерал *сразу* понял и принял причину их отставания, что, не сговариваясь, разом выкрикнули ему вслед громкое «Ура!» Оно тут же было подхвачено остальными отставшими группами, достигло полка, и, едва Марков поравнялся с колонной, усилено и умножено им многократно...⁴⁷⁴

Пройдя до 15 километров, поздним вечером 1-я бригада вошла в станицу Дядьковскую, где уже стояли на днёвке остальные части и обоз.

6.15. Дядьковская. Успенская. Лежанка

В Дядьковской Армия была встречена с большим радушием. Казаки не пожалели для добровольцев ни съестных припасов, ни кровя для ночлега. Впервые за много дней люди выспались под крышами домов в относительно комфортных условиях.

Армия постепенно оправлялась от глубоких ран Екатеринодара. И первым признаком этого были возобновившиеся среди

⁴⁷⁴ «...среди всех трудностей, – пишет Львов, – наша армия, которую можно назвать армией не по её числу... но по её внутренней силе, сумела пробить себе путь...

...целый ряд счастливых случайностей выручал нас от неминуемой гибели. Там большевики не взорвали большой мост через Кубань, у станицы Усть-Лабинской... Взорви они мост, и путь нам был бы преграждён...

А там, у большевиков не хватило смелости пойти на нас в наступление. Будь у них больше решимости, и какой-нибудь десяток, другой юнкеров был бы раздавлен численным превосходством.

Сколько раз они могли напасть на обоз с нашими ранеными и переколоть всех. Для охраны обоза у нас не хватало людей. И, тем не менее, они ни разу не отважились на решительное наступление...

Чего-то у них не хватало, и напротив, что-то было в наших людях, что мешало противнику действовать решительно и покончить с нами одним ударом.

Вот это нечто, что заключается в самом человеке и приводит к тому, что десяток людей стоит целого батальона, и один полк разбивает дивизию».

личного состава разговоры о создавшемся положении и о перспективах. Сходились на том, что ситуация улучшилась, но не настолько, чтобы успокаиваться по этому поводу. Армия вышла в район с преобладающим казачьим населением, где не были сформированы отряды Красной гвардии. Но при этом всё равно оставалась в кольце железных дорог, а, следовательно, в любой момент могла вновь оказаться под ударом.

Главный же вопрос, на который никто не находил ответа, заключался в одном: что дальше? Куда теперь идти и на что рассчитывать?

Деникин между тем продолжал привносить в походный армейский быт значительно облегчающие его новшества. И в частности, Командующий приказал мобилизовать у казаков телеги для того, чтобы в последующих переходах перевозить на них хотя бы часть пехотных подразделений. Идея, заимствованная у большевиков, была настолько простой, что все лишь удивлялись, отчего она не нашла применения раньше. Скорость передвижения при этом увеличивалась, по крайней мере, вдвое. К тому же, строевые части не растрачивали понапрасну все силы на марше.

Но тут выяснилось, что быструю езду не могут перенести тяжело раненые. Так ли это было на самом деле, или же рекомендации медицинского персонала были использованы, как повод, но Деникин принял решение оставить в станице всех лежащих раненых.

Уже к полудню 4(17) апреля слух об этом разнёсся по Армии и вызвал всеобщее возмущение⁴⁷⁵. При этом все понимали, что Командующий во многом прав, и две сотни тяжёлых раненых неизбежно стеснят, а возможно, и погубят Армию. Но в то же время, каждый чётко осознавал, что и сам в любой момент мо-

⁴⁷⁵ «В станице Дядьковской, когда я обходил своих раненых, – пишет Казанович, – они с тревогой спрашивали меня: правда ли, что решено оставить тяжело раненных? Я успокоил их, назвал эти слухи провокацией и дал слово, что ни один партизан оставлен не будет. Едва я вернулся к себе на квартиру, как меня позвали на совещание к генералу Алексееву, и я к своему ужасу услышал, что обсуждается вопрос об оставлении раненых. Я рассказал о своём разговоре с партизанами; это вызвало некоторое смущение, но, тем не менее, большинство высказалось за оставление тяжело раненных. К счастью, у нас подвод оказался достаточно, и я мог сдержать слово, данное своим раненым».

жет очутиться на их месте. На милость красногвардейцев никто не рассчитывал.

Был созван совет из высших начальников и докторов лазарета. К удивлению многих строевые командиры поддержали Командующего⁴⁷⁶, да и Деникин в этом вопросе проявил твёрдость. Вероятно, его самого даже больше других тяготило принятое решение. Во всяком случае, всё, что можно было предпринять для облегчения их участи, он сделал. С ранеными оставались доктор и сёстры милосердия. Они были отданы на попечение станичного схода, что тоже имело определенное значение, так как большевики на первых порах старались без нужды казаков не задевать. И, кроме того, в Дядьковской были освобождены и оставлены ещё Покровским выведенные из Екатеринодара заложники. С них взяли слово, что раненым будет гарантирована жизнь и медицинский уход.

И.Л. Хижняк утверждает, что в ответ на это И.Н. Янковский ответил: «Мы не расстреливаем не только раненых, но и пленных». Но эмигрантские источники связывают относительно благополучное завершение этой истории с именем другого человека. «...оставлены были с ними... – пишет Богаевский, – и несколько заложников-большевиков, среди которых был видный деятель Лиманский, честно исполнивший впоследствии своё обещание защищать раненых». В итоге из 119 оставленных в Дядьковской добровольцев двое были убиты, 16 умерли от ран, но 101 удалось спасти. Некоторые из них позже вновь присоединились к Армии⁴⁷⁷.

Едва стало известно о принятом решении, в частях решили

---

⁴⁷⁶ «За оставление», в числе других, высказались Алексеев, Романовский, Марков.

⁴⁷⁷ Остался в станице и матрос Баткин. Деникин утверждает, что – по собственному желанию. Александров настаивает на том, что Баткин был изгнан. Думается, суть не в этом. Корнилов, являвшийся весьма посредственным оратором, возил его в обозе, именно под впечатлением зажигательных митинговых речей. Но после Екатеринодара стало очевидно, всё решится не на митингах, а в бою. К тому же в казачьих областях мало кого могли привлечь, по сути, весьма левые призывы Баткина, а раздражали они в Армии многих. «Матрос», как инструмент агитации, стал не нужен. Скорее всего, был бесполезен с самого начала. Препровождённый в расположение большевиков, он каким-то образом умудрился уцелеть.

спасать «своих». К лазарету потянулись выделенные полковые подводы. На них «замаскировано» перекладывались выразившие согласие двигаться в составе строевых колонн раненые и тут же увозились в расположение частей. Таким способом сохранили при Армии, но уже вне обоза и лазарета до 80 раненых.

В Дядьковской была расформирована Артиллерийская рота. Её чины были влиты во 2-ю роту Офицерского полка, которая после этого насчитывала до 60 штыков. Командиром роты был назначен полковник Коротаяев, командирами взводов капитаны Чунихин и Анкудинов.

Поздним вечером Армия, никем не тревожимая, оставила станицу. Часть пехоты вплоть до станицы Бейсугской шла походным порядком, а оттуда все ехали уже на подводах. В течение нескольких последующих дней добровольцы продвигались по степи ускоренным маршем. Направление и цель движения тщательно скрывались⁴⁷⁸. На перекрёстках стояли конные маяки и указывали дорогу. Останавливались лишь на короткие и длинные привалы.

После отдыха в Журавской Армия, не встретив какого-либо противодействия, пересекла в ночь на 6(19) апреля железную дорогу на отрезке между Кореновской и Выселками⁴⁷⁹ и в тот же день заняла Бейсугскую⁴⁸⁰. Выйдя из станицы ранним утром 7(20) апреля, Армия прошла через Владимирские хутора, и в ночь на 8(21) апреля вновь без боя пересекла железнодорожное полотно южнее Архангельской.

Здесь добровольцы уже совершенно оправились от недав-

---

⁴⁷⁸ В Дядьковской в приказе по Армии указывалось фиктивное место ночлега – станица Березанская. И лишь на плотине у речки Журавки выставленный штабом маяк сворачивал войска в противоположную сторону, к Журавской.

⁴⁷⁹ В полночь Армия вышла к железнодорожному полотну. Корниловский полк стал от переезда фронтом на Кореновскую, Офицерский – на Выселки. К 4 часам утра обоз был уже на той стороне. Полки сняли заслоны и проследовали вслед за «главными силами». Только через час подошёл советский бронепоезд, и даже дал несколько выстрелов. Однако к этому времени Армия уже вышла из зоны досягаемости артиллерийского огня.

⁴⁸⁰ Ныне – Новобейсугская. Поворот Армии к югу, обусловленный желанием держаться подальше от железных дорог, в Екатеринодаре восприняли, как попытку нового наступления. К Усть-Лабинской даже были двинуты значительные силы. Однако к этому времени добровольцы были уже далеко.

них неудач. Марков, бывший на переезде с Кубанским стрелковым полком, сообщил по телефону в Тихорецкую и Кавказскую о том, что «Добровольческая армия благополучно перешла железную дорогу». Помимо демонстрации вновь обретенной силы генерал рассчитывал выманить советский бронепоезд или эшелон с красногвардейцами и, уничтожив его, пополнить запас снарядов и патронов. На путях набросали шпалы, вдоль полотна залегли добровольческие цепи⁴⁸¹. К утру поезд подошёл, был остановлен и захвачен. Но состав оказался товарным. Из вагонов сгрузили перевозимых лошадей и изъяли перевязочные материалы. Боеприпасов в эшелоне не обнаружили.

Преодолев за четверо суток до 150 километров, к вечеру 9(22) апреля Армия прибыла в станицу Ильинскую, в которой впервые за время марша была объявлена полноценная ночёвка. Предполагалось продолжить марш, но стали поступать первые неясные известия о восстании казаков на Дону, что вносило определённые коррективы в планы командования. В новых условиях на первое место выходили не быстрые переходы, а точное определение дальнейшего маршрута.

Приносила свои плоды и объявленная Кубанским атаманом Филимоновым мобилизация⁴⁸². В Офицерский полк были вли-

⁴⁸¹ «Основные силы» проследовали на Хоперскую, и далее на Ильинскую.

⁴⁸² «Кубанские казаки, – пишет Деникин, – начали присоединяться к армии целыми сотнями. Кубанские правители, шедшие с армией, во всех попутных станицах созывали станичные сборы и объявляли мобилизацию. Правда, многие казаки тотчас по выступлению в поход возвращались домой, многие должны были за отсутствием оружия следовать при обозе. Тем не менее, в рядах Армии к маю было более двух тысяч кубанцев.

Между кубанскими властями и командованием установились отношения сухие, но вполне корректные. Атаман, Правительство и Рада ни разу не делали попыток нарушить прерогативы командования и, кроме мобилизации, несколько помогли растаявшей казне Алексеева – миллионом рублей и принятием на себя реквизиционных квитанций за взятых лошадей и другое снабжение. В частях, не исключая и кубанских, к Правительству и Раде относились иронически и враждебно. Им не могли простить их самостийно-революционное прошлое и то обстоятельство, что «радянский отряд», в 160 здоровых, молодых всадников, на отличных конях, ездил в обозе даже тогда, когда в бой шли раненые». Следует, конечно, учитывать, что после событий осени 1919 г. Деникин по отношению к Кубанскому правительству вряд ли мог оставаться непредвзятым.

ты до 200 казаков. Получили пополнение и «корниловцы». Начали зачислять на службу, в основном на нестроевые должности, и пленных солдат-красногвардейцев. Поначалу подобные случаи были, конечно, единичными.

10(23) апреля имело место первое после Медведовской более-менее масштабное боестолкновение. В 18 часов красногвардейцы повели наступление от станицы Дмитриевской. Навстречу выдвинулись части 2-й бригады. Корниловский полк развернулся вправо от дороги, Партизанский – влево. К 22 часам противник был оттеснён и, оставив Димитровскую, отошёл на Расшеватскую. В захваченной станице были взяты два пулемёта. К полуночи бригада вернулась в Ильинскую и стала на своих квартирах.

12(25) апреля Армия перешла в станицу Успенскую, где также задержалась на несколько дней. Вечером было объявлено о намерении Командующего 14(27) апреля произвести по бригадам смотр Армии. За сутки до назначенной даты смотр 1-й бригады произвёл её командир. Полки выстроились поротно развёрнутым строем. За ними стояли полковые обозы. Поздоровавшись, Марков выступил перед Офицерским полком с речью⁴⁸³.

– Ого! Полк ещё большой⁴⁸⁴. Воевать можно, – начал он оптимистично. – Ныне Армия вышла из-под ударов, отдохнула, пополнилась и готова к новым боям. У нас имеются сведения о восстании казаков на Дону. Возможно, скоро мы передвинемся к ним поближе, перейдём на Дон, но не будем терять влияния и связи с Кубанью и упускать из вида общероссийскую задачу. Куда мы перейдём, вас это не касается...

*Я слышал, что в минувший тяжёлый период жизни Армии, некоторые из вас, не веря в успех, покинули ряды и попытались спрятаться в сёлах. Нам хорошо известно, *какая судьба их постигла*. Если и теперь кто-либо ещё желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану: вольному – воля, спасённому – рай и... к чёрту!*

⁴⁸³ Смотри 1-го Кубанского стрелкового полка производил его командир полковник Туненберг.

⁴⁸⁴ Вместе с пополнением и возвращавшимися из лазарета лёгкоранеными в полку насчитывалось до 600 штыков.

В преддверии общеармейского смотра Марков дал несколько поручений, прошёлся перед строем полка, лично здороваясь и коротко переговаривая со многими и затем обошёл и внимательно осмотрел обозы.

В этот же день Деникин издал приказ, в котором помимо прочего говорилось следующее:

«...Замечено также, что при обозе ездят люди, не занимающие никаких должностей в Армии и только отягчающие её передвижение.

Поэтому приказываю:

1) Всем лицам, ведущим самостоятельное существование при Армии⁴⁸⁵, таковое прекратить, вступив в строевую часть Армии.

2) Назначаю комиссию под председательством ген. Маркова для проверки всех, находящихся в обозе и

3) Всех уклоняющихся, а равно не желающих вступить в Армию вопреки моего приказа, *вывести за околицу и плетью отогнать в сторону противника*».

14(27) апреля на станичной площади выстроилась 1-я бригада. Командующий со штабом под неизменным, будто бы переданным покойным Корниловым, трёхцветным знаменем объехал строй, здороваясь с каждой частью по отдельности. Затем, поблагодарив войска, выступил с речью, в которой уверил, что дело не проиграно, начатая борьба продолжается и с восстанием на Дону получает новое развитие. И сообщил напоследок, что Армия выступает на помощь донцам.

После этого бригада прошла перед Командующим церемониальным маршем. Настроение у всех было приподнятое. Роты печатали шаг. От чётких громких ответов на приветствия дрожали стёкла в домах. Добровольческая армия восстановилась

⁴⁸⁵ Непрерывные переходы из области в область и из района в район весьма способствовали меновой торговле. Беженцы, выздоравливающие офицеры, а иногда и проходимцы, непонятно как приткнувшиеся к Армии, вначале занимались ей для добывания средств пропитания. Но вскоре предприятия разрослись. Под прикрытием добровольческих штыков наиболее удачливые обзавелись деньгами, товаром и личными подводками.

Остаётся лишь удивляться, что до подобных «элементов» не дошли руки у Корнилова.

и вновь обрела веру в себя и благополучный конечный исход.

Обладая подавляющим превосходством в силах и средствах, только что победившая в Екатеринодаре Советская власть не озаботилась или не смогла должным образом организовать преследование и раздавить добровольцев. В городе с первых дней началась борьба за власть. Командиры и части вовсе не спешили оставить город и выступить навстречу новым кровопролитным боям. Борьба же с Армией силами местных формирований заранее была обречена на провал. Поселковая Красная гвардия была не столь организованной и хорошо вооружённой, как крепко сколоченные, закалившиеся в боях солдатские полки 39-й дивизии и отряды выдвинувшихся советских командиров. К тому же от своих хуторов и куреней красногвардейцы, тем более казаки-фронтовики, отходили весьма неохотно.

В штабе Армии было получено известие, что в хуторах восточнее Новолокинского поселения развёрнут штаб Красной гвардии и оборудован склад боеприпасов. В 20 часов 13(26) апреля три роты Корниловского полка в количестве до 160 штыков под командой капитана Скоблина прибыли в Новолокинское в распоряжение генерала Эрдели и стали готовиться к наступлению. Атака то откладывалась, то назначалась вновь⁴⁸⁶. Наконец, 15(28) апреля в 3 часа ночи «корниловцы» под покровом темноты приблизились к окопам красногвардейцев у Дюпатовского хутора, ворвались в них и опрокинули противника. Правее наступала бригада Эрдели. Пластунский батальон полковника Улагая оставался в резерве.

Корниловские роты оставались на занятых позициях до 20 часов, затем возвратились в Успенскую, где и стали на квартиры. Склад обнаружен не был. В ночной атаке добровольцы потеряли убитыми и ранеными до 60 человек. Но атака не оказа-

⁴⁸⁶ 14(27) апреля Скоблин получил распоряжение присоединиться к главным силам полка, и к 9 часам утра привёл свой отряд обратно в Успенскую. Однако в 18 часов последовал приказ, подтверждающий прежний наступательный замысел. К 23 часам «корниловцы» вновь сосредоточились в Новолокинском.

Видимо в зависимости от меняющейся обстановки в штабе не могли определить, к чему склониться. Немедленно всеми силами идти на Дон, либо всё же попытаться захватить у противника столь необходимые боеприпасы.

лась бесполезной. Вольно или невольно, но «корниловцы» обозначили ложное направление последующего движения Армии и отвлекли от действительного маршрута.

При первых же невнятных слухах ещё из Ильинской на Дон, в станицу Егорлыкскую для выяснения обстановки был направлен разъезд под командой полковника Барцевича. Пройдя за несколько дней до 200 километров, Барцевич прибыл в Ильинскую и привёз с собой несколько десятков донцов.

Доклад его, подтверждённый станичниками, превзошёл все ожидания. Дон поднялся против большевиков. Очаги сопротивления множились, сливались, образовали освобождённые районы и формировали вооружённые группы. Задонские станицы свергли Советскую власть, отбивались от нападающих красногвардейцев и просили добровольческое командование поспешить на помощь.

Посоветовавшись с Алексеевым, Деникин принял решение идти в Задонье⁴⁸⁷. Вместе с тем формировался особый конный отряд из четырёх кубанских и черкесских сотен, который под командой генерала Покровского должен был проследовать в Лабинский отдел и стать катализатором и ядром нового восстания⁴⁸⁸.

Представители Кубанских властей были приглашены в Штаб, где Командующий сообщил им о принятом решении. Вместе с тем Деникин подчёркивал, что Кубани Армия не оставляет, будет сосредоточена у её границ и при первой же возможности окажет военную помощь. Возражений не последовало. Было лишь заявлено опасение, что в этом случае отдельные

⁴⁸⁷ Почти одновременно прибыли и делегаты из станицы Прочноокопской. Они убедили Деникина идти в Лабинский отдел, где после неудачи восстания, «сохранилась вся организация, заготовлено оружие, и казаки только лишь ждут сигнала к новому выступлению». Более того, по их словам подобные настроения господствовали не только в Лабинском, но и в Баталпашинском, а частично, и в Майкопском и Кавказском отделах, и всё, якобы, готово было для занятия Армавира.

⁴⁸⁸ Покровский с отрядом намеревался следовать через станицу Расшеватскую, но ввиду сосредоточения в ней значительных сил противника, а также, нежелании Черкесского полка выделить две сотни для экспедиции, вынужден был вернуться к Армии. При последующем движении к Гуляй-Борисовке и выходе Армии к полотну Владикавказской железной дороги, его отряд выполнял вспомогательные функции, прикрывая левый фланг наступающих.

кубанские части и подразделения могут не пойти с Армией. Однако когда части узнали о том, что добровольцы уходят в Задонье, даже те кубанские сотни, которые могли по желанию идти с Покровским в Лабинский отдел, пожелали остаться с Армией.

Выступление основных сил намечалось на вторую половину дня 16(29) апреля с тем расчётом, чтобы подойти к полотну железной дороги ночью. Однако с 14 часов красновардейцы повели значительными силами наступление от Расшеватской. Навстречу выдвинулись Корниловский и Партизанский полки и до 20 часов сдерживали противника. Когда бой стал затихать, 2-я бригада снялась с позиций и стала в арьергарде ушедшей вперёд армейской колонны.

1-я бригада оставила Успенскую после полудня. Вначале части, продолжая вводить противника в заблуждение, двигались на северо-восток. Продвигаясь по бездорожью, сбились с пути. Наступил вечер, и в сгустившихся сумерках добровольцы увидели на горизонте зарево. Вскоре бригада вышла к горевшему хутору, по-видимому, подожжённого красновардейцами. Офицерский полк обошёл его справа, 1-й Кубанский стрелковый – слева.

Выйдя в степь, Офицерский полк продвигался некоторое время в темноте, но был вскоре обстрелян и остановился⁴⁸⁹. С рассветом 16(29) апреля полк сбил незначительные заслоны противника, свернул круто влево и вскоре достиг полотна железной дороги на участке между станциями Белая Глина и Бя. Перейдя его, полк натолкнулся на новые позиции большевиков. На этот раз их занимали значительные силы.

Прикрывая дорогу на Горькую Балку, красновардейцы отрыли окопы таким образом, что полку для атаки пришлось развернуться на 45° вправо. Левый фланг полка под непрерывным обстрелом стал заворачивать, выравнивая линию, но тут со стороны Белой Глины подошёл советский бронепоезд. Едва шедшая в резерве за правым флангом 4-я рота успела перейти железную дорогу, два орудия и пулемёты бронепоезда с расстояния в 300-400 шагов стали расстреливать её с тыла и фланга.

⁴⁸⁹ Обоз под прикрытием конницы вышел к линии железной дороги и за ночь перебрался на другую сторону.

У многих во второй линии создалось впечатление, что полк окружён. Положение спасла подошедшая к переезду 1-я батарея. Несколькими удачными выстрелами артиллеристы отогнали бронепоезд на почтительное расстояние⁴⁹⁰. Он продолжал обстрел, но, вынужденный постоянно маневрировать, посылал снаряды уже не столь точно, как в начале боя.

Тем временем Офицерский полк выровнял, наконец, фронт и короткой атакой опрокинул красногвардейцев. На их плечах добровольцы ворвались в Горькую Балку. На окраине поселения были обнаружены трупы высланных накануне от Армии в разведку кубанских казаков, поэтому пленных не брали.

Не задерживаясь в селе, части 1-й бригады проследовали в станицу Плоскую. Туда же подтянулся вскоре обоз, а к вечеру от станицы Ново-Баклановской подошла и 2-я бригада.

Офицерский полк уходил от полотна последним и не избежал потерь. После того, как орудия 1-й батареи снялись с позиций, к переезду вновь подошёл бронепоезд и обстрелял Горькую Балку. Были раненые, а в батарее погибла сестра милосердия О.И. Башкова.

В Плоской Армия стала на ночлег. Эта была первая станица, которую заняли добровольцы на Кубани. Сюда же, «описав полную восьмёрку», они вернулись перед тем, как выйти из пределов Области.

В Плоскую прибыл разъезд донских казаков. Они сообщили, что на Задонье с юга и запада наступают значительные силы большевиков, и командование просит оказать помощь.

Во второй половине дня 17(30) апреля Армия двинулась на Лежанку и к вечеру заняла село. На этот раз сопротивления оказано не было, жители оставались в домах. Более того, село дало пополнение несколькими добровольцами. Проявившая настойчивость совсем ещё юная девушка обратилась лично к Маркову с просьбой зачислить её в качестве сестры милосердия. Генерал разрешил, но с одним лишь условием:

– У меня ухаживать за больными, а не за здоровыми, – пошутил он.

---

⁴⁹⁰ В этом бою у насыпи был убит капитан Згривец, беззаветный труженик военного лихолетья.

Весь день 18 апреля (1 мая) Армия стояла в Лежанке и приводила себя в порядок. Лишь 1-й Конный полк Глазенапа был направлен Деникиным в Егорлыкскую на помощь донцам⁴⁹¹.

Офицерский полк занимал восточную часть села, выставив у окраины охранение. На значительном удалении в степи разъезжали конные разъезды, и поэтому неожиданного нападения противника не ожидали. Тем не менее, к вечеру охранение усилили, выдвинув вперёд и пулемёты.

Перед рассветом 19 апреля (2 мая) часть полка была посажена на подводы и двинута на Лопанку. Перед тем как перевести Армию в Задонье, Деникин, как мог, старался обезопасить её с юго-восточного направления, нанеся местным формированиям Красной гвардии максимальный урон. Перед Лопанкой произошёл встречный бой, в ходе которого красновардейцы были сразу же опрокинуты. Офицерские роты заняли село, но ночью вернулись в Лежанку.

Были получены известия о том, что донцы оставили не только Кагальницкую, но и Мечетинскую и спешно отходят к Егорлыкской. Им на помощь 20 апреля (3 мая) Деникин направил 2-ю бригаду и всю конницу. В Лежанке с обозом и походным лазаретом с 1500 ранеными оставались лишь части 1-й бригады⁴⁹² и задержавшийся на некоторое время отряд Покровского.

⁴⁹¹ Когда Глазенап подошёл к Егорлыкской, в ней оставались только старики и дети. Взрослое население, положив на телеги свой скарб, ушло в степь. Узнав о занятии станицы добровольческой частью, казаки вернулись в свои дома. Многие с оружием в руках присоединились к полку. 21 апреля (4 мая) большевики оставили свои позиции и спешно стали отходить к югу. Сказались результаты обходного манёвра 2-й бригады, вышедшей на их тылы.

⁴⁹² В ночь на 20 апреля (3 мая) Командующий отдал приказ по Армии, в котором в частности говорилось:

«2. Завтра, 20-го апреля, приказываю ударить по группе противника, ведущей наступление на ст. Егорлыкскую, и разбить эту группу.

а) Г.-М. Богаевский – 2-я бригада (без чехословацкого бат-на) и Кубанский конный полк – выступить из Лежанки в 2 часа и, следуя долиной балки Водяной и затем на хут. Лисицына, ударить в тыл противника.

б) Полковник Глазенап – 1-й Конный полк, Кубанский пластунский бат-н и ополчение ст. Егорлыкской – активно оборонять ст. Егорлыкскую, а с подходом ген. Богаевского перейти в наступление и гнать противника к Северу.

в) Г.-М. Покровский – 3 сотни – наступать в указанном особой директивой направлении и захватить Гуляй-Борисовку.

3. Г.-М. Маркову – 1-я бригада – оставаться в сел. Лежанка, прикрывая её с

Вскоре большевики предприняли новое наступление, производимое одновременно с двух направлений, с востока и с юга. Численное превосходство их было подавляющим. Полки 1-й бригады развернулись в цепи, прикрыв Лежанку по всей линии. Добровольцам были розданы по 30 патронов на винтовку. Кроме того, Марков поставил пулемёты на подводы с большим запасом патронов. Несколько таких подвод составляли пулёмётные «батареи». Они должны были выезжать на фланги атакующих и расстреливать их в упор.

При поддержке артиллерии противник подошёл к селу на 1000 шагов, но встреченный огнём, вынужден был остановиться и залечь. Применённое Марковым новшество себя оправдало. В критический момент боя пулёмётные «батареи» выскакивали тут и там перед цепями и с расстояния в 400-500 шагов вели действительный огонь по большевикам. Воспользовавшись их замешательством, бригада перешла в контратаку. Частью сил она преследовала отступавших красногвардейцев несколько километров.

Однако о разгроме не могло идти и речи. Едва преследование прекратилось, противник остановился и быстро привёл себя в порядок. Советские батареи, став на новые позиции, повели огонь по выдвинувшимся вперёд подразделениям добровольцев. Шрапнели одна за другой рвались над продвинувшейся дальше остальных 4-й ротой. Цепь её залегла среди стогов сена и сараев с сельскохозяйственным инвентарём. Тяжёлых раненых как раз занесли, укрывая от винтовочного обстрела в один из таких сараев. Снаряд попал в угол строения, загорелась солома. Сарай запылал и сгорел в несколько минут. Трое раненых погибли в огне.

К ночи перестрелка прекратилась. Частям было приказано оттянуться к Лежанке, выставив сильное охранение. Потери оказались серьёзными. В Офицерском полку вышли из строя до 50 добровольцев. Ранение в голову получил и его командир генерал Боровский. Полк принял полковник Дорошевич.

востока и юга, для чего немедленно один батальон перевести на южную окраину селения и сменить заставы Г.-М. Богаевского.

4. Ген. Эрдели – Черкесский конный полк и разъезд Кубанского конного полка – вести разведку в прежних направлениях.

5. Штаб Армии – остаётся в Лежанке...»

2-я бригада в этот день действовала успешнее. С утра её полки выступили из Лежанки на хутор Иловайский, заходя в тыл советскому отряду, наступающему на Егорлыкскую с юга. Хутор был занят противником. Около полудня Корниловский полк, развернувшись, атаковал и отбросил большевиков. Обходной манёвр сразу же принёс свои плоды. Колонны красногвардейцев, продвигавшиеся к Егорлыкской, поспешили отойти на Гуляй-Борисовку. Местная Красная гвардия в несколько тысяч штыков рассеялась.

До вечера бригада отдыхала в занятых хуторах. В 20 часов возобновила движение, теперь уже на Гуляй-Борисовку. Впереди шёл Партизанский полк, за ним – «корниловцы». Около 5 часов утра 21 апреля (4 мая) колонна вышла к селу. «Партизаны» продолжили движение, а ведомый полковником Кутеповым Корниловский полк, развернувшись, без выстрела ворвался на окраину. Красногвардейцы были застигнуты врасплох и серьёзного сопротивления не оказали. Большая их часть в совершенном расстройстве отошла в степь, до трёх сотен захвачены в плен⁴⁹³, остальные – переколоты на улицах. Потери добровольцев, в сравнении с достигнутым результатом и захваченным вооружением и имуществом, оказались ничтожными. 5-6 человек получили ранения.

И главное, большевики спешно отошли от Мечетинской, которая тут же была занята донцами. Удовлетворённый действиями бригады Деникин разрешил Богаевскому задержаться в Гуляй-Борисовке и там встретить Пасху.

Тем временем 1-я бригада не могла оставить Лежанку, так как подвергалась непрерывным атакам противника. Лишь обоз и лазарет по частям переводились постепенно в Егорлыкскую.

21 апреля (4 мая) в Страстную субботу бригаде пришлось

⁴⁹³ «Подходя к селу, – пишет Казанович, – я с удивлением увидел, что вырытые впереди него окопы никем не заняты. Оказалось, что большевики ожидали подхода каких-то своих частей и, увидев издали нашу колонну, приняли её за своих и спокойно оставались по квартирам. Не теряя времени, мы атаковали село. Большевики были захвачены врасплох. Началась ловля и истребление их по дворам, в чём тотчас приняли участие и корниловцы. Пленных сгоняли на площадь на краю села. Вскоре их набралось у меня более 300.

Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание от ген. Богаевского: по случаю страстной субботы пленных не расстреливать...»

выдержать серьёзный бой. С утра село начали обстреливать советские батареи. Плотные массы пехоты накапливались в зоне видимости, разворачиваясь в густые цепи. Лежанка вновь охватывалась с юго-запада и северо-востока, но на этот раз фронт наступления оказался куда шире. По сигналу вся масса красновардейцев разом перешла в наступление.

Офицерский и 1-й Кубанский полки развернулись навстречу и упорно оборонялись. На отдельных участках переходили в контратаку и отбрасывали противника, но большевики, не считаясь с потерями, упорно продвигались вперёд⁴⁹⁴. К полудню они достигли поселкового кладбища и заняли кирпичный завод у земляной дамбы. Продвинься они к мосту, и дорога, связывающая бригаду с Егорлыкской, была бы перерезана. В Лежанке в этот момент находились Деникин⁴⁹⁵, Алексеев с сыном, а также и не успевшая перейти в Егорлыкскую часть лазарета с ранеными.

Чтобы отбросить противника от домов, Марковым был использован последний резерв – 1-я инженерная рота. Однако чтобы сбить отряд красновардейцев в несколько сот человек, её 80-ти штыков оказалось недостаточно. Под сильным огнём рота, не продвинувшись от окраины, залегла. Всё же, когда с соседнего участка была снята офицерская полурота, большевики были, наконец, опрокинуты и отошли. Лишь тогда подводы с ранеными кружным путём проследовали на Егорлыкскую и далее на Мечетинскую.

Это развязало руки Маркову, который стал действовать ещё энергичнее. К вечеру большевики уже не могли продвинуться к селу. Их наступление стало выдыхаться. Без выстрела поднялся

⁴⁹⁴ Захваченные в столкновениях с передовыми частями пленные красновардейцы показали, что на митингах было решено, во что бы то ни стало взять Лежанку и провести праздники в этом богатом селе.

⁴⁹⁵ Интенсивность обстрела характеризует следующий эпизод. Деревянный дом, который занимал в Лежанке Деникин, не мог служить надёжной защитой от артиллерийского огня. Снаряды, между тем, падали в непосредственной близости. Когда граната разорвалась во дворе, и шрапнель переранила лошадей, Романовский предложил Командующему перейти в расположенный в каменном здании штаб. Однако едва Деникин последовал его совету, здание штаба и соседний дом, в котором располагался лазарет, накрыло сразу серией разрывов. Были убитые и раненые. Командующий отделался осыпавшейся на него с потолка извёсткой.

Офицерский полк и молча пошёл вперёд⁴⁹⁶. Этого последнего нажима красногвардейцы уже не выдержали. Их смешавшиеся цепи отходили по всему фронту. И на этот раз противник не остановился на ближайших холмах. Советские отряды, не задерживаясь, отходили на свои квартиры в рядом расположенные сёла. Добровольцы их не преследовали. Части отошли в станицу и, выставив охранение, расположились на ночлег в домах на окраинах. За день 1-я бригада потеряла до 80 человек, из них 8 убитыми. При ней вновь сформировался походный лазарет, в котором насчитывалось уже до 150 раненых⁴⁹⁷.

Деникин приказал Маркову ещё на сутки задержаться в Лежанке, а затем, выйти к железной дороге западнее Целины, испортить пути, и лишь потом следовать к Егорлыкской. Уже вечером штаб вышел из села. На дороге Деникин разговорился с Романовским, с которым у него сразу же сложились тёплые, основанные на близости взглядов и убеждений, отношения.

– ...два месяца тому назад, – говорил начальник штаба, – мы проходили это же место, начиная поход. Когда мы были сильнее – тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла нас отчаянно в своей чёртовой ступке и не истолкла; закалилось лишь терпение и воля; и вот эта сопротивляемость, которая не поддаётся никаким ударам.

– Что же, Иван Павлович, как говорит внутренний голос – одолеем?

– Как сказать..., – задумчиво ответил Романовский. – Мне кажется, что теперь мы выйдем на большую дорогу. Но попадём в жестокую схватку между двумя процессами – распада и сложения здоровых народных сил. Они по существу будут бороться, а мы, в зависимости от течения их борьбы, одолеем или пропадем...

22 апреля (5 мая) в первый день Пасхи части 1-й бригады вышли на позиции, готовые отразить очередное наступление противника. Однако его не последовало. Весь этот день добровольцев в Лежанке никто не беспокоил. Красногвардейцы, находившиеся в ближайших селениях, на удалении в 15 километров,

⁴⁹⁶ По свидетельству некоторых источников в контратаке приняли участие и подошедшие от Егорлыкской к Лежанке подразделения донских казаков.

⁴⁹⁷ Ранен был и вновь назначенный командир Офицерского полка полковник Дорошевич. Его заменил полковник Хованский.

предпочли новому кровопролитному бою отдых и празднование.

Праздновали в рассыпавшихся у околицы цепях и «марковцы». Забегали, пользуясь неожиданным затишьем в хаты, но потом возвращались в линию. Разговеться особо было нечем, так как ещё с утра хозяйственные чины с обозом убыли в Егорлыкскую. Но, удивительное дело, продуктами добровольцев снабдили крестьяне, которые, казалось, не должны были испытывать по отношению к Армии особых симпатий. За два месяца похода многое действительно успело измениться...

Используя передышку, Марков обошёл стоявшие на позициях части. Не забыл он и о раненых, которых как мог, старался подбодрить. Четыре молодых офицера 4-й роты получили ранения в конечности.

– Что это вы подставляете свои ноги и руки? – пошутил генерал. – А я так вообще не подставляю себя под пули.

– Что, ранен? – обратился генерал к тяжело раненому пулей в живот добровольцу. Офицер не мог говорить, не переставая, отхаркивался кровавой пеной. Лишь кивнул и улыбнулся в ответ.

– По глазам вижу, что выздоровеете, – приблизившись, прошептал Марков⁴⁹⁸.

Вечером бригада выстроилась на поселковой площади. Здесь ей было объявлено о предстоящем марше. Части на подводах вытянулись в колонну и, перейдя по мосту Средний Егорлык, начали продвигаться к Егорлыкской. Уже в темноте на хвост колонны напоролся случайный большевистский грузовик, обстрелявший её из пулемёта. Шедшая в арьергарде 1-я батарея дала один выстрел, и грузовик исчез в ночи.

Вскоре бригада, свернув с тракта, взяла резко вправо.

6.16. Набег. Завершение похода

На рассвете 23 апреля (6 мая) 1-я бригада подошла к железнодорожному полотну у разъезда Прощального и основательно разрушила пути. Выворачивали целые рельсовые звенья. Отбивали шпалы и тут же сжигали их в разведённых кострах. Вы-

---

⁴⁹⁸ Офицер, которого врачи считали безнадежным, действительно впоследствии поправился и пережил своего командира.

сланная ранее команда подрывников подорвала их и у станции Целина. Тем не менее, прошедший ранее бронепоезд приблизился и обстрелял добровольцев. Орудия 1-й батареи несколькими выстрелами отогнали его на почтительное расстояние. Бронепоезд продолжал обстрел, но, пущенные с предельной дистанции, снаряды падали с большим недолётом. После этого бригада, никем не тревожимая, пошла в Егорлыкскую, прибыла в неё ещё до вечера и стала на ночлег.

В Егорлыкской Деникин выпустил весьма пространное Обращение, в котором напоминал о политических целях Армии, говорил об истории её развёртывания и результатах её борьбы. При этом подчёркивалось: «Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путём создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предрешали, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного Собрания⁴⁹⁹, созданного по водворении в стране правового порядка».

По сути, это было подтверждение заявленной ещё в Ростове программы движения, но также и агитация за вступление в Армию. В конце Обращения Командующий говорил об этом прямо: «Я призываю всех, кто связан с Добровольческой армией и работает на местах, в этот грозный час напрячь все силы, чтобы немедленно сорганизовать кадры будущей армии и, в единении со всеми государственно-мыслящими русскими людьми, свергнуть гибельную власть народных комиссаров».

23 апреля (6 мая) Деникин ознакомил с текстом Обращения Алексеева, Романовского и высших начальников. Возражений и замечаний не последовало. В походной типографии были отпечатаны листовки, которые впоследствии распространялись в Ростове, Новочеркасске и даже в Киеве и Москве. Впрочем, не они привлекали на Дон новых добровольцев. Сюда стремились

---

⁴⁹⁹ Упоминание об Учредительном Собрании в частях было воспринято без энтузиазма. Любая выборная власть в создавшейся обстановке представлялась многим, как производная от Временного правительства и даже Советов.

попасть все те, кого категорически не устраивала утвердившаяся власть большевиков. И не случайно попавшиеся на глаза прокламации влекли их в Армию, а сам факт её существования и кровью завоёванная боевая репутация.

Взятие Глазенапом Кагальницкой⁵⁰⁰ открывало, казалось, новые возможности. Наступление вдоль железной дороги на Батайск не представлялось теперь чем-то невероятным. Однако Деникин от него отказался. С запада подходили к Ростову немцы⁵⁰¹. Предугадать, где они остановятся, было невозможно. Соприкосновение же с германскими войсками не сулило добровольцам ничего хорошего. Воевать с ними, в силу своей малочисленности и недостатка боеприпасов, Армия не могла. Существовать на одной территории – считала недопустимым.

Деникин, избегавший по возможности категоричных решений и необратимых действий, посчитал нужным взять паузу и переждать некоторое время, вплоть до прояснения и стабилизации весьма непростой обстановки. При этом оставаться в боевой готовности и позаботиться о запасах вооружения.

Снарядов и патронов между тем действительно не хватало катастрофически. Успешные действия частей 2-й бригады, которая в своём движении приблизилась к участку железнодорожной ветки Ростов-Тихорецкая, натолкнули Командующего на принятие решения о набеге. Разведка доносила о непрерывном неупорядоченном движении воинских эшелонов, закупо-

---

⁵⁰⁰ Красногвардейцы откатывались почти без сопротивления. Складывалось впечатление, что направление брошено на произвол судьбы. В Добровольческой армии не знали о том, что советские войска, отходившие из Украины на Ростов и Лихую, озабочены в эти дни были чем угодно, но только не организацией наступления на Задонье.

⁵⁰¹ В сводке разведывательного управления от 24 апреля (7 мая) в частности говорилось: «Сведения об эвакуации большевиками Ростова подтверждаются. По слухам, требующим проверки, гайдамаки наступают на Ростов со стороны Б. Салы. Таганрог ими будто бы ещё не занят...

...на жел.-дорожный узел Звереве – Лихая в больших силах наступают украинцы. Ими же заняты станции Каменская и Митякинская, причём в последней у них много артиллерии и даже аэропланы...»

Судя по тому, что упоминались лишь «гайдамаки» и «украинцы», о масштабах германского продвижения штаб Армии к этому времени имел весьма смутное представление. О Дроздовском, по-видимому, сведений не имели никаких.

рившем магистраль. Занятие даже и нескольких промежуточных станций сулило богатую добычу.

Согласно разработанному плану намечалось выйти к участку Владикавказской железной дороги, занять узловую станцию Сосыка, а для недопущения вывоза военных грузов, – и рядом расположенные станции Крыловскую⁵⁰² и Новолеушковскую. Атаковать их следовало одновременно, на рассвете 27 апреля (10 мая).

Утро 24 апреля (7 мая) 1-я бригада встретила в Егорлыкской. Бодрые, хорошо выспавшиеся добровольцы разных частей и подразделений разбрелись по улицам в поисках друзей и знакомых. Многие спешили к походному лазарету, чтобы похристосоваться с ранеными. Во второй половине дня было объявлено о предстоящем выступлении. При этом уточнялось, что бригада выступит на рассвете на подводах, но о цели и маршруте похода не было сказано ни слова. Приказано было вещей с собой не брать, запастись лишь патронами. У Армии появлялся тыл...

Марков вызвал к себе семь офицеров 1-й инженерной роты во главе с подполковником Александровым и поставил отдельную задачу. Им надлежало выйти к железнодорожному полотну у разъезда Хуторской и на рассвете 27 апреля (10 мая) подорвать пути, чем отрезать станцию Сосыка от Ейска и сделать невозможным подвоз большевиками подкреплений с этого направления. В распоряжение Александрова генерал предоставил также троих проводников и черкесскую конную сотню. Отряд выступил с наступлением темноты⁵⁰³.

В 6 часов утра 25 апреля (8 мая) 1-я и Конная бригады выступили из Егорлыкской и, преодолев за сутки свыше 65 километров, остановились на ночлег в Незамаевской. Станицу не

⁵⁰² Ныне станция станицы Октябрьской.

⁵⁰³ Двое суток, соблюдая все меры предосторожности, отряд продвигался к цели. В ночь на 27 апреля (10 мая) пересёк полотно Владикавказской железной дороги севернее Сосыки и никем не обнаруженный следовал дальше. Оставив в 300 метрах от линии Ейской ветки черкесов и проводников, офицеры 1-й инженерной роты выдвинулись к полотну и заложили взрывчатку. Подожгли бикфордовы шнуры и стали уже отбегать, когда попали под обстрел подошедшего бронепоезда. Раздалось несколько взрывов, основательно повредивших пути. Это позволило добровольцам избежать потерь и отойти. С рассветом отряд подполковника Александрова пошёл на шум завязавшегося боя и благополучно присоединился к 1-й бригаде.

пришлось брать с боя, так как красногвардейцев в ней не было. Казаки просили Маркова оставить хотя бы роту, на что генерал предложил им сорганизоваться для обороны самим и вступить в Добровольческую армию. Определённого ответа не последовало.

С утра было произведено построение и оглашена боевая задача.

– Идём запасаться боевой провизией, – говорил перед строем Марков. – 2-я бригада будет наступать на станцию Крыловскую. 1-я в центре, – на станции Сосыка-Владикавказская и Сосыка-Ейская. Конная – левее, на станцию Леушковскую. Цель – захват всего, что имеется у большевиков на этих четырёх станциях. Боевая провизия необходима ввиду массового прилива в ряды Армии кубанских казаков...

От Незамаевской бригады пошли разными дорогами. 1-я проследовала к Сосыке и, не доходя до неё нескольких километров, стала в степи. Разъезды приданного Черкесского дивизиона докладывали, что станция прочно занята значительными силами противника, а на путях стоит бронепоезд. С наступлением ночи бригада развернулась в боевой порядок. Офицерский полк должен был атаковать станцию, 1-й Кубанский продвигаться левее, чтобы сразу по занятии Сосыки-Владикавказской, наступать на Сосыку-Ейскую.

Перед рассветом 27 апреля (10 мая) Марков выдвинул вперёд 1-ю роту Офицерского полка для демонстрации наступления. Рота сбила охранение противника, подошла к станции на 200 шагов, но, попав под огонь орудий и пулемётов бронепоезда, вынуждена была залечь. Вскоре, атакованные превосходящими силами противника с флангов, добровольцы стали отходить. Преследовавшие её плотные массы красногвардейцев были встречены артиллерийским и пулемётным огнём в упор. Завязалась перестрелка.

Едва рассвело, Офицерский полк всеми силами⁵⁰⁴ атаковал станцию, рывком продвинулся вперёд, но под огнём противника всё же вынужден был залечь у самого полотна. Лишь когда 1-я батарея отогнала от станции советский бронепоезд, а на левом фланге послышалось громовое «ура», продвигавшихся

⁵⁰⁴ Включая приданный Пеший взвод 1-й батареи.

вперёд кубанцев, полку удалось смять противника и ворваться на станцию. Не останавливаясь, добровольцы повернули влево и продолжали наступать вдоль путей. Красногвардейцы сопротивления уже почти не оказывали, и вскоре рассеялись в темноте. Бронепоезд спешно ушёл на Крыловскую. Ему удалось проскочить станцию до занятия её частями 2-й бригады.

Обе станции были заняты, и на путях захвачены в полной сохранности несколько эшелонов с вооружением и военным имуществом. Всё, что возможно стали перегружать на подводы, на которых располагалась в походе пехота. Офицерский полк недосчитался 100 убитых и раненых добровольцев. Основные потери приходились на 1-ю роту. При численности в 150 штыков она потеряла 27 человек убитых и 44 раненых. Был ранен и полковник Хованский, третий командир полка за весьма непродолжительное время. На должность был назначен полковник Тимановский.

В какой-то момент разведка донесла Маркову, что с востока приближаются плотные массы пехоты и кавалерии. Однако тревога оказалась ложной. Это были казачьи сотни, выставленные с опозданием станицей Незамаевской, всего до 500 штыков и сабель. Прибывший на станцию Деникин тут же распорядился влить казаков в состав 1-й бригады и выдать им оружие.

Офицерский полк, не встречая организованного сопротивления, занял к этому времени станицу Павловскую. Жители выходили навстречу добровольцам, но им было предложено немедленно расходиться по домам, так как удерживать станицу длительное время Армия не могла. Несколько десятков захваченных пленных Марков приказал отпустить. Вероятно, он старался не допустить ответных репрессивных мер по отношению к казачьему населению.

К вечеру в станицу подтянулся и 1-й Кубанский стрелковый полк. С наступлением темноты бригада в походном порядке, сопровождая обоз в несколько сот телег с захваченным имуществом, проследовала дальше к северу.

Успех сопутствовал и 2-й бригаде. Ещё 23 апреля (6 мая) части перешли в Андреевку⁵⁰⁵, где два дня приводили себя в порядок

⁵⁰⁵ В этот день было получено известие о занятии казаками Новочеркасска.

и готовились к выступлению. В 4 часа 25 апреля (8 мая) бригада на подводах выступила к станице Ново-Пашковской, занятой отрядом красногвардейцев. Шедший в голове колонны Партизанский полк развернулся и стремительной атакой выбил противника из станицы. Бригада, не останавливаясь, проследовала в походном порядке далее, на станицу Екатериновскую⁵⁰⁶. К 17 часам бригада вышла к станице и атаковала её всеми силами. И вновь красногвардейцы серьёзного сопротивления не оказали⁵⁰⁷ и вынуждены были отступить. Попытка преследования окончилась неудачей. На подходе к станции Крыловской подразделения Корниловского полка натолкнулись в степи на крупную советскую часть и с ходу опрокинуть её не смогли. Богаевский приказал отступить, оставив на занятом рубеже 2-й батальон Партизанского полка под командованием капитана Бузуна.

Бригада заняла Екатериновскую и, выставив охранение, в ней заночевала. 26 апреля (9 мая) были объявлены цели похода и задача бригады – станция Крыловская. В этот же день в состав бригады влилась сотня незамаевских казаков во главе с есаулом Калабушкиным. Попытки красногвардейцев повести наступление были пресечены Корниловским и Партизанским полками.

Богаевский не стал повторять лобовой атаки на станцию, а предпринял обходное движение⁵⁰⁸. Совершив манёвр, в 6 часов 27 апреля (10 мая) бригада, никем не обнаруженная, вышла к железнодорожному полотну и атаковала противника с юга. Корниловский полк наступал непосредственно на станцию, 1-й батальон «партизан» продвигался к станице Ново-Михай-

⁵⁰⁶ Ныне станица Крыловская Краснодарского края.

⁵⁰⁷ Перед атакой к Казановичу подъехал казак и сообщил, что до 70 мобилизованных станичников желают перейти на сторону добровольцев. «Мы с ним условились, – пишет Казанович, – что они сделают вид, будто идут на нас в атаку, а мы стрелять не будем. Конечно, был известный риск, но казак внушал мне доверие. Всё было выполнено по условию: показалась как бы идущая в атаку сотня, которая вместо атаки пристроилась к моему левому флангу. Это произвело отличное впечатление у нас и удручающее впечатление на большевиков, которые вслед за тем легко сдали нам станицу...»

⁵⁰⁸ Пройдя кружным путём свыше 15 километров, бригада вышла к полотну в 2 километрах от станции. Высланный вперёд конный разъезд захватил без боя заставу большевиков. При этом часть красногвардейцев, не желав попасть в руки врага, застрелились.

ловской⁵⁰⁹. В это самое время советский отряд продвигался от станции к Екатериновской. В предрассветных сумерках красногвардейцы натолкнулись на оставленный Богаевским 2-й батальон Партизанского полка. Завязавшийся встречный бой оказался непродолжительным. Орудия 2-й батареи развернулись у полотна и обстреляли противника с фланга и тыла. В рядах большевиков быстро распространилась паника. Отряд в полном беспорядке поспешил рассеяться в степи. Путь на станцию был отрезан, красногвардейцы спешно уходили на северо-запад вдоль железнодорожных путей.

Едва лишь рассвело, Корниловский полк в боевом порядке атаковал станцию. Противник был захвачен им врасплох. Гарнизон и красногвардейцы в 7 эшелонах спали. Поднятая у станции стрельба их не насторожила. Артиллерия с короткой дистанции стала бить по вагонам, что сразу же усилило неразбериху. Всё же эшелоны успели покинуть Крыловскую. Три из них ушли на Сосыку, где были встречены «марковцами». Остальные проскочили к Кисляковской. Станция вскоре была занята. На ней захвачены 2 оставленных орудия, боеприпасы и интендантское имущество⁵¹⁰. Хладнокровный буфетчик, только что обслуживавший Красную гвардию, с тем же профессиональным усердием разливал теперь чай по кружкам добровольцев.

Вскоре, однако, с севера подошёл советский бронепоезд. Не дерзнув под огнём добровольческой артиллерии приблизиться к станции, он на предельной дистанции посылал снаряд за снарядом. Прибывший на станцию Богаевский двинул навстречу Партизанский полк Казановича, который так и не успел атаковать станцию.

К полудню перед бронепоездом развернулись густые цепи красногвардейцев и пошли вперёд. Одновременно значительные силы большевиков повели наступление и от станции Ново-Михайловской. Обнаружилось серьёзное намерение противника отбить Крыловскую. Всё же ценой немалых потерь Партизанскому полку удалось не только удержать линию, но и при поддержке

⁵⁰⁹ Ныне станица Октябрьская Краснодарского края.

⁵¹⁰ За них пришлось заплатить немалую цену. В одном лишь Корниловском полку за время рейда до 100 человек были убиты и ранены.

«корниловцев» занять станицу. В бою был ранен генерал Казанович, оставшийся, тем не менее, в строю. К ночи перестрелка стихла. К этому времени в Ново-Михайловскую прибыл Деникин со штабом. Сюда же подходила от Сосыки и бригада Маркова.

28 апреля (11 мая) большевики возобновили наступление. К ним по железной дороге подходили всё новые резервы. Все новые орудия становились на позиции и вели интенсивный обстрел. Снаряд разорвался в непосредственной близости от дома, занимаемого штабом. При этом был убит один из вестовых.

Деникин, рассчитывавший с подходом полков 1-й бригады продвинуться дальше к северу, посчитал, что фактор внезапности утрачен, и возможная военная добыча уже не стоит цены, которую неизбежно придётся за неё заплатить. Приходилось принимать во внимание и другие, ставшие вдруг значимыми, обстоятельства.

«Должен сказать откровенно, – пишет Деникин, – что нанесение более серьёзного удара в тыл тем большевистским войскам, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входило тогда в мои намерения: извращённая до нельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи...»

Не имея представления о намерениях германского командования, Командующий, тем не менее, расчищать путь немцам на Кубань не собирался и приказал отступить в Задонье.

1-я бригада, сосредоточившаяся во второй половине дня в Ново-Михайловке, не задерживаясь, стала уходить на Екатериновскую. Пройдя станицу, бригада проследовала в Новопашковскую, где и заночевала. 29 апреля (12 мая) «марковцы» перешли в Гуляй-Борисовку, а 30 апреля (13 мая) вернулись в Егорлыкскую.

К 18 часам 28 апреля (11 мая) 2-я бригада, повредив пути и строения, оставила станцию и станицу и отошла на подводах в степь. В голове шёл Партизанский полк, в арьергарде – Корниловский. Большевики не преследовали добровольцев, ограничившись лишь непродолжительным артиллерийским обстрелом. В 4 часа 29 апреля (12 мая) колонна достигла хутора Кугоейского, где бригада стала на дневку. В 11 часов проследовали далее и в 17 часов прибыли в Мечетинскую, став на квартиры.

Заняла на время Новолеушковскую и Конная бригада Эрдели. Таким образом, налёт увенчался полным успехом. Впервые армия наступала на фронте свыше 33 километров. Все четыре определённые командованием станции были взяты, захвачена столь необходимая для Армии военная добыча.

К 30 апреля (13 мая) Добровольческая армия стала на отдых в двух станицах Задонья. Штаб Армии и части 2-й бригады расположились в Мечетинской. 1-я и Конная бригады – в Егорлыкской. Хотя Армию никто почти не тревожил, были выставлены сильные заслоны. В сторону Батайска, Лежанки и Владикавказской железной дороги – от большевиков. И в сторону Ольгинской – от немцев.

Наступило неожиданно затянувшееся затишье.

В эти же дни обоз из Мечетинской проследовал на Манычскую. Простоял там сутки, после чего раненые были погружены на пароход и на буксируемую им баржу и перевезены по Дону и Аксаю в Новочеркасск. В Аксайской ближе к полуночи пароход ненадолго подошёл к берегу и добровольцы впервые увидели с палубы немцев⁵¹¹. Дальше к северу, от Ростова германские части не пошли.

Миновали Старочеркасскую, затопленную разливом. Ранним утром пришли в Новочеркасск. Причалили у Васильевской мельницы около железнодорожной станции. Выяснилось, что раненых в городе не ждали. Рекомендовали ещё сутки, пока не подберут для них помещения, оставаться на пароходе⁵¹². Возмущён-

⁵¹¹ «В полночь причалили к станице Аксайской, – вспоминал Н. Басов, – и узнали поразившую нас всех новость. В Аксае – немцы. Какими судьбами они попали в Аксайскую, сколько их было и зачем они здесь, конечно, на этот вопрос никто не мог ответить. Говорили, что наш пароход посетили немецкие офицеры, узнать, чем они могут нам помочь. Наше начальство вежливо отстранило какую-либо помощь с их стороны, заявив, что добровольцы ни в чём не нуждаются, у них всё есть...»

⁵¹² По словам Л.В. Половцова, посланного заранее для урегулирования вопроса о размещении раненых, начальник штаба Походного атамана Попова заявил ему, что ни одного раненого добровольца в Новочеркасске не примут, и рекомендовал везти их в Ростов. Попова в городе не оказалось. В Атаманском дворце Половцова принял Председатель правительства Донской области Янов. Возмущённый Половцов заявил, что хотя Деникиным не уполномочен, но уверен, если раненые не будут приняты, Добровольческая армия немедленно покинет пределы Области. Янов заверил, что вопрос решится в течение суток, и слово своё сдержал.

ный Родзянко прямо от пристани поехал в Атаманский дворец.

«Одни злобно ругаются, – пишет Роман Гуль. – Другие молчаливо задумались. Но раненых, *могущих идти*, удержать нельзя.

Обвязанные грязными бинтами, хромые, рваные, с тряпками, мешочками, с палочками, они уже сошли с парохода и ковыляют, идут в город.

На улицах прохожие останавливаются, удивлённо смотрят на оборванцев и осторожно спрашивают: «Вы кто такие, откуда?» – «Корниловцы, из похода вернулись». – «А-а-а!» – тянут прохожие, *спокойно ускоряя шаг...*

В Новочеркасске как будто ничего не менялось. Опять на чистеньких улицах мелькают разноцветные формы военных, красивые костюмы женщин, несутся автомобили, идут казачьи части. Только раненые корниловцы явились диссонансом. Хромые, безрукие, обвязанные, с бледными лицами, идут они по шумящим, блестящим улицам...»

Раненых, конечно, вскоре на извозчиках перевезли и разместили в Епархиальном училище, где был оборудован лазарет⁵¹³. Некоторые позже переехали в дома друзей и знакомых в город и близлежащие станицы. Многие потом вернулись в Армию. Кое-кто и вышел из неё...

30 апреля (13 мая) 1918 г. 1-й Кубанский генерала Корнилова поход был завершён.

Знак отличия участников 1-го Кубанского похода

⁵¹³ «Освобождение Новочеркаска, – пишет Деникин, – дало мне, наконец, возможность отправить туда раненых. Хотя власти приняли их там не особенно ласково, заявив, что предпочли бы видеть полк здоровых добровольцев, хотя много ещё пришлось им испытать невзгод в обедневших и разоренных донских лазаретах, но все это было несравнимо с тем, что они вынесли в походе, и казалось счастьем».

Думается, все недоразумения с ранеными обусловлены были не будущими разногласиями и непониманием, а элементарной нерасторопностью едва появившихся казачьих властей.

7. ПОХОД «ДРОЗДОВЦЕВ»

7.1. Формирование отряда. Начало похода

В конце ноября 1917 г. Генерал Алексеев, будучи уже в Новочеркасске, обратился с письмом к командующему Румынским фронтом генералу Д.Г. Щербачёву с письмом. В нём сообщал о создании Добровольческой армии, разъяснял её цели и задачи и приглашал добровольцев на Дон.

Щербачёв, находившийся под влиянием украинского комиссара Чеботаренко и представителей французской миссии, не взял на себя ответственность по формированию добровольческих частей. В то же время он и не препятствовал проявлению инициативы снизу. Без надёжных, крепко сколоченных формирований, цементирующих теряющие боеспособность войска, о продолжении борьбы с немцами нечего было и думать.

В начале декабря после настойчивых обращений бывшему командиру 14-й пехотной дивизии полковнику М. Г. Дроздовскому⁵¹⁴ было разрешено формировать строевую часть из добровольцев. В декабре в Яссах в доме №24 на улице Музелер открыли пункт записи в бригаду. Фронт был оповещён об этом

---

⁵¹⁴ Михаил Гордеевич Дроздовский, 1881 г.р. Профессиональный военный, после Киевского кадетского корпуса окончил и Павловское военное училище. Службу проходил в Волынском полку. В 1904 г. поступил в Академию Генерального штаба. По началу Японской войны, будучи прикомандирован к 34-му Стрелковому Сибирскому полку, принимал участие в боях. Под Ляояном был ранен в ногу. По окончании войны вернулся в Академию, которую окончил в 1908 г. Ценз командования ротой проходил в Волынском полку. Впоследствии в чине капитана был направлен в Штаб Округа в Харбине. В феврале 1912 г. был переведён в Штаб Варшавского военного округа. Великую войну встретил в Варшаве, где получил назначение в Штаб Главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Подал рапорт, в котором настаивал перевести его «ближе к линии», и вскоре был назначен в штаб 27-го армейского корпуса. Осенью 1915 г. в чине подполковника был назначен начальником штаба 64-й пехотной дивизии. 5 сентября 1916 г. при попытке взятия Капулы получил ранение в ногу. По излечении вернулся в строй. В январе 1917 г., произведён в полковники и назначен начальником штаба 15-й пехотной дивизии. 6 апреля 1917 г. стал командиром 60-го Замосцкого полка. 24 декабря – начальником 14-й пехотной дивизии. 11 декабря, ввиду разложения вверенной ему части, сложил с себя командование и уехал в Яссы, где по слухам формировался Добровольческий корпус.

соответствующими публикациями в газетах «Русское слово» и «Республиканец».

В качестве мобилизационного ресурса как Алексеевской организации, так и вообще для формирования добровольческих частей Румынский фронт выгодно отличался от других фронтов Великой войны. Большевики по ряду причин так и не смогли после переворота взять его под свой контроль⁵¹⁵. Наличие сохранивших дисциплину румынских частей замедлило разложение в войсках фронта⁵¹⁶ и обеспечило поначалу относительный порядок и безопасность в ближайшем тылу. Одновременно

⁵¹⁵ Командование Румфронтом повело переговоры о перемирии с немцами самостоятельно и сепаратно от Брест-Литовских. 24 ноября делегация во главе с генералом Кельчевским пересекла линию фронта. В тот же день в Фокшанах они встретились с представителями Центральных держав. На вопрос, признаёт ли Румфронт подписанный большевиками акт о перемирии, Кельчевский ответил отрицательно. В результате была достигнута договорённость о прекращении огня «на неопределенный срок».

В начале декабря к Щербачёву в Яссы прибыла делегация от Центральной власти. В её составе были русские и украинские большевики (в их числе и Е.Б. Бош), а также, и представители от частей фронта. Возглавлял «миссию» успевший отличиться в Кронштадте и под Пулковым С.М. Рошаль. В ходе предварительных переговоров Щербачёв оговорил прибытие шести невооружённых делегатов, однако приехало их свыше 15 человек. Большинство имело при себе револьверы.

Переговоры сразу же выявили взаимоисключающие позиции сторон. Рошаль предлагал Щербачёву оставаться на должности, но признать Советскую власть и выполнять её директивы. Генерал допустить на фронт комиссаров СНК отказывался категорически, соглашался лишь продолжать борьбу против внешнего врага. В этих условиях прийти к компромиссу было невозможно.

Когда переговоры окончательно зашли в тупик, один из делегатов, офицер-большевик Корнев в горячности, вдруг, выхватил револьвер и попытался прорваться к Командующему. Однако он тут же был схвачен офицерами штаба. Дом был окружён подошедшей на помощь румынской ротой. Неприятный инцидент был использован Щербачёвым для немедленного прекращения переговоров. Корнева арестовали, а остальных препроводили под конвоем на станцию Соколы. По дороге арестовали и Рошалья. Позже труп его был обнаружен в окрестностях Ясс. Никакого официального заявления ни Щербачёв, ни румынские власти по этому поводу не сделали.

Договориться не удалось. Разрыв командования фронта с Петроградом стал свершившимся фактом. Вскоре большевики выпустили воззвание «Всем! Всем! Всем!», в котором объявили Щербачёва «врагом народа».

⁵¹⁶ 30 октября 1917 г. фронтовой комитет принял решение «о непризнании Советской власти».

были пресечены попытки фронтовых большевистских организаций взять власть в свои руки⁵¹⁷

Но главное, фронт отделяла от Центра Украина⁵¹⁸.

И здесь немалое число офицеров, не принявших комитеты и выборное начало, покидало строевые части. Но они не разъезжались, а оседали в тыловых городах фронта, при расквартированных тут же штабах. Как показали последующие события, многие ожидали лишь приказа, чтобы вернуться в строй.

Первыми в отряд Дроздовского вступили 9 офицеров 61-й артиллерийской бригады во главе с капитаном С.Р. Ниловым⁵¹⁹. Развернулась вербовка. Были распечатаны и распространялись

---

⁵¹⁷ На рассвете 9 декабря румынами на станции Соколы была разоружена бригада железнодорожных войск, считавшаяся оплотом большевиков. Ревком был арестован.

⁵¹⁸ 3 декабря 1917 г. Генеральный секретариат УНР постановил объединить Юго-Западный и Румынский фронты. Командующим вновь созданного «Украинского» фронта был признан генерал Щербачёв. После окончательного и бесповоротного разрыва с большевиками «назначение» он, взвесив всё, принял. От предложения перенести Штаб фронта из Ясс в Житомир отказался наотрез. Фактически об объединении фронтов можно говорить лишь с большой натяжкой. Боевые действия с началом перемирия прекратились. Солдаты устремились в тыл.

В надежде удержать фронт от развала Щербачёв приступил к созданию так называемых «национальных» корпусов, которые, как представлялось, отличались бы большей устойчивостью. Были сформированы два польских корпуса (Довбор-Мусницкого и Галлера), один мусульманский (Сулькевича) и два украинских. Позже формировался и шестой корпус – добровольческий.

⁵¹⁹ Все они проследовали в Яссы, уже зная, что здесь будет формироваться добровольческая часть. По прибытии обратились в Штаб Румынского фронта, где получили заверения капитана Фёдорова в том, что формирование – дело лишь нескольких дней. Но время шло, а никаких подвижек не наблюдалось. Разочарованные артиллеристы решили покинуть Яссы и 16 декабря выехать на Дон к генералу Алексееву. Однако 15 декабря в гостиницу «Яши-Бухарест», где они остановились, зашли Фёдоров и Дроздовский.

– Я думаю, – сразу же прояснил ситуацию полковник, – начать в Яссах формирование отряда для борьбы с большевиками. Согласны ли вы присоединиться ко мне?

– Так точно, – последовал единодушный ответ.

На следующий день 16 декабря Штабом фронта было выделено помещение для вновь формируемого отряда (одна из палат лазарета Евгеньевской общины Красного Креста), комендантом которого стал капитан Нилов.

повсеместно листовки с соответствующим воззванием⁵²⁰. В то

⁵²⁰ В котором в частности говорилось:

«Офицеры и солдаты!

Учредительное собрание разогнано. Грабежи и насилия большевиков кровавыми волнами заливают Русскую Землю. Армии не существует: она погибла на радость ликующему врагу.

Отчаянное положение нашего Отечества вызвало необходимость создания добровольческих войск. Приказом по Румынскому фронту за №1334 объявлено о формировании Первой Отдельной Бригады Русских Добровольцев.

Бригада принимает всех желающих, не считаясь с политическими взглядами, но при условии беспрекословного повиновения начальникам и соблюдения полной дисциплины...

Условия службы в Первой Бригаде Русских Добровольцев:

1. В частях Бригады господствует абсолютная дисциплина, никаких комитетов не существует.

2. От поступающих требуется подписка о беспрекословном подчинении начальникам.

3. Содержание офицерам начинается с 200 рублей в месяц, при полном пищевом, вещевом довольствии, солдатам – от 25 рублей в месяц до 100, в зависимости от времени службы, поведения и звания.

4. Производство в чины, награды, ранения, пенсии засчитываются на общих основаниях с армией.

Запись добровольцев производится в Яссах, улица (страда) Музелер №24...»

Упомянутая подписка представляла собой следующий документ:

«Я, ..., поступаю добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию Российской Армии, причём за всё время пребывания в корпусе обязуюсь:

1. Интересы Родины ставить превыше всех других, как-то: семейных, родственных, имущественных и прочих. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, Родину, жителей её, без различия классов и партий и их имущество, от всякого на них посягательства.

2. Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3. Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами, до применения оружия включительно.

4. Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и.т.д.

5. Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям, не подвергая их обсуждению.

6. Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7. Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8. Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

же время первые «дроздовцы» ежедневно отправлялись на вокзал и в кафе, расположенное в центре города. Подсаживались к столикам, завязывали беседу, в ходе которой склоняли убывающих с фронта офицеров поступить в отряд. Дроздовским были направлены вербовщики в Киев, Одессу⁵²¹, другие крупные города, расположенные за Румынским фронтом.

Желающих записаться в Бригаду было поначалу немного, но всё же оформился постепенно костяк будущей части. К концу декабря была сформирована команда разведчиков во главе с капитаном Болговским, на которую была возложена задача материально-технического «оснащения» Бригады⁵²². Разведчики становилась в засадах на дорогах, ведущих от фронта⁵²³ в тыл. Останавливали уходящие мелкие подразделения, реквизируя автомобили, боеприпасы, интендантское имущество и в первую очередь вооружение. При этом командиры, шедшие впереди колонн, сразу же изолировались. Солдаты сопротивления не оказывали⁵²⁴. Офицеры, случалось, тут же присоединялись к отряду.

Проявил инициативу и назначенный комендантом капитан

9. Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартирования, как то: теснота, голод, грязь и пр.

10. Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11. Без разрешения своих начальников от своей части не отлучаться.

12. В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени».

⁵²¹ В Одессе было даже открыто вербовочное бюро.

⁵²² Положение Бригады с самого начала было двойственным. С одной стороны, Дроздовский формировал её с ведома и разрешения Фронта. С другой – на учёт и довольствие добровольцы поставлены не были. Официально части не существовало, и в то время как военные склады в Яссах были забиты под завязку, Бригада не могла получить с них ни вооружение, ни продовольствие.

⁵²³ После продекларированного 14 ноября большевиками перемирия с немцами фронты стали разваливаться на глазах. И Румынский не мог стать исключением. Целые части снимались с позиций и беспрепятственно уходили в тыл.

⁵²⁴ О солдатском безразличии свидетельствует следующий факт. На станции Соколы (в 3-х километрах от Ясс) 12 разведчиков Болговского «сняли» в парке часовых автомобильной роты и «окружили» эшелон, в котором размещались её чины. К утру 400 солдат практически без сопротивления «сдались» и передали разведчикам автомобили, вооружение и даже продуктовые консервы.

Нилов. Ему удалось уговорить старшую сестру лазарета отпустить «в счёт будущих благ» суп и кашу. В это же время военный агент Генерального штаба полковник Палицын «устроил» получение Бригадой хлеба с заднего крыльца хлебопекарни.

На всё это в Штабе Румфронта закрывали глаза. Щербачёв не хотел портить отношения с Радой, весьма насторожено воспринимавшей существование всех «неукраинских» формирований, но в то же время самоснабжению не препятствовал.

Вскоре «дроздовцев» было уже несколько сот человек. Предприятие расширилось настолько, что оставаться в прежних, стеснённых во всех отношениях рамках было невозможно. В первых числах января 1918 г. Дроздовский приказал захватить пришедшую в Соколы 8-ми орудийную горную батарею, что было исполнено незамедлительно.

4 орудия и 4 зарядных ящика вывезли в пустые бараки Румынской армии в местечке Скентея в 30-ти километрах от Ясс. Туда же перешли для постоянного квартирования и чины Бригады. С этого момента началось формирование строевых частей⁵²⁵, но уже и тогда отряд был прекрасно вооружён, эки-

---

⁵²⁵ В составе Бригады при деятельном участии начальника штаба полковника Войналовича были сформированы:

- 1-я стрелковая рота подполковника В.А. Руммеля;
- 2-я стрелковая рота капитана Андриевского;
- 1-й конный эскадрон (сформирован из команды конных разведчиков и влившейся в Бригаду группы офицеров 8-го Драгунского Астраханского полка во главе со штабс-ротмистром Аникеевым;
- конно-горная батарея капитана Колзакова;
- гаубичный взвод подполковника Медведева (в середине (конце) февраля);
- пулемётная команда;
- отряд броневедомств. История его появления в Бригаде такова. В середине (конце) февраля в Соколах в числе других частей «дроздовцами» была разоружена и 2-я противозащитная автомобильная батарея. В её составе три броневика (это были английские машины марки «Перлис» с толщиной брони 4 мм, вместо 7 мм, принятых для броневедомств), вооружённых 20-миллиметровыми скорострельными пушками системы «Виккерс». Ввиду недостатка снарядов к ним пушку с одной из машин (броневедомство №3) пришлось снять и полностью её перевооружить. К штатному ручному пулемёту были добавлены ещё три станковых, установленных в амбразурах. Щели между щитками пулемётов и кузовом заделывались специально подогнанными прокладками. Следует отметить довольно высокие технические

пирован, имел лёгкую и тяжёлую артиллерию, а также военнотехническое имущество и обоз.

В общежитии лазарета размещались теперь на постоянной основе лишь команда разведчиков и чины автомобильной роты фронтового подчинения⁵²⁶. Поступавшие в Бригаду офицеры группировались в лазарете, а затем отдельными партиями переправлялись в Скентею, где распределялись по частям. Свободные помещения занимали постепенно чины разросшегося штаба генерала Кельчевского. Вскоре туда перебрался и весь штаб. Добровольцы Дроздовского относились к штабным ровно, но между собой называли их «палатой лордов».

12 января Рада опубликовала IV-й универсал, который провозглашал независимость Украинской Народной Республики. Украинское правительство, разочаровавшись в идее создания национального фронта и, главное, дальнейшего продолжения войны, повело сепаратные переговоры с немцами. Ввиду этого совершенно иную позицию по отношению к добровольческому фронтовому движению заняли союзные миссии. На них, на добровольцев-ударников, способных ещё оттянуть на себя немцев, пытались теперь делать они ставку. Под влиянием союзников Щербачёв резко сменил своё отношение от безразличного к весьма доброжелательному и приступил, наконец, к централизованному формированию ударных подразделений. Приказом от 24 января учреждалась должность «инспектора по формированию добровольческих частей», на которую был назначен отнюдь не Дроздовский, а генерал-майор Кельчевский, Предполагалось создать корпус – 6-й добровольческий.

данные бронеавтомобиля №3. Так при боевой массе в 4800 кг он на дороге с твёрдым покрытием развивал скорость до 45 км/час. При этом, однако, не имел магнето-зажигателя. Завести мотор из кабины было невозможно. Каждый раз приходилось выходить и крутить рукоятку.

Любопытно, что из всех чиннов батареи к «дроздовцам» присоединился лишь шофёр бронеавтомобиля №3 младший унтер-офицер Генрих Хобар, латыш по национальности. За машиной он был командирован в своё время в Лондон. Получив, и транспортировав в Россию, находился при ней всю Великую войну. Впоследствии броневик прослужил в добровольческих частях вплоть до эвакуации Крыма Врангелем.

⁵²⁶ Большинство из них ушли в поход вместе с «дроздовцами».

При этом отряд Дроздовского становился 1-й его бригадой. 2-я формировалась в Кишинёве, 3-я намечалась к формированию в Болграде.

Ожидаемого широкого притока добровольцев не наблюдалось. Как свидетельствуют современники, не хватало имени. Будь во главе движения Корнилов, Алексеев, даже Брусилов, желающих было куда больше. Дроздовский настаивал на том, чтобы Командующий отдал прямой приказ, обязывающих офицеров прибыть в Яссы для прохождения дальнейшей службы в добровольческих частях. Однако Щербачёв в запутанной, меняющейся ежедневно политической обстановке на это пойти не рискнул. Тем не менее, к концу февраля (началу марта) 1-я бригада полковника Дроздовского насчитывала уже до 900 человек, 2-я генерал-лейтенанта Белозера – 800-1000.

27 января Украина заключила мир с немцами. Щербачёв принять его отказался, и теперь уже был предан суду Директорией⁵²⁷. Фронт агонизировал. Украинские подразделения рассеивались или уходили на восток⁵²⁸. Едва до солдат дошёл приказ об объявленной большевиками демобилизации, русские корпуса хлынули на север, к Черновицам. Там румыны выставили заслоны, и, убедившись в полном разложении оставляющих фронт частей, приступили к их разоружению. Практически без сопротивления всё огромное военное имущество фронта перешло в руки румын, которые аккуратно выдавали Щербачёву мало что значившие теперь расписки.

⁵²⁷ Впрочем, дальше заведённого производства дело не пошло. Рада, так же, как и СНК, действенных рычагов воздействия на командующего Румфронтом не имели. Щербачёв даже не подал в отставку. В это же время Румыния в ответ на занятие большевиками Кишинёва, под предлогом обеспечения безопасности тыла, ввела свои войска в Бессарабию. Щербачёв, действовавший теперь на свой страх и риск, вынужден был санкционировать эту акцию при том условии, что «румынское правительство выведет войска, лишь только порядок будет восстановлен».

⁵²⁸ Раде удалось одновременно увести с фронта украинские корпуса. Оба, уже на Украине, вследствие полного развала были распущены. Мусульманский корпус, отосланный в Крым, был окружён немцами ещё на Днестре и вынужден был сдать вооружение и войсковое имущество. Польские части предприняли всё возможное, чтобы вернуться на родину.

Впрочем, это не могло уже ничего изменить. Румыния, оставшаяся в одиночестве, также вынуждена была приступить к сепаратным переговорам с Центральными державами. Румынские власти начали заметно тяготиться наличием расквартированной буквально под боком военной организации, декларирующей не только борьбу с большевиками, но и продолжение борьбы с немцами. Союзные миссии, проявившие запоздалую лояльность к добровольцам, эвакуировались. Генералы Щербачёв⁵²⁹ и Кельчевский считали, что в сложившейся ситуации дальнейшее существование добровольческих частей

⁵²⁹ По мнению Э.Г. Валя вся деятельность генерала Щербачёва была направлена на продолжение борьбы с немцами, и лишь неблагоприятное стечение обстоятельств не позволило возобновить её в заслуживающем внимания масштабе. Но человека, как известно, характеризуют не слова и даже не намерения, а реальные свершения.

Щербачёва ценили, прежде всего, как человека компромиссного, умеющего находить общий язык с различными людьми в самых изменчивых обстоятельствах. Само официальное наименование его должности – «Поглавкорум» – помощник румынского короля по ведению боевых операций и главнокомандующий русскими армиями на Румынском фронте, говорило о многом. Командующий Румынской армией генерал Брезан считался его личным другом. Сумел Щербачёв наладить отношения и с русским послом в Румынии Поклеевски-Козел, и с представителями союзных миссий.

Но создаётся впечатление, что, искусно лавируя, сглаживая возникающие противоречия, принаравливаясь, раз за разом, к перемене политической и военной ситуации, генерал, если и выигрывал в частностях, то в главном, определяющем, обречён был на поражение.

Он утратил стержень, растерял ориентиры, и, в конце концов, устранился от принятия значимых решений и положился на волю обстоятельств.

В итоге Румфронт не только не стал препятствием на пути продвижения немцев, но и выделил для Добровольческой армии лишь малую толику того, на что, казалось бы, можно было рассчитывать.

Справедливости ради, следует отметить, что с продолжающимся развалом в руках Щербачёва оставалось всё меньше ресурсов, с помощью которых ещё можно было что-то изменить. Уже к 5 января 1918 г. в составе фронта числилось не более 50000 деморализованных русских штыков, количество которых сокращалось с каждым днём. Немцы не добились Румфронт лишь потому, что к моменту их продвижения на Украину, фронт какой-либо опасности для них не представлял. Фактически его уже не существовало.

12(25) марта Щербачёв издал, наконец, свой приказ о демобилизации. 5(18) апреля он сообщил представителям союзных военных миссий о том, что передаёт все дела по ликвидации фронта генералу Пержхайло, а сам, сменив генеральский мундир на штатскую одежду, перебрался частным образом в замок князя Богдана в Гдынце.

смысла не имеет⁵³⁰. Во второй половине февраля (в начале марта) был отдан приказ, распускающий бригады и освобождающий офицеров от данных ими обязательств. Генерал Белозер 2-ю бригаду расформировал.

Дроздовский не подчинился. Он отказался выполнить приказ командующего и продолжил формирование⁵³¹. Лишь цель не столько даже изменилась, сколько конкретизировалась. Впрочем, другой теперь и быть не могло – скорейшее выдвижение на Дон, на соединение с Корниловым.

Из двух добровольческих частей, равных по численности и составу, одна, так ничего и не свершив, прекратила своё существование. Другая, вопреки всему, сохранила себя и двинулась в поход, ставший одной из тех легенд, которые ещё два года питали белое движение на юге России. Ничем иным, как личными качествами командиров, объяснить это невозможно.

У Дроздовского нашлось немало недоброжелателей среди остающихся в Яссах русских⁵³². Все они, сами смелодушничав, называли его начинания авантюрой и предрекали предприятию бесславный финал. Как мог пытался тормозить разрешение самых незначительных вопросов и штаб Кельчевского⁵³³. Прекратили отгрузку для нужд Бригады какого-либо воинского имущества и румыны⁵³⁴.

---

⁵³⁰ К этому времени Добровольческая армия оставила Ростов. Был занят большевиками и Новочеркасск. Связь Алексева со штабом Румфронта прервалась окончательно. Действовать на свой страх и риск никто, кроме Дроздовского, не решился. Полковник писал в дневнике: «На душе тяжело – если правда потеря Ростова и Новочеркасска, то трудность соединения почти неодолима; вообще задача рисуется теперь всё более и более тяжёлой. Как ни мрачно – борьба до конца, лишь бы удрать от немцев за линию Слободка – Раздельная и дальше сохранить в целости полную организацию отряда, а там видно будет – может и улыбнётся счастье. Смелей вперёд!»

⁵³¹ Получив приказ о расформировании бригады, Дроздовский собрал командный состав, зачитал его и сказал: «А мы всё-таки пойдём...» Никто из начальников не высказался против.

⁵³² Впрочем, нашлись и сторонники, и, в том числе, и среди румын. Так большую помощь при получении снарядов, имущества и при подаче эшелонов в Соколах совершенно бескорыстно оказал лейтенант Румынской армии Василеско.

⁵³³ Дроздовский публично называл Кельчевского предателем.

⁵³⁴ В оккупированной Бессарабии румынские военные власти опубликовали заявление о том, что «в Яссах нет никаких добровольческих формирований».

Между тем немцы начали продвигаться в глубь незанятой ещё части Румынии. Румынское правительство постановило Бригаду «с оружием в руках не выпускать⁵³⁵», на что Дроздовский ответил в том смысле, что разоружить его отряд будет не так просто, как это может показаться и как это происходило с другими.

Надо было, не мешкая, уходить. 20 февраля (5 марта) остающийся в Яссах французский полковник Одон передал Дроздовскому уведомление о наряде на три железнодорожных эшелона для перевозки Бригады в Кишинёв. В ту же ночь в один переход все части и подразделения Бригады были переведены из Скен-теи в Соколы, и стали в ожидании погрузки.

22 февраля (7 марта) румынские власти выдали разрешение на эшелоны. Однако на следующий день оно было отменено решением Кабинета министров. Более того, Бригаде запрещалось покидать пределы Румынии, не сдав предварительно всё вооружение. Становилось очевидным, что «дроздовцев» будут разоружать.

Во второй половине дня 23 февраля (8 марта) две румынские роты подошли к Соколам. Но занять станцию и местечко им не удалось, так как навстречу выдвинулись в боевых порядках бывшие наготове добровольцы. Румыны вынуждены были отойти. Все последующие дни прошли в переговорах. Как видно, среди румын также не было единства. Во всяком случае, действия их решительностью и целеустремлённостью не отличались⁵³⁶.

⁵³⁵ Согласно достигнутому с немцами соглашению о перемирии, Румыния брала на себя обязательство о разоружении всех находящихся ещё на её территории русских и украинских частей.

⁵³⁶ В связи с оккупацией Румынией Бессарабии и провала попыток оставить её дипломатическим путём 13 января 1918 г. Совнарком постановил:

«1. Все дипломатические сношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путём.

2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берёт на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа».

Начались военные действия, которые для румын оказались неудачными. Перебравшаяся через Днестр румынская дивизия понесла тяжёлое поражение, потеряла всю почти артиллерию и вынуждена была ретироваться.

Критическая ситуация сложилась 26 февраля (11 марта). Дроздовский с утра отбыл на переговоры в Яссы. В его отсутствие румынские подразделения вновь начали окружать местечко. И вновь по приказу начальника штаба Бригады полковника М.К. Войналовича навстречу им развернулись густые цепи добровольцев, а батарея «шестидюймовок» стала на позицию и продемонстрировала готовность обстреливать Яссы и Королевский дворец. Решимость добровольцев произвела на румын сильное впечатление⁵³⁷. Да и ввязываться в серьёзный бой, без которого разоружить Бригаду было невозможно, они не собирались ни в коем случае.

Так или иначе, Дроздовскому в Яссах были выданы разрешающие документы, румынские части вновь поспешно отошли. Вместо них румыны начали, наконец, подавать эшелоны.

Сознавая, что ситуация может измениться в любую минуту, с погрузкой не медлили. В тот же день с 18 часов один за другим ушли на Кишинёв первые три эшелона. 27 февраля (12 марта) – четвёртый и пятый. 28 февраля (13 марта) – последний, шестой.

---

20 февраля (5 марта) в Яссах был подписан договор (подтверждённый 24 февраля (9 марта) в Одессе), завершивший конфликт. В нём, в частности, было прописано:

«1. Румыния обязывается очистить Бессарабию в течение двух месяцев... Все очищаемые румынскими войсками местности занимаются сейчас же русскими войсками. После двух месяцев в Бессарабии остаётся румынский отряд из 10000 человек для охраны румынских складов и железнодорожных линий...

4) Румыния обязывается не предпринимать никаких военных неприятельских или других действий против Всероссийской федерации советских республик рабочих и крестьян ...

7) В случае вынужденного отступления румынской армии с румынской территории, она находит убежище и продовольствие на русской территории...»

И теперь разоружение Бригады вполне могло рассматриваться, как нарушение ратифицированного в Одессе договора.

Но, вне всякого сомнения, не это соображение решило судьбу «дроздовцев». Конфликт наглядно продемонстрировал: столкновение с сохранившей дисциплину строевой русской частью может обернуться серьёзными неприятностями.

⁵³⁷ Судя по всему, эта решимость не была показной. Дроздовский писал в дневнике: «Моё решение... Идти силою через мост – в кармане пропуска и разрешение министра, способ – сам в голове колонны, и на огонь – огонь».

М.Г. Дроздовский
 лейтенант Неведовский, только что прибывший на станцию с намерением присоединиться к Бригаде. Дроздовский пояснил, что формирование закончено, и предложил генералу идти в Бригаду рядовым артиллеристом, на что Неведовский согласился⁵³⁹. 28 февраля (13 марта) во второй половине дня они вместе выехали с территории Ясского общежития на автомобиле. К вечеру догнали в Унгенях следующие в Кишинев бронев-автомобили⁵⁴⁰. Заночевали в местечке Калараш в доме священ-

Всё имущество, которое невозможно было увезти по причине нехватки вагонов в наспех сформированных составах, Дроздовский приказал продать. Многие просто оставили у путей.

Автоколонна с броневым отрядом выступила походным порядком. Из-за недостатка горючего⁵³⁸ пришлось сдать румынам один броневик и продать и обменять на бензин три машины из автомобильной роты.

Сам Дроздовский задержался в Соколах для решения финансовых вопросов. Здесь его нашёл генерал-

⁵³⁸ Начальник авточасти штаба Румфронта штабс-капитан Преображенский сделал всё возможное, чтобы свести количество отпускаемого Бригаде бензина до минимума.

⁵³⁹ Позже выяснилось, что начальник артиллерии Бригады при выступлении идти в поход отказался, и Неведовский был назначен на ставшую вакантной должность.

⁵⁴⁰ Здесь, в Унгенях, случился эпизод, определивший дальнейшую военную судьбу капитана Нилова. Вот что написано об этом в Военно-историческом вестнике №27: «Когда отряд выступил на Дон, автомобильная колонна уходила из Ясс последней. Кап. Нилов находился в легковой машине вместе с п. Дроздовским. На границе, в Унгени, румынская рота потребовала сдать ей машины. «Покажите им пропуск», – сказал п. Дроздовский. Кап. Нилов перескочил в ближайшую машину (№3) и приказал открыть огонь из пулемёта над головами румын. Румыны разбежались и дорога была свободна. С этого момента п. Дроздовский приказал кап. Нилову остаться командиром этого броневика... Команда его была (чины при выходе из Ясс) – командир капитан С.Р. Нилов; пулемётчики – пор. Бочковский, шт.-кап. Антипов, подпор. Муромцев, прап. Татагин и унт.-оф. Кобенин; шофёр – унт.-оф. Г. Хораб (так в тексте) и его помощник прап. Гребенщиков».

ника. Утром 1(14 марта) возобновили движение и к 14 часам прибыли в Кишинёв⁵⁴¹.

Здесь выяснилось, что на станции Перлица румыны предприняли последнюю вялую попытку задержать движение Бригады, которая добровольцами вновь была пресечена. Румынские солдаты в малом количестве расположились вдоль путей и развернули несколько пулемётов. Но едва лишь увидели, что и на них из вагонов направлены пулемёты с продёрнутыми в приёмники лентами, тут же ретировались.

В Кишинёве Дроздовский рассчитывал получить серьёзное пополнение. Он встретился с генералом Белозером и предложил ему как старшему по чину, возглавить предприятие. Однако генерал отказался наотрез, выразил сомнение в успехе и позже призывал «не доверять безумному плану Дроздовского».

2(15) марта в помещении 2-го полка расформированной уже 2-й бригады было устроено собрание офицеров. Дроздовский выступил с речью, в которой разъяснил цели и задачи похода. В то же время он предупредил, что за количеством не гонится, ожидает к себе людей твёрдых и энергичных. В итоге к отряду присоединились всё же несколько десятков офицеров из состава 2-й бригады. Высказывалось мнение, что если бы штабы фронта и Белозера не распустили часть и не освободили уже записавшихся от принятых обязательств, с Дроздовским пошло во много раз больше бойцов. Возможно, и все.

К вечеру Бригада сосредоточилась в районе Кишинёвского вокзала. 1-я и 2-я роты были двинуты к Дубоссарам и заняли город и переправу. Туда же стали выдвигаться и остальные подразделения. 4(17) марта все строевые части Бригады была уже в Дубоссарах на левом берегу Днестра. Вне зоны румынской оккупации. Обоз подтягивался от Кишинёва.

5(18) марта Дроздовский провёл совещание старших начальников, в ходе которого была произведена реорганизация отряда⁵⁴². В результате состав Бригады стал следующим:

⁵⁴¹ В этот день части Сорокина вошли в Екатеринодар.

⁵⁴² По данным американского историка П. Кенеза в бригаде на момент реорганизации насчитывалось 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей и 12 медсестёр.

- штаб (начальник штаба полковник М.К. Войналович, его помощник подполковник Г.Д. Лесли);
- Сводно-стрелковый офицерский полк в составе двух рот⁵⁴³ и пулемётной команды (командир – генерал-майор В.В. Семёнов);
- Конный дивизион из двух эскадронов⁵⁴⁴ (штаб-ротмистр Б.А. Гаевский);
- артиллерийские подразделения под общим командованием генерала Н.Д. Неведовского: конно-горная батарея (капитан Б.Я. Колзаков), лёгкая батарея (полковник М.Я. Ползиков), мортирный взвод из двух 48-линейных гаубиц (полковник А.К. Медведев);
- броневой отряд (капитан Ковалевский) состоял из двух бронированных грузовиков с установленными в кузове 20-миллиметровыми скорострельными пушками системы «Виккерс» и броневика, вооружённого четырьмя пулемётами;
- автоколонна⁵⁴⁵ (капитан Лисицкий);
- команда разведчиков;
- команда связи;
- конная и автомобильная радиотелеграфные станции (полковник Гран);
- полевой лазарет (старший врач М. Введенский);
- интендантство (полковник Абрамов).

Отличительным знаком принадлежности к отряду служил нашитый на рукаве трёхцветный угол⁵⁴⁶, остриём направленный вниз.

Как видно, Бригада представляла собой внушительную

---

⁵⁴³ Впоследствии была сформирована 3-я стрелковая рота.

⁵⁴⁴ 1-м эскадронном командовал штабс-ротмистр Аникиев, 2-м – ротмистр Двойченко. Свой эскадрон Двойченко сформировал из пехотных и артиллерийских офицеров. «Настоящих» кавалеристов в нём на момент формирования было не более 10 человек. Поэтому эскадрон назывался поначалу Конно-пионерным и лишь в Дубоссарах получил наименование 2-го эскадрона Конного дивизиона.

⁵⁴⁵ Ввиду нехватки горючего автомобильный отряд был сокращён до минимума. Лишние автомобили были проданы, либо обменены на бензин.

⁵⁴⁶ Из цветов национального флага: белого, синего, красного. После объединения в Мечетинской угол «дроздовцев» стал отличительным знаком всей Добровольческой армии.

силу. Костяк состоял из фронтовиков. Остальные – молодёжь, порыв и подвижничество которой компенсировал зачастую недостаток жизненного опыта. Люди пошли в поход добровольно, что само собой подразумевало железную дисциплину, высокий боевой дух и сплочённость отряда. Нельзя не отметить и целеустремлённости, и настойчивости командира. Как бы ни складывались обстоятельства, Дроздовский к намеченной цели готов был идти, да и шёл до конца, невзирая ни на что. Это, вероятно, и сыграло ключевую роль в судьбе сформированной им части, как, впрочем, и в судьбе похода.

В то же время, идея движения на Дон, на соединение с Добровольческой армией⁵⁴⁷ вовсе не представлялась совсем уж лишённой шансов на успех авантюрой. На юге страны, в отличие от той же Кубани, не произошло оседания покинувших фронт войсковых соединений. Поэтому и формирование отрядов Красной гвардии даже и в крупных городах шло медленно. Да и отряды эти без солдат-фронтовиков высокой боеспособностью не обладали⁵⁴⁸. В деревне же, где земля давно уже была поделена, население в большинстве своём ожидало наведение порядка и к «дроздовцам» настроено было скорее доброжелательно. Мелкие же отряды самообороны, в большинстве случаев не имеющие внятной политической окраски⁵⁴⁹, какой-либо опасности для Бригады не представляли. Наоборот, рассеивались при одном только лишь приближении добровольцев.

Что касается украинцев, то на этом этапе хоть сколько-нибудь значимыми силами они располагали лишь в центре. Устойчивость их зачастую также оставляла желать лучшего.

Быстро же продвижения немцев *настолько далеко* в глубь Украины предвидеть и представить было невозможно.

---

⁵⁴⁷ В своих воспоминаниях участник похода, будущий командир Дроздовской дивизии А.В. Туркул пишет: «Было нас около тысячи бойцов. Никто не знал, что впереди. Знали одно: идём к Корнилову».

⁵⁴⁸ Иное дело Донбасс и Крым, откуда позже ушли с большевиками многие тысячи бойцов.

⁵⁴⁹ Строго говоря, это не была Красная гвардия. «Соввласть, – пишет Антонов-Овсеенко, – ещё не установилась: власти, посаженные Радой, во многих сёлах не были смещены».

7.2. От Дубоссар к Бериславу. Владимировка. Воссиятское

Выступление из Дубоссар Дроздовский назначил первоначально на вечер 6(19) марта. Однако начать движение Бригада смогла лишь на следующий день в 9.20 утра. Колонна сразу же растянулась на многие километры. Выявилась не бросающаяся ранее в глаза неповоротливость разросшегося обоза.

Дроздовский делал выводы и принимал меры. Хозяйственная часть по мере возможности сокращалась⁵⁵⁰, дальнейшие переходы производились тремя колоннами по параллельным дорогам. Выступали, как правило, на рассвете. К вечеру, преодолев за день 60-65 километров⁵⁵¹, подразделения выходили к заранее определенным пунктам и там становились на ночлег.

От Дубоссар к Южному Бугу шли почти строго в восточном направлении. Ещё 17 февраля (2 марта) немцы заняли оставленный большевиками Киев. Их пока ещё незначительные авангарды медленно продвигались к Полтаве и Харькову, где натолкнулись на куда более организованное сопротивление. 18 февраля (3 марта) австрийцы вошли в Жмеринку. 2(15) марта была эвакуирована Одесса, 4(17) марта немцы заняли Николаев.

Выбранный Дроздовским маршрут оставлял Бригаду в отдалении как от больших боёв, так и от районов сосредоточения крупных австро-германских отрядов. Формально полоса продвижения Бригады находилась уже в зоне австрийской оккупации. На деле же австрийцы располагали здесь лишь разъездами. Украинские эмиссары не имели и этого.

Австрийцы, на удивление, были корректны и даже доброжелательны. 8(21) марта средняя колонна «дроздовцев», проходившая в непосредственной близости от железной дороги, на перегоне между Бирзулой и Жмеринкой дважды мирно и безболезненно пересекалась со следующими к югу австрийскими военными эшелонами. На переезде австрийские офицеры

---

⁵⁵⁰ На марше в крупных населённых пунктах продолжали продавать и обменивать на бензин «лишние» автомобили.

⁵⁵¹ Преобладающую численно пехоту везли на подводах.

приветствовали добровольцев отданием чести и пожелали им счастливой дороги.

Не обошлось, впрочем, и без «недоразумений». Дроздовским регулярно в качестве охранения и разведки высылались конные дозоры. Привыкшие реквизировать всё необходимое для нужд Бригады кавалеристы 1-го эскадрона занялись этим и в близлежащих сёлах. Жители, которым было совершенно безразлично, кто и с какой целью отбирает их имущество, пожаловались австрийцам. В результате разъезд «дроздовцев», принятый за советский отряд⁵⁵², был ими обстрелян, два добровольца легко ранены. Дроздовский высылал к месту происшествия броневик, но поддержка его не понадобилась. В телефонном разговоре с австрийским комендантом расположенной к северу от пути движения станции Мардаровки все вопросы были разрешены.

Дроздовский ещё до выступления заявил о том, что Бригада по отношению к австро-германским войскам на Украине сохраняет нейтралитет. Цель её – борьба с большевиками. Комендант, видимо знавший об этом, заверял, что австрийцы против русских добровольцев «ничего не имеют, предлагают свободный путь, лишь бы не обижали жителей». И просил ещё «не стрелять по их отдельным группам, если будут проходить». Дроздовский в свою очередь пообещал, что ничего подобного больше не повторится, и подразделения Бригады первыми огонь открывать не станут. К кавалеристам 1-го эскадрона, едва не сорвавшим «нейтралитет», который один лишь и мог обеспечить продвижение на восток, были приняты меры дисциплинарного характера. Дроздовский даже грозил, что отдаст их под суд. Но дело, конечно, ограничилось порицанием.

Тем не менее с реквизициями было покончено. За всё теперь платили, что немало удивляло привыкших к иному обращению крестьян.

С каждой почти днёвки Дроздовский отправлял в так на-

⁵⁵² Об этом рассказали подходившим от Дубоссар, сопровождающим отставший грузовой автомобиль кавалеристам сами австрийцы. Они даже и не пытались задержать «дроздовцев».

зываемые «дальние командировки» переодетых офицеров. Помимо разведывательной миссии и сбора информации они пытались привлечь в Бригаду новых бойцов. Присоединялись единицы. В большинстве – офицеры из городков и местечек. Имели место и случаи дезертирства. Но также единичные.

В ночь на 12(25) марта к Дроздовскому прибыл офицер из отряда полковника М.А. Жебрака⁵⁵³. По его словам, в отряде было до 100 добровольцев, обоз и большое число строевых лошадей. Сообщалось также, что ещё 10(23) марта полковник должен был выступить из Дубоссар. Дроздовский, несмотря на близость австрийцев, которая сильно его нервировала, принял решение задержаться на 1-2 дня на левом берегу Буга до подхода Жебрака.

На следующий день стали на днёвку в деревне Весёлой. 13(26) марта туда же прибыл и Жебрак, отряд которого остановился в Новополовке. Днём состоялись переговоры между начальниками двух добровольческих частей. Однако соединением они не завершились, подчиниться Дроздовскому Жебрак отказался. Условились лишь, что следовать на Дон будут параллельными маршрутами, при необходимости оказывая друг другу помощь.

Бригада двинулась дальше. 15(28) марта в Домашевке Дроздовский принял решение переправляться через Буг не в Вознесенске, где стоял австрийский батальон с четырьмя орудиями, а в Александровке, используя паром. В 18 часов выступили к переправе. Впереди прошла конница с конно-горной батареей. За ней – вся пехота. И в арьергарде – автомобили⁵⁵⁴. В этом же порядке по мере подхода подразделений к реке и переправлялись. На всякий случай сразу выставили на левом

---

⁵⁵³ Отряд был сформирован в Измаиле полковником М.А. Жебраком-Русакевичем из добровольцев пехотной Балтийской морской дивизии.

⁵⁵⁴ Днём в Домашевке удалось приобрести у помещицы из соседней экономии до 250 пудов бензина. Чины авточасти, оборудовавшие цистерну в кузове одного из грузовиков, не скрывали радости от неожиданной удачи. По расчётам выходило, что теперь горючего должно было хватить для всех автомобилей. Довольна была и помещица, резонно полагавшая, что после ухода «дроздовцев» горючее у неё всё равно бы реквизировали, вряд ли что при этом заплатив.

берегу лёгкую батарею, но переправа прошла спокойно. Лишь к 6 часам утра 16(29) марта удалось переправить строевые части⁵⁵⁵. За ними пошёл обоз.

Дальше двинулись лишь на рассвете 17(30) марта. На следующий день колонну застала в поле пурга. Ввиду поломки пришлось бросить грузовой автомобиль со скорострельной пушкой в кузове. Сняли запасные части, слили бензин. Машину и орудие испортили. Она так и осталась стоять у дороги, засыпаемая снегом.

Изменившиеся погодные условия заметно усложнили продвижение автомобилей и броневого отряда. Они начали отставать. В Еланце Дроздовский вынужден был устроить незапланированную днёвку. Лишь во второй половине дня последняя машина въехала в селение. Выяснилось, что почти все они требуют серьёзного ремонта. Поэтому решено было отправить автоколонну на два самостоятельных перехода вперёд, с тем, чтобы, имея резерв времени, шофёры могли отремонтировать свои автомобили.

Из этой затеи, однако, ничего хорошего не вышло. На следующий день морозное безоблачное утро сменилось вдруг мокрым снегом, сыпавшим, не переставая, с затянутого тучами неба. Дороги развезло. Выброшенная вперёд автоколонна, не пройдя и трети перехода, вместо намеченных трёх, безнадёжно застряла в грязи у Васильевки.

Пехота с огромным трудом достигла уже под вечер Софиевки, где Бригада и стала на ночлег. Ввиду ухудшения погодных условий Дроздовский вынужден был сократить переходы. Бригада с большим трудом и несколькими вынужденными остановками перешла лишь в Новый Буг⁵⁵⁶. Машины же были остав-

---

⁵⁵⁵ Как ни странно, отрывочные сведения о «дроздовцах» периодически доходили до высшего советского командования. Вот что пишет по этому поводу Антонов-Овсеенко: «Егоров... из Александровска 29 марта сообщал, между прочим, о столкновении херсонских красногвардейцев с офицерским отрядом Дроздовского, пытавшимся перейти Днепр».

⁵⁵⁶ Отсюда 21 марта (3 апреля), помимо обычной разведки в сторону Берислава, на этот раз в по-настоящему дальнюю командировку, на Дон, к Корнилову, были направлены два переодетых в гражданское офицера, Бологовский и Кудряшёв.

лены в Васильевке, где им надлежало сделать ремонт. Только после этого автоколонне предписывалось двигаться дальше.

На левом берегу Буга отношение к «дроздовцам» со стороны местного населения изменилось, и не в лучшую сторону. Давала о себе знать близость Екатеринослава и районов формирования многочисленных анархистского толка отрядиков, образовавшихся в условиях не прекращавшегося безвластия.

Впрочем, в самом Новом Буге местный комитет при подходе «дроздовцев» вдруг заявил о разрыве с большевиками, занялся наведением порядка и успел расстрелять трёх задержанных мародёров. Оценив это, Дроздовский даже не отобрал у комитетчиков оружия. Часть местечка, занятую Бригадой, охраняли добровольцы. Остальную – патрули местной власти. Желание использовать в своих интересах местную кузницу привело к очередной задержке ещё на одни сутки.

С утра 22 марта (4 апреля) к Дроздовскому прибыл с одного из близлежащих хуторов офицер, штабс-капитан и запросил помощи против якобы «сплошь большевистской» деревни Малеевки. Был выделен отряд в составе пехотной роты, конного эскадрона и конно-горного артиллерийского взвода под общим командованием генерала Неведовского, который и выступил во второй половине дня.

Вскоре в Новый Буг пришли два израненных офицера Ширванского полка и сообщили следующее. Они с командиром полка, полковым знаменем и несколькими солдатами пробирались с фронта на Кавказ. В районе села Александрово группа была арестована и избита красногвардейцами. По их словам, четверых казнили, а остальным удалось укрыться в селении Владимировка, где население отнеслось к ним сочувственно. Местный фельдшер даже препроводил их в больницу Нового Буга. Просьба была понятной, оказать военную помощь одному селу против другого.

«Внутри всё заныло от желания мести и злобы, – пишет Дроздовский в дневнике. – Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы и столбы на месте кары с надписями – за что. Потом немного улеглось. Постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть жестокой,

беспощадной: «Два ока за око!» Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступить, чтобы прийти днём на место...»

Необходимо отметить следующее. Бригада и раньше поддерживала в занимаемых населённых пунктах то, что её командир считал порядком. Но эти случаи носили единичный, эпизодический характер. За Новым Бугом ситуация резко изменилась. Теперь карательные, по существу, экспедиции становились едва ли не нормой. И, думается, не в последнюю очередь, это было обусловлено складом характера Дроздовского.

Полковник был человеком волевым и целеустремлённым, но в то же самое время отличался также обидчивостью и мнительностью. Несмотря на внешнее спокойствие, ему не всегда удавалось сохранять душевное равновесие. То, что преподаватели ещё в училище откровенно называли упрямством, научило Дроздовского идти к поставленной цели до конца. Но любая неудача могла выбить его из колеи, и временами от решительности не оставалось и следа.

И тогда случайный австрийский разъезд в два десятка сабель представлялся Дроздовскому началом операции по разоружению Бригады, объявленные немцами сводки их нового удачного наступления на Западном фронте – крушением всех надежд⁵⁵⁷, а множасься неблагоприятные слухи заставляли усомниться в целесообразности самого похода.

Накопившиеся раздражение и неопределённость обращались неоправданной, по мнению многих, жестокостью. «Население, – пишет Деникин, – повсюду встречало отряд как своих избавителей и, не отдавая себе отчета ни в силе, ни в назначении его с приходом добровольцев связывало надежды на окончание смуты. Из далёких сел приходили депутации, прося спасти их от «душегубов», привозили связанными своих большевиков, членов советов – и преступных, *и может быть, невинных* – «на суд и расправу».

Суд бывал краток, расправа жестока.

---

⁵⁵⁷ Дроздовский был уверен, что лишь победа союзников могла переломить ход событий в России.

А наутро отряд уходил дальше, оставляя за собой развороченный муравейник, кипящие страсти и затаенную месть».

В Новом Буге к Бригаде присоединились 4 офицера, догонявшие её от Кишинёва. По дороге они сумели разоружить местечковый совет, раздобыть за счёт его винтовки и даже стереотрубу. То, что их так никто и не задержал, наглядно демонстрирует слабость, а вернее, отсутствие как Советской, так и любой другой власти вне городов. И объясняет, отчего столь легко прошла по югу Украины, вплоть до границ Донской области, и сама Бригада.

В тот же день на станцию Новый Буг, расположенную в стороне от поселения, прибыл австрийский военный эшелон. Простоял на путях, прикрывшись жиденькой цепью, снялся и ушёл на север. Два австрийских офицера прибыли к Дроздовскому. Требовали, чтобы кто-нибудь отправился с ними на станцию для переговоров по телефону с Николаевом⁵⁵⁸, поскольку сами они не знали, разрешит ли командование пропустить Бригаду далее на восток.

Конфликтовать не стали. На станцию ездил Войналович. С Николаевом связаться не удалось. Переговорили лишь с начальником ушедшего эшелона. Австрийцы, которых оставалось на станции не более 50 человек, резко сбавили тон. Отсутствие связи наводило на мысль о диверсии большевиков. Никто из них уже и не думал задерживать «дроздовцев». Проявляли куда большую озабоченность перспективой быть отрезанными на станции крупным отрядом неизвестного противника и высказывали пожелание как можно скорее вернуться в Николаев. Настаивали лишь на том, чтобы во избежание возможных столкновений им предоставили данные о дальнейшем пути следования Бригады. Войналович охотно пояснил, что Бригада простоит в Новом Буге ещё двое-трое суток, а затем двинется на север, к Александровску, откуда пойдёт прямо на Москву. Эта версия была согласована с Дроздовским и ничего общего с действительными планами не имела.

---

⁵⁵⁸ К этому времени, помимо Николаева и Одессы, были уже заняты немцами Херсон, Кривой Рог и, после короткого боя, Екатеринослав.

Дроздовский хотел покинуть селение немедленно, но Войналович, который относился к вынужденному случайному соседству с кучкой австрийцев куда спокойнее, от ночного марша в непогоду его отговорил. Всё же с утра 23 марта (5 апреля) колонна стала выдвигаться из местечка. Несмотря на улучшение погоды и подсохший тракт, основные силы достигли Владимировки лишь к 17 часам. Далеко опередившая колонну конница прибыла в село ещё днём. Опросив жителей и получив от них подробные сведения о ситуации в Долгоруково, бывший с конниками Войналович принял решение не дожидаться подхода пехоты.

1-й эскадрон окружил Долгоруково, блокировав дороги. На взгорке стал на позицию горный артиллерийский взвод, у переправы – пулемётчики. Дали две-три очереди, и жители мгновенно попрятались по домам. Кавалерийский взвод ворвался в село, наткнулся у околицы на местных комитетчиков, которых тут же изрубили. Командир потребовал немедленно выдать убийц «ширванцев». «Виновные», опознанные укрытыми во Владимировке офицерами, были тут же расстреляны⁵⁵⁹. Их дома сожжены. Всех мужчин моложе 45-ти лет пороли свои же старики. В довершение было приказано местным жителям сгонять весь скот и свозить съестной фураж «на весь отряд». Денег не платили. Забрали также и всех годных лошадей.

К вечеру разведкой были обнаружены подходившие к селу подводы с винтовками, сопровождаемые восемью красногвардейцами⁵⁶⁰. Застигнутые врасплох атакующей конницей, они, тем не менее, оказали решительное сопротивление и отстреливались до последнего. В результате шестеро были зарублены, одного раненым привезли в деревню, а главный ускакал. Всего в этот день в Долгоруково «дроздовцы» расстреляли и убили в бою 34 человека.

⁵⁵⁹ «Наш налёт был так неожидан и быстр, – писал Дроздовский, – что ни один виновник не скрылся».

⁵⁶⁰ Красной гвардией Дроздовский в своём дневнике называет все вооружённые поселковые формирования. Думается, в подавляющем большинстве, эти отряды и отрядики, находившиеся к тому же фактически в зоне оккупации, создавались для разрешения локальных местечковых конфликтов, и имели весьма смутные политические ориентиры.

К 20 часам подошёл от Малеевки и отряд Неведомского, произведшего в селе ровно то же. Малеевку окружили конницей. Припугнув жителей угрозой применения химических снарядов⁵⁶¹, отобрали всё оружие. Выявили 30 человек, записавшихся ранее в Красную гвардию. Поскольку все, отслужив с неделю, разошлись по домам, их просто выпоролы «по принципу унтер-офицерской вдовы». Весь скот и фураж отобрали...

Расположилась Бригада во Владимировке, большая часть населения которой встретило добровольцев сочувственно. Всё оружие, тем не менее, у жителей было изъято для последующей передачи формирующемуся отряду самообороны. Совет разбежался ещё ранее, вместо него восстанавливалось прежнее земское правление.

24 марта (6 апреля) в «пробольшевистски настроенную» Фонтанку была направлена очередная экспедиция. К деревне выдвигался 2-й эскадрон с пулемётом и две лёгких пушки с номерами на лошадях под общей командой ротмистра Двойченко.

В 14 часов провели панихиду по убитым офицерам и солдатам Ширванского полка. Людей собралось немало. Дроздовскому запомнился один старик, плакавший всю панихиду...

Вскоре восстановилась связь с автоколонной, прибывшей в Новый Буг. Новости оказались неутешительными. Командир «броневой батареи⁵⁶²» капитан Ковалевский докладывал, что из-за распутицы большую часть машин пришлось бросить. Прошли лишь броневик №3 и легковой автомобиль. Люди с личным оружием и снятым по возможности вооружением следовали на подводах. Дроздовский приказал присоединиться к Бригаде немедленно.

К вечеру вернулась экспедиция Двойченко. Слухи о появлении «дроздовцев» успели распространиться в округе. Из «зачинщиков» отыскали лишь одного, которого сразу же расстреляли. Остальным удалось скрыться. Затем повторилась отработанная уже в Долгоруково и Малеевке экзекуция. На обратном

⁵⁶¹ Химическими боеприпасами Бригада не располагала.

⁵⁶² Так Дроздовский называл отряд бронеавтомобилей.

пути проходили через Долгоруково. Жители села, которые, казалось, должны были ненавидеть добровольцев, встретили их хлебом-солью⁵⁶³.

Утром 25 марта (7 апреля) во Владимировку прибыли офицеры из автоотряда. Докладывали, что колонна их заночевала в 10 километрах к западу. Просили прислать горючее, так как своё израсходовано. Рассказали и о боестолкновении, которое чинам автоколонны пришлось выдержать у селения Воссиятское.

23 марта (5 апреля) колонна с отремонтированными уже автомобилями двинулась на соединение с Бригадой. Погода улучшилась, но у Воссиятского пришлось по длинной раскисшей гати переправляться через заболоченную пойму ручья.

Потратив несколько часов, удалось провести грузовики и цистерну. Броневики же переправить было невозможно. По

---

⁵⁶³ «На всех домах белые флаги, – напишет Дроздовский в дневнике, – полная и абсолютная покорность всюду. Вообще, когда приходим, кланяются, честь отдают, хотя никто этого не требует, высокоблагородными и сияльствами величают. Как люди в страхе гадки: нуль достоинства, нуль порядочности. Действительно – сволочной, одного презрения достойный народ, наглый, безжалостный, полный издевательств против беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобы, а перед сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный...

В общем, страшная вещь гражданская война. Какое озверение вносит в нравы, какую смертельно злобой и местью пропитывает сердца. Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце моё мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам или оскорблениям. Надо всем царит злоба и месть, и не прошло время мира и прощения...»

Думается, комментировать и объективно оценить эти строки вправе лишь тот, кто сам побывал в подобных обстоятельствах. Но в одном полковник прав. Отношение населения к добровольцам определялось исключительно соотношением сил. И не случайно через год с небольшим офицерские полки на Херсонщине встречали хлебом-солью, ротам постреливали в спину, а отставшие взводы вырезали без остатка.

Весьма сомнительной представляется и эффективность карательных экспедиций. Сиюминутное «наведение порядка» вряд ли компенсировало разбухшую и затаенную до поры ненависть, которая выплеснулась осенью 19-го и едва не захлестнула весь тыл Добровольческой армии.

словам местных жителей, к востоку от села можно было преодолеть ручей через брод с твёрдым каменистым дном. Броневики двинулись к броду.

Тут к гати подошёл отряд полковника Жебрака, который предложил свою помощь. Однако Ковалевский вежливо отказался, уверяя, что справится своими силами. Жебрак не настаивал. Его отряд переправился через ручей, прошёл село и последовал дальше на восток.

Броневики медленно продвигались, с трудом выбираясь из грязи. Команды переправившихся грузовиков отдыхали на берегу, греясь на солнце. Появилась и гармонь. О разведке и охране никто и не думал. Тем временем отряд красногвардейцев в несколько десятков штыков и сабель, пропустив Жебрака и выждав, когда он удалится от Воссиятского, вошёл в село с северной стороны.

От околицы с расстояния не более 300-400 шагов они открыли прицельный огонь по ничего не подозревавшему «дроздовцам». Шофёры бросились к своим машинам, стараясь увести их подальше от гати. Остальные расхватывали из кузовов винтовки.

С запада группа красногвардейцев попыталась атаковать завязшие машины в конном строю. Навстречу развернулась жиденькая, в десять человек, цепь добровольцев и отогнала конницу в степь.

Подошли, наконец, броневики. Ковалевский поначалу не решался стрелять по деревне, что могло привести к гибели местных жителей. Однако красногвардейцы продолжали вести огонь по машинам и залёгшим перед ними шофёрам и техникам, укрыться которым было негде. Первым открыл огонь из всех своих четырёх пулемётов командир броневика №3 капитан Нилов. Следующий за ним пушечный броневик тут же дал несколько выстрелов, накрыв расположение противника шрапнелью.

На этом бой и закончился. Красногвардейцы, прекратив стрельбу, тут же отошли, будто их и не было. Потери в автоколонне оказались на удивление незначительными. Погиб радист

поручик Осадчий, ранения разной степени тяжести получили ещё три офицера. Ущерб понесла и материальная часть. Пули пробиты радиаторы, повредили моторы двух машин и генератор радиостанции.

Не задерживаясь в Воссиятском, колонна вытянулась на тракте и продолжила движение в юго-восточном направлении. Вскоре стемнело. Однако не проехали и нескольких километров, как застряла вначале автоцистерна, а затем и все три броневики. Вытащить их не могли.

Вперёд выслали разведку на легковом автомобиле, которая в первой же деревне наткнулась на отряд Жебрака. Полковник не мешкая посадил часть своих людей на подводы и направил в помощь стоявшей в степи автоколонне «дроздовцев». Но и совместными усилиями удалось вытянуть на твёрдый грунт лишь пулемётный бронеавтомобиль №3⁵⁶⁴. Пушечные броневики и грузовики пришлось испортить и бросить прямо на дороге. Не смогли спасти и цистерну. Наполнили из неё бочку бензина, остальное горючее слили. Потерявшая почти всю материальную часть колонна заночевала в том же селении, что и отряд Жебрака.

Доложив обо всём этом, офицеры также сообщили, что Жебрак выразил намерение присоединиться всё же к Бригаде. Дроздовский принял решение задержаться во Владимировке ещё на сутки. К Жебраку для переговоров был направлен Войналович. К полудню он вернулся, всё уладив⁵⁶⁵.

К 13 часам прибыла, наконец, автоколонна в составе пулемётного броневика и автомобилистов на подводах. Для всех, оставшихся «за флагом» Дроздовский назначил разбивку по ча-

---

⁵⁶⁴ Прежде всего, благодаря его шофёру Генриху Хобару, который плакал, но не давал бросить машину. Вытащили также и легковой автомобиль, на котором везли раненых. На следующий день их переправили в Новый Буг, в надежде на скорое занятие местечка австрийцами.

⁵⁶⁵ Договорились о том, что Жебрак вступает в подчинение к Дроздовскому и выполняет его приказы. Отряд его присоединяется к Бригаде, но самостоятельной боевой единицей и со своим командиром. Кавалеристы Жебрака присоединились к одному из эскадронов, в котором составили отдельный взвод.

стям. Вскоре приехал для представления и Жебрак⁵⁶⁶. Условились, что отряд его выступит на следующий день часом ранее основных сил и, придя во Владимировку, станет в хвост колонны. Благополучно всё завершилось и с ранеными⁵⁶⁷.

Вероятно, здесь же, во Владимировке, Дроздовский наметил дальнейший маршрут движения – на Берислав. Подобные вещи держались им в большой секретности. Более того, даже ближайшие помощники полковника не были осведомлены о его действительном решении⁵⁶⁸. Высланная заранее разведка донесла, что в Бериславе и Каховке стоит отряд противника, красногвардейцев либо анархистов, численностью в несколько сот штыков, и мост ими охраняется. Дроздовский не сомневался в том, что перейдёт Днепр, несмотря на противодействие большевиков. Но предотвратить подрыв ими моста было невозможно. А это могло повлечь за собой потерю артиллерии и материальной части.

Бригада, втянувшись, совершала протяжённые дневные пе-

---

⁵⁶⁶ «Измаильский полковник был невысокого роста, – пишет А.В. Туркул, – с пристальными светло-серыми глазами. Он заметно приволакивал ногу...

Полковник Жебрак был ранен в колено ещё на Японской войне, когда был офицером в одном из сибирских полков. Тогда же он получил орден Святого Георгия. На большую войну он пошёл добровольцем: был он военным судьёй, но подал рапорт о зачислении в действующую армию и получил полк Балтийской дивизии, стоящей тогда по гирлам Дуная. Он принёс нам знамя Балтийской дивизии, морской Андреевский флаг с синим крестом. Андреевский флаг стал полковым знаменем нашего стрелкового офицерского полка».

⁵⁶⁷ «...уже сильно начал беспокоиться за раненых, – писал в дневнике Дроздовский, – когда узнал, что вернулся автомобиль, довея до Нового Буга – австрийцев нет; по телефону просили оказать помощь вёрст на 30-40 севернее; через ½ часа прислали паровоз с санитарным вагоном, доктором, забрали 3-х, прихватили двух ширванцев, увезли для сдачи в госпиталь; были страшно любезны – безусловно, по рыцарски; на душе отлегло, а то грызла тоска, вдруг случилось, что ни помочь, ни отомстить нет времени, дело дороге; а теперь, слава Богу, отлегло – спокоен за участь исполнивших долг».

⁵⁶⁸ Так, Дроздовским в присутствии Войналовича и Неведомского был оглашён приказ следовать на Александровск и там переправляться через Днепр. Об этом же он оповестил офицеров штаба. Однако, едва утром 26 марта (8 апреля) голова колонны, выйдя из села, стала вытягиваться в восточном направлении, Дроздовский пошёл впереди и распорядился вдруг повернуть круто вправо. Войналович заметил полковнику, что он, видимо, ошибся, на что Дроздовский коротко ответил: «Я знаю, что делаю».

реходы. Ночью и на дневных привалах отдыхали. У Давыдова Брода на несколько часов разминулись с усиленной австрийской ротой, продвигавшейся от Херсона вдоль линии железной дороги. Вышли из местечка утром 27 марта (9 апреля) и к вечеру подходили к Бериславу. Было уже известно, что город занят австрийцами⁵⁶⁹. Поэтому Бригада стала на хуторах в его окрестностях.

Дроздовский отдал приказ готовиться к ночной атаке. В этот раз он рассудил весьма здраво. Пока австрийцы были слабы, о том, чтобы задержать Бригаду, не могло быть и речи. Но стоило им укрепиться и занять Каховку, вероятность попытки запереть добровольцев у моста и разоружить увеличивалась многократно.

На переговоры полковник отправил Войналовича с Жебраком⁵⁷⁰, а конная колонна с броневиком уже пошла вперёд. За ней – пехота, пулемётные роты, санитары, телефонисты, и сзади, под прикрытием отряда Жебрака – обоз. Около 20 часов прибыл с докладом Войналович, но не один, а в сопровождении немецкого унтер-офицера. Выяснилось, что почти одновременно с «дроздовцами» к Бериславу подошёл пехотный батальон 21-го германского полка. Немцы устали после марша, и роты их были слабы, но дисциплину трудно было не заметить.

Войналович доложил, что, в общем, обо всём договорились. Бригада занимала позиции правее немецких цепей, в непосредственной близости от моста, и на рассвете должна была атаковать. Он просил немецкого майора, командира батальона, не перемешивать подразделения, но в темноте сделать это было весьма затруднительно. Одна немецкая рота в итоге расположилась буквально рядом.

---

⁵⁶⁹ Один из высланных вперёд квартирьеров доложил, что австрийцев не более 600 человек, но мост в их руках. В отсутствии артиллерии вперёд не шли, ожидая подкреплений. На левом же берегу Конки (рукав Днепра) большевики рыли окопы и постреливали из орудий.

⁵⁷⁰ «...скажут, что идём домой бороться с большевиками, – писал Дроздовский, – а когда будем овладевать переправой через Конку, попросим их остаться в стороне, потом сдадим переправу им. Сказал, чтобы объяснили австрийцам, кто мы и что переправиться должны».

Русская бригада и немецкий батальон стали на ночлег в непосредственной близости друг от друга. Неудивительно, что вчерашние враги предприняли определённые меры предосторожности на случай возможных недоразумений. Дроздовский, выделив для штурма 1-ю и 2-ю роты, взвод станковых пулемётов, оба эскадрона и отряд Жебрака, остальных расположил так, чтобы в случае необходимости они могли «обеспечивать Бригаду против немцев». Обоз образовал вагенбург далеко в стороне. Однако опасения оказались излишними. Более того, немцы, относившиеся к взаимовыручке как к атрибуту само собой разумеющемуся, прислали в помощь свой взвод⁵⁷¹. Перед атакой Дроздовский даже обменялся с немцами офицерами для связи.

На рассвете 28 марта (9 апреля) артиллерия обстреляла левый берег, и штурмовая группа под командой Войналовича пошла вперёд. Последним въехал на мост броневедомитель №3, однако прогнившие доски настила не могли его выдержать, и машина дала задний ход. Позже его переправили на пароме.

После некоторой неразберихи⁵⁷² выяснилось, что из Каховки большевики ушли ещё ночью. Дроздовский поспешил перебросить на левый берег всю Бригаду. Когда уже днём начал, наконец, переправляться обоз, в штаб зашёл командир немецкого батальона майор Науман. Прощаясь, Дроздовский просил его передать австрийцам в Новый Буг благодарность за раненых и за *возможный приём следующих*.

Броневики, переправленные на тот берег, сразу же застряли в песке, занесённым на выходящую к воде мостовую. Обратились за помощью к австрийцам. Прибыл их капитан со взводом сапёров. Подкладывая под колёса доски, за час перетянули машину через песчаный занос. С трудом волочили повозки и телеги усталые лошади. Но, почувствовав под копытами булыжники

⁵⁷¹ «Под Каховкой германцы предложили нам свою помощь, – пишет А.В. Туркул. – Отличный германский взвод, с пулемётом на носилках, уже подошёл к нам по глубокому песку. Германских пулемётчиков мы поблагодарили, но сказали, что огня открывать не надо».

⁵⁷² Войналович в донесении сообщал: «Берег и Каховка заняты». Дроздовский, всегда рассчитывающий на худшее, посчитал, что заняты – большевиками и поспешил отправить помощь».

мостовой, встряхивали головами и, будто повеселев, продолжали свой путь.

Бригада благополучно, с оружием в руках и не понеся потерь, переправилась на Левобережье...

7.3. От Каховки к Таганрогу. Акимовка

В Каховке население встречало Бригаду радушно. Советский фронт против немцев Антонов-Овсеенко лихорадочно пытался сколотить куда севернее. Там же соответственно были более-менее устоявшиеся и ответственные властные органы. Каховка, как и десятки других городков и местечек, оказалась отданной на откуп командирам разношерстных, далёких от дисциплины отрядов зачастую анархистских.

По словам местных жителей, помимо привычных реквизиций на город была наложена контрибуция в размере 500 тысяч рублей. Не удивительно, что «дроздовцев» воспринимали как освободителей. Да и приход немцев для многих представлялся не худшим из возможного. В Каховке к Бригаде присоединились до 40 добровольцев. В основном – учащаяся молодёжь. Но были и офицеры, и юнкера, и даже чиновники.

В начале Дроздовский собирался остановиться на отдых непосредственно в городе, но там уже располагались переправившиеся вслед за добровольцами немцы. Полковник приказал, не останавливаясь, проследовать в Любимовку, расположенную в нескольких километрах к северо-востоку.

Разъезд в пять сабель, неосторожно отдалившийся от проходящей вдоль Днепра колонны, неожиданно был атакован конным отрядом противника⁵⁷³. Двоим добровольцам удалось вырваться, остальных взяли в плен. Дроздовский немедленно выслал на выручку эскадрон. В конной атаке до 15-ти партизан были зарублены, остальные поспешили рассеяться. Захваченных «дроздовцев» удалось спасти. Как выяснилось, не расстре-

⁵⁷³ Отряд именвал себя «1-м Партизанским Приднепровским» и базировался как раз на Каховку. Позже два красногвардейца, бывшие в отлучке и не знавшие о занятии местечка, пришли откуда-то с хуторов, бродили по улицам, спрашивая у прохожих, где теперь штаб. В итоге были задержаны патрулем и тут же расстреляны.

ляли их лишь вследствие заступничества одного из красногвардейцев, требовавшего «сначала разобраться».

В Каховке шедшая впереди конница обнаружила склад со снарядами для лёгких орудий. Вывезти их было не на чем, так как все почти подводы реквизировали большевики. Командир поставил перед зданием склада караул и проследовал дальше. Когда же в Каховку вернулся Дроздовский, ему доложили, что один из немецких офицеров заявил: «Отсюда ничего вывезено не будет». Дроздовский отправился искать майора Наумана. Едва найдя где-то на окраине, сказал:

– Когда вошли в Каховку, конница захватила снаряды, поставила караул, послала за подводами, нагрузила на них, но явился немецкий караул и запретил их вывезти. Я не претендую на все, но снаряды захватили мы...

– Пожалуйста, берите все, – сразу согласился с его доводами немец.

– Все не нужны, а только те, что на подводах, – в итоге сошлись на 500 снарядах. Дроздовский попросил майора написать разрешительную записку, что тот сразу же и исполнил.

Тем временем чины автоколонны раздобыли в местечке пять пудов бензина, смазочные масла как для машин, так и для винтовок и керосин. Они вместе с интендантом рыскали по Каховке весь последующий день, ничего не упуская из виду. Не смогли раздобыть лишь шинели, которых в Бригаде не доставало. Зато обнаружили немалое количество сукна защитного цвета, запас которого и загрузили в обоз.

Выяснилось также, что у агентов Продовольственной управы Советского правительства находится на руках свыше 1.2 миллиона рублей деньгами и на чековых книжках. Дроздовский распорядился создать комиссию, задачей которой являлось оприходование означенных сумм и планирование дальнейшего их применения⁵⁷⁴.

⁵⁷⁴ «Деньги решили взять себе, – писал Дроздовский. – Вернём, если будет нужно. Нам это жизнь: заплатим жалование за апрель, да и на еду ещё хватит месяца на три...

...собралась комиссия о деньгах: написала протокол, выдала на ликвидацию Управе 220 тысяч рублей наличными и 400 тысяч рублей по текущему счёту. Себе мы взяли 600 тысяч рублей. Обменялись расписками и разошлись».

29 марта (11 апреля) Бригада отдыхала в Любимовке. 30 марта (12 апреля) около полудня состоялся парад. В прохождении торжественным маршем приняли участие 2-я стрелковая рота, оба эскадрона и взвод конно-горной батареи. Перед строем развеялся на ветру Андреевский стяг⁵⁷⁵. После Дроздовский раздал «за дела против большевиков» два георгиевских креста и шесть медалей. Настроение его было приподнятым. Если до переправы само существование Бригады зависело от множества случайностей и непредвиденных обстоятельств, то теперь судьба добровольцев находилась в их собственных руках.

К немцам, между тем, подошло подкрепление – до одного батальона пехоты с пулемётами и артиллерией. Появились признаки того, что от былой благожелательности вскоре не останется и следа.

На рассвете 31 марта (13 апреля) Бригада вышла из Любимовки, следуя строго на восток⁵⁷⁶. На ночлег останавливались соответственно в Торгаевке и в Калге. Высылали в окрестные деревни небольшие, в два-три десятка штыков, экспедиции. Вооружали сданными винтовками местечковую самооборону. На перекрёстках портили провода.

Вернулся в Бригаду с Дона Кудряшёв. Добытые им сведения оказались неутешительными. Согласно им Корнилов потерпел поражение и продолжал сражаться где-то между Кавказской и Петровском. Казаки на Дону и Кубани воевать против большевиков не хотели и расходились по домам. Захваченные офицеры расстреливались красногвардейцами на месте⁵⁷⁷. Бывший с Кудряшёвым Бологовский поехал от Ростова дальше на восток, в надежде если не найти Добровольческую армию, то по крайней мере узнать о ней что-то более определённое.

Таким образом, уже и здесь, под Мелитополем, Дроздовский убедился, что Новочеркасск, да и Дон в целом, прочно, как ка-

⁵⁷⁵ Дроздовский утверждает, что это был флаг 2-го полка Балтийской дивизии.

⁵⁷⁶ В это утро под Екатеринодаром разорвавшимся артиллерийским снарядом был смертельно ранен генерал Корнилов.

⁵⁷⁷ Судя по всему, о первых выступлениях казаков на Дону, о событиях в станицах Суворовской и Нижне-Чирской, Кудряшёву достоверно известно не было.

залось, занятые большевиками, не могут более являться конечной целью похода. Сами задачи и смысл его в этих условиях вновь ставились под сомнение. «Принципиальное решение, – написал в тот день Дроздовский в дневнике, – сохранить отряд до лучших времён. Что же делать непосредственно – обдумаем; пока же в районе Мелитополя немного задержаться».

Не желая ввязываться в возможный бой за город после длительного перехода, Дроздовский принял решение выйти к железной дороге южнее, занять вначале Акимовку, а потом уже коротким рывком достичь Мелитополя.

Из Калги Бригада выступила утром 2(15) апреля и после привала в Екатериновке свернула с тракта на юг. Основные силы остановились в колонии Ейгенфельд, где были встречены весьма радушно. Передовая конная группа Войналовича с броневиком продолжила движение к Акимовке. Через час с легковым автомобилем от него пришло донесение о появлении на станции советских эшелонов. Дроздовский немедленно выслал в помощь стрелковую роту с артиллерией, приказав спешно выдвигаться и остальным. Сам же поехал в Акимовку на автомобиле. Когда полковник прибыл на станцию, там всё уже было кончено.

Войналович доложил о ходе и результатах боя. Когда конница подошла к местечку, большевиков в нём и на станции не оказалось. Тут же пришёл запрос из Мелитополя на пропуск двух эшелонов через Акимовку. Офицер, знакомый с порядком прохождения поездов, занял место телефониста, назвал себя «товарищем Петром» и сообщил, что в данный момент полотно ремонтируется и станция эшелоны принять не может. Просил подождать.

Тем временем конники спешили и залегли. Броневик укрылся за станционными постройками. Группа подрывников выдвинулась к северу от станции. Им была поставлена задача взорвать пути, едва эшелоны пройдут к станции. Когда всё было готово, «товарищ Пётр» сообщил в Мелитополь, что ремонтные работы завершены и дал путевую.

Вскоре показали и составы. Подрывники, заранее заложив заряд, подожгли бикфордов шнур, но длину его не расчисли-

тали. Первый эшелон прошёл к станции. Перед вторым взрывом разворотило рельсы, и машинист поспешил отвести состав назад, в Мелитополь. Красногвардейский эшелон приняли в тупик и расстреляли из винтовок и пулемётов. Бронеавтомобиль №3 выкатился к вагонам и открыл огонь в упор. Спаслись лишь несколько человек, которые, выскочив из эшелона, побежали в противоположном от Мелитополя направлении. Остальные, до 130 красногвардейцев, были убиты на месте либо взяты в плен⁵⁷⁸. Захвачено было 12 пулемётов, свыше 100 винтовок, патроны, обмундирование и продовольствие. Потери «дроздовцев» были минимальны. Одному оцарапало пулей руку, у второго разбило на груди бинокль. Было ранено также пять строевых лошадей.

Вскоре с юга подошёл и остановился у ближайшего разъезда ещё один эшелон. Хотели «принять» и его. Но, видимо, предупредённый бежавшими, с разъезда к станции эшелон так и не вышел.

К 17 часам в Акимовке сосредоточилась вся Бригада⁵⁷⁹.

С потерей Акимовки прерывалась связь между Симферополем и Александровском⁵⁸⁰, и разгром большевистского эшелона на станции повлёк за собой масштабные последствия. «Дроздовцы», сами того не ведая и, безусловно, не желая, одним ударом поколебали устойчивость всего южного крыла советского фронта. «1-я армия (Карпова), – пишет Антонов-Овсеенко, – 15 апреля⁵⁸¹ повела вновь наступление от Александровска на Синельниково. Операция развивалась успешно, когда немцы начали нажимать в тыл нашей армии. Вечером 15 апреля они попытались перейти Днепр у Хортицы, но были отбиты. Следующая попытка им удалась. Довольно большими силами, сбив наши тощие резервы, немцы заняли Александровск. Отряды 1-й армии вынуждены были повернуть фронт. Немцы в Алек-

---

⁵⁷⁸ После опроса всех пленных расстреляли. Среди них было несколько матросов и два офицера, отказавшихся назвать своё имя и звание.

⁵⁷⁹ «Выбор направления на Акимовку, – записал в тот вечер в дневнике Дроздовский, – оказался очень удачным».

⁵⁸⁰ Ныне Запорожье.

⁵⁸¹ По новому стилю.

сандровские были уничтожены. Но наступление к Синельниково было сорвано. И когда противник перешёл в контратаку, части 1-й армии в панике бросили эшелоны и покинули фронт. *Панику увеличило сообщение, что в тылу Мелитополь пытаются захватить белогвардейцы* и что немцы из Каховки на автомобилях перерезали жел. дорогу у Геническа. В Мелитополе скопилось до 60 наших эшелонов, но боеспособны были лишь бронепоезд Полупанова, отряд Меркулова и батальон китайцев. Они выдержали тяжёлый бой с противником, прикрывая отход большинства эшелонов к востоку. Остальные (во главе со штабом Южного фронта) прорвались в Крым...»

В Крым наименее устойчивые отряды 1-й армии «прорвались» ещё до подхода «дроздовцев». Что касается остальных эшелонов, то большая часть из них, спешно оставив Мелитополь, устремилась на Волноваху и далее на Мариуполь «занимать новые рубежи обороны». Но некоторые части, сохранившие решимость и готовые сражаться, остались.

На рассвете 3(16) апреля от Мелитополя к Акимовке подошли два эшелона. Красногвардейцы выскакивали из вагонов, разворачиваясь в цепь. С платформ неприцельно били по местечку лёгкие орудия.

Бригада была поднята по тревоге в считанные минуты. Стрелковые роты занимали заранее отведённые для них рубежи. Артиллерия стала на позиции и открыла ответный огонь. Обоз отошёл под прикрытием в безопасное место, на северо-западную окраину Акимовки. Конница с броневиком и конно-горной батареей выдвигалась на левый фланг.

После первых же разрывов шрапнели красногвардейцы, чуть отойдя от вагонов, заколебались, остановились и залегли. Их редкая длинная цепь охватывала местечко полумесяцем по линии колоний Дармштадт и Гутерталь, распространяясь до русла реки Ташенак.

В 11 часов Бригада перешла в контр наступление. Стрелковые роты продвигались вдоль линии железной дороги. Эскадроны в конном строю – в общем направлении на Дармштадт. Вскоре конница вырвалась вперёд. Конно-горная батарея, то и дело меняя позицию, вела непрерывный огонь, расчищая ей

дорогу. Наконец, эскадроны ворвались в ряды противника, разорвали его цепь надвое и, завернув вправо, устремились в тыл большевикам. Бронеавтомобиль №3, зайдя во фланг, стрелял из всех четырёх своих пулемётов.

Цепь рассыпалась. Большинство красногвардейцев устремились к эшелонам. Изолированные друг от друга группы сопротивляющихся тут же вырубались. В плен не брали, и раненых не оставалось⁵⁸². Батарея тем временем перенесла огонь и била шрапнелью по вагонам. Одна из гранат разорвалась прямо на платформе. Большая часть солдат успела погрузиться в эшелоны, которые, не задерживаясь, ушли на Мелитополь. Остальные рассеялись в разных направлениях.

После этого конница двинулась прямо к Мелитопольскому вокзалу. Броневик присоединился к свернувшейся в походный порядок пехоте. Весь проход напоминал церемониальный марш. «Дроздовцев» встречали как освободителей, причём не только мещане и обыватели. Уже в деревне Песчаное, пригороде Мелитополя, толпы крестьян приветствовали добровольцев. То же повторилось и в самом городе, оставленном красногвардейцами без нового боя. От вокзала вышла навстречу делегация железнодорожников с белым флагом и приветственной речью⁵⁸³. Все выходящие на привокзальную площадь улицы были запружены народом⁵⁸⁴.

Пехотная колонна вошла в Мелитополь в 16 часов. Тыловая служба и здесь нашла для себя широкое поле деятельности. Советские отряды, спешившие выбраться из города, не успели эвакуировать многочисленные склады с интендантским имуществом. В первую очередь оприходовали большое количество брошенных обозных повозок, так как свои были за время похода основательно потрёпаны. Как и всегда, озаботились о фураже. Искали бензин, но его оказалось немного.

В городе существовал военно-промышленный комитет,

---

⁵⁸² Красногвардейцы потеряли до 80 человек. В эскадронах один офицер был ранен и убито 5 лошадей.

⁵⁸³ По свидетельству Дроздовского железнодорожная милиция успела вооружиться и не позволила подрывникам-анархистам взорвать пути.

⁵⁸⁴ Мелитополь дал Бригаде до 70 влившихся в неё добровольцев.

снабжавший в своё время ещё Старую армию. Им были выданы бельё, сапоги и ботинки, которые в меняющейся неразберихе первых этих месяцев не успели конфисковать ни гайдамаки, ни большевики, ни даже анархисты. Нашлось применение и для вывезенного из Каховки сукна. Местные портные, чьи услуги были щедро оплачены, ускоренно шили обмундирование на весь отряд и других заказов не принимали.

4(17) апреля Бригада оставалась в Мелитополе. Несмотря на распространившуюся уверенность в том, что после разгрома большевики не станут больше атаковать, определённые меры предосторожности всё же предприняли. С утра в Акимовку были направлены путейцы, которые восстановили взорванное полотно и помогли вывести из тупика захваченный эшелон. В распоряжении «дроздовцев» оказалась блиндирующая платформа. На неё была поставлена команда – пулемётный взвод. Железнодорожники выделили паровоз, и импровизированная бронелетучка прикрывала всё непродолжительное время своего существования как эвакуацию Акимовки, так и подступы к Мелитополю с юга⁵⁸⁵.

Северное направление беспокойств не вызывало. Красногвардейцы от Антоновки сразу же отошли на Токмак. Большая их часть, не задерживаясь, проследовала к Волновахе. Тем не менее, на разъезде Терпение стоял под парами локомотив с командой вооружённых железнодорожников, а бронелетучка стала на разъезде Таценак, готовая при необходимости выдвигаться в любом направлении.

В 14 часов Дроздовский имел разговор с городским головой

---

⁵⁸⁵ Между Мелитополем и Акимовкой была подготовлена засада, нацеленная на захват головного большевистского эшелона. В сады у Песчаной балки выдвигались до роты пехоты, конный и конно-артиллерийский взводы. Стрелки с артиллеристами должны были завязать бой, конница – обойти эшелон и взорвать за ним пути. Однако эти начинания ни к чему не привели.

Во второй половине дня бронелетучка «дроздовцев» продвинулась до станции Сокологорная, где была обстреляна советской артиллерией. Отходя к северу, вступила в перестрелку с преследовавшим её блиндирующим поездом. В двух-трёх километрах южнее Акимовки команда разобрала пути, рельсы увезла с собой, что сделало невозможным продвижение к Мелитополю крупных сил большевиков. В оставленную добровольцами Акимовку вошли ненадолго лишь незначительные разъезды.

об организации городской милиции, для которой Бригада выделяла необходимое вооружение. Милиция была сформирована, но при первом же известии о наступлении большевиков⁵⁸⁶ стражи порядка, побросав винтовки, попрятались по домам.

К вечеру пришёл запрос от немцев о возможности приёма поезда с их делегацией. Дроздовский, желая дать Бригаде больше времени для отдыха на городских квартирах, приказал сообщить о готовности приёма к 10 часам 5(18) апреля. Ночь прошла спокойно. С утра Дроздовский выезжал к месту предполагаемой засады и дал указания передвинуть орудия для стрельбы прямой наводкой. «Между 13-14 прибыл блиндируванный немецкий поезд, – писал он в дневнике, – а за ним их первый эшелон. Остались на станции. Разговоры с ними вели Войналович и Жебрак. Я уехал в город, уклонившись таким путём от этой невесёлой встречи. Немцы на этот раз, очевидно, вполне доверяли нашей лояльности, ибо, как шуба, влезли на станцию⁵⁸⁷. Но нам нет пока другой политики. На офицерах эта встреча отразилась тяжело, многие нервничали. Во избежание столкновений приказал снять охрану и внешнее охранение против большевиков, передав вокзал железнодорожной охране. Охранение к Акимовке взяли на себя, естественно, немцы, своим продвижением немедленно туда...»

Засада была снята. Дроздовский решил оставить город и перейти в Константиновку, селению, расположенному на другом берегу реки Тащенак.

6(19) апреля с утра в заданном направлении стал выдвигаться обоз. Выступление строевых частей Дроздовским было намечено на 14 часов. Сам же он поехал к немецкому генера-

⁵⁸⁶ Тревога оказалась ложной. Вестовой, посланный для вызова к штабу офицеров, назначенных в засаду у Песчаной балки, по своей инициативе, желая ускорить сбор, принялся кричать, что красногвардейские цепи подходят к городу.

⁵⁸⁷ Направление, находившееся далеко в стороне от основных путей германского наступления, вдруг разом приобрело едва ли не первостепенное значение. Занятие Мелитополя, помимо прочего, означало выход на тылы южных советских армий, которые в этих условиях при малейшем нажиме неизбежно отступили бы в Донбасс и к границам Донской области. О действительных планах Дроздовского немцы могли лишь догадываться. Не полагаясь на Бригаду русских добровольцев, спешили всё необходимое сделать сами.

лу, начальнику 15-й дивизии Ландвера. Немец задавал ставшие привычными вопросы, Дроздовский отвечал, что идут в Россию бороться с большевиками. И рассказал также о создании городской и железнодорожной милиции. Каких-либо трений не возникло.

После Дроздовский разговорился с переводчиком, вероятно, симпатизирующим добровольцам. Тот, предупредив, что высказывает своё личное мнение, посоветовал, тем не менее, поскорее уходить. Сказал вполне определённо, что, если соответствующий приказ будет получен, несмотря на все симпатии, Бригаду будут разоружать. Сообщил, между прочим, что немцы оценивают количество добровольцев в пять тысяч штыков и сабель. Что в Великороссию они не пойдут, даже если *кто-либо* их пригласит. «Весь тон и отношение к нам, – писал Дроздовский, – полны личного уважения, но в полной уверенности, что мы не преследуем широких патриотических целей, *или что выполнение их невозможно.*

...Странные отношения у нас с немцами, точно признанные союзники. Содействие и строгая корректность, а в столкновении с украинцами – всегда на нашей стороне, безусловное уважение. Один, между тем, высказался: враги те офицеры, что не признали нашего мира. Очевидно, немцы не понимают нашего вынужденного союзничества против большевиков, не угадывают наших скрытых целей или считают невозможным их выполнение. Мы платим строгой корректностью. Один немец говорил: «Мы всячески содействуем русским офицерам, сочувствуем им, а они нас сторонятся, чуждаются».

С украинцами, напротив – отношения отвратительные: приставание снять погоны, боятся только драться – разнузданная банда, старающаяся задеть. Не признают дележа, принципа военной добычи, признаваемого немцами. Начальство отдаёт строгие приказы не задевать – не слушают. Некоторые были побиты, тогда успокоились... Когда мы ушли из Мелитополя, вокзальный флаг, даже не строго национальный, сорвали, изорвали, истоптали ногами...

...Один из офицеров проходящего украинского эшелона говорил немцу: надо бы их, т.е. нас, обезоружить, и получил в от-

вет: они также борются с большевиками, нам не враждебны, преследуют одни с нами цели, и у него язык не повернулся бы сказать такое, *считает непорядочным...*»

В этих последних строчках при желании можно отыскать ответ на часто задаваемый современниками и исследователями вопрос: почему немцы так и не разоружили одинокую русскую бригаду?

Большую часть пути «дроздовцы» проделали на удалении от больших боёв и значительных сил оккупантов. Австрийцы не обнаружили ни малейшего желания ввязываться в бой с теми, кто, очевидно, не был им враждебен.

Что касается немцев, то они на Украине наступали авангардами, прощупывая непрерывно силу сопротивления советских частей. Если те сразу отступали, продвигались вслед. Когда же большевики проявляли твёрдость, что тоже имело, конечно, место, немцы не торопились, подтягивали силы и добивались своего, ведя уже правильный бой. Фланги германского наступления в этих условиях почти всегда оставались открытыми. И на обнажённом фланге главного удара действовала бойкая и целеустремлённая русская бригада. И выполняла, сама того не желая, для обеспечения германского наступления ровно то же, что делала бы на её месте любая немецкая часть.

Сил, особенно на второстепенных участках фронта, не хватало катастрофически. На счету был каждый батальон, каждая рота. Неудивительно, что командирам среднего звена и в голову не приходило разоружать сражавшуюся, в том числе и за них, устойчивую, инициативную боевую единицу. К тому же, не стоит забывать, что сделать это было бы не так просто. Подтянув силы и, соответственно, оголив участки фронта, немцы, вероятно, разоружили Бригаду. Но случись бой, это обошлось бы им недёшево.

Локтевая связь в бою, пусть даже и с недавним противником, неизбежно способствует возникновению симпатии и уважения. Не могло также не импонировать, что в разлившемся половодье кучка солдат и офицеров, несмотря ни на что, упрямо и отрешённо шла и шла вперёд к своей пусть даже и несбыточной цели. Хочется верить, что немецкие офицеры вовсе не стреми-

лись поддержать установившуюся репутацию своей нации как неспособной на эмоциональный порыв, холодной и расчётливой⁵⁸⁸. И порядочность, пусть избирательная, для многих из них не была пустым словом.

Всё, конечно, определяло высшее военное руководство. Но категорических инструкций разоружать так из Берлина и не поступило. В сложной политической игре, когда на кону стояло доминирование в послевоенной Европе, а обстановка менялась каждую неделю, проигравшей войну России немцы отводили место стороннего наблюдателя. Им нужны были большевики как единственное правительство, гарантирующее мир. Но в то же самое время необходимо было максимально их ослабить, чтобы в 5-6 решающих месяцев немногочисленным немецким дивизиям на востоке ничто не угрожало. И, по всей видимости, существование и продвижение к Дону «дроздовцев» представлялось в Берлине фактором, который больше способствовал этому, чем мог впоследствии навредить...

Так или иначе, но по 8(21) апреля включительно Бригада находилась в Константиновке. В ресторане Мелитополя Дроздовский обедал с украинским комендантом. Тот поначалу, ссылаясь «на полномочия», требовал едва ли не подчинения Бригады. Все регулярные силы украинцев на первом этапе оккупации были вполне сопоставимы с силами «дроздовцев», говорить о старшинстве вряд ли приходилось. Дроздовский ответил коротко: «Не подчинюсь», и комендант сразу сбавил тон.

Договорились о том, что, продвигаясь, добровольцы будут содействовать наведению порядка в попадавшихся на пути сёлах и местечках. Расстались весьма недовольные друг другом.

---

⁵⁸⁸ «Дроздовский объявил, что отряд сохраняет в отношении австро-германцев нейтралитет и ведёт борьбу только против большевиков, – пишет Деникин. – Не было ли ещё инструкций из главной немецкой квартиры, не разобрались немцы в истинных побуждениях добровольцев или просто сравнительно слабым передовым частям их невыгодно было вступать в столкновение с хорошо вооружённым, организованным и морально стойким отрядом, но формула Дроздовского была молчаливо принята.

Быть может, и совесть рядового немецкого офицерства заговорила при виде людей, оставшихся верными своему долгу, и одинокой, трагически ничтожной кучкой бросившихся в водоворот народной стихии.

Хотя люди эти и были им врагами».

9(22) апреля Бригада уходила на восток. Дроздовский со штабом задержался в Мелитополе, и тут ему доложили о телеграмме из Бердянска. Там инвалиды⁵⁸⁹ организовались, изгнали отряд Красной гвардии и запрашивали помощь против матросов, обстреливавших город с моря⁵⁹⁰. Бригада пошла прямо к Бердянску. На марше между колониями Владимировка и Богдановка колонну встретила делегация инвалидов. Просили направить в город артиллерию. Дроздовский, изначально подзревавший провокацию, имел случай убедиться, что это не так. Военный руководитель восставших, полковник Черков⁵⁹¹, был ему лично известен. Тем не менее, одну лишь артиллерию полковник выдвигать отказался, заверив, что Бригада в скором времени подойдёт целиком.

10(23) апреля «дроздовцы» заняли Ногайск, «арестовали советы и восстановили думу». Части стали на ночлег в селении Обиточное, сам же Дроздовский с Неведомским и командиром батареи выехали вперёд для переговоров с инвалидами и выбора артиллерийских позиций. Позиции определили у маяка и в районе кладбища. Орудия позже на них стали, но огонь открывать не пришлось. Траллеры большевиков ушли на Таганрог.

Вечером в город прибыл броневедом №3. Его встречали овациями. Дроздовский, отобедав у бельгийского консула, в 21 час выехал навстречу подходившей колонне. Бригаду он поворачивал на колонию Ивановка. В Бердянск направлялась одна лишь пехотная рота с приданными броневедомом и отрядом мотоциклистов. Устраивались комендатура и вербовочное бюро. Комендантом был назначен Жебрак.

С утра тыловые службы занялись привычным делом, добычей фуража и вооружения⁵⁹². Получили информацию, что в городе находятся свыше 12 миллионов «бесхозных» рублей. Инвалиды и исполнительный комитет готовы были оказать воз-

---

⁵⁸⁹ Солдаты и унтер-офицеры, получившие ранения и по излечению отправленные с фронта домой.

⁵⁹⁰ Это был отряд Мокроусова в 500 штыков.

⁵⁹¹ Позже на автомобиле подъезжал и сам Черков.

⁵⁹² При этом неизменно создавалась комиссия по сбору имущества, от чьего имени и действовали интенданты.

можное содействие, но выяснилось, что обратились они также и к австрийцам, передовые подразделения которых вошли в город ближе к полудню 11(24) апреля⁵⁹³. Тут же городские власти «вспомнили», что очистили Бердянск своими силами.

Тем не менее снаряды, патроны, амуницию и продовольствие⁵⁹⁴ раздобыть удалось. Деньги же город оставил себе. Не смогли также договориться о передаче автомобилей. Дроздовский вывел из города роту и снял с боевых позиций артиллерию, передав охрану и оборону Бердянска австрийскому гауптману.

С утра 12(25) апреля в зале городского театра состоялось общее собрание всех офицеров и солдат Бердянска. На нём присутствовал Дроздовский⁵⁹⁵, а выступал перед аудиторией командир 2-го эскадрона Двойченко. Он рассказал о задачах и боевом пути Бригады. Предлагал вступать в её ряды. Записалось вместе с учащейся молодёжью и вольноопределяющимися 70-75 человек. Устанавливалась, какая бы она ни была, власть. И люди, в большинстве своём, безусловно, симпатизирующие добровольцам, не спешили вновь взять в руки винтовки и идти в степь, в тревожную, сомнительную неизвестность. Воевать непонятно даже за кого и от чьего имени. Рисковать своей жизнью, даже и не представляя, есть ли ещё кто-нибудь в огромной России, готовый поддержать крохотный отряд русских добровольцев в их безнадёжной борьбе. Предпочитали всему этому сытую спокойную размеренную устроенность...

13(26) апреля в 11 часов Бригада выступила из Ивановки. Переночевали в Новоспасском⁵⁹⁶ и на следующий день остановились в деревне Мангуш. На марше колонну догнал Боголовский. Доклад его оказался более оптимистичным. Информация о гибели Корнилова подтвердилась, но выяснилось, что Дени-

---

⁵⁹³ «Просил... ответить, – пишет Дроздовский, – что пришёл наш отряд и помощи австрийской не нужно. Так им и телеграфировали. Проснулся – сообщают: уже австрийцы в городе, грустно...»

⁵⁹⁴ Вместо обещанных 600 пудов сахара город выделил 100.

⁵⁹⁵ «Собрание, как собрание, – записал он в дневнике, – тот же крик, шум, беспорядок, та же потеря времени».

⁵⁹⁶ Ныне Осипенко.

кин и Алексеев продолжают сражаться, хотя о местоположении их ничего не известно. Множились противоречивые пока ещё слухи о выступлениях на Кубани и брожении на Дону. «В общем, неопределённость и неясность кругом, – записал Дроздовский в дневнике. – Есть что-то родное, какая-то точка, к ней надо стремиться, но блуждающая, какая, где, куда идти? Вообще только слухи, почти ничего реального, отрезаны от мира, весь в своих руках, на своём ответе...»

Прибыл из Одессы и офицер, связанный с Жебраком. По его словам, целая группа с пулемётами шла на соединение с Бригадой. Однако из Киева получены были известия о бое под Воссиятским, где «дроздовцы» потерпели, якобы, поражение и были рассеяны. Офицерский отряд закопал пулемёты и вернулся в Одессу. Один лишь посыльный прибыл к Дроздовскому и доложил о происшедшем.

Волна германского нашествия в какой-то момент перелестнула путь движения Бригады. Мариуполь был уже занят австрийцами. Получив от «дроздовцев» требование⁵⁹⁷ на фураж и подводы, поселковые власти посчитали, что всё перечисленное будет у них отобрано силой, и по телефону пожаловались в Мариуполь. В ночь на 15(28) апреля из города прибыла депутация фронтовиков с бумагами как от их «военной коллегии», так и от австрийского коменданта. На словах пояснили, что на территории Украины какие-либо реквизиции, осуществляемые иначе, как за наличный расчёт, запрещены. Дроздовский указал, что за весь поход первый раз получил «такую штуку⁵⁹⁸» и выразил депутации своё недоумение. Фронтовики, видя, что за всё сполна заплачено, тут же стали отговариваться, утверждая, что не знали, какой отряд проходит через деревню. Австрийцы так и не прибыли, и на этом инцидент оказался исчерпанным.

В тот же день Бригада, не задерживаясь, прошла через Мариуполь, переправилась через речку Кальмиус и стала в деревнях Косоротовка и Троицкое, уже на земле Войска Донского. Ночью по телефону казаки станицы Новониколаевской запросили

⁵⁹⁷ Перечень наименований для последующей закупки.

⁵⁹⁸ «Чего им взбрело на ум писать? – отметил он в дневнике. – Кто им сказал, что я что-либо беру даром?»

помощи против местных красногвардейцев⁵⁹⁹. Дроздовский, не зная обстановки, выдвигаться дальше на восток не спешил. Приказал лишь послать казакам винтовки с патронами. К Таганрогу были высланы многочисленные разведчики, в том числе и две добровольно вызвавшиеся женщины.

Днём Дроздовский ездил в Мариуполь в «Коллегию фронтовиков». Там продолжали предъявлять претензии. Настаивали на возвращении части лошадей, реквизированных за время похода. Успели пожаловаться на добровольцев и австрийцам. Дроздовский приказал демонстративно передать незначительное количество лошадей исключительно австрийским военным властям. Фронтовики же не получили ни одной. Отдали, конечно же, самых худших, которых и так требовалось заметить как можно скорее.

После полудня 16(29) апреля Дроздовский присутствовал на заседании «Союза офицеров» в Мариуполе, выступал там с речью, которую присутствовавшие, за редким исключением, приняли восторженно. Полковник вынес настолько благоприятное впечатление, что рассчитывал на пополнение в 1000 человек. Ожидания его, конечно же, не оправдались и на десятую часть.

17(30) апреля в 8 часов Бригада продолжила движение и в тот же день вошла в Новониколаевскую станицу. Казаки встретили добровольцев восторженно. Конная и пешая сотни стояли у дороги в развёрнутом строю. Почти все – уже при погонах. Уже было восстановлено станичное самоуправление, выбран атаман. Комитетчики выявлялись и арестовывались.

В станице Дроздовский получил более-менее достоверные сведения о военно-политической обстановке, сложившейся к этому времени на Дону и Кубани. Определённо утверждали, что войсковой старшина Фетисов с казаками стоит под Новочеркасском, но артиллерии у него почти нет. Атаман Попов – в Великокняжеской. Деникин, якобы, выдержал бой под Тихорецкой и идёт на Батайск. И, наконец, совершенно определённо – немцы с севера продвигаются вдоль железной дороги к Таганрогу.

Вечером получили телеграмму «Всемир! Всемир! Всемир!» Больше-

---

⁵⁹⁹ Такие же просьбы поступили вскоре из деревни Антоновки и станицы Вознесенской.

вики сообщали, что от Ростова отрезаны. Немцы в 3-х километрах севернее Таганрога, и они покидают город, уходя на судах в открытое море. Непонятно было, кем отрезан советский гарнизон, немцами или Добровольческой армией. Тем не менее, Дроздовский распорядился немедленно выступить на Фёдоровку.

Появление Бригады сыграло роль катализатора. В удалённых от железной дороги станицах Приазовья Советская власть доживала последние дни. Казаки всюду организовывались, составляли сотни и полки и практически без боя разоружали отряды иногородних. Не успевшие либо не озаботившиеся уйти с войсками активисты арестовывались. Большую их часть в короткий срок расстреляли. Всё это, конечно, неизбежно порождало затаенное до поры недовольство неказачьего населения.

Ночью и утром 18 апреля (1 мая) из слободы Платовой поступали сообщения о движении двух значительных красногвардейских отрядов. Один, численностью в 600 штыков, шёл, якобы, от Андреево-Мелентьева вниз по правому берегу реки Миус. Второй, в 400 штыков с артиллерией, двигался на восток вдоль Миусского лимана. Дроздовский принял решение перехватить их на марше. К Миусу и к морю выдвигалась колонна в составе стрелковой роты, взводов конницы и лёгкой артиллерии и вспомогательной сотни присоединившихся к Бригаде казаков. Основные силы продолжали движение на Фёдоровку, в которой стали на ночлег⁶⁰⁰.

В деревне, считавшейся оплотом большевизма в округе⁶⁰¹,

---

⁶⁰⁰ Колонну на три часа задержал бронеавтомобиль №3, проломивший мосток и провалившийся задом в неширокую протоку. Пехота вынуждена была идти в обход. Броневик вытащили, подведя под днище надстройку из брёвен и используя домкрат. Перехватить красногвардейцев не удалось. По-видимому, часть их рассеялась, а остальные дали немцам большой бой под Таганрогом.

⁶⁰¹ В селе был образован Совет. В одной из его резолюции говорилось: «Фёдоровский волостной Совет крестьянских депутатов под председательством (так в тексте) тов. Михаила Горланова принял единогласно при одном воздержавшемся резолюцию, в которой приветствуется Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых, вынесенная на Третьем Всероссийском съезде крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

Организованный на месте Совет обязуется принять все меры и власть, чтобы Декларация приводилась в исполнение немедленно, а с тормозящими работе поступать, как с контрреволюционерами.

реквизировали без оплаты всех годных лошадей. Задерживали как красногвардейцев, так и всех иногородних, захваченных с оружием в руках. Трех, определённых комитетчиками, повесили.

Утром 19 апреля (2 мая) выступили на Николаевку, в которой и заночевали. На привале в бронев автомобиле №3 по неизвестной причине разорвалась одна из ручных гранат. Взрывом вырвало и отбросило далеко в сторону заднюю дверцу, сорвало с кронштейна пулемёт, расщепило пол. Пулемётные ленты воспламенились, часть патронов в них полопалась. Однако водитель, находившийся в кабине броневика, каким-то чудом не получил даже контузии. Самой машине был дан в полевых условиях ремонт, её боеспособность восстановили.

Вечером в занятый немцами Таганрог был направлен для переговоров подполковник Лесли. Также ему надлежало договориться с местными властями о вербовке в городе добровольцев и возможности получения военного имущества.

В 8 часов 20 апреля (3 мая) Бригада под командой Войналовича двинулась на Синявскую, а сам Дроздовский в сопровождении Лесли направился в Таганрог. Подполковнику удалось добиться многого. Добровольцы получали со складов 150 седел, автомобиль, немалое количество бензина и даже два аэроплана в собранном для транспортировки виде. Вооружение немцы выдать отказались категорически. Но поспособствовал «Союз офицеров». Через его представителей удалось незаметно от немцев вывезти несколько десятков винтовок и пулемёты.

Они же помогли организовать частное собрание офицеров. На предложение Дроздовского присоединиться к отряду откликнулось не более 50 человек⁶⁰².

Уравнивать всех граждан в праве пользования землёю и живым и мёртвым инвентарём, дабы право на землю имел только тот, кто своим трудом будет эту землю обрабатывать».

⁶⁰² «...те же мотивы, – записал Дроздовский в дневнике. – Неясна задача, да и не так делается, как хотелось бы тому или иному, да мало сил, да лучше и безопаснее на местах... Дирижёры – кадровые: никто, как свой. Инертность поразительная». Не исключено, причины не присоединяться к Бригаде исчисляли те же самые люди, которые отказались в своё время встать в ряды Добровольческой армии.

Тем временем Бригада вышла к железнодорожной ветке Таганрог – Матвеев Курган. Голова колонны и основные силы пересекли полотно и продолжали движение. К переезду подходил арьергард под командой Жебрака. О дальнейшем рассказывает Деникин: «...когда колонна пересекала железную дорогу севернее Таганрога, часть обоза и арьергард были отрезаны подошедшим из Таганрога паровозом, ставшим поперёк переезда. Германский майор Гудерман заявил, что не пропустит колонну до тех пор, пока не получит разрешения из Таганрога от корпусного штаба. По-видимому, он выжидал прибытия эшелона. Начальник арьергарда, полковник Жебрак развернул роту с пулеметами вдоль полотна. Но насильственные меры могли быть чреваты опасными последствиями. Жебрак вступил, поэтому в переговоры с майором, посоветовал для ускорения ответа послать его адъютанта на паровозе в Таганрог. Как только паровоз скрылся с глаз, и путь стал свободен, повозки рысью двинулись через переезд.

– Вы поступили не по-джентельменски, – сказал раздражённо Гудерман.

– Кому-кому судить об этом, – ответил Жебрак, – но только не вам, майор. У нас с вами мир еще не заключен. Кто нам мешает, тот нам враг...»

Была ли эта последняя попытка остановить Бригаду частной инициативой командира среднего звена, или сказался фактор достигнутых с большевиками договорённостей⁶⁰³, не-

⁶⁰³ 18 апреля (1 мая) части 1-й армии, отходившие от Иловайской, с подошедшим Таганрогским отрядом Красной гвардии стали на линии Николаевка – Кошкино – Самбецкая и вели бой с 20-й Баварской дивизией немцев. Сформированный в Таганроге полк под командованием Каски (2200-3000 штыков) был полностью уничтожен. Остальные отошли к ст. Морской и далее на Ростов.

На следующий день в занятый немцами Таганрог прибыли делегаты Донской Советской республики Г.К. Орджоникидзе и В.С. Ковалёв. Там им, помимо прочего, было заявлено, что германские войска займут также и Ростов, «как важный стратегически пункт».

По возвращении делегации на состоявшемся в 19 часов 19 апреля (2 мая) совместном заседании ЦИК Донской республики и исполкома Ростовского Совета было принято решение о создании эвакуационной комиссии. По словам Орджоникидзе, немцы готовы были приостановить военные действия на двое суток (до получения директив вышестоящего командования) и просили

известно. Так или иначе, «дроздовцы» пересекли полотно и к вечеру были уже в Синявской⁶⁰⁴.

21 апреля (4 мая) Бригада проследовала вдоль железнодорожных путей через Недвиговскую и во второй половине дня вышла на подступы к Ростову.

7.4. Ростов

Можно искать и находить веские причины, определившие решение Дроздовского занять город. Можно сослаться на безусловную недооценку им сил большевиков, которые до Ростова отступали перед Бригадой раз за разом. Главное, думается, заключается всё же в другом. У Дроздовского просто не было иного выхода. Займи Ростов немцы, обойти город и форсировать Дон добровольцам было бы практически невозможно. Более того, пожелай германские военные власти разоружить прижатую к морю Бригаду, осуществить это не составило особого труда. Не пришлось бы даже вступать в бой. Достаточно было окружить добровольцев, оседлав пути отхода к северу, и подождать пару дней, пока у них не закончилось бы продовольствие.

Так или иначе, но Дроздовский принял решение – атаковать. Пока главные силы шли от Недвиговской, вперёд была выслана команда разведчиков-мотоциклистов. По возвращении юнкер

пропустить их в Ростов, гарантируя «неприкосновенность Советской власти и Красной гвардии».

Янчевский высказывается куда категоричнее. «Донской Совнарком (тов. Орджоникидзе и Ковалёв) тогда же вошёл с немцами в переговоры, – пишет он, – но немцы потребовали, чтобы Ростов был очищен 6 мая».

Не исключено, немцам дали понять, что Ростов будет оставлен без боя. И в этих условиях командир германской дивизии в Таганроге мог посчитать, что пропуск к городу враждебной большевикам крупной воинской части явится нарушением достигнутых гласных, либо негласных договорённостей.

⁶⁰⁴ Всё, что мы знаем о походе «дроздовцев», от формирования отряда до продвижения его в район восточнее Таганрога, известно, в основном, из дневника Дроздовского. С 21 апреля (4 мая) записи в дневнике обрываются. Возможно, Дроздовский, ввиду загруженности и череды последующих тяжёлых боёв прекратил вести дневник. Не исключена и утрата заключительной его части.

Информация о дальнейшем боевом пути Бригады основана на систематизированных В. Кравченко воспоминаниях его участников.

А. Прицкер доложил о *полученных из расспросов* данных. По словам В. Кравченко, в Ростове, кроме красногвардейцев, находились также подразделения латышских стрелков и отряд матросов Гвардейского экипажа. Всего до 12000 штыков при шести батареях⁶⁰⁵.

Сама завязка боя свидетельствует о том, что противника Дроздовский недооценил и имел о нём весьма смутные представления. В то время как колонна подходила к Темернику, Войналович во главе разъезда 1-го эскадрона проскочил по путям к вокзалу⁶⁰⁶. Сам он, спешившийся на платформе, первым же выстрелом от эшелонов был убит. Завязалась перестрелка. Разъезд больше часа удерживал здание вокзала. Затем вынужден был прорываться к отряду.

К этому времени пехота от Темерника уже разворачивалась в цепь, а на холмах стала на позиции бригадная артиллерия. Вокзал оттуда просматривался как на ладони. Дроздовский приказал командиру гаубичного взвода подполковнику Медведеву открыть огонь. Первая граната угодила в стену вокзала, следующие стали разрываться на путях между вагонами. Были и прямые попадания.

Но не орудийные разрывы стали причиной охватившей всё и вся паники. В представлении командиров советских отрядов

---

⁶⁰⁵ Определить количество и состав находившихся в Ростове советских войск весьма затруднительно. Следует только учесть, что в первом бою с «дроздовцами» приняли участие лишь отряды, «расквартированные» в своих же эшелонах непосредственно на путях у вокзала. Армейские части в большинстве были стянуты в Новочеркасск. Красная гвардия, если и собралась, услышав стрельбу, в бой не вступала и сразу отошла на Нахичевань.

Ограниченное число путей, пусть даже и забитых составами, и значительная площадь привокзальной территории не позволяют определить численность красногвардейцев, оказавших сопротивление при вступлении «дроздовцев» в город, более чем в 4-5 тысяч человек. Не случайно отряд «Терских орлов» в 1000-1500 штыков и сабель, направленный с Северного Кавказа, был размещён в Батайске и тоже на вокзале. В Ростове ему просто не хватило места.

⁶⁰⁶ Следует отметить своеобразную тактику Дроздовского. В бою он никогда не вводил в сражение все части сразу, а напротив, направлял и разворачивал их по мере выявления расположения, сил и средств противника. В этом смысле, атака Войналовичем Ростовского вокзала вполне может рассматриваться, как согласованная разведка боем.

тяжёлой артиллерией могли располагать только лишь немцы. Перспектива принимать бой, находясь буквально в сотне метров от спасения, предопределила последующее. «...в 16 часов 4 мая⁶⁰⁷, – пишет Антонов-Овсеев, – со стороны ст. Чалтырь неожиданно появились какие-то воинские части, прорвали нашу сторожёвку и открыли орудийный огонь по Ростову. По свидетельству т. Ковалёва в городе поднялась невообразимая суматоха. Слух о том, что это немцы обстреливают Ростов, вызвал отчаянную панику в наших частях...

Лишь ничтожная горсть смельчаков прикрывала отход наших эшелонов за Дон. ЦИК Донреспублики укатил прямо в Царицын... На месте, на станции Ростов осталось большое количество невывезенных грузов. Отряд Дроздовского смог почти без потерь овладеть Ростовом...»

Советские эшелоны один за другим отходили от вокзала, переезжая через мост на левый берег и далее на Батайск. Лишь бронепоезд, став на ст. Заречная, постреливал изредка наугад. Сопrotивления больше никто не оказывал, и вскоре 2-я стрелковая рота вновь заняла вокзал и прилегающую к нему территорию. Капитан Туркул с офицерской полуротой поднялся по Большой Садовой и Московским улицам к Кафедральному собору. Красногвардейцев в городе уже не оставалось. Все они отступили в Нахичевань.

В соборе служили Заутреню. Отправив вперёд разведку, Туркул с несколькими офицерами вошёл внутрь. Прихожане недоверчиво смотрели на вооружённых людей с погонами и кокардами на фуражках. Кто-то шёпотом спросил, кто они и откуда. Туркул отвечал – добровольцы бригады Дроздовского. С ними начали христосоваться.

Дальше к Нахичевани полурота не пошла. Выставив патрули, Туркул вернулся к вокзалу. Основные силы Бригады подходили и становились на ночлег в зданиях на привокзальной территории и в близлежащих домах.

«На вокзале, куда мы пришли, – пишет Туркул, – в зале первого класса теперь тоже теплились церковные свечи, и от их огней всё стало смутно и нежно... Здесь были пожилые люди

⁶⁰⁷ По новому стилю.

и седые дамы, были девушки в белых платьях, только что от заутрени, дети, молодёжь. Нам нанесли в узелках куличей и пасок... Тут же на вокзале к нам записывались добровольцы, и рота наша росла с каждым часом.

В два часа ночи на вокзал приехал Дроздовский. Его обступили, с ним христосовались. Его сухоощавую фигуру, среди лёгких огней, и тонкое лицо в отблескивающем пенсне, я тоже помню, как во сне. И как во сне, необычайном и нежном, подошла к нему маленькая девочка. Она как бы сквозила светом в своём белом праздничном платье. На худеньких ручках она подала Дроздовскому узелок, кажется с куличом, и внезапно, лёгким детским голосом, замирающим в тишине, стала говорить нашему командиру стихи. Я видел, как дрогнуло пенсне Дроздовского, как он побледнел. Он был растроган. Он поднял ребёнка на руки, целуя маленькие ручки...»

Лёгкость овладения городом сыграла с «дроздовцами» злую шутку⁶⁰⁸. Роты к утру разбрелись, кто куда очищать город. Разведка не велась, охранение надлежащим образом выставлено не было. На рассвете 22 апреля (5 мая) большевики, подтянув от Новочеркаска значительные силы⁶⁰⁹, атаковали Ростов. Впереди шёл бронепоезд, стрелявший из орудий по вокзалу. За ним следовали в затылок друг другу эшелоны с пехотой.

Железная дорога в то время обходила город вдоль северной окраины и спускалась затем к вокзалу, оставляя Ростов к югу и востоку от полотна. Советские отряды, разгружаясь на окраине, втягивались в городские улицы и беспрепятственно продвигались к центру города. Перейдя никем не охраняемый мост, уда-

⁶⁰⁸ Если учесть, что добровольцы прошли до Ростова, не встречая серьёзного сопротивления, без труда рассеивая незначительные отряды красногвардейцев, если вспомнить, что за всё время похода Бригада была атакована лишь однажды, проявленную беспечность можно если не оправдать, то понять. Всё же удивляет недооценка того очевидного факта, что железнодорожная станция Ростов и мост через Дон являлись единственным путём отступления группировки советских войск в 25-30 тысяч штыков и сабель.

⁶⁰⁹ У командования 1-й армии выхода уже не оставалось. Либо выбить из города свалившегося, как снег на голову, противника и вырваться из мешка, либо погибнуть.

Неудивительно, что советские войска поспешили оставить Новочеркасск и всей массой двинулись к Ростову.

рили во фланг и красногвардейцы, отошедшие накануне на Батайск и Заречную⁶¹⁰.

Застигнутые врасплох подразделения Бригады с самого начала вступали в бой неорганизованно, по мере соприкосновения с наступающим противником. Серьёзное сопротивление было оказано лишь у вокзала. Бронеавтомобиль №3, высланный с первыми выстрелами в разведку, прошёл по Большой Садовой улице от вокзала к центру города. Дойдя до Таганрогского проспекта⁶¹¹, он был атакован советским броневиком, который отогнал огнём своих пулемётов.

Красногвардейцы плотными группами наступали уже как по Таганрогскому проспекту, так и от Нахичевани по Большой Садовой. Бронеавтомобиль «дроздовцев» медленно отходил, непрерывным огнём удерживая их на достаточном расстоянии. Жители верхних этажей, не понимая, что происходит, бросали из окон в открытую кабину узлы с куличами.

Броневик подошёл к вокзалу, но добровольческой пехоты там уже не было. Вытесненная из западной части города, она рассыпалась цепью вдоль железнодорожного полотна в лощине у садоводства Рама. За путями напротив вокзала тылом к городу стоял обоз и с ним передки лёгкой батареи. Командир бронеавтомобиля капитан Нилов сообщил начальнику обоза, что между ним и подходившими красногвардейскими цепями никого из добровольцев уже не осталось. Обоз с упряжками артиллеристов тут же снялись и ушли на запад. Часть имущества

---

⁶¹⁰ «...наши уже «очухались», – пишет Антонов-Овсеенко, – выяснили, что перед ними не регулярная германская дивизия, а сборный белогвардейский отряд...

Вечером, в тот же день, наш бронепоезд бомбардировал Ростов из Батайска. На следующий день (это был первый день Пасхи) к 5 часам, к Ростову подошли наши части, отходившие от Новочеркаска и, совместно с отрядами, сгруппировавшимися в Батайске, повели наступление на город, подготовив его огнём 12 трёхдюймовых и 4 шестидюймовых орудий.

К 12 часам белогвардейцы были разбиты и, понеся большие потери, оставив на месте 6 орудий, до 70 пулемётов и до 100 повозок с военным имуществом, бежали из Ростова...

Захвачена была и канцелярия штаба «дроздовцев» и два больших ящика с горгиевскими крестами, медалями и т.д.»

⁶¹¹ Ныне проспект Будёновский.

была при этом оставлена. Бронеавтомобиль между тем спустился к своей пехоте, стал на правом фланге цепи и надёжно прикрыл его своим огнём, отбивая одну атаку красногвардейцев за другой. Капитан Нилов действовал по своей инициативе, так как какого-либо общего руководства частями не было⁶¹².

Несмотря на столь неудачное начало боя, Дроздовский не оставлял надежды его переломить. Подчинив себе всю конницу, он повёл оба эскадрона по буграм на север, в надежде обойти правый фланг большевиков и захватить врасплох их эшелоны. Советские артиллеристы, пристрелявшиеся по цепи добровольческой пехоты, заметив опасность, вовремя перенесли огонь. Частые разрывы гранат заставили конницу отступить.

В этот момент к Дроздовскому подскакали офицеры подошедшего к городу немецкого уланского полка и предложили помощь⁶¹³. Дроздовский отказался. Во второй половине дня стало очевидно, что разгромить большевиков и вновь ворваться в Ростов не удастся. И дело было не в отсутствии управления. Сказывалось подавляющее численное преимущество советских войск. По самым скромным оценкам, красногвардейцев было больше в 12-15 раз. Да и качественно противник разительно отличался от разномастных отрядиков, столь легко рассеянных Бригадой на юге Украины. Здесь, под Ростовом, «дроздовцы» столкнулись с совершенно иными красногвардейцами. В большинстве – солдатами-фронтовиками, опытными, подготовленными бойцами, не лишёнными известной организации и боевого духа.

Ближе к вечеру Дроздовский приказал отступать. Под прикрытием расставленной на буграх артиллерии и бронеавтомобиля №3 пехота поднялась из лощины на бугры, оторвалась от противника и стала отходить на Таганрог. Несколько километ-

---

⁶¹² «Командир стрелкового полка генерал Семёнов, – пишет Кравченко, – в это время разговаривал в доме хозяина садоводства и мало, вернее, совсем не интересовался тем, что происходит вне дома».

⁶¹³ Даже если немцы пытались использовать затруднения Бригады с единственной целью – ворваться при помощи русских штыков в русский город, это предложение, безусловно, делает им честь. Впрочем, нельзя исключать и того, что они действительно симпатизировали русским добровольцам и готовы были стать с ними к плечу плечом даже и в почти безнадежном бою.

ров шли цепями, затем свернулись в колонну. Арьергард составляли конно-горная батарея и броневик, готовые в любой момент развернуться и прикрывать отход.

Большевики, проявившие настойчивость и неожиданную организованность в бою за Ростов, не только не попытались уничтожить добровольцев, но даже не пошли в преследование. Их интересовало только удержание перегона Ростов – Батайск и железнодорожный мост через Дон.

«На поле у дороги, – пишет Туркул, – мы встретили германских улан. Все они были на буланых конях, в сером, и каски в серых чехлах, у всех жёлтые сапоги. Их полк стоял в колоннах. Ветер трепетал в уланских значках.

Когда мы с нашими ранеными проходили мимо, раздались короткие команды, слегка поволновались кони, перелязгнуло, сверкнуло оружие, и германский уланский полк отдал русским добровольцам воинскую честь.

Тогда мы поняли, что война с Германией окончена».

В этих словах – всё. Растерянность, горечь. Но и надежда...

7.5. Новочеркасск. Земля обетованная

Ближе к вечеру колонна подошла к селению Мокрый Чалтырь, в котором уже располагался авангард подходившей германской части. Дроздовский не пожелал становиться на ночлег в одном селе и вперемежку с немцами и приказал продолжить движение⁶¹⁴. Достигли деревни Крым, в которой и остановились.

В проигранном бою за Ростов Бригада потеряла 82 человека⁶¹⁵. Это было в несколько раз больше, чем общее число потерь, понесённых за всё предыдущее время похода. Погиб и начальник штаба полковник Войналович. Узнав о его смерти, Дроздовский сказал: «Я понёс великую утрату. Убит ближайший мой

---

⁶¹⁴ «Части собрались в селе Чалтырь, – пишет Деникин. – Там уже оказался... авангард германцев. Несмотря на предупредительное отношение немецкого начальника, предоставившего отряду для ночлега часть села, офицеры просили увести их оттуда; не взирая на крайнее утомление, двинулись дальше и остановились в селе Крым».

⁶¹⁵ По другим данным – свыше 100 убитых и пропавших без вести.

помощник, мой начальник штаба, может быть, единственный человек, который мог меня заменить».

На его место был назначен подполковник Г.Д. Лесли. Вместо отстранённого от должности генерала Семёнова командовать Офицерским полком Дроздовский назначил полковника М.А. Жебрака-Русакевича.

По свидетельству очевидцев, Дроздовский находился едва ли не в отчаянии. Ввиду недостатка сил пробиться через Ростов было невозможно. Новый бой с большевиками грозил обернуться разгромом. Остаться на месте значило рано или поздно подвергнуться разоружению со стороны немцев. Известий о Добровольческой армии Дроздовский не имел и в силу этого не мог определиться с направлением дальнейшего движения.

Весь день 23 апреля (6 мая) Бригада простояла на месте, ожидая приказа. Его не последовало. Вечером в штаб прибыл казачий есаул. Будучи в разведке, он натолкнулся на разъезд «дроздовцев⁶¹⁶». От казака Дроздовский получил, наконец, точные сведения о складывающейся на Дону ситуации. Смерть Корнилова давно стала свершившимся фактом. Но добровольцы, оправившись после Екатеринодара, уже подходили к границам Донской области. А на Дону полыхало восстание. По словам казака, только что был занят Новочеркасск и занят во многом потому, что большевикам пришлось стянуть к Ростову *все* силы, оставив Столицу Дона без защиты.

Кроме того, есаул также доложил, что с севера крупные отряды большевиков подходят к Новочеркасску вдоль линии железной дороги, и казаки опасаются, что могут не устоять.

Для Дроздовского узнать это было равносильным возвращению перспектив и уверенности в себе. Бригада вновь обрела цель, а поход – утраченный было под Ростовом смысл. С занятием казаками Новочеркасска обстановка менялась коренным образом. Теперь достаточно было оказаться на контролируемой ими территории и, не опасаясь более ни немцев, ни большевиков продвигаться на соединение с Добровольческой армией. О дальнейшем размышлять пока ещё не приходилось.

К тому же выяснилось вдруг, что бой в Ростове вовсе не был

⁶¹⁶ По другой версии, казак был направлен Походным атаманом Поповым.

Бронеавтомобиль № 3 с экипажем

бессмысленным. Напротив, только лишь благодаря инициативе «дроздовцев» большевики оголили фронт под Новочеркасском, что и облегчило казакам взятие своей Столицы. Жертвы не оказались напрасными. И это, конечно, благоприятно

повлияло на весьма тонкую и впечатлительную натуру самого Дроздовского и способствовало восстановлению его душевного равновесия.

Отбросив колебания, полковник приказал выдвигаться к Новочеркасску. Следует признать, что Дроздовский, в отличие от того же Корнилова, не был приверженцем стремительных переходов с неизменной штыковой атакой, их завершающих. Бригада стала выдвигаться из села Крым только с рассветом 24 апреля (7 мая). Подняли в воздух один из полученных в Таганроге аэропланов. Однако произвести с его помощью разведку не удалось. Машина упала и разбилась. Лётчик капитан Андриянов был тяжело ранен.

Около 18 часов колонна достигла хутора Каменнобродского, где и стала на привал. В сторону станицы Грушевской был выдвинут авангард. Дроздовский приказал капитану Нилову взять приданный бронеавтомобилю №3 легковой автомобиль и вместе с подполковниками Лесли и Абрамовым⁶¹⁷ отправиться в Новочеркасск для установления связи с казаками.

Отправились незамедлительно. Проехав Грушевскую, автомобиль добрался до города. Нилов отмечал, что и станица, и сам Новочеркасск будто вымерли. Жители попрятались по домам в ожидании большого боя и нового прихода большевиков. Попадались лишь одиночные вооружённые казаки с белыми по-

⁶¹⁷ Интендант отряда.

вязками на рукавах, но их было немного. Ничто не напоминало о том, что наступает третий день Пасхи.

Стёкла Атаманского дворца были в большинстве выбиты. Приёмная и зал также пустовали. В одной из комнат посланные обнаружили сидящего за столом на единственном стуле человека в штатском пальто. Это был Походный атаман войска Донского генерал П.Х. Попов, который немало удивился, увидев перед собой офицеров в форме. Лесли доложил, кто они и зачем приехали.

Попов был искренне рад неожиданному появлению «дроздовцев». Он просил как можно быстрее передать Дроздовскому следующее⁶¹⁸: положение казаков в Новочеркасске весьма непрочное; наиболее устойчивый и крепко сколоченный Новочеркасский полк разошёлся по домам навестить близких и родных; «кривяницы» очищают привокзальную площадь; два полка пришлось выдвинуть к югу, прикрыв направление возможного наступления красногвардейцев от Ростова; под рукой остался лишь Богаевский полк, который должен был прикрыть наиболее опасное Александровско-Грушевское направление, но при первом же нажиме большевиков откатился и оголил подступы к Новочеркаску с севера; наскоро собранные три сотни из казачьей молодёжи заняли Хотунок и уже ведут перестрелку с разъездами противника⁶¹⁹.

Была глубокая ночь. Для «дроздовцев» отвели номера в Центральной гостинице. В кафе посетители задавали тот же вопрос: «Кто вы? «Корниловцы?» Получив ответ, удивлённо покачивали головами. Словно бы и не верили. С рассветом 25 апреля (8 мая) Нилов с Лесли выехали в расположение Бригады. Абрамов остался при генерале Попове для связи. Вскоре советские отряды стали подступать от Персиановки к Хотунку⁶²⁰.

⁶¹⁸ Всё это нам известно со слов В. Кравченко.

⁶¹⁹ «Вообще же все полки, – говорил Попов, – сами по себе не что иное, как просто ополчения отдельных станиц».

⁶²⁰ Это были перемешавшиеся части 3-й и Донецкой армий и примкнувшие отдельные группы и эшелоны, командиры которых решили повторить удавшуюся попытку 1-й армии прорваться через Дон в районе Ростова. Задача оставалась, в сущности, та же, отгеснить противника и расчистить себе дорогу на юг. Знало ли командование, что Ростов всё ещё удерживается, не

Дроздовский, получив донесение от прибывшего Лесли, приказал выступать. Основные силы в колонне начали движение в 8 часов. Вперёд к Новочеркасску была направлена передовая группа в составе 2-го эскадрона ротмистра Двойченко и приданной ему конно-горной батареи капитана Колзакова. Они должны были пройти вверх по долине реки Грушевки и действовать во фланг большевикам. Капитану Нилову было приказано прибыть с броневиком в Новочеркасск и поддержать казаков с фронта.

Когда броневик №3 прибыл к Атаманскому дворцу, там уже собралась толпа растерянных людей. В большинстве это были женщины, ожидающие известий о ходе разворачивающегося боя. На вопрос Нилова, какие будут распоряжения, Попов ответил:

– Поезжайте к Троицкой церкви, там вам укажут. И только поскорей.

Нилов не знал об этом, но в это же приблизительно время конно-горная батарея «дроздовцев» стала на позиции у Скакового круга и открыла огонь. Эскадрон Двойченко располагался рядом, прикрывая артиллеристов.

Броневик прогрохотал по улицам затаившегося города. К тому моменту, когда он выехал на площадь, три сотни молодых казаков уже были выбиты большевиками из Хотунка. Они рассыпались редкой цепью на окраине. У церкви стояла казачья батарея и била прямой наводкой по предместью. И видно было,

---

играло никакой роли. Пока Новочеркасск не был занят, пусть даже на короткое время, говорить о Ростове не приходилось.

Борисенко утверждает, что ведущую роль в попытке отбить Новочеркасск играла Красная гвардия Александровска-Грушевского. Не исключено, какая-то часть их и приняла участие в скоротечном наступлении. Но очевидно, без советских отрядов, отходивших с Украины, справиться с такой задачей шахтёры не могли. Уже хотя бы в силу относительной малочисленности их отрядов.

К тому же, трудно вообразить побудительные мотивы, которые могли бы заставить рудничных красногвардейцев оставить свои позиции. Если они собирались прорываться в глубь России, то могли и должны были беспрепятственно уйти несколькими днями раньше. Если же не собирались уходить, занятие Новочеркаска, не давая никаких преимуществ, лишь распыляло их силы.

как северо-западнее Хотунка разрываются одна за другой гранаты вступившей в дело «дроздовской» батарее.

Едва капитан Нилов вылез из броневика, к нему подошёл человек в чёрном пальто с белой повязкой на рукаве.

– Начальник Южной группы полковник Денисов, – представился он. И, указывая на загоревшийся от прямых попаданий Хотунок, пояснил обстановку. – Большевики во что бы то ни стало стараются пробиться через Новочеркасск на юг, к Ростову, так как на севере станица Каменская уже занята немцами, а справа из станицы Раздорской должна подойти конница Семилетова. Нужен толчок, чтобы поднять дух казаков, и большевики тогда побегут!

– Прикажете атаковать? – спросил Нилов.

– С Богом! Пройдя Хотунок, берите правее церкви.

Броневик, идя резко под гору и набирая ход, спустился по Петербургскому проспекту, проскочил по мосту через реку Тузлов, пересёк железнодорожное полотно и с разгона влетел в Хотунок. Затормозить и остановить набравшую скорость боевую машину удалось лишь в самом центре предместья уже за первой линией красногвардейцев.

Поперёк улицы и у барачных корпусов накапливались для новой атаки их резервы. По броневикам никто не успел даже выстрелить. Зато все его четыре пулемёта открыли огонь практически в упор. Укрыться большевикам было некуда, так как Хотунок продолжали обстреливать казачья и «добровольческая» батареи. Разрывы накрывали улицы, дома, отходящие цепи. И броневик №3, медленно продвигавшийся к северу, продолжал расстреливать смешавшиеся солдатские толпы.

От Новочеркасска шли уже вперёд казаки. Далеко вправо продвигался и Кривянский полк. Красногвардейцев охватила паника. Неорганизованными группами и в одиночку устремились они от предместья к железнодорожному полотну. Броневик вышел к церкви. Очистив от разбежавшихся красногвардейцев кладбище, взял вправо. Выехал из Хотунка и в километре к северу натолкнулся на ложину, в которой укрылось от огня до 200 солдат. После нескольких пулемётных очередей все они сдались подходившим казакам.

Всё поле до Персиановки было заполнено отступающей советской пехотой. Конница Семилетова подошла, наконец, к месту боя. Одиночные всадники с шашками наголо скакали вслед бегущим красногвардейцам. За ними разворачивалась для рубки лава. От артиллерийских позиций навстречу намётом шёл в атаку эскадрон «дроздовцев».

Если бы Денисов приказал Нилову взять от церкви влево⁶²¹, большая часть пехотинцев была бы отброшена в поле и без сомнения вырублена. Теперь же, уходя от броневика, красногвардейцы поневоле жались к полотну. Ряды их уплотнялись, некоторые залегли за насыпью и пытались отстреливаться.

Бронеавтомобиль №3 свернул круто влево и по меже пошёл к линии железной дороги. Приблизившись, вновь открыл шквальный огонь. Соппротивление прекратилось. Солдаты толпами уходили вдоль полотна на Персиановку. Броневик всё катился за ними по целине, и пулемёты его всё стреляли. Нилов повернул к городу лишь у участка Земледельческого училища, когда 4-х орудийная советская батарея, ставшая на открытой позиции у станции, открыла по нему огонь⁶²². На север один за другим в спешке уходили большевистские эшелоны.

Бой закончился. Разгром советских войск был полным. О том, чтобы вновь повторить попытку прорыва через Новочеркасск, нечего теперь было и думать.

А в город уже входила пехотная колонна «дроздовцев». Население в подавляющем большинстве встречало их восторженно. В 17 часов у Краснокутской рощи выстроился войсковой оркестр и играл встречу. По просьбе Донского правительства 2-я стрелковая рота маршировала по городским кварталам, своим

⁶²¹ Денисов ожидал подход «семилетовцев» только к вечеру. Поэтому он стремился, прежде всего, создать угрозу открытому левому флангу большевиков, что делало невозможным дальнейшее их продвижение от Хотунка к Новочеркаску.

⁶²² После Новочеркасска бронеавтомобиль №3 получил гордое имя «Верный». Более заслуженного и точного наименования подобрать было трудно. За время похода броневик неоднократно застревал в грязи, становился после поломок на серьёзный ремонт, обеспечивал фланги и ходил в одиночку в лихие атаки. Принимал на себя, прикрывая людей, винтовочные выстрелы в упор и разрывы гранат и шрапнели. Будто живое существо, он никак не хотел отставать от Бригады, упрямо шёл за колонной несмотря ни на что. И дошёл...

присутствием доказывая обывателям, что город занят прочно.

«Нас было мало, – пишет Туркул, – но мы должны были проходить так, чтобы наше появление в разных местах города могло создать впечатление, будто бы нас много.

Последний двенадцатичасовой переход всех измотал. Серые от пыли, с лицами, залитыми потом, мы медленно, но стройно проходили по улицам. *Светлое неистовство творилось кругом.* Это было истинное опьянение, радость освобождения. Всё это незабвенно. Мы как бы сбросили со всех тёмное удушье, самую смерть. Все снова увидели, что живы, свободны, что светит солнце. Наши ряды не раз расстраивались. Женщины, старики обнимали нас, счастливо рыдали.

Наш капитан с подчёркнутым щёгольством командовал ротой. Сверкали триста двадцать штыков, и, как говорится, дрожала земля от крепкого шага...»

На следующий день после парада⁶²³ Дроздовский отдал следующий приказ:

Приказ

1-й Отдельной Русской Бригаде Добровольцев
26-го апреля 1918 года Город Новочеркасск

25-го апреля⁶²⁴ части вверенного мне отряда вступили в город Новочеркасск, вступили в город, который с первых дней возникновения отряда был нашей заветной целью, целью всех наших надежд и стремлений, – *обетованной землёй*⁶²⁵.

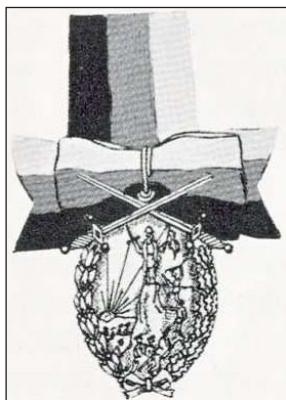
Больше тысячи вёрст пройдено вами походом, доблестные

---

⁶²³ От казаков парад прибывших русских добровольцев принимал будущий Атаман Донского войска П.Н. Краснов.

⁶²⁴ По старому стилю.

⁶²⁵ Как бы сложно потом не складывались отношения между командованием Добровольческой армии и Донскими властями, отношение к «дроздовцам» оставалось неизменно доброжелательным. Жители Новочеркасска считали их своими спасителями. Всё то время, в течение которого части Бригады стояли в городе, им обеспечен был восторженный приём. В этом смысле, после сотен километров похода и нескольких серьёзных боёв, добровольцы действительно достигли Земли обетованной, где им были искренне рады. Это определение, относящееся к Новочеркасску, прижилось в воспоминаниях и мемуарах всех практически участников похода.

Знак отличия участников похода Яссы-Дон

добровольцы; немало лишений и невзгод перенесено, немало опасностей встретили вы лицом к лицу, но верные своему слову и долгу, верные дисциплине безропотно, без празднословия, шли вы упорно вперёд по намеченному пути, и полный успех увенчал ваши труды и вашу волю; и теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить всё, что творилось в Яссах и в Кишинёве, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания и запугивания окружающих нас малодушных.

Пусть же послужит это нам примером, что только смелость и добрая воля творят большие дела, и что только непреклонное решение даёт успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы. Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою кожу.

Ещё много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит нам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела с великой радостью в сердце, приветствую я вас, доблестные добровольцы, с окончанием вашего исторического похода.

Полковник Дроздовский.

В отправленном Деникину донесении Дроздовский сообщал о своём прибытии, приложив сведения о составе и численности Бригады и перечень отрядного имущества. Заканчивалась телеграмма словами: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение... отряд утомлён непрерывным походом, но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний».

ЭПИЛОГ

Всё это было...

Об этом помнят городские площади, помнят фасады старых домов, помнят спрятанные под асфальт брусчатые мостовые...

2-я стрелковая рота, забыв об усталости, вышагивала по ожившим улицам, чеканя шаг. Отливало воронёной сталью на заходящем солнце оружие, сверкали вычищенные до блеска затворы трёхлинеек. И Андреевский флаг развевался впереди.

По обеим сторонам дороги толпился народ. Дети, женщины, старики. Сотни восторженных лиц. И цветы, и радость вокруг. Люди верили и не верили.

От толпы отделилась девушка. Подошла несмело, выбрав почему-то Туркула. Едва слышно спросила:

– Разрешите с вами похристосоваться, капитан?..

Туркул потянулся рукой в карман шинели, скорее стереть платком пыль со лба. Но платка не было. Была лишь промасленная солдатская портянка, которой на походе обматывал он затвор винтовки. Спрятанная с глаз долой и столь не ко времени извлечённая. Машинально проведя ею по лицу, Туркул встал, растерянный и смущённый. А девушка приподнялась и трижды поцеловала его в небритую пыльную щёку...

Светлое неистовство творилось кругом. Люди подходили теперь один за другим. Многие рыдали. Очевидцы утверждают, не могли сдержать слёз и суровые, израненные в боях Великой войны офицеры и солдаты – «дроздовцы». Шеренги ломались по минутно. Рота останавливалась, но тут же, оправившись, восстанавливала строй и всё шагала по улицам освобождённого города...

Многим показалось, что главное сделано. Что страна и люди в большинстве своём – за них. Что *так* будут встречать везде и всегда, и достаточно лишь прийти. Что осталось совсем немного и всё худшее – позади...

Они ошибались.

Всё ещё только начиналось...

Ростов-на-Дону,
2010–2012 гг.

Список карт

- Карта 1. 1-й Кубанский поход Добровольческой армии.
- Карта 2. Бой за Лежанку 21.02.18.
- Карта 3. Бой за Кореновскую 4.03.18. (1-я фаза боя).
- Карта 4. Бой за Кореновскую 4.03.18. (2-я фаза боя).
- Карта 5. Бой за Усть-Лабинскую 6.03.18. (1-я фаза боя).
- Карта 6. Бой за Усть-Лабинскую 6.03.18. (2-я фаза боя).
- Карта 7. Бой у Филипповского 10.03.18. (1-я фаза боя).
- Карта 8. Бой у Филипповского 10.03.18. (2-я фаза боя).
- Карта 9. Бой за Новодмитриевскую 15.03.18.
- Карта 10. Организация переправы через Кубань. Бой у Елизаветинской 27.03.18.
- Карта 11. Бои за Екатеринодар 28.03.18.
- Карта 12. Бои за Екатеринодар 29.03.18.
- Карта 13. Бои за Екатеринодар 30.03.18.
- Карта 14. Отступление Добровольческой армии от Екатеринодара 31.03.18.
- Карта 15. Боевые действия 17 – 28.04.18.
- Карта 16. Поход «дроздовцев».

Список использованной литературы

1. Александров Я. Белые дни. Часть 1-я. – Типография артели «Печатное искусство». Вюндсдорф, 1922.
2. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. т.1. Октябрь в походе. – Высший Военный Революционный совет. М., 1924.
3. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. т.2. – Государственное издательство. Отдел военной литературы. М., 1928.
4. Берз Л.И, Хмелевский К.А. Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону. Исторический очерк. – Ростов /Д, 1964.
5. Богаевский А.П. Ледяной поход. Воспоминания 1918 г. – Нью-Йорк. Союз первопоходников, 1963.
6. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе. Краткая история республик. т.1 – Книгоиздательство «Северный Кавказ», Ростов/Д, 1930.
7. Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. – Издательство Ростовского университета. Ростов/Д, 1991.
8. Валь Э.Г. К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачёва. – Таллинн, 1935.
9. Виноградов В.Н. Румыния в годы Первой мировой войны. – М: Наука, 1969.
10. Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым). – Издательство С. Ефрон. Берлин, 1921.
11. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. т.2. Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. – апрель 1918 г.). – Париж, 1922.
12. Денисов. Гражданская война на юге России 1918 – 1920 гг. кн.1 – Константинополь, 1921.
13. Добрынин. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. – Прага, 1921.
14. Дроздовский М.Г. Дневник. – Книгоиздательство Отто Кирхнер и Ко. Берлин, 1923.
15. Елисеев. История Войскового гимна Кубанского казачьего войска. – Париж, 1930.

16. Зинкевич М.М. Основание и путь Добровольческой армии (1917 – 1930). – София, 1930.
17. Иванис В. Боротьба Кубані за незалежність. – Мюнхен, 1968.
18. Какурин И. Первый Кубанский генерала Корнилова поход. – Париж, 1968.
19. Кирилин Ф. Генерал М.В. Алексеев. – Ростов, 1919.
20. Ковтюх Е. «Железный поток» в военном изложении. – М.: Государственное военное издательство, 1935.
21. Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Сборник. т.1. – Мюнхен, 1973.
22. Критский А.М. Корниловский ударный полк. – Париж, 1936.
23. Левитов М.Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. – Париж, 1974.
24. Ледяной поход (сборник). – Издание отдела печати Российского Общенационального Народно-Державного Движения, 1949.
25. Лукомский А.С. Воспоминания. т.2. – Берлин, 1922.
26. Львов Н.Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. – Сидней, 1972.
27. Мартыненко Г.А. Комкор Дмитрий Жлоба. Документально биографическая повесть. – М.: Военное издательство, 1985.
28. Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917 – 1920 годов. Кн.1. 1917 – 1918 г.г. Зарождение Добровольческой армии. 1-й и 2-й Кубанские походы. – Париж, 1962.
29. Перепеловский П. Киевское Великого Князя Константина Константиновича Военное училище. – Париж, 1965.
30. Половцов Л.В. Рыцари Тернового Венца. – Прага: Типография Грюнхут и Ко, 1935.
31. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917 – 1918): Из истории становления советской государственности. – Краснодар: Кн. изд-во, 1984.
32. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. кн.1. – Париж, 1962.
33. Суворин Б. За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии 1917 – 1918 г.г. Впечатления журналиста. – Париж, 1922.
34. Сулятицький П. Нариси з історії революції на Кубані (III-1917 – VI-1918). т.1 – Прага, 1925.

35. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины гражданской войны в 1918 – 1920 г.г. в литературной обработке Ивана Лукаша. 2-е издание. – Мюнхен: Издательство «Явь и Быль», 1948.
36. Раенко Я. Н. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье с 1 (14) марта 1917 г. по 1 (14) марта 1918 г., вып.1. – Истпарт Ростовского обкома ВКП(б), Ростиздат, Р. н-Д., 1939.
37. Хижняк И.Л. Годы боевые. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1957.
38. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. т.1, 2. – Ростов н-Д: Севкавказ, 1927.
39. Белая Россия. Альбом №1. – Издание Главного правления зарубежного Союза русских военных инвалидов. Нью-Йорк, 1937.
40. В память 1-го Кубанского похода. Сборник. – Белград, 1926.
41. Генерал Кутепов. Сборник статей. – Париж, 1934.
42. Гражданская война и военная интервенция в СССР. – Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1987.
43. Документы героических лет. 1917 – 1920. – Ростов н/Д, 1987.
44. Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918–1920 гг.). Сборник воспоминаний участников гражданской войны. – Кишинёв: «Карта Молдовеняскэ», 1964.
45. История гражданской войны в СССР. Том 3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной интервенции и гражданской войны (Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). – М.: Госполитиздат, 1957.
46. Корниловцы. Юбилейная памятка (1917 – 1967). – Издание объединения чинов Корниловского ударного полка. Париж, 1967.
47. Краснознамённый Северо-Кавказский. Очерк истории Северо-Кавказского военного округа. – Ростов/Д: Ростовское книжное издательство, 1971.
48. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. – Ростов/Д: Ростовское книжное издательство, 1977.
49. 50 лет верности России. 1917 – 1967. – Париж: Издательство марковцев-артиллеристов, 1967.

А. Бугаев
Очерки истории
гражданской войны на Дону

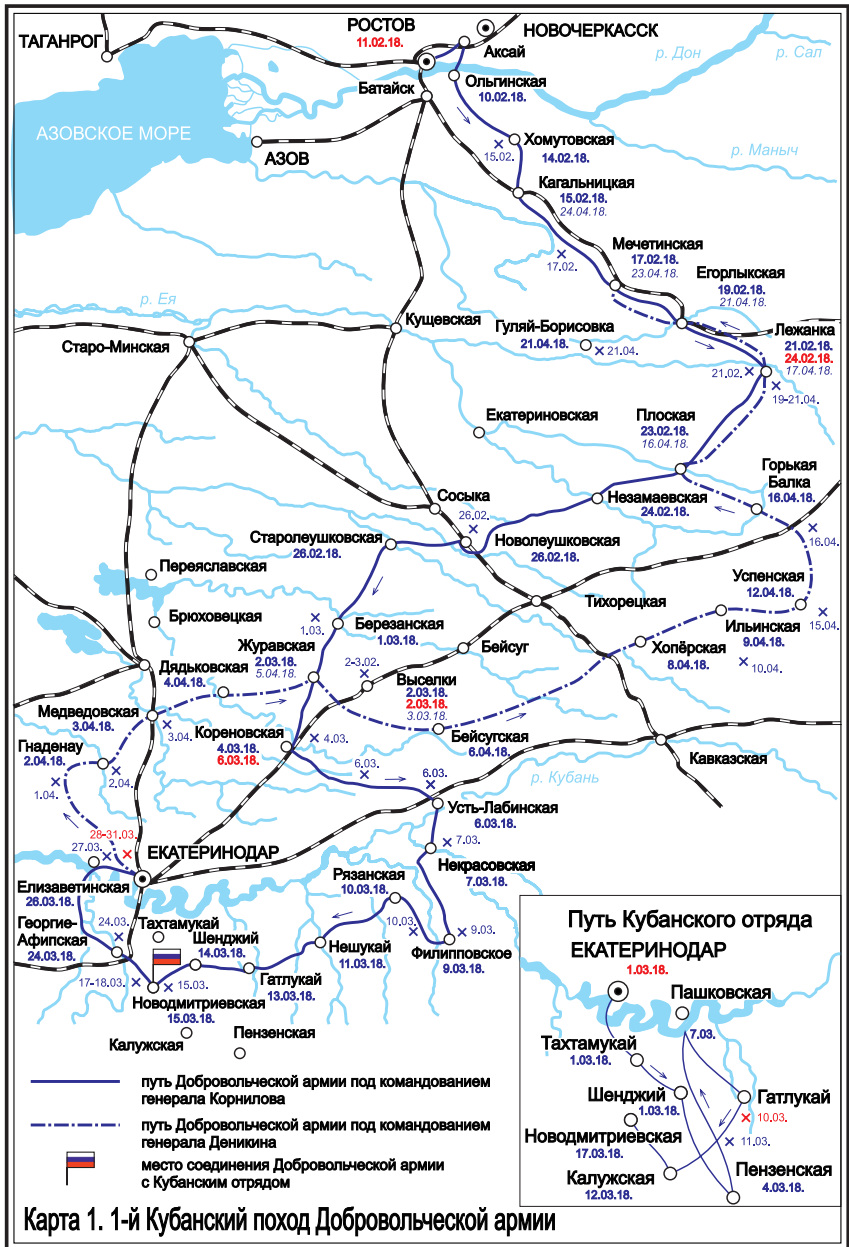
(февраль – апрель 1918 г.)

Издаётся в авторской редакции

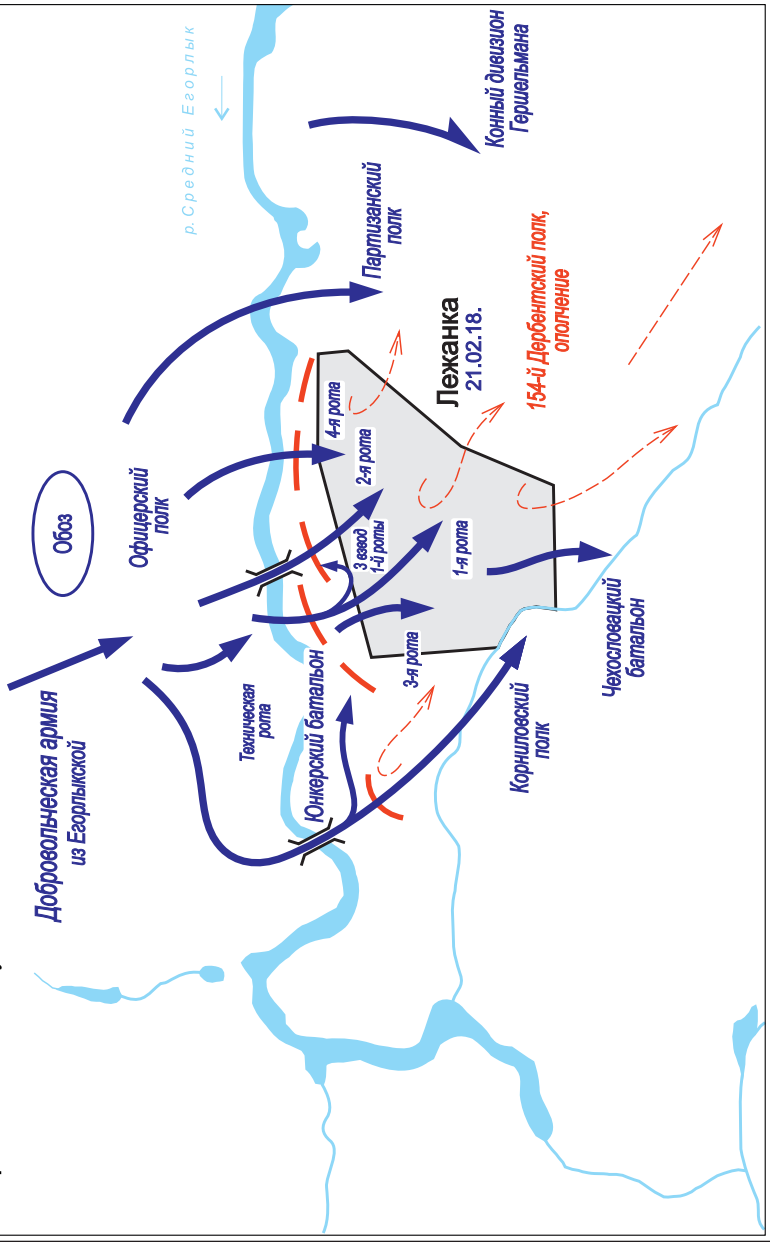
Компьютерная верстка *Погодиной А.Г.*

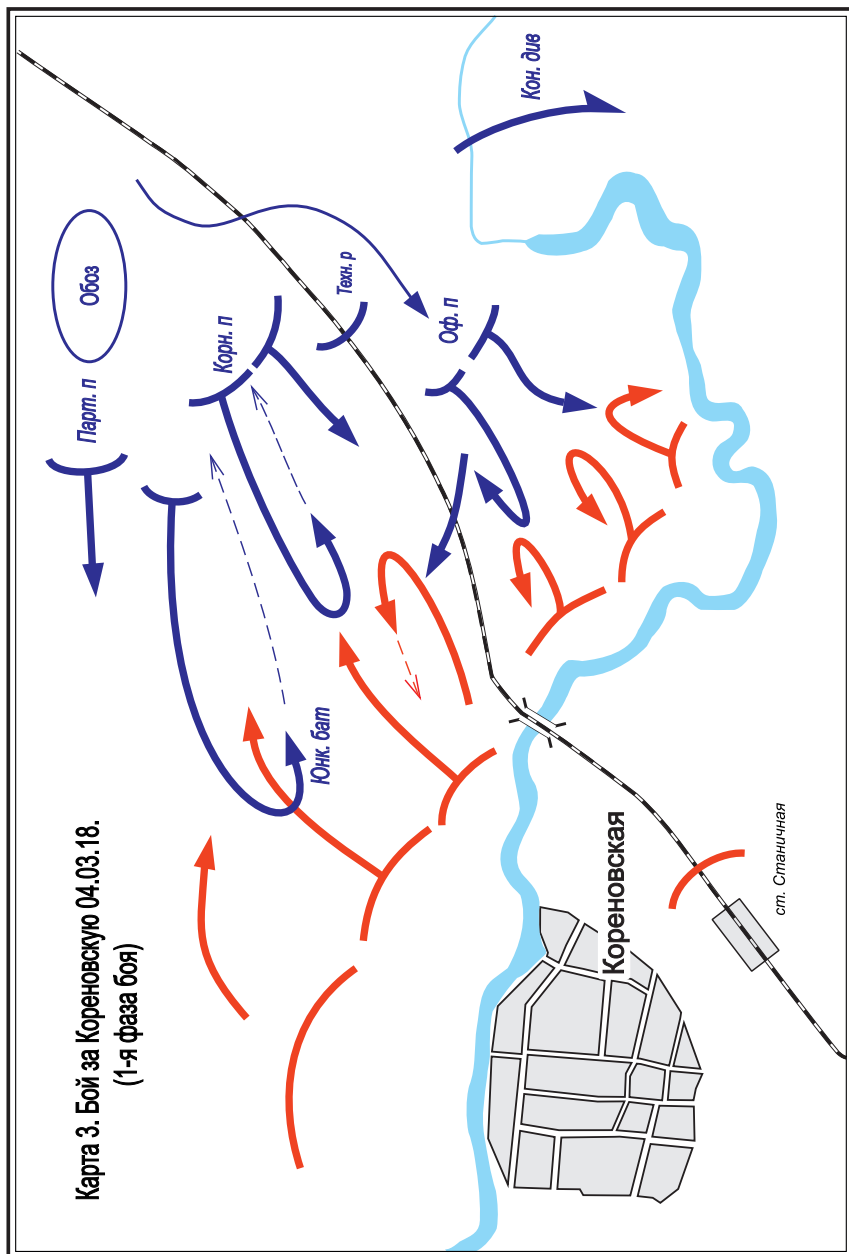
Подписано в печать 09.02.2012 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 23,25.
Тираж 300 экз. Заказ № 03.

Отпечатано в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57

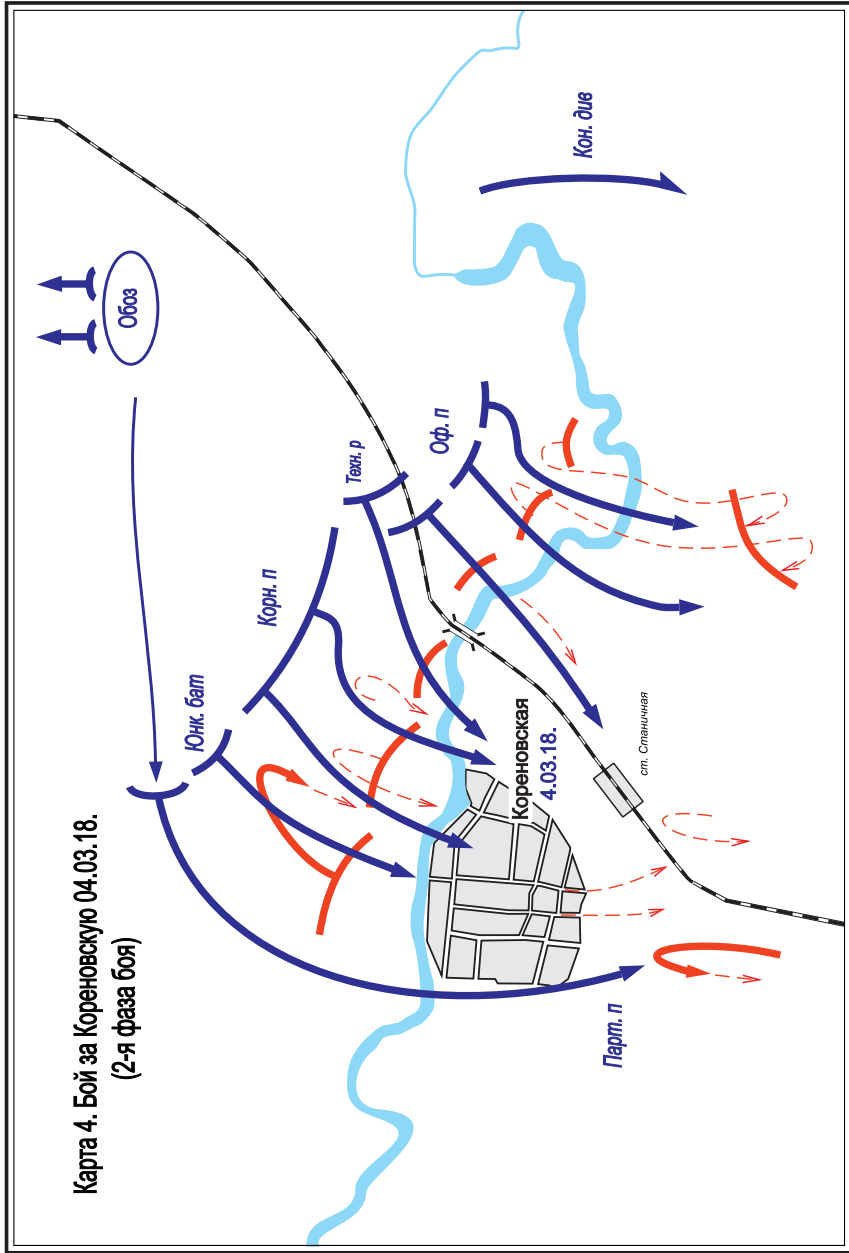

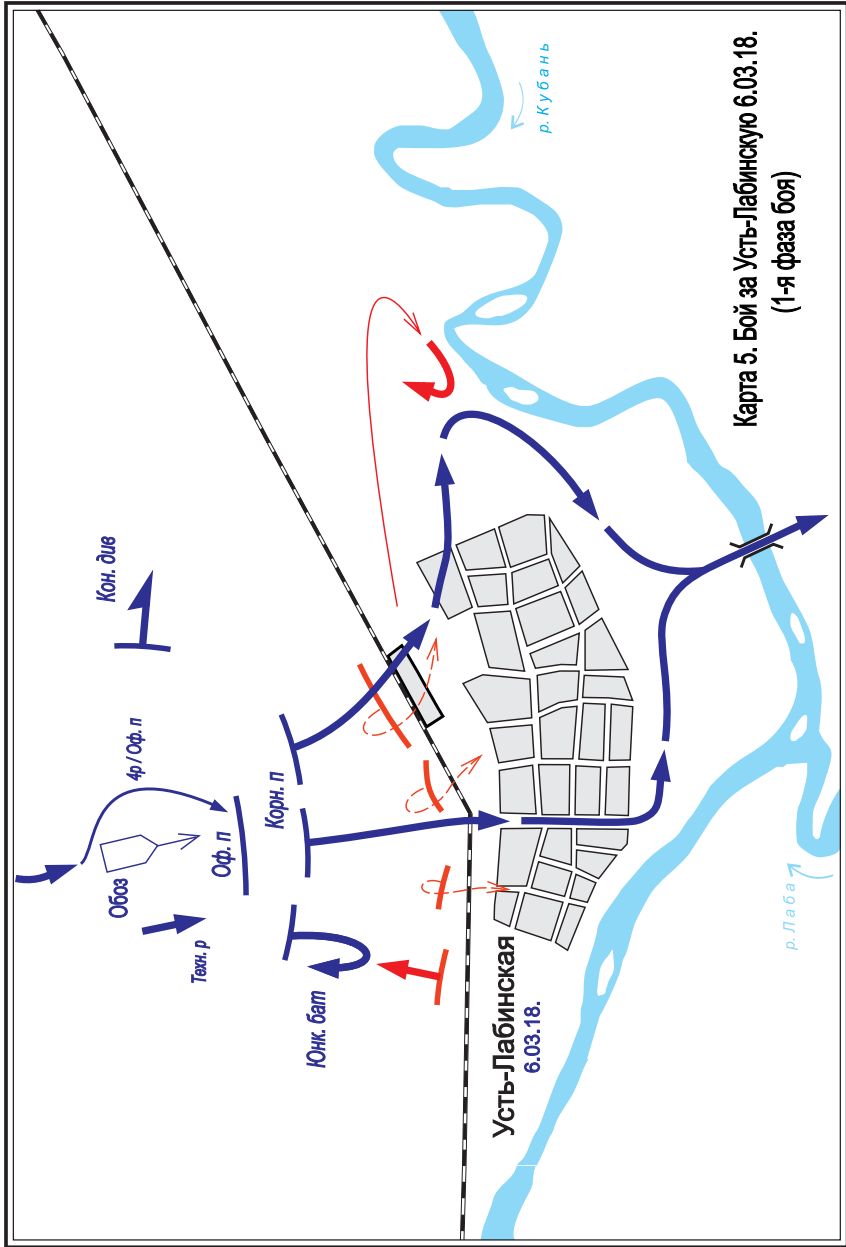
Карта 2. Бой за Лежанку 21.02.18.

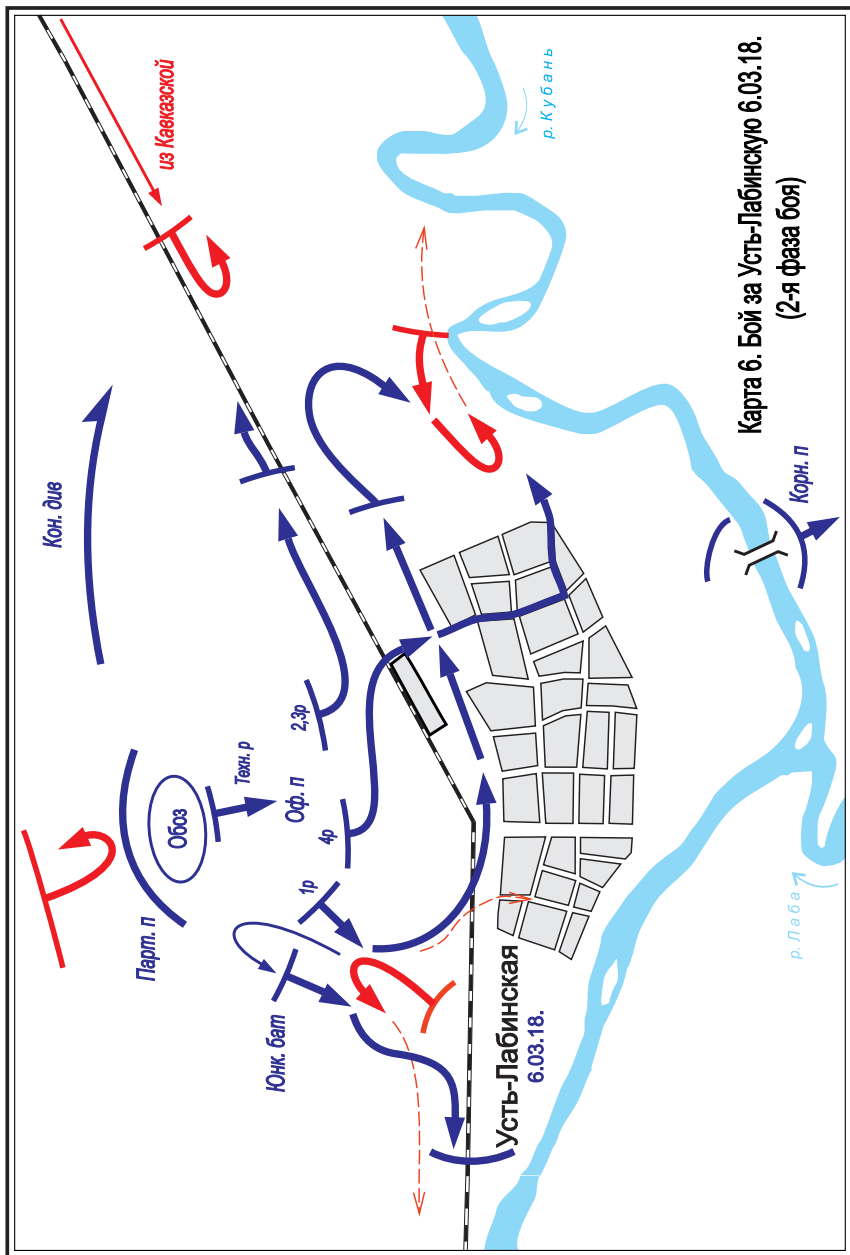

Карта 4. Бой за Кореновскую 04.03.18.
(2-я фаза боя)

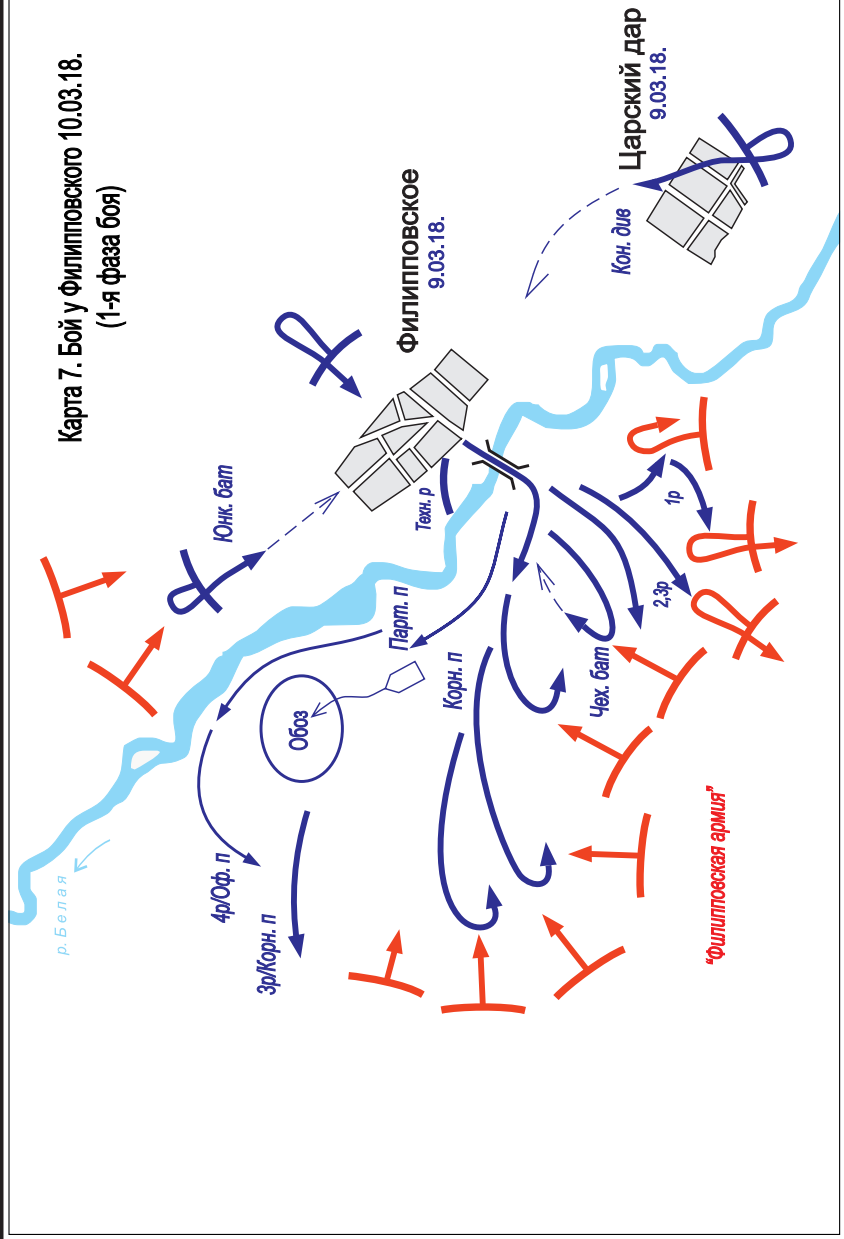

Карта 5. Бой за Усть-Лабинскую 6.03.18.
(1-я фаза боя)

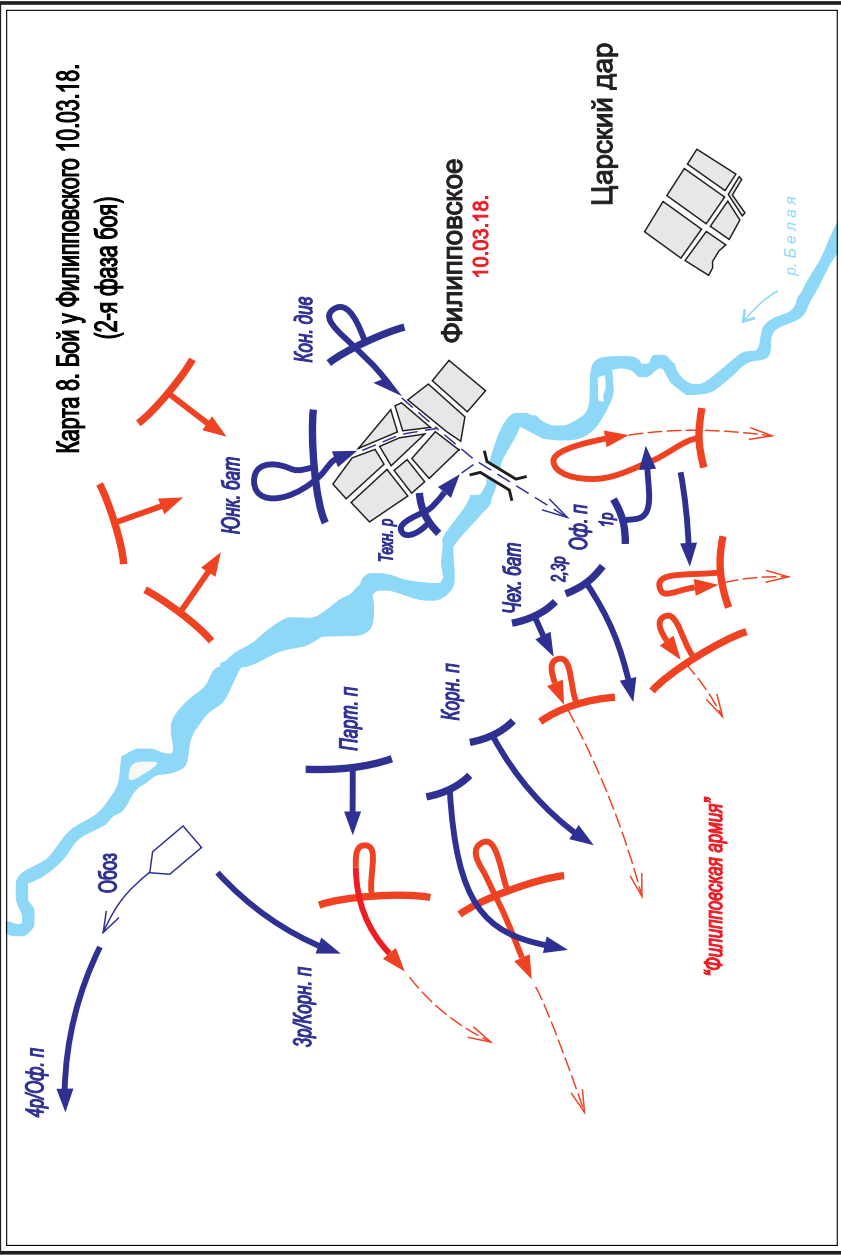
Карта 6. Бой за Усть-Лабинскую 6.03.18.
(2-я фаза боя)

Карта 7. Бой у Филипповского 10.03.18.
(1-я фаза боя)

Карта 8. Бой у Филипповского 10.03.18.
(2-я фаза боя)

Филипповское
10.03.18.

Царский дар

р. Белая

"Филипповская армия"

4р/Оф. п

Обоз

Юнк. бат

Зр/Корн. п

Парт. п

Корн. п

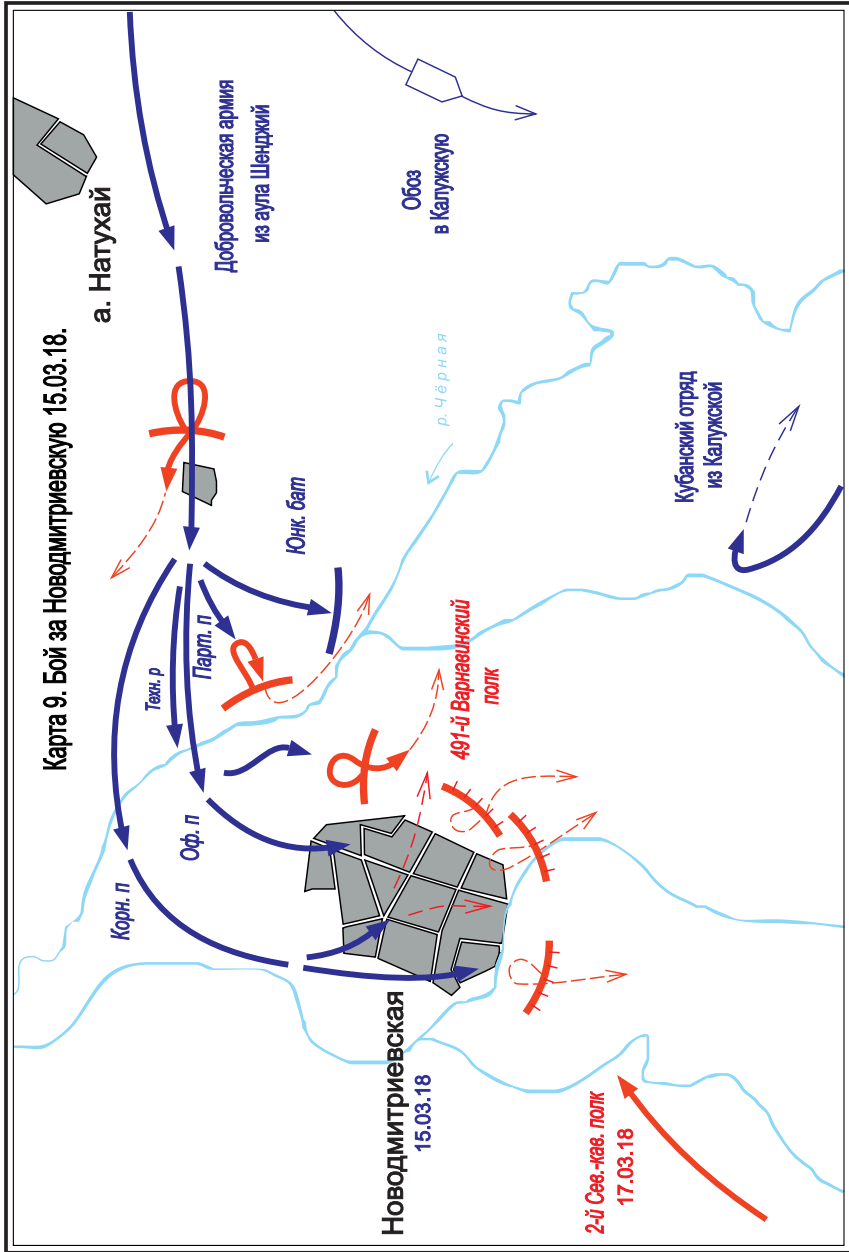
Чех. бат

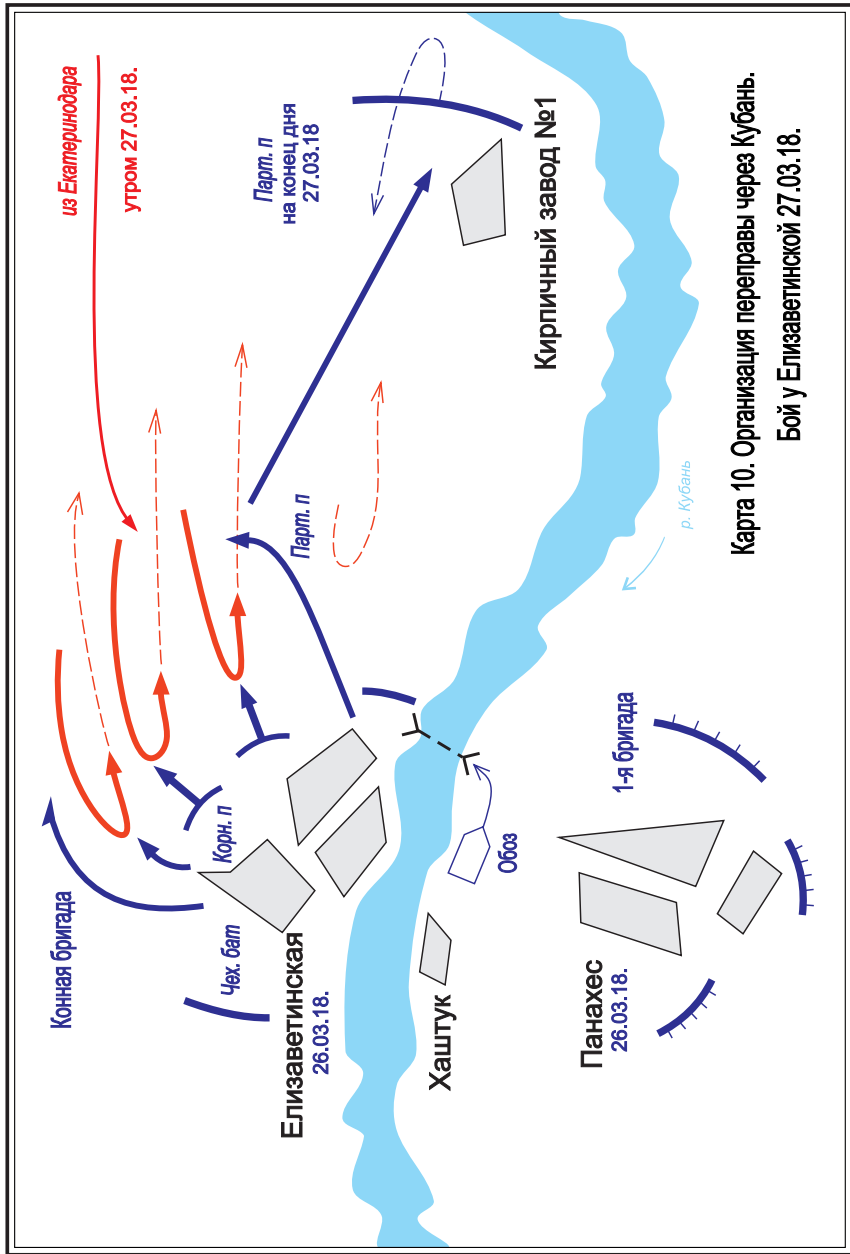
Оф. п

2-зр

Кон. див

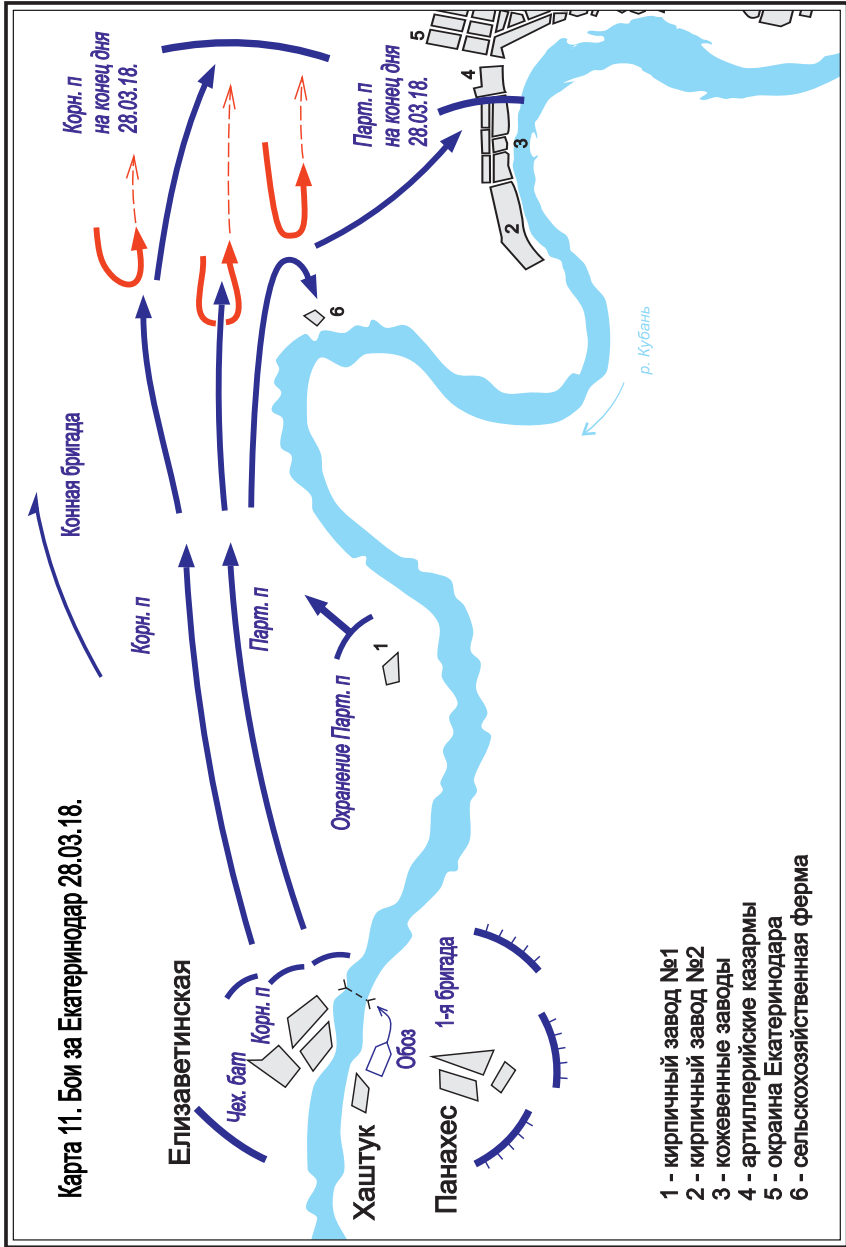
Тех. р

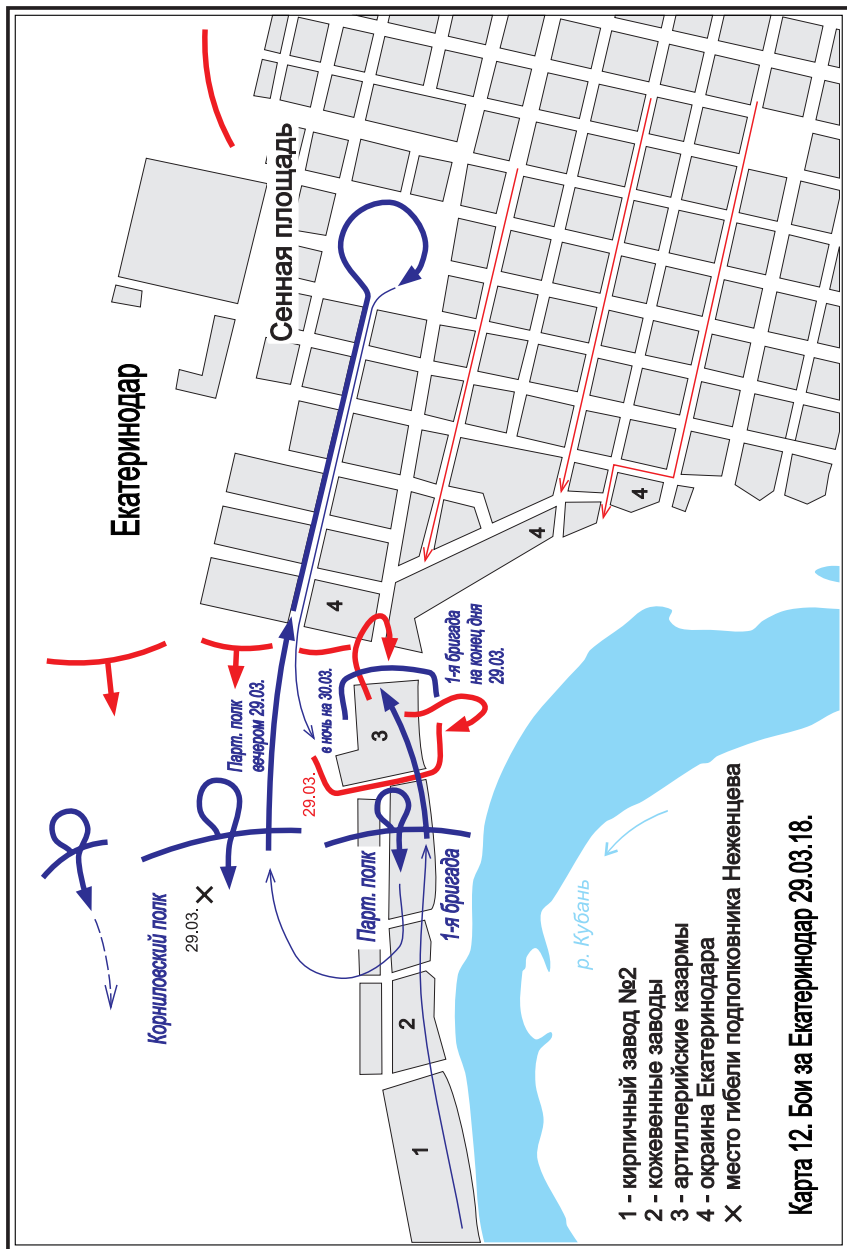

Карта 10. Организация переправы через Кубань.
 Бой у Елизаветинской 27.03.18.

Карта 11. Бои за Екатеринодар 28.03.18.

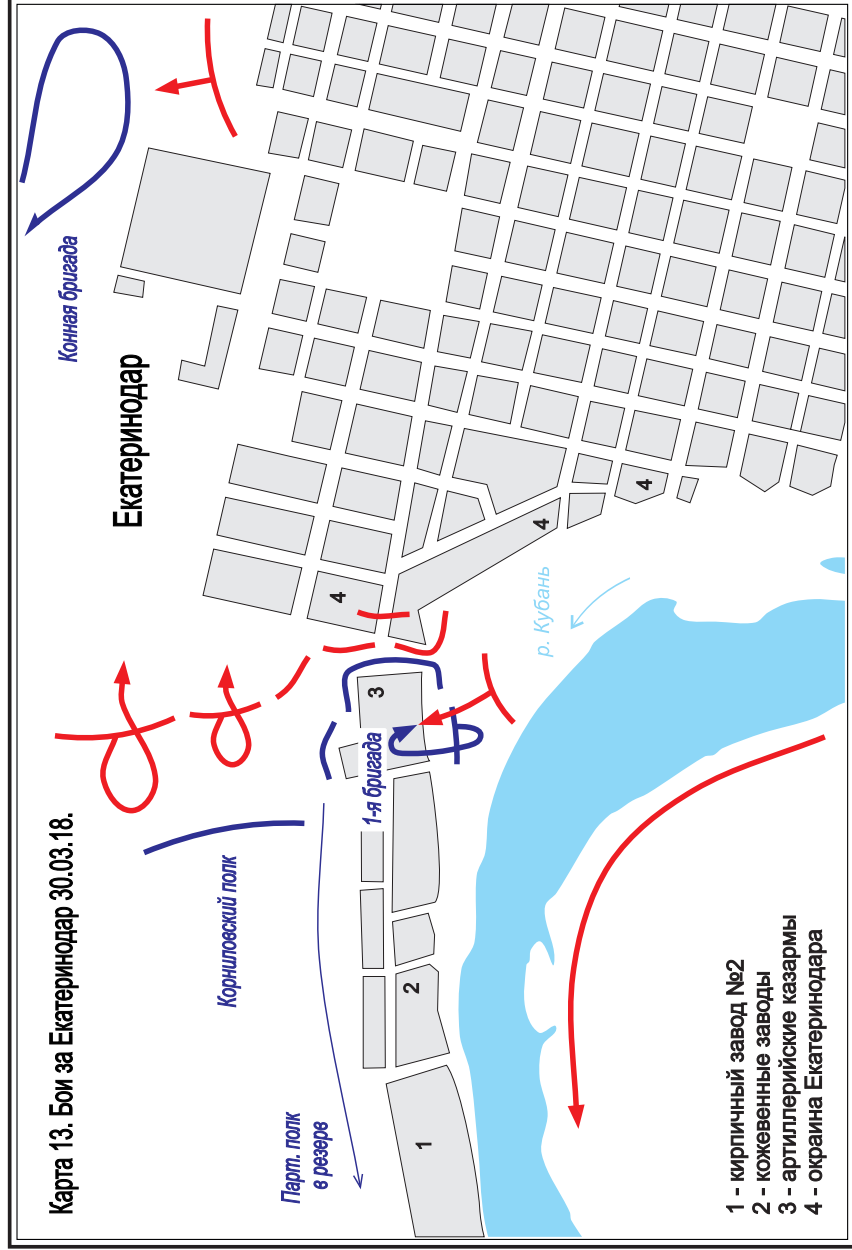

- 1 - кирпичный завод №1
- 2 - кирпичный завод №2
- 3 - кожевенные заводы
- 4 - артиллерийские казармы
- 5 - окраина Екатеринодара
- 6 - сельскохозяйственная ферма

Карта 12. Бои за Екатеринодар 29.03.18.

Карта 13. Бой за Екатеринодар 30.03.18.

Конная бригада

Екатеринодар

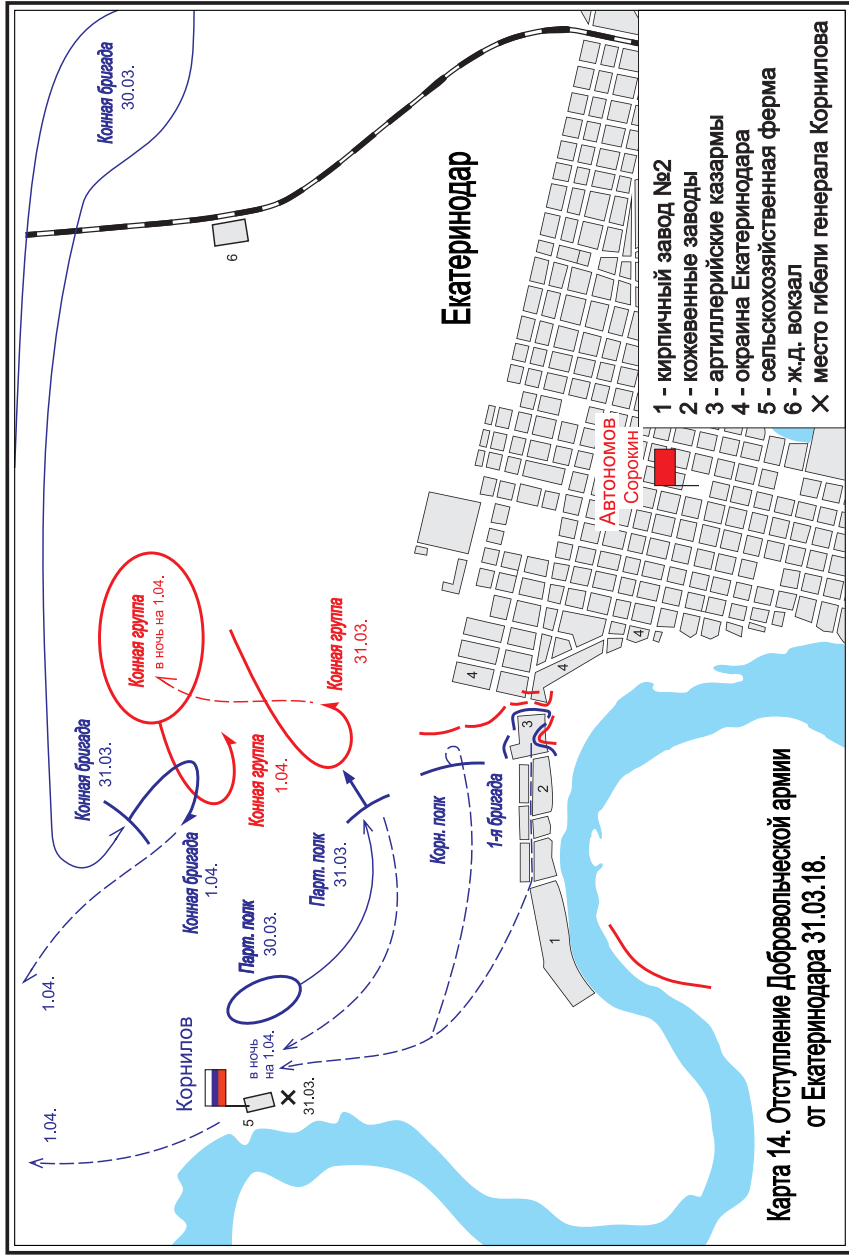
Корниловский полк

Парп. полк
в резерве

1-я бригада

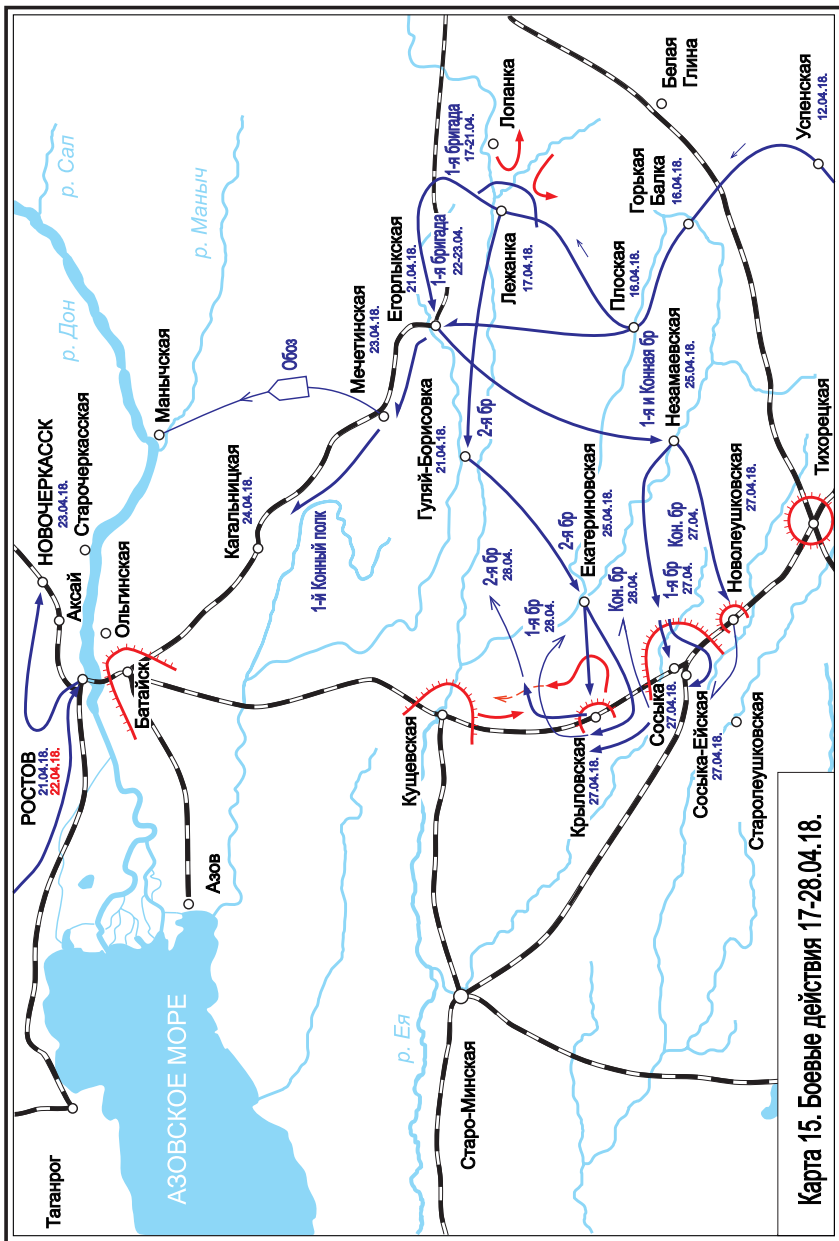
р. Кубань

- 1 - кирпичный завод №2
- 2 - кожевенные заводы
- 3 - артиллерийские казармы
- 4 - окраина Екатеринодара

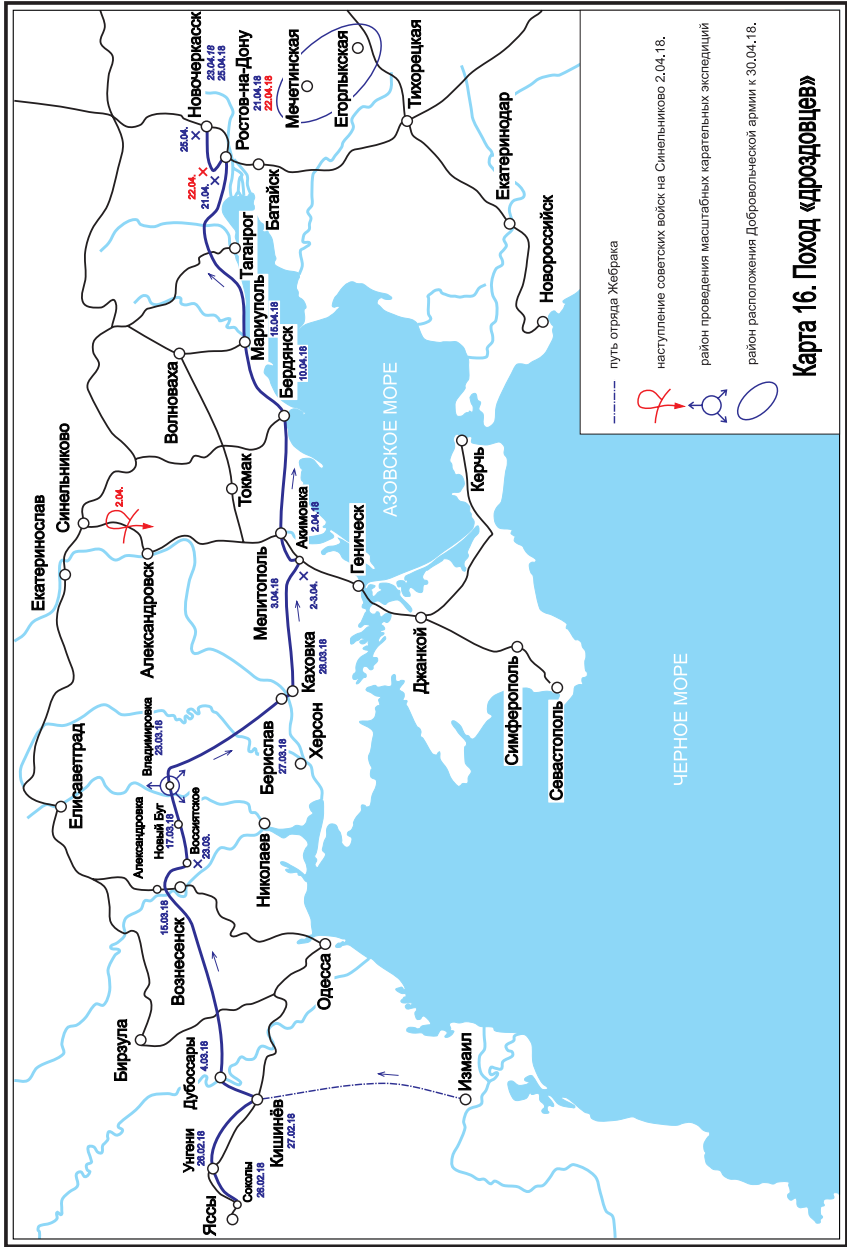
Карта 14. Отступление Добровольческой армии от Екатеринодара 31.03.18.

- 1 - кирпичный завод №2
- 2 - кожаные заводы
- 3 - артиллерийские казармы
- 4 - окраина Екатеринодара
- 5 - сельскохозяйственная ферма
- 6 - ж.д. вокзал
- X место гибели генерала Корнилова

Карта 15. Боевые действия 17-28.04.18.

Карта 16. Поход «дроздовцев»

наступление советских войск на Синальниково 2.04.18.
 район проведения масштабных карательных экспедиций
 район расположения Добровольческой армии к 30.04.18.

Будто видится. В утренней морозной дымке из темнеющей вдали рощицы выходит колонна конницы. Взвод за взводом. Эскадрон за эскадроном. По ухваткам, по обыденной удали заметно, что идёт плотной массой строевая часть. Всадники словно сроднились с сёдлами. Лошади привычны и послушны. Ни одна не споткнётся, не вывалится из строя. Впереди – поседевшие в сабельных стычках, в летах уже, вахмистры. Рубаки из рубак, которым и чёрт не брат, и сама смерть давно уже не страшна.

Ни погон на плечах, ни кокард на папах. Лишь под шинелями у многих – неснятые кресты. Идут уверенно и споро в полной тишине. Лишь всхрипнёт, чуть поводя удила, конь да ошметки талого снега летят из-под копыт. Да воронья разлетается прочь, нехотя уступая дорогу.

А в нескольких переходах движется от станции к станции растянувшаяся колонна добровольцев. В голове и в арьергарде боевые части. Между ними – «главные силы» – обоз. Мерно шагают офицерские роты. Вдохновлённые юностью юнкера не отстают ни на шаг. Помогая усталым коренным, вытягивают из грязи свои орудия артиллеристы.

Только снег. Только промозглое утро да ветер в лицо. Только редкие башлыки среди папах и офицерских фуражек.

И гранёные штыки, мерно покачивающиеся над колонной.

И не знает никто, куда заведут их неприметные степные дороги. И что сулит каждому скорый рассвет. Лишь телеги поскрипывают упрямо: «На Кубань... на Кубань».

На Кубань...